

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 1 (96)
2021

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов, к.ю.н., доц.

**Заместитель главного
редактора:**
С.В. Пахомов, к.ю.н., доц.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданын, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневский, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Рыбалка Е.А.** Уплата и взыскание алиментов:
проблемы правового регулирования 7
- Желонкин С.С.** Отдельные особенности правового
регулирования корпоративного договора
в Российской Федерации 11
- Капанова Ю.В., Фадеев А.В.** О совершенствовании
организации служебных командировок в системе
Министерства внутренних дел Российской Федерации:
аспекты контроля 17
- Коренюгин В.В., Капанов А.В., Куреев В.В.** О профилактике
миграционных правонарушений в деятельности
хозяйствующих субъектов 23
- Гриценко Т.В.** Обеспечение возмещения вреда, причиненного
преступлением: проблемы правового регулирования 31
- Федоров А.В., Кравцов С.С.** Вопросы квалификации
и расследования мошенничества при получении выплат 37
- Михайлов С.В., Шпак А.В.** К вопросу о применении
антидемпинговых мер во внешнеэкономической деятельности 42
- Шахкелдов Ф.Г., Григорова Н.А.** Актуальные вопросы
исполнения конституционных прав граждан на охрану здоровья
и медицинскую помощь в период коронавируса 47

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Безручко Е.В., Осадчая Н.Г.** Проблемы регламентации
ответственности за распространение заведомо ложной
информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных
обстоятельств 51
- Меркурьев В.В., Агапов П.В., Стешич Е.С., Смыслова В.Н.**
Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям
экстремизма в условиях радикализации и роста протестной
активности населения: вопросы теории и практики (часть 1) 57
- Брюхнов А.А., Напханенко И.П., Миллерова Е.А.**
Особенности современных подходов к противодействию
коррупции 63
- Шумаков С.А.** Юридическое значение возмещения
ущерба, причиненного преступлением, при освобождении
от наказания 69
- Кейдунова Е.Р., Витвицкая С.С., Витвицкий А.А.**
Актуальные вопросы формирования курса
уголовно-правовой политики в сфере экономики 73

Выпускающий редактор:
М.А. Харченко

Над выпуском работали:
М.А. Харченко,
Е.Е. Пелехатая,
Н.А. Чуб,
Н.А. Тапашева,
В.С. Степанова,
Е.С. Сачкова

Индекс по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
80032

Подписано в печать
26.03.2021
Выход в свет
30.03.2021

Формат 60х84/8
Объем п. л. 27,5.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 32.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена по подписке по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
540 рублей (2 номера).

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

16+

Илиджев А.А. Актуальные проблемы оценки отражения преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ	79
Саркисян Г.Г. Совершенствование организации оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в сфере лесопромышленного комплекса (часть 1)	86
Кутякин С.А., Теткин Д.В., Тишкин Д.Н. Некоторые аспекты взаимодействия неформальных лидеров тюремной общины и администрации исправительных учреждений (криминологический анализ)	92
Пирожников С.А., Приходько Н.Ю. Охрана водных биологических ресурсов как объект уголовной политики	98
Вакуленко Н.А. Типичные криминологические характеристики преступника, ранее совершавшего преступление, и меры индивидуальной профилактики в отношении рецидивистов	104

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Диденко Н.С., Лапатников М.В. Проблемные вопросы правового регулирования явки с повинной как института доказательственного права	110
Сопнева Е.В., Аношко О.А. Предприниматели и уголовный процесс: обзор проблем и решений	115
Малина М.А. Уголовные дела о превышении пределов необходимой обороны должны быть подсудны суду с участием присяжных заседателей	121
Балалаева М.В., Шарая Я.А. Частный детектив в уголовном процессе: миф или реальность?	126
Фисаков М.Ю. Очная ставка: проблемы правового регулирования	131
Коцюмбас С.М., Моргун И.А. Одорологическая экспертиза как доказательство в уголовном процессе	135
Михайлова Т.Н., Грибунов О.П. Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего лица	141

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Иванов П.И. О частной криминалистической методике расследования преступлений	147
Колбасина Е.Е., Мельникова А.С., Кокорева Л.В. Негласные следственные действия в УПК Республики Казахстан: элемент уголовного судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности?	154
Плясов К.А. Назначение и производство экспертиз при раскрытии, расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности	159
Попов В.В. К вопросу о проведении идентификации по голосу посредством гауссовой модели смеси	164
Барсуков С.С. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке и сетчатке глаза: современные возможности и проблемы применения	170

Фойгель Е.И. Криминалистическое изучение личности в этноориентированном дискурсе	176
Анохин Ю.В., Мунгалов Е.А. Судебная ботаническая экспертиза: исследуемые объекты растительного происхождения и решаемые задачи	184

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пестов Р.А., Копыл Д.В., Новичкова Е.Е. Совершенствование правового обеспечения деятельности участковых уполномоченных полиции по противодействию незаконным рубкам лесных насаждений	192
--	-----

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осяк А.Н., Сычев Е.А. Информационно-аналитическое обеспечение руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне	197
--	-----

Трибуна молодого ученого

Абдуллин Р.Р. О некоторых проблемах информационного, материально-технического обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений	202
Соколов А.А. Сравнительно-правовой анализ некоторых правовых последствий возникновения чрезвычайных ситуаций в странах содружества независимых государств	207
Красилова Е.В. К вопросу о системе принципов правозащитной функции государства	212
Такмакова Ю.В. К вопросу о содержании административной ответственности в сфере организации дорожного движения	217
Рябченко П.С. Генезис права на национально-культурное развитие	221

CONTENTS

ISSUES OF IMPROVING INDUSTRY LEGISLATION

Rybalka E.A. Payment and recovery of aliments: problems of legal regulation	7
Zhelonkin S.S. Specific features of legal regulation of corporate agreements in the Russian Federation	11
Kapranova Yu.V., Fadeev A.V. On improving the organization of official business trips in the system of the ministry of internal affairs of the Russian Federation: aspects of control	17
Korenyugin V.V., Kapranov A.V., Kureev V.V. On prevention of migration offenses in the activities of economic entities	23
Gritsenko T.V. Provision of compensation for harm caused by a crime: regulatory issues	31
Fedorov A.V., Kravtsov S.S. Questions of qualification and investigation of fraud in receiving payments	37
Mikhailov S.V., Shpak A.V. On the issue of the application of anti-dumping measures in foreign economic activity	42
Shakhkeldov F.G., Grigorova N.A. Topical issues of the implementation of the constitutional rights of citizens to health care and medical care during the period of coronavirus	47

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Bezruchko E.V., Osadchaya N.G. Problems of regulating responsibility for the dissemination of knowingly false information in the conditions of the epidemic and other extraordinary circumstances	51
Merkuriev V.V., Agapov P.V., Steshich E.S., Smyslova V.N. Prosecutorial supervision in the sphere of counteraction to extremism in the context of radicalization and the growth of protest activity of the population: theory and practice (part 1)	57
Bryukhnov A.A., Napkhanenko I.P., Millerova E.A. Features of modern approaches of combating corruption	63
Shumakov S.A. Legal significance of the compensation for damage caused by the crime when released from punishment	69
Keidunova E.R., Vitvitskaya S.S., Vitvitsky A.A. Current issues of formation of the course of criminal law policy in the field of economics	73
Ilidzhev A.A. Actual problems of assessing the reflection of crimes of other accomplices in the special part of the criminal code of the Russian Federation	79
Sarkisyan G.G. Improving of the organization of operational-search activities of economic security and anti-corruption divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the timber industry (part 1)	86
Kutyakin S.A., Tetkin D.V., Tishkin D.N. Some aspects of informal leaders' interaction in the prison community and the administration of correctional institutions (criminological analysis)	92
Pirozhenkov S.A., Prikhodko N.Yu. Protection of aquatic biological resources as an object of criminal policy	98
Vakulenko N.A. Typical criminological characteristics of the offender who previously committed the crime and individual prevention measures against repeat offenders	104

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINAL PROCESS

Didenko N.S., Lapatnikov M.V. Legal problematic regulatory issues of voluntary surrender as an institution of the law evidence	110
Sopneva E.V., Anopko O.A. Enterprisers and criminal procedure: review of problems and decisions	115
Malina M.A. Criminal cases on exceeding the limits of necessary defense must be tried by a jury trial	121
Balalaeva M.V., Sharaeva Ya.A. Private detective in criminal proceedings: myth or reality?	126
Fisakov M.Yu. Confrontation: problems of legal regulation	131

Kotsyumbas S.M., Morgun I.A. Forensic scent evidence analysis as evidence in criminal procedure	135
Mikhailova T.N., Gribunov O.P. Criminal procedural features of detention of a young person	141

CRIMINALISTICS AND OPERATIVE-SEARCH ACTIVITY; FORENSIC SCIENCE

Ivanov P.I. About private forensic technique of crime investigations	147
Kolbasina E.E., Melnikova A.S., Kokoreva L.V. Covert investigative activities in the criminal procedure code of the Kazakhstan republic: an element of criminal proceedings or operational investigative activities?	154
Plyasov K.A. Assignment and performance of expert examinations in the detection and investigation of crimes in the field of international economic activity	159
Popov V.V. On the issue of voice identification using the Gaussian mixture model	164
Barsukov S.S. Forensic identification by the iris and retina of the eye: current opportunities and problems of application	170
Foigel E.I. Criminalistic study of personality in ethno-oriented discourse	176
Anokhin Yu.V., Mungalov E.A. Forensic botanical expertise: investigated objects of plant origin and problems to be solved	184

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS; ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Pestov R.A., Kopyl D.V., Novichkova E.E. Improving the legal support of the activities of the district police officers to counteract illegal logging of forest plantations	192
---	-----

SCIENTIFIC AND THEORETICAL BASIS OF LEGAL ACTIVITY

Osyak A.N., Sychev E.A. Information and analytical support of the head of the territorial body of Internal Affairs of Russia at the regional level	197
---	-----

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Abdullin R.R. About some problems of information, material and technical support of forensic examination activities outside the state forensic expert institution	202
Sokolov A.A. Rather-legal analysis of some legal consequences of emergency situations in the countries of the commonwealth of independent states	207
Krasilova E.V. To the question of the system of principles of the human rights function of the state	212
Takmakova Yu.V. To the question of the content of administrative responsibility in the field of traffic management	217
Ryabchenko P.S. Constitutional foundations for the right to national and cultural development in the Russian Federation	221

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).

9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.

12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 347.627
ББК 67.404.5

© 2021 г. Рыбалка Елена Александровна,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

УПЛАТА И ВЗЫСКАНИЕ АЛИМЕНТОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Автором исследован историко-правовой аспект вопроса уплаты и взыскания алиментов, сформулированы основные этапы развития алиментирования. В статье также рассмотрен ряд практических проблем, связанных с уплатой по соглашению и взысканию в судебном порядке алиментов, указано на необходимость рассмотрения вопроса о внесении соответствующих поправок в нормативно-правовую базу.

Ключевые слова: алиментирование, алиментные обязательства, соглашение, принудительный порядок взыскания алиментов, минимальный размер алиментов.

Rybalka Elena Aleksandrovna – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

PAYMENT AND RECOVERY OF ALIMENTS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The author investigated the historical and legal aspect of the issue of payment and recovery of alimony and formulated the main stages in the development of alimony. The article also is devoted to the discussion of practical problems associated with the payment of alimony by agreement and the recovery of alimony in court, it is necessary to consider the issue of making appropriate amendments to the regulatory framework.

Keywords: alimony, alimony obligations, agreement, compulsory procedure for recovery alimony, the minimum amount of alimony.

Конституционные гарантии, предусмотренные ст. 38 Основного закона государства, нашли свое отражение в нормах Семейного кодекса Российской Федерации, в частности, в разделе V.

Так, законодателем установлены регуляторы алиментных отношений между родителями и детьми, супругами, бывшими супругами и иными членами семьи [1].

Однако современный формат регулирования, прежде чем стать таковым, прошел долгий путь развития, в связи с чем полагаем первостепенным вопрос регулирования алиментных отношений в отечественном праве исследовать в ретроспективе.

Научное сообщество сходится во мнении, что прообразом современного алиментирования явились традиции Древней Руси, предполагавшие помощь нуждающимся со стороны всей общины [2, с. 35–42].

Первые документальные упоминания об институте внутрисемейного содержания можно найти в нормах «Русской Правды», Новгородской и Псковской судных грамот, в которых в отличие от обычаев уже рассматривался

вопрос имущественных отношений между родственниками [3, с. 35].

Период XV–XVIII веков характеризуется двойственностью регулирования брачных отношений: 1) нормами светского права; 2) обычаями церковного права. При этом прекращение брака наступало в трех случаях: в связи со смертью супруга, разводом или уходом в монастырь, что являлось эквивалентом смерти.

Еще одной особенностью той эпохи являлось применение модели «власть подчинение в отношениях: родители и дети», то есть во власти родителей находилась судьба детей, которой они могли самостоятельно без их воли распоряжаться: отправить в монастырь; решить вопрос выбора партнера для будущего брака.

Законодательство XVIII – н. XX веков устанавливает односторонний характер содержания супругов, т. к. в данном вопросе все обязанности возлагались на мужа, право супруги на содержание признавалось неотчуждаемым. Также к началу XX века в отечественном законодательстве было закреплено положение о защите внебрачных детей и

регламентированы алиментные отношения: 1) супругов; 2) родителей; 3) детей.

Обращаясь к истории XX века, необходимо отметить переломный период для нашей страны, 1917 год, после которого начался новый этап и для семейного права.

Так, утвержденный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров РСФСР 19 декабря 1917 г. Декрет о расторжении брака содержал положения (пункты 8 и 9), согласно которым предусматривалась алиментная обязанность родителей по отношению к детям. Объем содержания ребенка мог быть определен как по соглашению сторон, так и в судебном порядке [4].

Спустя год вступил в силу Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве от 22 октября 1918 г. №76-77, основными положениями которого было установлено: 1) добровольный и принудительный характер алиментирования; 2) лица, имевшие право претендовать на получение алиментов: несовершеннолетние, нетрудоспособные и нуждающиеся дети; 3) соотношение материального положения родителя и размера выплачиваемых средств; 4) возможность алиментной обязанности лиц, лишенных родительских прав.

В целом законодательство об алиментировании в СССР развивалось по мере изменений, происходящих в обществе, а также связанных с изданием новых Конституций [5].

Отмечаем, что в Кодексе о браке и семье 1969 г. устанавливался размер алиментов на несовершеннолетних детей: на 1-го ребенка – 1/4, на 2-х детей – 1/3, на 3-х и более детей – 1/2 заработка (дохода) родителей в рублях и/или в иностранной валюте.

Учитывая изложенное, приходим к выводу, что путь развития алиментных отношений от помощи нуждающимся со стороны всей общины до современной практики уплаты и взыскания алиментов можно поделить на 3 ключевых этапа:

1. Начальный период – «Предпосылка» (самый длительный – от эпохи Древней Руси до упадка Российской Империи).

Указанный этап можно разделить на периоды, однако не считаем целесообразным их выделять в качестве самостоятельных периодов, поскольку их сходство с реалиями современного этапа, в том числе связанными с нормативным регламентированием, является малозначительным.

2. Советский период – «Становление».

3. Современный период – «Развитие».

Результаты анализа правового регулирования алиментных обязательств, непосредственно связанного с историей современной России, будут представлены в настоящей статье.

Итак, основными источниками нормативно-правового регулирования сегодня являются:

1. Семейный кодекс Российской Федерации.

2. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

3. Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 841 «О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей».

Для правоприменителя также значение имеют разъяснения Верховного Суда РФ по вопросу применения судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов, изложенные в Постановлении Пленума от 26.12.2017 № 56.

К группам алиментных обязательств кроме тех, что указаны в начале статьи и определены разделом V Семейного кодекса Российской Федерации, также относятся:

1. Алиментные обязательства бывших усыновителей и бывших усыновленных.

2. Алиментные обязательства в случае происхождения детей с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

3. Алиментные обязательства в случае смены пола одним из родителей.

4. Алиментные обязательства при рождении ребенка у лиц, не состоящих в браке [6].

Порядок взыскания и уплаты алиментов имеет две вариации хода событий:

I вариант «Добровольный» – по соглашению сторон.

II вариант «Принудительный» – по судебному решению и судебному приказу.

Касательно первого варианта отмечаем, что соглашение об алиментах имеет гражданско-правовую природу, однако наделено существенной спецификой, связанной с особенностями отношений между родителями и детьми по предоставлению содержания.

К существенным условиям соглашения, предусмотренным семейным законодательством, относятся размер, условия и порядок уплаты алиментов, т. е. нормативно определены границы соглашения как исключительного соглашения об алиментах.

Однако зачастую содержание соглашения имеет более широкий спектр условий и обязательств, например, дополнительные расходы на оплату образования. Из содержания ст. 99 и 100 Семейного кодекса Российской Федерации следует, что действие исполнительного листа распространяется только на существенные

условия соглашения. В этой связи возникает вопрос о правомерности расширения границ алиментного соглашения.

Как отмечает Л.Б. Максимович, условия о дополнительных расходах могут быть включены в соглашение, вместе с тем при их неисполнении получателю необходимо обратиться в суд. В случае удовлетворения иска, сторона получит исполнительный лист.

Кроме того, заслуживает внимание при уплате алиментов по соглашению и вопрос об индексации их размера, предусмотренной ст. 105 Семейного кодекса Российской Федерации. При этом в данной статье имеется отсылочная норма к ст. 117 названного кодекса, из смысла которой следует, что в случае, если в соглашении не предусмотрен порядок индексации, то положения статьи могут применяться лишь в части определения критерия индексации [7, с. 11–12].

Третьим дискуссионным вопросом в рамках «Добровольного» варианта хода событий остается условия прекращения алиментных обязательств, к ним относятся:

1. Смерть одной из сторон.
2. Истечение срока действия соглашения.
3. Основания, предусмотренные соглашением.

При этом выплата алиментов, взыскиваемых принудительно, предусматривает такое условие, как достижение ребенком совершеннолетия, или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности.

Учитывая изложенное, а также руководствуясь принципом свободы договора, полагаем, что окончание срока выплаты алиментов по соглашению также может наступить и после совершеннолетия ребенка.

В нотариальной практике сложилась тенденция применения отказов в удостоверении соглашений, по условиям которых выплата алиментов предусмотрена за пределами совершеннолетия получателя. Подобные отказы нотариусы мотивируют законодательно закрепленной обязанностью родителей по содержанию ребенка до 18 лет.

Представляется необходимым в интересах ребенка, получающего очное образование, продолжить выплату алиментов после наступления его восемнадцатилетия [8]. Данной позиции также придерживаются Д.С. Ксенофонта и Л.Б. Максимович.

Таким образом, полагаем необходимым дополнительно проанализировать основания прекращения алиментного обязательства как в добровольном, так и в принудительном порядке, рассмотрев вопрос о возможном

продлении выплаты алиментов на ребенка, достигшего 18 лет, при этом обучающегося на очном отделении, до окончания им образовательного учреждения.

При изучении принудительного варианта взыскания алиментов прежде всего следует отметить, что алименты взыскиваются с родителей в долях от заработка и (или) иного дохода. При этом Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, утвержден Постановлением Правительства РФ от 18.07.1996 № 841.

Размер долей заработка и (или) иного дохода может быть изменен судом: уменьшиться/увеличиться. Однако конкретные критерии законом не установлены и применяется абстрактная формулировка: «с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств» [1].

Ранее в статье не зря цитировался Кодекс о браке и семье 1969 г., устанавливающий размер алиментов на несовершеннолетних детей, поскольку нормы семейного законодательства XXI века продолжают транслировать советскую систему размеров алиментов.

Отмечаем, что в системах советского и современного образца отсутствует такая категория, как минимальный размер алиментов. При этом на практике зачастую встречаются случаи сокрытия доходов одним из родителей, следствием чего является ничтожный размер взыскиваемой суммы.

Выступая с инициативой введения минимального размера алиментов, полагаем, что применение данного механизма позволит обеспечить минимальную социальную гарантию для несовершеннолетних детей и одновременно уйти от практики умышленного сокрытия получаемых доходов плательщиками алиментов.

Кроме того, остается без внимания такой вопрос, как соотношение размера алиментов и имущественного состояния родителя-должника, в связи с чем предлагаем рассмотреть вопрос о дифференциации ставок по размерам алиментов с учетом регрессивной шкалы в зависимости от размера дохода плательщика алиментов.

В отечественном законодательстве имеется положительный опыт контроля со стороны государства за расходованием денежных средств приемными родителями, в связи с чем приходим к выводу, что серьезные финансовые ограничения на расходование алиментов могут предъявляться и к кровнородственным родителям [9, с. 27–29].

Также отмечаем, что в судебной практике остаются неясности по ряду вопросов, например:

1. Алиментная обязанность родственников, когда родители не могут выплачивать алименты.

2. Определение задолженности по алиментам.

3. Толкование оценочных категорий.

4. Правовая судьба задолженности по алиментам при банкротстве должника – алиментнообязанного лица [6].

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующим выводам:

1. Алиментные отношения и их регламентация прошли долгий путь развития, который можно разделить на 3 этапа: 1) начальный период «Предпосылка»; 2) Советский период «Становление»; 3) современный период «Развитие».

2. К группам алиментных обязательств также относятся алиментные обязательства: бывших усыновителей и бывших усыновленных;

в случае происхождения детей с применением вспомогательных репродуктивных технологий; в случае смены пола одним из родителей; при рождении ребенка у лиц, не состоящих в браке.

3. Основания прекращения алиментного обязательства как в добровольном, так и в принудительном порядке необходимо дополнительно проанализировать с учетом вопроса о возможном продлении выплаты алиментов на ребенка, достигшего 18 лет, при этом обучающегося на очном отделении до окончания им образовательного учреждения.

4. Практику применения минимального размера алиментов считаем положительной, позволяющей обеспечить социальную гарантию для несовершеннолетних детей, что поможет уйти от практики умышленного сокрытия получаемых доходов плательщиками алиментов.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17; Российская газета. 2020. № 27.

2. Тихонова Е.А. Алиментные обязательства в России: история и современность // Практика исполнительного производства. 2017. № 1.

3. Мамедова М.К. Процессуальные особенности рассмотрения дел о взыскании алиментов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2000.

4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456017704>.

5. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика: научно-практическое пособие. М., 2020 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Максимович Л.Б. Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3.

8. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М., 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Толстова И.А., Матвеев П.А. Материально-правовые и процессуально-правовые проблемы принудительного взыскания алиментов с родителей на содержание несовершеннолетних детей // Семейное и жилищное право. 2019. № 1.

Bibliography

1. Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 № 223-FL // Rossiyskaya Gazeta. 1996. № 17; Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 27.

2. Tikhonova E.A. Alimony obligations in Russia: history and modernity // Practice of enforcement proceedings. 2017. № 1.

3. Mamedova M.K. Procedural features of the consideration of cases on the recovery of alimony: autoref. dissertations for the degree of PhD in Law. Makhachkala, 2000.

4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456017704>.

5. Family law: textbook / B.M. Gongalo, P.V. Krashenninikov, L.Yu. Mikheeva and others; ed. P.V. Krashenninikov. M., 2019 // LRS «ConsultantPlus».

6. Bespalov Yu.F. All about the recovery of alimony. Theory and practice: scientific and practical guide. M., 2020 // LRS «ConsultantPlus».

7. Maksimovich LB Alimony agreement: problems of legislation and law enforcement // Family and housing law. 2020. № 3.

8. Ksenofontova D.S. Legal guarantees in the field of alimony: monograph. M., 2018 // LRS «ConsultantPlus».

9. Tolstova I.A., Matveev P.A. Substantive and procedural-legal problems of enforced recovery of alimony from parents for the maintenance of minor children // Family and housing law. 2019. № 1.

© 2021 г. Желонкин Сергей Сергеевич,

доцент кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: zhelon@rambler.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются отдельные особенности правового регулирования корпоративного договора, касающиеся способов защиты сторон и ответственности его участников.

Ключевые слова: корпоративный договор, исполнение обязательств в натуре, единоличный исполнительный орган, акционерное соглашение, меры ответственности.

Zhelonkin Sergey Sergeevich – Associate Professor, the Department of Civil and Corporate Law, the St. Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes certain features of the legal regulation of a corporate agreement concerning ways to protect the parties and the liability of its participants.

Keywords: corporate agreement, performance of obligations in kind, sole Executive body, joint-stock agreement, liability measures.

В современных условиях, характеризующихся преобладанием имущественных отношений над всеми остальными, существенно повысилась роль договора как правового механизма, регулирующего отношения между различными субъектами экономической деятельности. Договор перестает быть отраслевым институтом частного права, а отношения, возникающие из договора, начинают регулироваться нормами не только частного (гражданского права), но и нормами других отраслей права [1, с. 21]. Корпоративный договор в этом плане не является исключением. Правовая природа корпоративного договора неоднозначна. В юридической науке сложилось несколько подходов к определению правовой природы корпоративного договора, стремящихся разрешить вопрос о том, является ли корпоративный договор исключительно гражданско-правовым договором [2; 3] или корпоративный договор имеет самостоятельную природу, присущую только данному договору [4; 5; 6]. Сказанное предопределяет актуальность исследования, предметной областью которого выступают отдельные особенности правового регулирования корпоративного договора.

1. *Способы защиты сторон корпоративного договора.* Заключение корпоративного договора без его надлежащего исполнения сторонами не имеет смысла, поэтому особую

важность приобретает вопрос о способах защиты его сторон. Право на защиту является правомочием, которое входит в содержание любого субъективного права, представляющего собой юридически обеспеченную меру возможного поведения, а его содержание определяется комплексом материальных и процессуальных норм.

В.Н. Гурьевым предложен такой способ защиты стороны корпоративного договора, как «исполнение обязательства в натуре» [7].

С точки зрения норм процессуального права, защита нарушенного права сторон корпоративного договора с помощью присуждения к исполнению обязательства в натуре характерна для исполнительных исков. В таких исках истец просит суд обязать ответчика к совершению определенных действий.

Между тем А. Гармаев отмечает, что принуждение стороны корпоративного договора к исполнению обязательства не просто даже в судебном порядке, поскольку в большинстве случаев неисполнение своего обязательства участником корпоративного договора не является основанием для признания соответствующего решения общего собрания недействительным. Автор также указывает на слабую эффективность мер ответственности участников корпоративных договорных обязательств [8].

Т.В. Грибова в качестве основной проблемы в использовании такого способа защиты

нарушенного права стороны акционерного соглашения указывает на «затруднительность исполнения некоторых положений в принудительном порядке, например, обязанности согласовать вариант голосования с другими акционерами или голосовать в соответствии с требованиями акционерного соглашения. Именно в сложности судебного принуждения к исполнению акционерного соглашения и заключается на сегодняшний день один из самых значимых недостатков таких соглашений» [5].

Однако судебная практика знает примеры, в которых суд обязывал сторону корпоративного договора выкупить долю в уставном капитале ООО [9].

В.Г. Бородин расценивает исполнение обязательства в натуре целесообразным способом защиты в обязательствах, имеющих имущественный характер [10]. Полагаем возможным согласиться с данным тезисом, т. к. осуществление корпоративных прав в конечном итоге имеет своей целью удовлетворение имущественных интересов их носителей.

На уровне законодательства Российской Федерации закреплён такой способ защиты прав сторон корпоративного договора, как оспаривание сделок, заключённых одной из сторон корпоративного договора, нарушающих его условия.

Процессуальным средством защиты сторон корпоративного договора в данном случае будет выступать установительный иск (иск о признании), отличительной чертой которого является отсутствие принудительного исполнения, т. к. в нём нет указаний на присуждение чего-либо истцу. Однако отсутствие исполнительного листа не означает отсутствия у этого решения определённой принудительной силы. Судебное решение, в силу самого своего статуса, уже обладает принудительной силой для ответчика.

Данный способ находит отражение в п. 6 ст. 67.2 ГК РФ и выражается в возможности признания сделки, нарушающей условия корпоративного договора, недействительной по иску его стороны, но только при условии знания (или необходимости знания) другой стороной сделки об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором.

Законодательством установлено важное условие, при котором может быть применён рассматриваемый способ защиты – вторая сторона сделки должна быть знакома с условиями

корпоративного договора и установленными ограничениями.

Стоит обратить внимание, что в современных реалиях корпоративный договор в большинстве случаев является конфиденциальным, в частности в непубличных хозяйственных обществах о факте заключения участниками корпоративного договора становится известно лишь самому обществу. Обязанности общества информировать кого-либо о факте заключения между его участниками корпоративного договора на данный момент нет. В публичных акционерных обществах акционерное соглашение подлежит ограниченному рассекречиванию. Из этого следует вывод, что благоприятных условий для того, чтобы контрагент сделки узнал, что корпоративным договором закреплёны какие-либо ограничения для заключения сделки, нет.

Как справедливо отмечает Д.В. Ломакин, использование данного способа защиты и признание сделок недействительными будет скорее исключением, чем правилом [11].

М.С. Варюшин выделяет единственную возможность, когда сторона договорного правоотношения может быть осведомлена о его содержании, если контрагент, нарушающий условия корпоративного договора, сам и является стороной этого же корпоративного договора, т. е. при заключении сделки сторонами корпоративного договора [4].

Таким образом, в условиях конфиденциальности факта заключения корпоративного договора и его содержания от третьих лиц способ защиты сторон корпоративного договора как признание сделки, нарушающей условия договора, недействительной является малоэффективным.

2. Ответственность сторон по корпоративному договору. В настоящий момент проблема определения мер ответственности сторон по корпоративному договору стала наиболее актуальной, т. к. эффективность регулирования корпоративных отношений в целом зависит от решения этой проблемы.

Пункт 7 статьи 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусматривает возможности применения к стороне акционерного соглашения, нарушившей установленные в соглашении обязательства, следующих мер ответственности:

- а) возмещение убытков;
- б) выплата неустойки;
- в) выплата компенсации.

Возмещение убытков. Возможность взыскания убытков на практике имеет некоторые ограничения. Это связано с высоким стандартом доказывания их размера, предъявляемого судами. Общими условиями юридической (корпоративной) ответственности являются: а) противоправное поведение; б) наличие неблагоприятных последствий – вреда; в) причинно-следственная связь между поведением и его последствиями; г) вина.

В этой связи представляется крайне сложным доказать факт противоправного деяния и вины стороны, нарушившей условия корпоративного договора, поэтому судами может быть отказано во взыскании убытков из-за недоказанности вышеуказанных обстоятельств. Установить причинно-следственную связь между нарушением условий договора, носящих организационный характер, и возникших убытков практически невозможно. Непосредственная связь неисполнения условий корпоративного договора и имущественных потерь потерпевшей стороны бывает довольно трудно поставить в прямую зависимость.

По мнению В.Г. Бородкина, «доказать, что именно нарушение обязательства стороны корпоративного договора по согласованному голосованию на собрании участников хозяйственного общества за определенную кандидатуру на должность единоличного исполнительного органа стало прямым основанием для возникновения убытков у взыскателя, практически невозможно». Для опровержения причинно-следственной связи нарушитель может привести достаточное количество доводов, в частности, указать, что конкретное решение не могло быть принято из-за голосования других участников иным образом. В данном примере доказать факт возникновения и размер убытков очень сложно [10].

Таким образом, взыскание убытков с нарушителя корпоративного договора возможно только при нарушении обязательства, имеющего имущественный характер.

Выплата неустойки. Следующей обеспечительной мерой, а также мерой гражданско-правовой ответственности за нарушение корпоративного договора является неустойка. Понятие неустойки содержится в п. 1 ст. 330 ГК РФ.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают, что неустойка, предусмотренная договором, имеет двойственную правовую природу, и, как следствие, применима как в качестве способа обеспечения исполнения

обязательств, так и в качестве меры имущественной ответственности [12].

Статья 333 ГК РФ устанавливает возможность снижения неустойки в случае, если ее размер будет явно несоразмерен последствиям нарушения обязательства. Данная статья может быть применена судом при наличии данных о сумме основного долга, возможном размере убытков, установленном в договоре, сроке, в течение которого исполнялось обязательство [13].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» предусмотрена возможность снижения неустойки, если будет сделано соответствующее заявление со стороны ответчика. При этом бремя доказывания явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства распределено таким образом, что эта обязанность возлагается на ответчика [14].

Судебная практика располагает примерами решений, признающих установление неустойки в корпоративном договоре в случае нарушения стороной своих обязательств. К примеру, дело № А40-47005/2014, в котором суды пришли к выводу о согласованности сторонами порядка исчисления неустойки, подлежащей уплате при нарушении его условий одной из сторон, и, соответственно, об отсутствии оснований полагать акционерное соглашение в данной части незаключенным и недействительным [15].

В качестве примера, подтверждающего возможность включения в корпоративное соглашение положения о неустойке, может служить дело № А45-1845/2013, из материалов которого следует, что корпоративным договором предусмотрено право стороны требовать выплаты виновной стороной неустойки в размере 5 млн рублей при неисполнении принятых на себя обязательств [16].

По мнению истцов, данное условие не соответствует п. 2 ст. 22 ГК РФ, поэтому они требуют признать его недействительным. Однако судом не выявлено противоречий данного условия нормам гражданского законодательства. Таким образом, судом было отказано в удовлетворении иска.

Следует заметить, если в договоре об осуществлении прав участников юридического лица, состав которого определяется более чем

двумя сторонами, не определено лицо, в пользу которого должен быть взыскан штраф, а также не предусмотрена возможность самостоятельного определения размера штрафа участника договора, то условие договора о неустойке в виде штрафа не может быть признано согласованным [17].

Таким образом, применение неустойки в случае нарушения обязательств корпоративного договора оставлено на усмотрение судов. Как известно, еще в XX в. известный российский правовед И.А. Покровский отмечал, что расширение сферы судебного усмотрения («судейского правотворения») «заключает в себе органическую и неустранимую опасность судебного произвола... и очевидно, идет в разрез с интересами развивающейся человеческой личности» [18]. Поддерживая суждение И.А. Покровского о возможности трансформации свободного судебного усмотрения в судебский произвол, мы считаем, что решение данной проблемы может быть найдено в результате формирования единообразной правоприменительной практики, связанной с применением неустойки в виде штрафа за нарушение обязательств, вытекающих из корпоративного договора.

Выплата компенсации. Мерой гражданско-правовой ответственности является также выплата компенсации.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что к компенсации не применяются правила снижения ее размера по ст. 333 ГК РФ. Данной позиции придерживался Ю.П. Прасловым [19].

Однако В.Г. Бородин полагает, что в отношении компенсационных выплат ст. 333 ГК РФ будет применяться по аналогии. Таким образом, по мнению В.Г. Бородина, «компенсация не является самостоятельным видом гражданско-правовой ответственности, так как компенсация является разновидностью договорной неустойки» [10].

Похожую позицию высказал М.С. Варюшин, обратив внимание, что к компенсации по аналогии применима ст. 333 ГК РФ [11].

Позиции В.Г. Бородина и М.С. Варюшина представляются справедливыми, хотя законодатель и указывает выплату компенсации (твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в акционерном соглашении) в качестве самостоятельной меры гражданско-правовой ответственности, все же правовая природа этой

денежной суммы тождественна правовой природе неустойки, поскольку носит компенсационно-превентивный характер, что позволяет не только возместить лицу убытки, возникшие в результате нарушения корпоративного договора, но и удержать контрагента от нарушения обязательства в будущем.

Помимо мер гражданско-правовой ответственности выделяют специальные корпоративно-правовые меры ответственности за нарушение договора, к которым причисляют лишение права голоса на общих собраниях участников общества и права получать дивиденды за определенный период.

Корпоративно-правовые меры ответственности *de lege lata* не закреплены. Данные меры можно применить только при закреплении их в корпоративном договоре, в котором детально раскрывается порядок привлечения и конкретные обязательства, за нарушение которых сторона договора привлекается к соответствующему виду ответственности.

Д.И. Степанов подчеркивает необходимость проявления предосторожности сторонами корпоративного договора при формулировке корпоративных мер ответственности в договоре без их законодательного регламентирования [20].

По заключению В.Г. Бородина, без закрепления мер корпоративно-правовой ответственности в законодательстве установление этих мер в договоре, и, соответственно, их применение к стороне, нарушившей договор, не представляется возможным [10].

Следует согласиться с данным выводом. Как известно, предметом корпоративного договора может быть регулирование обязательственных отношений без расширения объема корпоративной правоспособности. Соответственно, это исключает возможность выделения новых мер ответственности, не установленных законодательством в договоре.

По нашему мнению, сторонами корпоративного договора могут быть применены только закрепленные на законодательном уровне способы защиты и меры ответственности к стороне, нарушившей корпоративный договор. Стоит отметить, что установление сторонами корпоративного договора таких корпоративно-правовых мер ответственности как лишение права голосовать на общих собраниях участников общества может негативно сказаться на интересах общества и его участников, к примеру, заморозить деятельность

общества в связи с невозможностью принятия решения по вопросам, требующим квалифицированного большинства голосов или единогласного принятия решения.

Таким образом, исследование вопросов, связанных с особенностями правового регулирования корпоративного договора, в отрыве

от сложной практики их применения не может представлять собой какой-либо ценности. Поэтому считаем необходимым продолжить дальнейшие изучения корпоративного договора как одного из способов регулирования корпоративных отношений.

Литература

1. Желонкин С.С., Рогова Ю.В. Гражданско-правовой договор: отдельные вопросы теории и практики: монография. СПб., 2016.
2. Гришаев С.П. Корпоративный договор // СПС «КонсультантПлюс».
3. Клячин А.А. Корпоративный договор как юридический факт // Экономика и Право. 2015. № 11–12.
4. Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
5. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
6. Хохлов В.А. Корпоративный договор как организационный договор российского права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 4 (81).
7. Гурьев В.С. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
8. Гармаев А. Российское право для совместных предприятий // ЭЖ-Юрист. 2014. № 38 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2015 по делу № А63-9751/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Бородин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
11. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС. 2009. № 8.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 2001. Кн. 1 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 14.07.1997 № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Zhelonkin S.S., Rogova Yu.V. Civil contract: some issues of theory and practice: monograph. St. Petersburg, 2016.
2. Grishaev S.P. Corporate agreement // LRS «ConsultantPlus».
3. Klyachin A.A. Corporate agreement as a legal fact // Economics and Law. № 11–12. 2015.
4. Varyushin M.S. Civil law regulation of corporate contracts: comparative analysis: dis. ... PhD in Law. M., 2015.
5. Gribkova T.V. Shareholder agreements as a means of legal regulation of corporate relations: dis. ... PhD in Law. M., 2011.
6. Khokhlov V.A. Corporate agreement as an organizational agreement of Russian law // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2014. № 4 (81).
7. Guriev V.S. Shareholder agreements as a group of corporate agreements: dis. ... PhD in Law. M., 2012.
8. Garmayev A. Russian law for joint ventures // EZh-Lawyer. 2014. № 38 // LRS «ConsultantPlus».
9. The decision of the Arbitration Court of the Stavropol Territory dated 01.19.2015 in case № А63-9751/2014 // LRS «ConsultantPlus».
10. Borodkin V.G. Civil law regulation of a corporate contract: dis. ... PhD in Law. M., 2015.
11. Lomakin D.V. Agreements on the exercise of the rights of participants in business entities as a novelty of corporate legislation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court. 2009. № 8.
12. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. General provisions. M., 2001. B. 1 // LRS «ConsultantPlus».
13. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07.14.1997 № 17 «Review of the practice of application by arbitration courts of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.24.2016 № 7 (as revised on 02.07.2017) «On the application by the courts of some provisions of the Civil Code

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

15. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mOxXH875zhZO/>.

16. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AOTg92n99xoo/>.

17. Постановление АС Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013.

19. Праслов Ю.П. О некоторых вопросах ответственности за нарушение корпоративных соглашений // Безопасность бизнеса. 2013. № 1.

20. Степанов Д.И. Договор об осуществлении прав участников ООО // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12.

of the Russian Federation on liability for violation of obligations» // LRS «ConsultantPlus».

15. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mOxXH875zhZO/>.

16. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AOTg92n99xoo/>.

17. Resolution of the CA of the Far Eastern District of 08.14.2015 № F03-2872/2015 in case № А24-4503/2014 // LRS «ConsultantPlus».

18. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. M., 2013.

19. Praslov Yu.P. On some issues of responsibility for violation of corporate agreements // Business Security. 2013. № 1.

20. Stepanov D.I. Agreement on the exercise of the rights of LLC participants // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. № 12.

© 2021 г. Капранова Юлия Витальевна,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru

Фадеев Андрей Владимирович,

преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России.
E-mail: kadov@yandex.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ КОМАНДИРОВОК В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ

Статья посвящена изучению отдельных аспектов совершенствования системы организации служебных командировок в органах внутренних дел. Авторы рассматривают содержательные и организационные аспекты совершенствования системы организации служебных командировок в органах внутренних дел.

Ключевые слова: служебная командировка, органы внутренних дел, организация, контроль, командированный, руководитель.

Kapranova Yuliya Vitalyevna – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Fadeev Andrey Vladimirovich – Lecturer, the Department of Administrative Activity of Internal Affairs, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON IMPROVING THE ORGANIZATION OF OFFICIAL BUSINESS TRIPS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: ASPECTS OF CONTROL

The article is devoted to the study of certain aspects of improving the system of organization of official business trips in the Internal Affairs bodies. The authors consider the content and organizational aspects of improving the system of organization of official business trips in the Internal Affairs bodies.

Keywords: business trip, Internal Affairs bodies, organization, control, a posted person, a supervisor.

В Российской Федерации в условиях модернизации системы публичного управления актуальны исследования, связанные с поиском новых способов контроля за отношениями, складывающимися в области управленческой деятельности, что обусловлено повышением требований к качеству управленческих отношений, вытекающих из общих требований по повышению эффективности деятельности всей системы органов исполнительной власти в стране. Также это обусловлено объективными причинами, связанными с формированием в сфере управления информационно-цифрового пространства, обуславливающими проникновение и максимальное использование в сфере управления технологических достижений, электронных носителей информации, мобильных способов их передачи, позволяющими существенно снизить экономические затраты в ряде ключевых моментов исполнительской деятельности. В рамках

поиска путей оптимизации деятельности МВД России следует выделять такое направление, как совершенствование системы организации служебных командировок в органах внутренних дел (далее – ОВД).

Правовое регулирование системы организации служебных командировок в ОВД основывается на положениях Конституции Российской Федерации [1], федеральном законодательстве, учитывающем специфику прохождения службы в ОВД [2], а также имеет детальную конкретизацию в ведомственных нормативных правовых актах, не исключая прямого действия Трудового кодекса Российской Федерации [3] (далее – ТК РФ) в случаях, когда отдельные вопросы не урегулированы ведомственными приказами. В части организации служебных командировок в системе ОВД необходимо отметить приказ МВД России 2007 года № 65 «Об утверждении Порядка и условий командирования сотрудников

органов внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации» [4], положения которого свидетельствуют об оптимальной системе организации служебных командировок, содержащей параметры целеориентированности, соблюдения сроков командирования, сокращения экономических затрат и др.

Следует отметить, что определение понятия «служебная командировка» в ведомственных нормативных правовых актах не содержится, т. к. данное определение раскрывается в рамках ТК РФ. Под служебной командировкой понимается поездка работника по распоряжению работодателя на определенный срок для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы (ст. 166 ТК РФ). Аналогичные определения встречаются и в законодательстве стран СНГ [5, с. 69–73]. Понятие, закрепленное в ТК РФ, является базовым и распространяет свои сущностные черты на организацию деятельности органов государственной власти в целом, в том числе и на служебные поездки в ОВД. Таким образом, основными характерными чертами служебных командировок в ОВД как разновидности служебного времени являются следующие: распоряжение работодателя, поездка, служебное задание, сроки и место выполнения специально поставленных задач вне постоянного места службы сотрудника ОВД. Помимо них следует отмечать наличие таких составляющих, как материальные и организационные гарантии при направлении сотрудников полиции в служебные командировки – командировочные, сохранение места службы при отбытии в командировку. Цели командировок в ОВД обусловлены и подчинены основным задачам, поставленным перед МВД России. У каждого вида командировок имеется специальная цель, предписанная служебным заданием, которое утверждает руководитель, обладающий правом принятия решения о служебной командировке, либо его заместитель.

В системе МВД России организуются различные виды служебных командировок. По целям и задачам служебные командировки, по смыслу Приказа МВД России № 65, подразделяются на осуществляемые в целях контроля-надзора за деятельностью подразделений МВД России (проведение инспектирования, контрольной проверки, целевой проверки и др.); в целях реализации основных направлений

деятельности в рамках производства по конкретным уголовным делам (проведение следственных, оперативно-розыскных и иных процессуальных действий по находящимся в производстве уголовным делам и др.); в целях охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (участие в контртеррористических операциях, в охране общественного порядка и др.); в целях участия в различного рода мероприятиях, связанных с представительством МВД России (пропаганда правовых знаний, участие в научно-представительских мероприятиях и др.). По организационным формам также можно различать: плановые, внеплановые, комплексные (сотрудники нескольких подразделений объединены одной задачей); простые (целевой выезд) и групповые (командирование нескольких сотрудников для совместного выполнения служебного задания); одиночные (командирование одного сотрудника, или нескольких, не объединенных одной задачей); однодневные и многодневные и др.

Рассматривая виды служебных командировок в ОВД, следует отличать командированных сотрудников полиции от прикомандированных. Под последними понимаются сотрудники полиции, которые с их согласия на постоянной основе осуществляют служебную деятельность, непосредственно связанную с основными направлениями деятельности МВД России, но в органе государственной власти, иной организации с составлением в кадрах ведомства. Кроме того, необходимо отметить, что Приказ МВД России № 65 по сравнению с предыдущим [7] несколько иначе регламентирует вопросы, связанные с отнесением тех или иных поездок сотрудников к служебным командировкам. Так, ранее поездки разъездного характера, связанные с поступлением, обучением по основным профессиональным образовательным программам, по инициативе сотрудника вне плана комплектования, осуществляемые в пределах одного населенного пункта, подготовкой и защитой диссертации, относились к служебным командировкам. В настоящее же время к таковым не относятся, за исключением случаев убытия на обучение по программам профессионального обучения, дополнительным программам в образовательные организации системы МВД России.

Предпринятые в ведомстве усилия по совершенствованию системы организации слу-

жебных командировок в ОВД в положениях Приказа МВД России № 65 имеют как содержательный аспект, тесно связанный с экономическим, так и организационный. В частности, согласно п. п. 3.2–3.5 Приказа МВД России № 65 следует принять меры, направленные на уменьшение количества служебных командировок, их продолжительность и численность задействованных в них сотрудников, а также на максимальное сокращение расходов на их обеспечение. Предлагается сократить количество внеплановых командировок (за исключением тех случаев, когда необходима помощь в разрешении наиболее сложных вопросов оперативно-служебной деятельности, для принятия неотложных мер при решении основных задач, поставленных перед ОВД), совещаний, различных представительских мероприятий (за счет проведения в онлайн-формате), одиночных выездов в одни и те же органы в течение планируемого периода (путем объединения однородных по целям командировок в комплексный выезд). Организация служебных командировок в ОВД существенно переработана, пересмотрены параметры контроля, целесообразности служебных командировок, внедрена система отчетности, основанная на оценке результатов служебной командировки и их реализации в служебной деятельности и др. [8, с. 154].

Таким образом, организация системы служебных командировок в ОВД нуждается в дальнейшем совершенствовании по вопросам повышения эффективности отдельных процедурно-организационных аспектов. Организация эффективной системы служебных командировок в ОВД выступает одним из составных элементов, закладывающих конечный оптимальный результат деятельности МВД России в целом. Оценка результатов деятельности, полученных по итогам служебных командировок, и мониторинг эффективности организации системы служебных командировок напрямую связаны с усилением контроля за данным направлением деятельности.

В целом, организация системы служебных командировок как один из составных управленческих элементов в организации деятельности ОВД представляет собой упорядоченную смену этапов: планирование служебных командировок сотрудников органов внутренних дел; предварительная подготовка сотрудников органов внутренних дел в служебную командировку; выезд сотрудников органов

внутренних дел в служебную командировку и выполнение сотрудником служебного задания на месте командирования; реализация результатов служебных командировок, в том числе устранение выявленных в их ходе нарушений и недостатков, обобщение и распространение положительного опыта.

Контроль осуществляется на каждом этапе организации служебных командировок: планирования, подготовки, выезда, работы, фиксации и реализации результатов и применения их в дальнейшей деятельности. Контроль на этапах организации служебных командировок в зависимости от их вида осуществляется различными подразделениями и службами (субъектами управления), которые, используя организационно-правовые способы, методы и средства, в рамках собственной компетенции выясняют, соответствует ли деятельность командированного (управляемого объекта) требованиям Приказа № 65, а также поставленным перед ними задачам, в том числе анализируют результаты воздействия субъектов управления на управляемые объекты, проводят мониторинг состояния организации системы служебных командировок в ОВД, принимают меры по совершенствованию системы управления в данной сфере. Контроль на этапах прохождения командировки осуществляется кадровыми подразделениями ОВД, руководителями территориального органа МВД России, подразделения, организации, непосредственными руководителями. Мониторинг состояния организации системы служебных командировок в ОВД осуществляет Организационно-аналитический департамент МВД России (далее – ОАД МВД России) на основании справок, предоставленных центральным аппаратом МВД России и иными подразделениями, за исключением образовательных организаций системы МВД России, оценку эффективности служебных командировок которых оценивает ДГСК МВД России. В ОАД МВД России ежегодно передаются справки с результатами анализа организации служебных командировок в ОВД и выявлением причин их эффективности/неэффективности по следующим параметрам:

– общее количество служебных командировок, в том числе указывается, сколько из них было по видам: плановых, внеплановых, комплексных, целевых, а также групповых, одиночных выездов, в том числе инспекторских, контрольных, целевых проверок,

аудиторских проверок и проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности;

- сведения о сотрудниках, не выполнивших служебное задание, причинах и условиях, повлекших его невыполнение, принятых мерах дисциплинарного воздействия;

- информация о каждом чрезвычайном происшествии с участием командированного сотрудника;

- информация о мерах по реализации решений, принятых по результатам служебных командировок;

- информация о положительном опыте, полученном в результате служебных командировок;

- размеры денежных средств, затраченных на служебные командировки;

- информация об имеющихся проблемах, негативно влияющих на эффективность и результативность служебных командировок, причинах их возникновения и предлагаемых способах решения.

Исходя из общей сущности контроля в сфере управления [9, с.12], анализа Приказа МВД России № 65, смысл контроля в системе организации служебных командировок в ОВД состоит в том, чтобы наблюдать за соблюдением последовательности прохождения всех этапов служебной командировки с целью получения объективной и достоверной информации о состоянии законности и дисциплины на каждом из этапов; выявления объективных и субъективных причин, вследствие наличия которых следует пересмотреть исполнителя, сроки, цели, задачи командировки и др.; принятия мер по предотвращению и устранению нарушений законности и дисциплины; выявления причин и условий, способствующих правонарушениям; принятия мер по привлечению к ответственности лиц, виновных в нарушении дисциплины и законности.

Необходимо отметить, что одним из перспективных направлений по совершенствованию организации служебных командировок выступает усиление контроля непосредственного руководителя командированного сотрудника, а также его самоконтроля за выполнением служебного задания на месте командировки в отдельных видах командировок посредством мобильной связи и предоставлением ежедневных планов и отчетов о проделанной работе. Чтобы объективно измерить эффективность выполняемых заданий

в командируемой местности и предварительно оценить конечный результат командировки, ее нужность, полезность, целесообразность, необходимость корректирования сроков ее проведения (в том числе в сторону сокращения), необходимо осуществлять управленческий учет информации, обрабатываемой в ходе служебной командировки. Представляется, что командируемому в момент осуществления трудовой деятельности в период нахождения в командировке необходимо накапливать, анализировать, измерять, интерпретировать служебную информацию, связанную с выполнением служебного задания, ежедневно подготавливать для себя планы и отчеты о выполненной работе за день для непосредственного руководителя, с которым следует также ежедневно взаимодействовать. Смысл составления планов и отчетов не в загромождении работы излишними бюрократическими элементами, а в том, чтобы сотрудник, в рамках определенных видов командировок, адаптирующийся к местности выполнения служебного задания, не терял времени, мог грамотно распределить служебное время, был своевременно снабжен необходимой для выполнения задания информацией и мог воспользоваться ею. Составление планов и их анализ поможет визуализировать цели, задачи, промежуточные результаты служебной командировки, измерить результаты собственной деятельности на протяжении командировки, затем поможет субъектам контроля удостовериться в эффективности служебной командировки, предпринять меры по их совершенствованию. Кроме того, функция контроля внедряется и в деятельность самого командируемого посредством ведения им управленческой отчетности, а также его тесной связи с непосредственным руководителем через Интернет, мобильную связь. Усиление данного направления контроля, связанного с обязательным отчетом перед непосредственным руководителем, не должно отнимать время у командируемого, а должно иметь удобную краткую форму. Помещая в центр контроля отчетность, в фокус внимания попадает результат, который и необходим для правильной оценки итогов эффективности служебной деятельности в командировке. Данная форма контроля может помочь учесть все изменения в оперативной обстановке в командируемой местности, помочь в принятии

решений, обеспечить ясность приоритетных задач, сфокусироваться на ключевых проблемах и критических показателях служебной деятельности, идентифицировать критические факторы, на которые следует обратить внимание. В итоге командированный сможет прогнозировать результаты, грамотно распределять ресурсы.

В данном ключе связь непосредственного руководителя с подчиненным усилится в связи с изменением характера такой связи. Так, «функция «командования и контроля» (преобладающая в прежних измерениях результатов деятельности)...» [10, с. 19] трансформируется в необходимость дать методическую помощь и подготовить сотрудника к встрече с новой проблемой, в ряде случаев поможет разрешить ее, напрямую будет оказывать положительное влияние на эффективность работы сотрудника, в целом создаст благоприятные условия для получения высоких результатов деятельности в командировке, что, в свою

очередь, повлияет на основные показатели результативности деятельности МВД России.

Таким образом, эффективность служебной командировки должна определяться не только экономическим критерием, т. е. учетом затраченного времени, сил и средств, но и организационным критерием – каков алгоритм организации работы сотрудника в служебной командировке, зависел ли результат командировки от ее организации. В данном направлении актуальны разработки по совершенствованию системы контроля за эффективностью системы организации служебных командировок в МВД, которые неразрывно связаны с повышением персональной ответственности руководителя органа внутренних дел. В этой связи необходимо, как представляется, апробировать и ввести в оборот для определенных видов служебных командировок и категорий командированных персональный мобильный мониторинг сотрудников со стороны их непосредственных руководителей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О полиции»; Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (от 31.07.2020) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др. // СПС «КонсультантПлюс».

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 14.02.2017 № 65 «Об утверждении порядка и условий командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Саркисян И.В., Жихар В.А., Дзик И.Р. Служебная командировка в пределах республики Беларусь // Современные исследования. 2018. № 5 (09).

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // LRS «ConsultantPlus».

2. Federal Law No. 342-FL of 30.11.2011 (as amended on 08.12.2020) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»; Federal Law № 3-FL of 07.02.2011 (as amended on 29.12.2020) «On the Police»; Federal Law № 247-FL of 19.07.2011 (as amended on 31.07.2020) «On Social Guarantees to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FL (ed. from 29.12.2020) // LRS «ConsultantPlus».

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 65 of 14.02.2017 «On Approval of the procedure and conditions for sending employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation on the Territory of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

5. Sarkisyan I.V., Zhikhar V.A., Dzik I.R. Official business trip within the Republic of Belarus // Modern research. № 5 (09). 2018.

6. Novitskaya M.V., Furmanov V.V. Legal regulation of the direction of police officers on official

6. Новицкая М.В., Фурманов В.В. Правовое регулирование направления сотрудников ОВД в служебные командировки // Актуальные вопросы права образования и психологии. Сборник научных трудов. Могилев, 2017.

7. Приказ МВД России от 05.10.2006 № 780 «Об организации служебных командировок сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России на территории Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Ежов М.А. Организация служебных командировок в органах внутренних дел: теоретико-правовые основы // Молодой ученый. 2019. № 34 (272).

9. Мандрица В.М., Касьянов В.В. Правовые основы управления. Ростов н/Д, 2001.

10. Аверчев И.В. Управленческий учет и отчетность. Постановка и внедрение. М., 2011.

business trips // Topical issues of education law and psychology. Collection of scientific papers. Mogilev, 2017.

7. The Ministry of internal Affairs order dated 05.10.2006 № 780 «On organization of business trips of employees of internal Affairs bodies and servicemen of internal troops of the MIA of Russia on the territory of the Russian Federation» (null and void) // LRS «ConsultantPlus».

8. Ezhov M.A. Organization of official business trips in the internal affairs bodies: theoretical and legal foundations // A young scientist. 2019. № 34 (272).

9. Mandritsa V.M., Kasyanov V.V. Legal bases of management. Rostov n/D, 2001.

10. Averchev I.V. Managerial accounting and reporting. Production and implementation. M., 2011.

© 2021 г. **Коренюгин Виталий Валерьевич,**

преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: pandora31337@mail.ru

Капранов Алексей Владимирович,

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kapranov-61@yandex.ru

Куреев Виктор Викторович,

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России.
E-mail: kadovd@yandex.ru

О ПРОФИЛАКТИКЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Авторы рассматривают различные аспекты профилактики миграционных правонарушений, совершаемых хозяйствующими субъектами, предоставляющими фактический допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг, либо допускающих иное использование труда иностранных граждан и лиц без гражданства в России.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, иностранный работник, хозяйствующий субъект, контроль (надзор), профилактика правонарушений, профилактические меры.

Korenyugin Vitaly Valeryevich – Lecturer, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kapranov Aleksey Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Forensic Science and Criminalistics, the Russian State University of Economics (RINH), PhD in Law, Associate Professor.

Kureev Viktor Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Activity of Internal Affairs, the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON PREVENTION OF MIGRATION OFFENSES IN THE ACTIVITIES OF ECONOMIC ENTITIES

The authors examine various aspects of the prevention of migration offenses committed by business entities that provide actual admission in any form to perform work or provide services or allow other usage of labor by foreign citizens and stateless persons in Russia.

Keywords: migration, labor migration, foreign employee, business entity, control (supervision), prevention of offenses, preventive measures.

Современные актуальные тенденции совершенствования законодательства, а также мониторинг состояния законности в сфере миграции свидетельствуют о неуклонном росте значимости профилактики миграционных правонарушений.

Применительно к теме исследования представляется необходимым определить объем понятия «хозяйствующий субъект» как субъекта миграционных правонарушений. Следует отметить, что понятие «хозяйствующий субъект» определено в законодательстве как «коммерческая/некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход. Индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистри-

рованное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации» [1]. Данное определение достаточно широкое, спорное, в него включены даже те лица, которые не занимаются непосредственно предпринимательской деятельностью. Так, исходя из формулировки «осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход», к ним могут быть отнесены, например, адвокаты, нотариусы. На сегодняшний день не выработано единой позиции по вопросу

определения хозяйствующих субъектов и в юридической литературе, например, высказываются различные точки зрения по поводу «узкого» и «широкого» понимания понятия «хозяйствующий субъект», поэтому необходимы корректировка и расширение состава данного понятия [2, с. 18–25]. Представляется, что по смыслу законодательства к хозяйствующим субъектам в сфере миграции следует относить юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, привлекающих к трудовой деятельности (фактически допускающих в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг) в Российской Федерации иностранных граждан, лиц без гражданства с целью извлечения прибыли, иными словами, субъектов предпринимательской деятельности [3, с. 7–9], принимающих гражданско-правовое участие в миграционных правоотношениях.

В соответствии с российским законодательством иностранные граждане могут осуществлять трудовую деятельность по выполнению работ и оказанию услуг у иностранных и российских работодателей, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей без определения юридического лица. Трудовые отношения иностранного работника с хозяйствующим субъектом оформляются трудовым договором (контрактом) [4].

Согласно статистическим данным МВД России, Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы безопасности России количество иностранных граждан, въезжающих в страну в целях работы, неуклонно растет. Более половины мигрантов, пересекающих государственную границу, прибывающих в Россию и встающих на миграционный учет, неизменно указывают в качестве цели въезда работу. Несмотря на то, что с 2015 г. правила допуска иностранцев на российский рынок труда ужесточились, финансовые издержки работодателей при привлечении рабочей силы в связи с изменением экономической ситуации в стране увеличились.

Измерение миграции по таким статистическим показателям, как получение разрешения на работу и патентов в последние годы позволяет сделать вывод о том, что их значения относительно стабильны и высоки. И это без учета того, что несколько сотен тысяч иностранцев в соответствии с российским законодательством имеют право работать без специального разрешения (имеющие

вид на жительство, разрешение на временное проживание, соотечественники, иностранные обучающиеся и ряд иных субъектов).

Привлечение хозяйствующими субъектами иностранных работников по субъектам РФ в нишах различной квалификации обусловлено уровнем развития экономики, разнообразия отраслей промышленности того или иного региона. Так, например, согласно информационно-аналитическим справкам УВМ ГУ МВД России по Ростовской области за 2017–2020 гг. «О результатах оперативно-служебной деятельности УВМ ГУ МВД России по Ростовской области» регион активно принимает мигрантов. Примерно 20 % въехавших иностранных граждан остается в области. И большая часть из них осуществляет трудовую деятельность по предоставлению услуг на основе патента. В том числе: по ведению домашнего хозяйства; в строительстве; по предоставлению прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; на обрабатывающих производствах, в оптовой и розничной торговле, в общественном питании, транспорте и связи, т. е. составляют преимущественно сегмент низкоквалифицированных работников (таб. 1).

Профилактика миграционных правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов осуществляется МВД России на основе Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6], которая является многовекторным процессом, включающим в себя различные направления профилактики.

Профилактика миграционных правонарушений в деятельности МВД России в целом осуществляется как в рамках регулятивной, административно-юрисдикционной, позитивной управленческой (государственные услуги), так и охранительной-принудительной (контроль-надзор) функций. МВД России в сфере миграции в соответствии с Указом Президента России от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [7] является федеральным органом исполнительной власти и осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также правоприменительные

Отдельные показатели деятельности УВМ ГУ МВД России по Ростовской области в сфере миграции за 2017–2020 гг.

Показатели миграционной деятельности УВМ ГУ МВД России по РО		2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г. (8 мес.)
Въехало иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ИГ и ЛБГ)		1 323 021	1 317 346	2 333 426	942 897
Поставлено на миграционный учет		224 369	269 933	240 312	90 651
Работодателям различной формы собственности выдано разрешений на привлечение и использование иностранной рабочей силы		85	85	103	52
Оформлено разрешений на работу		769	312	281	160
Оформлено патентов		23 915	20 310	20 900	8 672
из них	для работы у юридических лиц	7 982	7 663	6 873	3 026
	для работы у физических лиц	15 933	12 647	14 027	5 646

функции по федеральному государственному контролю (надзору).

МВД России в рамках регулятивной функции принимает участие в формировании и совершенствовании миграционного законодательства на основе анализа складывающейся миграционной обстановки и прогнозов ее развития в стране, издает ведомственные приказы в сфере миграции. Таким образом, ведомство вносит определенный вклад в профилактику миграционных правонарушений в трудовой сфере путем создания охранительного режима, рамок ожидаемого правомерного поведения мигрантов, хозяйствующих субъектов, участвуя в установлении правил, соблюдение которых иностранными гражданами обязательно, если те хотят на законных основаниях пребывать, проживать и трудиться на территории России, а также если хотят избежать санкции, связанной со значительным штрафом (до 1 млн рублей) и административным приостановлением деятельности (от 14 до 90 суток) из-за привлечения к труду иностранных граждан без соблюдения соответствующих требований законодательства.

Функции профилактики миграционных правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов осуществляются посредством содействия иностранным гражданам, лицам без гражданства, хозяйствующим субъектам в получении требуемых в соответствии с законодательством разрешений в сфере трудовой деятельности и соблюдения четкой, детальной

процедуры предоставления государственных услуг по получению патента, разрешения на привлечение и использование иностранных работников, разрешений на работу иностранных гражданам.

Противодействие миграционным правонарушениям как один из направлений профилактики, который, по мнению отдельных авторов, является основным [8, с. 35], осуществляется посредством контроля и надзора за соблюдением хозяйствующими субъектами следующих обязательных требований российского законодательства:

- оформление разрешения на привлечение и использование иностранных работников (п. 2, 3 ст. 13; п. 1 ст. 13.6 ФЗ № 115-ФЗ);
- оформление трудовых договоров либо гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг) с иностранными работниками (п. 10 ст. 8; п. 7 ст. 9; п. 16 ст. 13.4 ФЗ № 115-ФЗ);
- направление уведомлений в территориальный орган МВД России о заключении (расторжении) трудовых договоров или либо гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг) с иностранными работниками (п. 18 ст. 13.4 ФЗ № 115-ФЗ);
- направление уведомлений в территориальный орган МВД России об исполнении обязательств по выплате заработной платы (вознаграждения) высококвалифицированным специалистам (п. 13 ст. 13.2 ФЗ № 115-ФЗ);

– запрет на привлечение иностранных работников в качестве высококвалифицированных специалистов для торгового обслуживания покупателей в процессе розничной торговли (п. 1.3 ст. 13.2 ФЗ № 115-ФЗ);

– ограничения в отношении иностранных работников и иностранных организаций на осуществление отдельных видов деятельности.

Осуществляется данный вид контроля (надзора) за хозяйствующими субъектами на основе регламента, принятого в 2015 г. еще совместным приказом ФМС И МВД России «Об утверждении административного регламента по исполнению федеральной миграционной службой, ее территориальными органами и органами внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников», посредством проведения проверок [9]. По факту, осуществление федерального государственного контроля в сфере трудовой деятельности иностранных работников на основе положений данного регламента профилактирует миграционные правонарушения в деятельности хозяйствующих субъектов. Вместе с тем положения регламента нуждаются в переработке, поскольку «устарели» и по времени (ведомство его принявшее упразднено), и по содержанию. Так, практические работники отмечают, что реализация отдельных положений регламента нуждается в существенной переработке как в аспектах контрольно-надзорной, так и профилактической деятельности, например, в вопросах проведения внеплановых проверок, или применения такой профилактической меры как предостережение. В целях эффективного осуществления контрольно-надзорной деятельности, а также полноценного проведения профилактики требуется разработать новый приказ, посвященный контролю (надзору) за осуществлением трудовой деятельности, связанной с привлечением иностранных работников в России, в котором необходимо предусмотреть раздел, посвященный профилактике. В целях кардинальной оптимизации деятельности по профилактике правонарушений в сфере миграции следует рассмотреть вопрос о выведении данных полномочий из компетенции МВД России и возложить их на специально созданные подразделения федерального органа

исполнительной власти. Данные предложения не лишены рациональности, хотя и труднореализуемы в связи с большими финансовыми затратами на их осуществление. Вместе с тем осуществление указанного вида профилактики органом государственной власти, полномочия которого имеют исключительно узкопредметную профилактическую направленность, а также полномочия которого не сопряжены с применением государственного принуждения, могут в корне изменить общую ситуацию в области незаконной миграции в целом, снизить уровень совершаемых миграционных правонарушений как в деятельности самих иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, так и в деятельности хозяйствующих субъектов, граждан РФ, привлекающих иностранных работников к труду.

В настоящее время за нарушение установленных требований хозяйствующие субъекты в рамках административно-юрисдикционной функции МВД России привлекаются к административной ответственности в соответствии со ст. 18.15, 18.16, 18.7 КоАП РФ. Привлекая к ответственности хозяйствующих субъектов по данным статьям, должностные лица подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России осуществляют профилактику миграционных правонарушений, т. к. понесенное наказание воздействует на сознание нарушителя и стимулирует в дальнейшем у него правомерное поведение под воздействием административно-правового запрета (общая превенция).

Так, например, анализ внутренней отчетности по форме 1-АП УВМ ГУ МВД России по Ростовской области административной практики по привлечению к ответственности по ст. 18.15, 18.16, 18.7 КоАП РФ за период с 2018 г. по настоящее время позволяет сделать вывод о том, что количество фактов привлечения к ответственности с 2018 г. существенно снизилось. Это свидетельствует об эффективности проводимой профилактической работы в отношении всех субъектов правонарушений, подпадающих под их действие, в том числе хозяйствующих субъектов. Вместе с тем из данных табл. 2 следует, что за 2020 г. сумма наложенных штрафов стала ниже, чем в предыдущие оцениваемые периоды. Однако указанные обстоятельства не связаны с профилактикой, а обусловлены наличием в законодательстве возможности на обжалование у субъекта правонарушения, которыми они и воспользовались (таб. 2).

**Анализ внутренней отчетности УВМ ГУ МВД России по Ростовской области
административной практики по привлечению к ответственности по ст. 18.15, 18.16,
18.7 КоАП РФ за период с 2018 по 2020 г.**

статья КоАП РФ	Количество составленных протоколов об административ- ных правонару- шениях	в отношении:				Сумма наложен- ных штрафов (тыс. руб.)	Вынесено решений об адм. приоста- новлении деятельности
		граждан Российской Федерации	ИГ и ЛБГ	должностных лиц	Хозяйст- вующие субъекты		
2018 г.							
18.15	1 042	801	26	23	192	22 096	47
18.16	21	0	0	0	21	2 525	7
18.17	57	12	29	2	14	1 785	5
итого	1 120	813	55	25	227	26 406	59
2019 г.							
18.15	951	837	3	7	104	8 335	22
18.16	15	0	0	0	15	1 400	3
18.17	41	9	27	0	5	2 459	1
итого	1 007	846	30	7	124	12 194	26
2020 г. (8 месяцев)							
18.15	283	214	6	0	63	2 037	4
18.16	9	0	0	0	9	0	1
18.17	7	2	3	0	2	6	0
итого	299	216	9	0	74	2 043	5

В деятельности подразделений по вопро-сам миграции территориальных органов МВД России профилактика правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов осуществляется и как самостоятельное на-правление деятельности на основе разрабо-танных в ведомстве программ в соответст-вии с требованиями Федерального закона 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» об обязанности органов государственной вла-сти разработать программы по профилакти-ке правонарушений по основным направле-ниям своей деятельности.

Следует отметить, что основы данного направления деятельности МВД России за-ложила реформа контрольно-надзорной дея-тельности, в соответствии с которой в 2016 г. был разработан Стандарт комплексной

профилактики нарушений обязательных тре-бований и внесены изменения в Федераль-ный закон 2008 г. № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных пред-принимателей при осуществлении государ-ственного контроля (надзора) и муници-пального контроля» [10]. Общий вектор дан-ных законодательных изменений послужил укреплению гарантий статуса юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, усилил защиту от несанкционированных проверок с помощью проведения плановых проверок в зависимости от категории рис-ка, а также закрепленного перечня требова-ний к хозяйствующим субъектам, проверяе-мым в ходе проверок.

МВД России в 2019 г. по поручению Пра-вительства Российской Федерации во испол-нение требований ст. 7 Федерального закона

«Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, ст. 8.2 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ разработало государственную программу по профилактике нарушений обязательных требований (далее – Программа МВД России).

На основе Программы МВД России в соответствии со Стандартом комплексной профилактики нарушений обязательных требований территориальные органы МВД России на региональном уровне подготовили подпрограммы, а непосредственные субъекты профилактики осуществляют закрепленный в планах-графиках перечень профилактических мероприятий в 2020 г.

В соответствии с Программой МВД России профилактические мероприятия представляют собой совокупность мер правового, организационного, информационного и иного характера в целях предупреждения возможного нарушения обязательных требований работодателем или заказчиком работ (услуг) при привлечении (использовании) иностранных работников, прибывших на территорию России. Анализ положений Программы МВД России позволяет сделать вывод, что профилактика и контроль неразрывно связаны, профилактика осуществляется сотрудниками тех же подразделений, что и контрольно-надзорные полномочия в сфере трудовой деятельности иностранных работников. В программе изложены принципы ее реализации, дан основной перечень профилактических мероприятий, приведены типовые планы профилактики, параметры измерения эффективности профилактических мероприятий.

Анализ Программы МВД России на 2020 г. позволяет выявить в ее содержании организационные основы системы профилактики миграционных правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов в виде ее следующих компонентов [11, с. 195]:

- совокупность уполномоченных подразделений по вопросам миграции МВД России и их сотрудников, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской

Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников (всего примерно 2 707 человек, что составляет около 9,3 % от общей численности подразделений по вопросам миграции; в должностные регламенты данных сотрудников внесены положения об обязанности осуществлять профилактические мероприятия);

- перечень обязательных требований в сфере миграции, предъявляемых к хозяйствующим субъектам – предмет профилактики;

- совокупность профилактических мер (правовые: размещение перечней с обязательными требованиями, содержащимися в правовых актах в открытый доступ; информационные: проведение публичных мероприятий; разъяснительная и консультативная работа; организационные: проведение выездных практических профилактических мероприятий, проведение профилактических осмотров (обследований), организация и проведение заседаний комиссий по миграционной политике; иного характера: обобщение правоприменительной практики, предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований и др.);

- стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований, а также разработанные на его основе план-график, показатели программы профилактики (механизм оценки эффективности и результативности осуществляемых профилактических мер), примерный образец предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований.

В программе особо подчеркивается, что профилактические меры являются рекомендательными, не принуждают субъектов контроля к каким-либо действиям, не влекут за собой неблагоприятные последствия. Вместе с тем указывается, что профилактика осуществляется для повышения прозрачности деятельности МВД России при осуществлении государственного контроля, а также снижения издержек государства при осуществлении контрольно-надзорной деятельности исключительно путем проведения контрольно-надзорных мероприятий, а затем уже только указывается: для предупреждения нарушения хозяйствующими субъектами обязательных требований, включая устранение причин, факторов и условий, к ним проводящим, мотивация к добросовестному поведению, снижение уровня причиняемого вреда (ущерба)

охраняемым законом ценностям оптимального распределения трудовых, материальных и финансовых ресурсов государства и минимизацию неоправданного вмешательства контрольно-надзорных органов в деятельность хозяйствующих субъектов.

Анализ законодательства позволил прийти к выводу, что система профилактики правонарушений хозяйствующих субъектов в миграционной сфере включает в себя реализацию предупредительных мер общего и специального характера в деятельности МВД России по комплексному решению задач, направленных на предупреждение ад-

министративных правонарушений, предусмотренных ст. 18.5, 18.6, 18.7 КоАП РФ, установление причин и условий, способствующих этому, а также защиту прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. Система профилактики миграционных правонарушений хозяйствующих субъектов в деятельности МВД России – комплексная, многовекторная. В настоящее время созданы организационные основы системы профилактики в данной сфере, вместе с тем требуются дальнейшие мероприятия по оптимизации законодательства.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кузнецов К.И. Понятие «хозяйствующий субъект» в предпринимательском праве // Право и экономика. 2018. № 12.
3. Коренюгин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность подразделений ОВД РФ по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка (современное состояние и тенденции развития): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010.
4. Понежина Л.Ю. Политико-правовой режим мигрантов в контексте либерально-демократической трансформации российской государственности (теоретико-правовой аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010.
5. Капранова Ю.В., Понежина Л.Ю. Правовое регулирование миграционных процессов: учебное пособие. Ростов н/Д, 2019.
6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кокорев А.Н. Особенности совместной деятельности участкового уполномоченного полиции и сотрудников подразделений по вопросам миграции при осуществлении опе-

Bibliography

1. Federal Law of July 26, 2006 № 135-FL «On protection of competition» // LRS «ConsultantPlus».
2. Kuznetsov K.I. The concept of «economic entity» in business law // Law and Economics. 2018. № 12.
3. Korenyugin V.V. Administrative and jurisdictional activities of the divisions of the Internal Affairs Department of the Russian Federation to combat offenses in the consumer market (current state and development trends): abstract of diss ... PhD in Law. Rostov on/D, 2010.
4. Ponerine L.Y. legal-Political regime of migrants in the context of liberal-democratic transformation of the Russian statehood (theoretical-legal aspect): abstract of dis. ... PhD in Law. Rostov on/D, 2010.
5. Kapranova Yu.V., Ponezhina L.Yu. Legal regulation of migration processes: textbook. Rostov on/D, 2019.
6. Federal Law of 23.06.2016 № 182-FL «On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
7. The decree of the President of the Russian Federation from 21.12.2016 № 699 (ed. by 25.12.2019) «On approval of the Regulations on the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation and Standard regulations on territorial body of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation subject of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
8. Kokorev A.N. Features of joint activities of police officer and staff on migration issues in the implementation of operative-preventive measures // Migration law. 2019. № 4.
9. The order of FMS Russia № 367 of the Ministry of internal Affairs of Russia № 807 from 31.07.2015 «About approval of administrative regulations on execution by the Federal migration

ративно-профилактических мероприятий // Миграционное право. 2019. № 4.

9. Приказ ФМС России № 367, МВД России № 807 от 31.07.2015 «Об утверждении административного регламента по исполнению федеральной миграционной службой, ее территориальными органами и органами внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Капранова Ю.В., Тузов А.И. Профилактика правонарушений в сфере трудовой миграции: содержание и проблемы совершенствования // Юрист-Правовед. 2020. № 2.

service, its territorial bodies and bodies of internal Affairs of the Russian Federation the state function on implementation of Federal state control (supervision) over the stay and residence of foreign citizens and individuals without citizenship in the Russian Federation and employment of foreign workers» // LRS «ConsultantPlus».

10. Federal Law № 294-FL of 26.12.2008 «On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control» // LRS «ConsultantPlus».

11. Kapranova Yu.V., Tuzov A.I. Prevention of offenses in the sphere of labor migration: content and problems of improvement. 2020. № 2.

© 2021 г. Гриценко Татьяна Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: kazmenkova78@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Автором анализируются правовые нормы, регламентирующие порядок добровольного возмещения вреда, уголовно-процессуальной реституции, удовлетворения гражданского иска. Содержатся предложения по оптимизации правового регулирования указанных институтов.

Ключевые слова: добровольное возмещение вреда, реституция, гражданский иск, потерпевший, гражданский истец, преступление.

Gritsenko Tatiana Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROVISION OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY A CRIME: REGULATORY ISSUES

The author analyzes the legal norms governing the procedure for voluntary compensation for harm, criminal procedural restitution and a civil claim. The article contains proposals for optimizing the legal regulation of these institutions.

Keywords: voluntary damages, restitution, civil claim, victim, civil claimant, crime.

Значимость деятельности по обеспечению возмещения причиненного преступлением вреда сложно переоценить, поскольку она направлена на достижение главных целей всего уголовного судопроизводства – на защиту и восстановление прав и законных интересов физических и юридических лиц, признанных в установленном порядке потерпевшими от преступных посягательств.

Сущность правовой конструкции «возмещение вреда, причиненного преступлением» заключается, во-первых, в комплексе компенсаторных действий виновного в преступном посягательстве, во-вторых, в комплексе обеспечительных действий соответствующих государственных органов и должностных лиц – дознавателя, следователя, органов прокуратуры и суда, на которых законом возложена обязанность обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Однако внимание и законодателя, и правоприменителя долгое время было сосредоточено, прежде всего, на гарантированности соблюдения прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в уголовном судопроизводстве. За потерпевшим же закрепился статус второстепенного участника уголовного судопроизводства и довольно призрачная перспектива возмещения вреда, причиненного преступлением.

Данные уголовно-правовой статистики о материальном ущербе, причиненном преступлениями, и его погашении свидетельствуют,

во-первых, об увеличении масштабов проблемы – из года в год растет размер причиненного материального ущерба, во-вторых, о весьма низкой эффективности сложившегося механизма возмещения причиненного преступлением вреда. Так, только по оконченным и приостановленным уголовным делам размер причиненного преступлением материального ущерба составил: в 2014 году – 349,34 млрд руб., в 2015 году – 436,49 млрд руб., в 2016 году – 562,63 млрд руб., в 2017 году – 408,5 млрд руб., в 2018 году – 563,1 млрд руб., в 2019 году – 627,7 млрд руб., в 2020 году – 512,8 млрд руб. При этом, согласно данным статистических отчетов, в России ежегодно возмещается не более 30 % от указанных сумм [1].

Приведенные внушительные цифры статистики отражают только суммы прямого материального ущерба, явившегося следствием преступных посягательств, поскольку официально учету подлежит только данный вид вреда.

Актуальность проблемы возмещения имущественного вреда, понесенного потерпевшим в результате совершенного преступления, во многом обусловлена современной криминологической обстановкой в России. Не менее половины всех зарегистрированных преступлений составляют различные формы хищений: в 2014 году их доля в общей преступности составила 45,3 %, в 2015 году – 46 %, в 2017 году – 52,3 %, в 2018 году – 51,7 %, в 2019 году – 50,8 %, в 2020 году – 50,1 %.

в 2019 году – 53,5 %, в 2020 году – 55,3 % [1].

Кроме того, в имеющихся условиях требуется укрепление, развитие и совершенствование форм и способов защиты и восстановления нарушенных преступным посягательством имущественных прав и законных интересов личности, поскольку имущественной оценке подлежит любой из существующих видов вреда, причиненного преступлением. Полученный физический вред, как правило, влечет последствия имущественного характера в виде расходов на похороны, полной или частичной утраты заработка ввиду потери трудоспособности, расходов на лечение и реабилитацию и т. п. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ и как следует из гражданского законодательства, для компенсации морального вреда он должен быть переведен в материальное выражение, и в случае установления морального вреда суд может возложить на виновное лицо обязанность финансового его погашения (ст. 151 ГК РФ) [2].

В ст. 44 УПК РФ отсутствует прямое указание на то, что гражданским истцом может быть предъявлено требование об имущественной компенсации физического вреда. Законодатель ограничился закреплением такого права только в случае причинения имущественного или морального вреда, и это видится необоснованным. В связи с этим целесообразно последнее предложение ч. 1 ст. 44 УПК РФ изложить следующим образом: «Гражданский истец может предъявить гражданский иск для имущественной компенсации физического и морального вреда».

В Российской Федерации на сегодняшний день сложились два основных способа возмещения вреда, причиненного преступлением: 1) добровольное или принудительное взыскание с лица, его причинившего; 2) выплаты страховых сумм (при добровольном или обязательном страховании потерпевшим жизни, здоровья, имущества).

Первый из указанных способов возмещения вреда реализуется органами предварительного расследования и судом в нескольких законодательно регулируемых формах. Наиболее обоснованной видится классификация институтов, направленных на обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда, разработанная В.В. Дубровиным. Он выделяет: 1) добровольное возмещение вреда; 2) уголовно-процессуальную реституцию (ст. 81, 82 УПК РФ); 3) гражданский иск (ст. 44 УПК РФ) [3].

При этом представляется, что к добровольному возмещению вреда относимо

заглаживание вреда, причиненного преступлением, в порядке:

1) ч. 1 ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, предусматривающих возможность прекращения уголовного преследования в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой и средней тяжести, при возмещении им ущерба потерпевшему и выполнении ряда действий, свидетельствующих о его деятельном раскаянии;

2) ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, предусматривающих возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, примирившегося с потерпевшим и загладившего причиненный последнему вред, если им было впервые совершено преступление небольшой и средней тяжести;

3) п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62 УК РФ, оценивающих возмещение виновным вреда, причиненного потерпевшему, в качестве смягчающего обстоятельства, учитываемого судом при назначении наказания;

4) ч. 1, 2 ст. 76.1 УК РФ и 28.1 УПК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших конкретизированные данными нормами преступления в сфере экономической деятельности, при полном возмещении ущерба бюджетной системе РФ, гражданину или организации;

5) ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ, ст. 25.1, гл. 51.1 УПК РФ, регламентирующих порядок освобождения лиц от уголовной ответственности, с назначением судебного штрафа при условиях совершения ими преступления небольшой и средней тяжести впервые и возмещения причиненного ущерба.

Институт добровольного возмещения вреда, складывающийся из совокупности поощрительных уголовных и уголовно-процессуальных норм, побуждающих комплиментарное постпреступное поведение виновных лиц, активно развивается. Так, введенные только в 2016 году нормы, закрепившие новое особое производство при освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [4], быстро получили популярность в правоприменительной практике. Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ судебный штраф в 2017 году был применен в отношении 20 639 лиц, в 2018 году – в отношении 33 329 лиц, в 2019 году – в отношении 51 213 лиц, в первом полугодии 2020 года – в отношении 26 940 лиц, и, по оценкам специалистов, будет применяться еще чаще [5, 6]. Статистические данные также подтверждают

незначительное, но все же увеличение суммы добровольно возмещаемого вреда: в 2014 году доля таковой составила 7,5 % в общей сумме причиненного ущерба, в 2015 году – 7,9 %, в 2016 году – 7,7 %, в 2017 году – 10,9 %, в 2018 году – 10,6 %, в 2019 году – 7,1 %, в 2020 году – 10,7 % [1].

Позитивно оценивая нормы, поощряющие добровольное возмещение причиненного преступлением вреда как действенное средство восстановления нарушенных прав потерпевших от преступных посягательств, ведущие процессуалисты справедливо указывают на отсутствие «уголовно-процессуальной формы возмещения вреда» [7, с. 36–39]. Разрешить этот вопрос целесообразно на уровне разъяснений высшего судебного органа РФ путем внесения соответствующих дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 13 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [8]. На основе анализа судебной практики можно выделить наиболее часто встречаемые формы: компенсацию стоимости похищенного (уничтоженного) имущества в денежном эквиваленте; передачу потерпевшему в собственность вещи того же рода и качества; возвращение похищенных вещей и ценностей; восстановление поврежденного имущества; погашение финансовых обязательств потерпевшего перед третьими лицами; выполнение работ и оказание услуг в пользу потерпевшего; принесение извинений.

Пленуму Верховного Суда РФ необходимо также закрепить принципы, которыми следует руководствоваться следователю (дознавателю) и суду при реализации указанных институтов добровольного возмещения вреда.

Во-первых, такое возмещение должно основываться на принципе добровольности. При этом решение лица, причинившего преступлением вред, может быть принято им как самостоятельно, так и в результате воздействия со стороны третьих лиц, например, следователя (дознавателя).

Во-вторых, должен быть соблюден принцип инициативности со стороны лица, совершившего преступление, который должен или самостоятельно, собственными действиями, или с помощью привлекаемых им лиц, к которым он обратится за помощью, выполнить обязательства по возмещению вреда. Обещания загладить вред в будущем, компенсация вреда при обстоятельствах, не зависящих от виновного лица (например, в случае изъятия добытого преступным путем имущества

следователем при производстве обыска), означают несоблюдение этого принципа.

В-третьих, причиненный ущерб должен быть компенсирован в объеме, оцениваемом потерпевшим как достаточный для признания таких действий виновного обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В остальных случаях, связывающих заглаживание вреда с возможностью освобождения виновного от уголовной ответственности, вред должен быть компенсирован в полном объеме. В этом вопросе совершенно справедлива позиция А.В. Ендольцевой, полагающей, что «правовые последствия разной степени возмещения причиненного ущерба также должны быть различными» [7, с. 38].

Как показал опрос практических работников, осуществляющих предварительное расследование, намерения виновного лица возместить потерпевшему причиненный вред отражаются в протоколе его допроса. Когда факт возмещения вреда состоялся, следователь (дознаватель) отбирает у потерпевшего соответствующую расписку и прилагает ее к материалам уголовного дела.

Однако ввиду значимости реализации институтов добровольного возмещения вреда для итогового решения по делу, а также с целью усиления гарантий прав потерпевшего, который до сих пор лишен бесплатной юридической помощи в лице представителя-адвоката, предоставляемого государством безвозмездно, считаем необходимым законодательно закрепить обязанность субъекта расследования процессуально оформлять само событие добровольного возмещения вреда потерпевшему соответствующим протоколом. В таком случае следователь (дознаватель), непосредственно присутствуя и фиксируя в протоколе процедуру передачи похищенного имущества, компенсационной выплаты и т. п., либо факт передачи документов, достоверно подтверждающих выполнение в пользу потерпевшего действий, направленных на заглаживание причиненного вреда, будет выступать гарантом добровольного, инициативного, полного или достаточного возмещения потерпевшему ущерба.

Реституция как специфический способ защиты и восстановления нарушенных совершением преступления прав потерпевшего неоднозначно оценивается процессуалистами в плане ее содержания. Международным правом реституция трактуется весьма широко и включает в себя не только возвращение потерпевшему похищенного имущества в натуре, но также компенсационные выплаты и

возмещение расходов, вытекающих из виктимизации, с целью приведения положения потерпевшего в первоначальное состояние, предшествующее совершению преступления. Такое широкое понимание данного института характерно для отдельных российских ученых. Например, Г.А. Подкаура и О.Н. Селедникова считают, что реституция – это не только возвращение предмета преступного посягательства, но и выдача аналогичной вещи – того же рода, вида, качества, или денежной компенсации утраченной вещи [9, 10].

Автор считает, что при таком подходе имеет место смешение смежных, но различных институтов – реституции и добровольного возмещения вреда, которые, реализовываясь, влекут различные правовые последствия. В связи с этим более обоснованной представляется позиция авторов, определяющих реституцию как такое восстановление предшествующего преступлению положения потерпевшего, которое заключается в возвращении ему предметов, похищенных в ходе преступного посягательства и признанных вещественными доказательствами по делу [11; 12].

В свете современного правового регулирования представленное определение следует дополнить указанием на то, что посредством реституции могут быть возвращены также деньги и иные ценности, полученные преступным путем и подлежащие конфискации, в части, соответствующей сумме причиненного потерпевшему ущерба. В соответствии с главой 15.1 УК РФ, к такому имуществу относится то, которое получено в результате совершения преступлений, указанных в ст. 104.1 УК РФ, задействованное в финансировании терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, выступающее орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления и принадлежащее обвиняемому. В случаях, когда у лица, совершившего одно из указанных преступлений, отсутствует другое имущество, за счет которого может быть компенсирован причиненный потерпевшему вред, взыскание обращается на имущество, добытое в результате преступных действий (ч. 2 ст. 104.3 УК РФ). При этом, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, принимая решение о конфискации имущества, суд, прежде всего, должен решить вопрос о возмещении вреда, причиненного его законному владельцу [13]. Перед следователем (дознавателем) в этих случаях стоит задача установления такого имущества и

своевременного наложения на него ареста в порядке ст. 115 УПК РФ.

В аспекте изложенного хотелось бы упомянуть нормы, содержащиеся в УПК Республики Беларусь: в соответствии с п. 4 ст. 98 данного закона, подлежат обращению на возмещение причиненного потерпевшему (иному лицу) вреда или конфискации деньги и ценности, приобретенные в результате совершения любого преступления [14], а не только ограниченного их перечня, как это регламентировано российским законодательством (ст. 104.1 УПК РФ). Представляется, что подход белорусского законодателя существенно расширяет возможности правоприменительных органов в обеспечении возмещения понесенного потерпевшим ущерба, и его целесообразно ассимилировать в отечественное правовое регулирование. Кроме того, из перечня имущества, на которое в соответствии с гражданским законодательством РФ не может быть наложен арест (ст. 446 ГПК РФ), целесообразно исключить то имущество, которое было добыто преступным путем.

Таким образом, реституцию следует определить как такое восстановление исходного материального положения потерпевшего, при котором по решению следователя (дознавателя) или суда ему возвращается предмет преступного посягательства в натуре или деньги и иные ценности, полученные преступным путем.

Необходимо также учитывать встречающиеся на практике случаи так называемого идеального слияния добровольного возмещения вреда с реституционными процессами, когда предмет преступного посягательства передается органам предварительного расследования обвиняемым (подозреваемым) по собственному побуждению, и впоследствии уже следователем (дознавателем) возвращается потерпевшему. Во избежание судебных ошибок, связанных с неверной оценкой судом добровольности возмещения вреда в тех случаях, когда похищенное имущество на самом деле обнаруживается и изымается органами расследования, без содействия в этом со стороны обвиняемого (подозреваемого), следователю (дознавателю) надлежит четко отражать в соответствующих процессуальных документах обстоятельства выявления и изъятия предметов преступного посягательства. В случаях, когда таковой передается обвиняемым (подозреваемым) непосредственно потерпевшему – собственнику – следователь должен произвести выемку данных предметов, осмотреть их, приобщить к делу как вещественные доказательства и только после

соответствующего процессуального оформления указанных действий, по возможности, вернуть их потерпевшему, взяв у последнего расписку о получении и принятии на себя обязательства о надлежащем хранении до вступления приговора в законную силу вещественных доказательств.

Если предпринятыми при расследовании уголовного дела мерами следователю (дознавателю) не удалось добиться возмещения вреда потерпевшему – добровольного или в порядке реституции, то им незамедлительно должен быть разрешен вопрос о заявлении потерпевшим гражданского иска. Гражданский иск, заключающийся в требовании возмещения имущественного вреда, непосредственно причиненного преступлением, может быть заявлен потерпевшим (как физическим, так и юридическим лицом). Физическое лицо в порядке гражданского иска может требовать также имущественной компенсации морального вреда.

Непосредственно после возбуждения уголовного дела и признания лица потерпевшим субъект расследования должен разъяснить ему право на предъявление гражданского иска – не формально, а с разъяснением смысла, содержания данного права, с указанием на преимущества рассмотрения исковых требований одновременно с рассмотрением уголовного дела в суде.

Следователь (дознаватель) должен сосредоточить свои усилия на первоначальном этапе расследования на получении информации о виде, размере и объеме причиненного потерпевшему вреда; на установлении лиц, причастных к совершению преступления (поскольку вред может быть взыскан только в случае установления виновного лица); на установлении имущества, на которое может быть обращено взыскание, его местонахождения и владельца.

Нельзя не согласиться с Т.И. Джелали, позитивно оценивающей введение в УПК РФ нормы, устанавливающей меры по обеспечению гражданского иска (ст. 160.1) [15]. Особенно большое значение в деле реального обеспечения субъектом расследования возмещения причиненного преступлением вреда имеет своевременность вынесения следователем (дознавателем) постановления о наложении ареста на имущество и ценные бумаги (ст. 115, 115.1, 116 УПК РФ), поскольку запоздалое принятие такого решения зачастую влечет сокрытие виновным имущества, на которое могло быть обращено взыскание.

То обстоятельство, что субъект расследования не может в стадии предварительного

расследования передать арестованное имущество потерпевшему в счет возмещения причиненного ему вреда, существенным образом затягивает решение вопроса о компенсации ущерба. В случае удовлетворения судом гражданского иска процесс погашения имущественных обязательств перед потерпевшим нередко растягивается на годы, поскольку часто виновные не имеют достаточных финансовых средств, а в случаях отбытия наказания в местах лишения свободы, как отмечают исследователи, имеют весьма низкую мотивацию к труду, обусловленную, в первую очередь, желанием отвлечься, во вторую – потребностью в получении заработной платы и только в третью – необходимостью выполнить исковые обязательства [16].

Изложенные обстоятельства позволяют оценивать гражданский иск как наименее эффективную форму защиты нарушенных прав потерпевшего. В связи с этим следователем (дознавателем) должны использоваться институты добровольного возмещения вреда или реституция, и только лишь при невозможности их применения в конкретном случае должен ставиться вопрос о заявлении гражданского иска. Развитию и укреплению данных институтов, повышению эффективности деятельности субъекта расследования по возмещению причиненного преступлением вреда могут способствовать следующие предложения, обоснованные в настоящей статье:

- ч. 1 ст. 44 УПК РФ целесообразно дополнить указанием на то, что посредством гражданского иска может быть компенсирован не только причиненный преступлением имущественный и моральный вред, но также вред физический;

- разработать Пленумом Верховного Суда РФ официальных разъяснений, касающихся уголовно-процессуальных форм добровольного возмещения вреда и принципов реализации данного института (добровольности, инициативности, полноты и достаточности);

- внести в уголовно-процессуальное законодательство норму, обязывающую субъекта расследования процессуально оформлять специальным протоколом событие добровольного возмещения вреда;

- ст. 104.3 УК РФ дополнить ч. 3 следующего содержания: «При отсутствии у виновного имущества, указанного в ч. 2 настоящей статьи, вред, причиненный законному владельцу, возмещается из стоимости имущества, полученного в результате совершения преступлений, не указанных в ст. 104.1 настоящего Кодекса»;

— из перечня имущества, на которое в соответствии с гражданским законодательством РФ не может быть наложен арест (ст. 446 ГПК РФ),

целесообразно исключить то имущество, которое было добыто преступным путем.

Литература

1. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/16053092>.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/.
3. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования): монография. М., 2011.
4. URL: <https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n323-fz-ot03072016-h2781570/>.
5. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
6. URL: <https://pravo.ru/story/213140/>.
7. Ендольцева А.В. Добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым причиненного преступлением вреда как одно из средств восстановления нарушенных прав потерпевшего // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
8. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 13 // Российская газета. 05.07.2013. № 145.
9. Подкаур Г.А. Реституция в стадии предварительного расследования уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998.
10. Селедникова О.Н. Реституция как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.
11. Емельянов С.Л. Возмещение вреда по инициативе суда и реституция в уголовном процессе: отдельные аспекты правового регулирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1).
12. Нор В.Т. Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Киев, 1989.
13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/.
14. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protssessualnyj_kodeks_rb.htm.
15. Джелали Т.И. К вопросу о наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведь. 2016. № 3 (76).
16. Мирусин И.С. Труд в местах лишения свободы в восприятии осужденных и сотрудников исправительных учреждений // Уголовная юстиция. 2017. № 10.

Bibliography

1. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/6053092>.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/.
3. Dubrovin V.V. Compensation for harm from crimes in criminal proceedings (domestic, foreign, international experience of legal regulation): monograph. M., 2011.
4. URL: <https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n323-fz-ot03072016-h2781570/>.
5. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
6. URL: <https://pravo.ru/story/213140/>.
7. Endoltseva A.V. Voluntary compensation to suspects, accused of harm caused by a crime as one of the means of restoring violated rights of the victim // Bulletin of economic security. 2016. № 5.
8. On the application by the courts of legislation governing the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.27.2013 № 13 // Rossiyskaya Gazeta. 05.07.2013. № 145.
9. Podkaura G.A. Restitution at the stage of preliminary investigation of a criminal case: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 1998.
10. Selednikova ON. Restitution as a form of realization of the constitutional right of citizens to compensation for property damage caused by a crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10.
11. Emelyanov S.L. Compensation for harm on the initiative of the court and restitution in criminal proceedings: certain aspects of legal regulation // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2012. № 3 (1).
12. Nor V.T. Protection of property rights in criminal proceedings. Kiev, 1989.
13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/.
14. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protssessualnyj_kodeks_rb.htm.
15. Dzhelali T.I. On the issue of the seizure of property in criminal proceedings // Jurist-legal expert. 2016. № 3 (76).
16. Mirusin I.S. Labor in prisons in the perception of convicts and employees of correctional institutions // Criminal Justice. 2017. № 10.

© 2021 г. Федоров Александр Витальевич,

декан факультета «Экономика, управление и право», профессор кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Кравцов Сергей Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с правильным определением предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, а также положения, относящиеся к своевременному выявлению и полноте расследования мошенничества при получении выплат.

Ключевые слова: мошенничество при получении выплат, социальные выплаты, пенсия, материнский капитал, организованное мошенничество, коррупционные связи, превентивные меры, обман, расследование, отказ от дачи показаний.

Fedorov Alexander Vitalievich – Dean of the Faculty of Economics, Management and Law, Professor, the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.

Kravtsov Sergey Sergeevich – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics.

QUESTIONS OF QUALIFICATION AND INVESTIGATION OF FRAUD IN RECEIVING PAYMENTS

The article deals with topical issues related to the correct definition of the subject of the crime under Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as provisions related to the timely detection and completeness of the investigation of fraud in the receipt of payments.

Keywords: fraud in receiving payments, social benefits, pensions, maternity capital, organized fraud, corruption connections, preventive measures, investigation, refusal to testify.

Во все времена мошенничество было и есть одно из распространенных противоправных деяний, направленных против собственности, заключающееся в хищении чужого имущества или приобретении права на него путем обмана или злоупотребления доверием.

В целях повышения эффективности реализации принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) законодателем в 2012 г. были выделены специальные виды мошенничества в отдельные уголовно-правовые нормы [1].

Мошенничество наказуемо, и совершенно не имеет значения, в реальной или виртуальной среде оно совершается. В России в период пандемии эта форма хищения еще больше набрала свою популярность и стала часто совершаемым преступлением после кражи. Значительно чаще стали совершаться преступные деяния, связанные с телефонным или интернет-мошенничеством, а также мошенничеством при получении каких-либо социальных выплат. На сегодняшний день, согласно ста-

тистическим данным ГИАЦ МВД России, набирают популярность именно эти виды мошенничества [10]. На рисунке 1 можно увидеть это соотношение.

Среди представленной совокупности видов мошенничества мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) занимает второе место по популярности, уступая лишь мошенничеству путем использования электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). В связи с тем, что изобретаются новые виды обмана в пенсионной сфере, при получении материнского капитала, с пособиями по безработице, различными другими компенсациями и субсидиями, вопросы квалификации и расследования этого вида мошенничества актуальны и интересны нам.

Статья 159.2 УК РФ направлена на защиту общественных отношений в сфере социальных выплат, социального обеспечения, и поэтому нужно обратить внимание на правильное определение предмета указанного

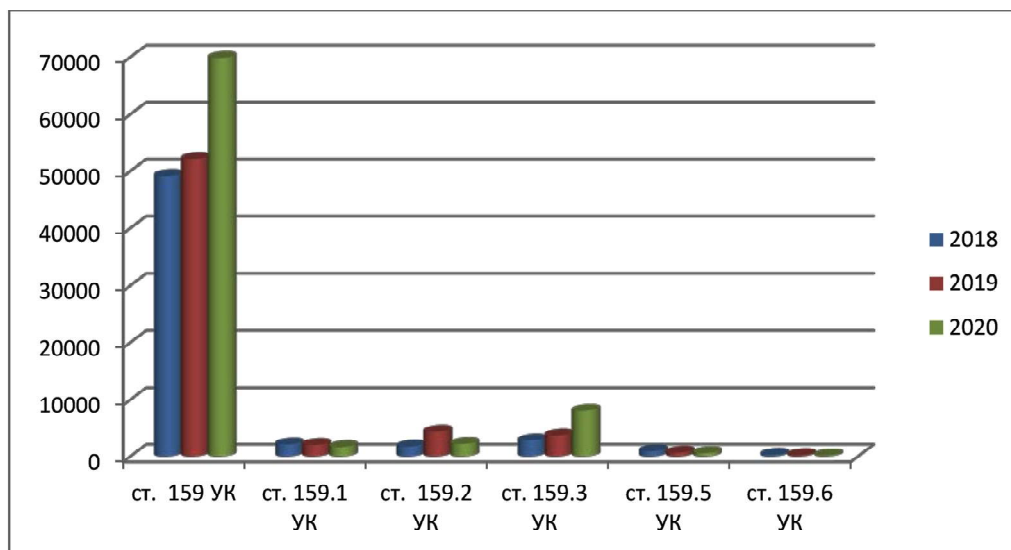

Рис. 1. Преступность по статьям 159–159.6 УК РФ за 2018–2020 г.

выше преступления, потому что в данном случае он имеет решающее значение в квалификации. Если в общем составе мошенничества предметом выступает чужое имущество или право на чужое имущество, то в специальном составе это определенный вид имущества — денежные средства или иное имущество, которое нуждающийся гражданин получает в виде пособий, компенсаций и иных соцвыплат, устанавливаемых государством.

На законодательном уровне не установлено понятие «социальная выплата», как правило, к ним относят: выходное пособие при прекращении трудового договора; деньги, которые выплачиваются уволенным работникам в связи с реорганизацией или ликвидацией организации; единовременные вознаграждения при выходе на пенсию. К социальным выплатам, указанным в ст. 159.2 УК РФ, относятся: «пособие по безработице; компенсации на питание, на оздоровление; субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг; средства материнского (семейного) капитала; предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания» [4].

Несмотря на очевидность объекта посягательства, среди теоретиков–практиков возникают споры относительно установления предмета ст. 159.2 УК РФ. [7, с. 112–118]. Сложность состоит в том, что эта уголовно-правовая норма отсылает к большому числу

нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения. Внимательно изучив перечень социальных выплат, указанных в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, отметим, что в данном перечне нет пенсии, которая тоже относится к социальной выплате. Этот факт, который не позволил законодателю указать в диспозиции ст. 159.2 УК РФ пенсию в числе соцвыплат, можно объяснить путаницей, присутствующей в настоящее время в нашей пенсионной системе.

Несмотря на выше изложенное, анализ материалов судебной практики позволяет говорить о том, что все виды пенсий, а именно: по выслуге лет, старости, инвалидности, по случаю потери кормильца, относятся к предмету хищения рассматриваемого нами состава преступления. В качестве примера приведем приговор суда по обвинению гражданки А., признанной виновной в хищении пенсии по инвалидности в крупном размере (ч. 3 ст. 159 УК РФ) [11]. При этом суд в приговоре отнес пенсию в категорию иных социальных выплат.

Продолжая анализировать предмет преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, на первый взгляд, кажется, что все понятно, но судебная практика свидетельствует о том, что некоторые виды выплат, в том числе и субсидий, не относятся к социальным и, соответственно, не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ: «гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства,

субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства» [4]. За совершение незаконных действий, совершаемых с указанными видами выплат, виновное лицо будет подлежать уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ «Мошенничество».

Правом на получение соцвыплат обладают граждане, нуждающиеся в социальной поддержке, но далеко не всегда это соблюдается. Рассматриваемый нами состав преступления набирает свою популярность в связи с тем, что граждане, чтобы получить предусмотренные законом субсидии, компенсации, пособия в государственные органы, предоставляют фиктивные документы, которые содержат недостоверные, заведомо ложные сведения об их доходах, семейном положении, о стаже работы, наличии инвалидности либо не сообщают о прекращении указанных выплат и продолжают их получать. Так, например, «гражданка П. являлась получателем субсидии на оплату коммунальных услуг и жилого помещения, принадлежащего ей на праве собственности. После возникновения фактов, влекущих утрату права на субсидию, она умолчала об этом, продолжив ее получение. За совершение данного деяния ей был вынесен обвинительный приговор суда по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат» – 160 часов обязательных работ» [5].

Противоправные махинации происходят и с получением средств материнского капитала. Любые незаконные способы, направленные на обман Пенсионного фонда и обналичивание материнского капитала, являются преступными и содержат признаки мошенничества при получении выплат. В практике встречаются случаи, когда в совершении такой махинации участвуют женщины, лишённые родительских прав, которые на основании подложной справки оформляют свидетельство о рождении ребенка и обращаются в Пенсионный фонд за получением сертификата. До 2020 года подобные деяния совершали женщины, не рожавшие второго ребенка и скрывающие эти факты от Пенсионного фонда. В настоящее время Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ [3] предусмотрел новые возможности для получения этих средств, которые теперь положены семьям, где родился не только второй, но и первый ребенок. Эти изменения не требуют личного присутствия. Теперь для того, чтобы семья

быстрее получала материнский капитал и не тратила время на его оформление, с 15 апреля 2020 года действует проактивная (беззаявительная) выдача сертификатов. После рождения ребенка указанный сертификат оформляется автоматически, и семья может распорядиться средствами этого капитала, не обращаясь за самим сертификатом. Самостоятельно эту работу выполнит Пенсионный фонд. В связи со сказанным, полагаем, что принятые изменения являются своего рода одной из превентивных мер, направленных на пресечение данного вида мошенничества.

Основными доказательствами при расследовании уголовного дела по ст. 159.2 УК РФ являются показания подозреваемого (обвиняемого), информация представителя потерпевшего лица, потому что, как правило, потерпевшим здесь выступает юридическое лицо, поэтому показания по делу будет давать представитель компании, осуществляющей социальные выплаты. В качестве доказательств во внимание также принимаются показания экспертов, их заключение, показания специалистов в этой области, приобщенные к делу платежные и бухгалтерские документы, протоколы проведенных следственных действий.

С 2018 года ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» при определенных условиях, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, относится к делам частного-публичного обвинения [2], но только в том случае, если это преступление было совершено специальным субъектом, а именно индивидуальным предпринимателем, который осуществляет деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, либо членом органа управления коммерческой организацией в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. К рассматриваемому виду уголовного преследования этот состав будет отнесен и в том случае, когда предметом преступления будет выступать государственное или муниципальное имущество, либо если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации.

Проанализировав состав преступления, предусмотренный ст. 159.2 УК РФ, и судебную практику, мы можем говорить о том, что по степени организованности и возможному

наличию коррупционных связей мошенничество можно отнести к организованному, потому что оно может совершаться в составе организованных преступных групп, что вызывает сложности расследования [8, с. 183]. Так, например, «организатор преступной группы, занимающейся именно мошенничеством при получении выплат, гр. Б., был осужден за совершение одиннадцати эпизодов преступной деятельности в особо крупном размере, в составе ОПГ (ч. 4 ст. 159 УК РФ и др.). Б. имел небольшой опыт работы в предпринимательстве, банковской деятельности и юридическом консультировании. Используя свои умения и знания, он создал ОПГ и руководил ею» [8, с. 184].

Своевременность выявления и полнота расследования особенностей совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, играет важную роль при его раскрытии и выявления виновных. Для этого необходимо устанавливать и доказывать данные обстоятельства:

- вид выплаты и относится ли она к предмету преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ;
- наличие юридического подтверждения того, что социальная выплата выплачена;
- какой период действия выплаты, какими нормативными правовыми актами предусмотрено ее назначение;
- период времени, в который она была получена;
- кто именно обратился за выплатой и положена она ему или нет;
- были ли использованы подложные документы (если да, то какие именно);
- кому фактически была передана полученная сумма;
- действительно ли были подделаны необходимые документы для того, чтобы получить выплату либо незаконно ею пользоваться в том случае, когда факт, влекущий выплату, прекращен [6, с. 55].

Если при совершении кражи или грабежа способ совершения преступления указывает на противоправность деяния и эта противоправность видна при совершении преступления (незаконное проникновение в помещение, изъятие имущества с применением насилия), то при мошенничестве способ интеллектуален. Специфику способа совершения хищения при мошенничестве иногда сложно отличить от неисполнения определенных гражданско-правовых обязательств, особенно при обмане в намерениях. В связи с этим по

результатам заявлений потерпевших могут приниматься решения об отказе в возбуждении уголовного дела, что не является положительным фактом, потому что в этих случаях мы можем упустить преступника, который в дальнейшем может продолжить свою преступную деятельность.

Установление способа совершения преступления позволяет определить тактику расследования и проведения некоторых следственных действий, например, допроса. При его проведении дознаватель или следователь должны быть готовы к тому, что подозреваемый может отказаться от дачи показаний. В этом случае, согласно проведенным исследованиям, наиболее эффективным способом, позволяющим получить правдивые показания от допрашиваемого, является предъявление подозреваемому уличающих его в совершении мошенничества доказательств (фотографии, результаты документальных экспертиз) [9, с. 301].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Указанные в ст. 159.2 УК РФ такие выплаты, как пособия, компенсации, субсидии – не всегда относятся к социальным. Поэтому в целях правильного определения предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, необходимо руководствоваться разъяснениями вышеуказанного ППВС по делам о мошенничестве, где конкретизируется перечень выплат, относящихся к социальным применительно к ст. 159.2 УК РФ.
2. Все виды пенсий, которые мы указывали в статье, относятся к предмету хищения, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, и квалифицируются как иная социальная выплата.
3. Установленные законом изменения на получение материнского капитала с автоматическим оформлением сертификата Пенсионным фондом сразу после рождения ребенка является одной из превентивных мер, направленных на пресечение мошенничества при получении выплат.
4. Правильное определение предмета и способа преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, играет ключевую роль при его квалификации (отличия от гражданско-правовых отношений).
5. Своевременность выявления и полнота расследования особенностей совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, необходимы при раскрытии этого преступления и установления виновных, выдвижении общих и частных версий, проведения отдельных следственных действий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ от 24.12.2001 № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» // Российская газета. 2020. № 45.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Позняковой Н.В. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 159.2 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Атоян А.А. Отдельные вопросы расследования мошенничества при получении выплат // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 23.
7. Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. № 3.
8. Чумаков А.В. Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам, связанным с получением выплат // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1.
9. Чумаков А.В. Некоторые криминалистические особенности производства по уголовным делам о мошенничестве при получении выплат: материалы Международ. научно-практич. конф. Иркутск, 2015.
10. Главный информационно-аналитический центр МВД России // URL: www.mvd.ru.
11. Приговор Шахтинского городского суда от 10.09.2019 по делу № 1-813/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular>.

Bibliography

1. Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. The code of criminal procedure of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL (as amended on 08.12.2020) // Collected legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. № 52 (P. I). Art. 4921.
3. Federal law of 01.03.2020 № 35-FL «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on issues related to the disposal of means of the parent (family) capital» // The Russian newspaper. 2020. № 45.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 48 of 30.11.2017 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // LRS «ConsultantPlus».
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2135-O of 27.09.2018 «On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Poznyakova N.V. On the violation of her constitutional rights by part one of Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
6. Atoyan A.A. Separate questions of investigation of fraud when receiving payments // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2015. № 23.
7. Boldyrev V.A., Vishnyakova N.V., Kuznetsov A.A. The subject of fraud in receiving payments (Art. 159.2 of the Criminal Code of the RF) // Modern Law. 2015. № 3.
8. Chumakov A.V. Circumstances to be established in criminal cases related to the receipt of payments // Proceedings of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. № 1.
9. Chumakov A.V. Some criminalistic features of production in criminal cases of fraud in receiving payments: materials of International Relations. Irkutsk, 2015.
10. The main information-analytical center of the Ministry of internal Affairs of Russia // URL: www.mvd.ru.
11. The verdict of the Shakhty city court on 10.09.2019 in case number 1-813/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation // URL: <https://sudact.ru/regular>.

© 2021 г. Михайлов Станислав Владимирович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.
E-mail: bk@spark-mail.ru

Шпак Андрей Викторович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: a161aa161@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АНТИДЕМПИНГОВЫХ МЕР ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению правового регулирования антидемпинговых мер для участников внешнеэкономической деятельности. Сформулированы рекомендации по защите прав участников ВЭД.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, демпинг, антидемпинговые меры, сертификат соответствия, декларация.

Mikhailov Stanislav Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Branch of Russian Customs Academy, PhD in Law.

Shpak Andrey Viktorovich – Associate Professor, the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ON THE ISSUE OF THE APPLICATION OF ANTI-DUMPING MEASURES IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

This article is devoted to the consideration of the legal regulation of anti-dumping measures for foreign economic activity participants. The authors formulated recommendations for the protection of the rights of FTA participants.

Keywords: foreign trade activity, dumping, anti-dumping measures, certificate of compliance, declaration.

С целью получения конкурентного преимущества на иностранном рынке компании часто прибегают к искусственному, не оправданному, с точки зрения ценообразования, занижению цены на поставляемые товары. Такой прием называется демпингом. Для предотвращения захвата рынка и защиты экономических интересов национальных производителей вводятся специальные меры. Их применяют Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и другие аналогичные объединения. Перечень таких мер указан в ст. 48 Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в городе Астане 29.05.2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС). Однако импортеры чаще всего сталкиваются именно с антидемпинговой мерой, которую применяют путем введения дополнительной пошлины. Ее размер зависит от страны происхождения ввозимого товара. Целью настоящего исследования является анализ правового регулирования в сфере применения антидемпинговых пошлин, выявление процедурных проблем,

с которыми сталкиваются участники ВЭД в данной сфере.

Антидемпинговую пошлину вводит Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС (далее – ЕЭК). Эта мера направлена на защиту интересов от недобросовестной конкуренции государств – членов ЕАЭС. Право применять меру по противодействию демпинговому импорту установлено в Протоколе о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам [1] (далее – Протокол). Этот документ является приложением к Договору о ЕАЭС.

Антидемпинговая пошлина назначается на срок не более 5 лет с даты начала применения такой меры или с даты завершения повторного расследования. Такое расследование проводят в связи с изменившимися обстоятельствами, в нем одновременно анализируют демпинговый импорт и вызванный им ущерб отрасли экономики государств – членов ЕАЭС. Также повторное расследование

проводят в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры [1, п. 108].

Перед тем, как применить антидемпинговую меру к товару, Департамент защиты внутреннего рынка ЕЭК проводит специальное расследование. Полномочия по расследованию Коллегия ЕЭК перечислила в Решении от 07.03.2012 № 1 «О некоторых вопросах применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер на единой таможенной территории ТС» [2].

В отношении импортера вводится антидемпинговая пошлина, если в результате специального расследования Департамент защиты внутреннего рынка ЕЭК установит, что имеет место одно из следующих обстоятельств:

1. импорт товара в ЕАЭС причиняет материальный ущерб отрасли экономики государств-членов;

2. импорт товара в ЕАЭС создает угрозу причинения такого ущерба;

3. импорт товара в ЕАЭС существенно замедляет создание отрасли экономики государств-членов (п. 2 ст. 49 Договора о ЕАЭС).

Импортеру, в свою очередь, следует доказать, что характеристики ввозимого товара не соответствуют признакам, которые ведут к начислению антидемпинговой пошлины. При рассмотрении вопроса о назначении антидемпинговой пошлины у таможенного органа возникнут следующие вопросы:

1. Классифицируется ли товар по коду ТН ВЭД ЕАЭС, в отношении которого применяются антидемпинговые пошлины, и правильно ли импортер определил код своего товара?

2. Какие критерии установлены актами ЕАЭС по отношению к товарам, облагающимся антидемпинговыми пошлинами (размер, способ изготовления, сфера применения и т. д.)?

3. Происходит ли товар из страны, в отношении которой введены указанные пошлины? Если товар происходит из иной страны, то доказал ли импортер в установленном порядке его происхождение?

Рассмотрим вышеописанную модель правового регулирования на следующем примере. Импортер ввозил трубы украинского происхождения, полагая, что они не подпадают под антидемпинговую пошлину. Таможенные органы квалифицировали данную сделку, как подпадающую под антидемпинговое регулирование, и начислили дополнительные платежи. Антидемпинговая пошлина на тот момент действовала

на ввоз ряда горячедеформированных труб общего назначения из Украины по решению КТС от 22.06.2011 № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» (далее – Решение КТС № 702) [3]. Эту меру продлила коллегия ЕЭК до 01.06.2021 (решение Коллегии ЕЭК от 02.06.2016 № 48).

Импортер решил обжаловать решение таможенных органов в суде. Свою жалобу он подкрепил позицией о том, что трубы производятся по ГОСТ 23270–89, который не предполагает производство труб общего назначения, а следовательно, на ввозимые трубы антидемпинговая пошлина не начисляется. Суд указал, что, исходя из заключения эксперта ФТС, трубы, производимые по ГОСТ 23270–89, могут относиться к трубам общего назначения, а характеристики ввезенных импортером труб не свидетельствуют о том, что они к трубам общего назначения не относятся [4].

Основная причина назначения антидемпинговых пошлин – претензия таможенного органа к ключевому документу для импорта товаров в ЕАЭС, сертификату о происхождении товара. Подтверждать происхождение товаров необходимо во всех случаях, когда от этого зависит применение мер таможенно-тарифного регулирования, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка (п. 1 ст. 29 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, который является приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017, (далее – ТК ЕАЭС)). Подтвердить этот критерий можно с помощью декларации о происхождении товара или сертификата о происхождении товара (п. 6 ст. 29 ТК ЕАЭС).

Однако выбор документа для подтверждения происхождения товара не зависит исключительно от воли импортера. Если страна применяет меры защиты внутреннего рынка, которые обусловлены происхождением товара, то подтверждать этот критерий необходимо только сертификатом о происхождении. За исключением случая, когда общая таможенная стоимость ввозимых товаров не превышает суммы, эквивалентной 150 долл. США, – тогда представляется декларация о происхождении. Это значит, что импортеру в случае ввоза товара, который по коду ТН ВЭД ЕАЭС относится к товарам, облагаемым антидемпинговой пошлиной, нужно быть готовым предъявить сертификат о происхождении.

Импортёр вправе не представлять сертификат о происхождении, если подтверждено соблюдение мер защиты внутреннего рынка, т. е. при ввозе товара он уплатил антидемпинговую пошлину. В таком случае происхождение товаров достаточно подтвердить декларацией о происхождении. Это может быть любой коммерческий или другой документ, который имеет отношение к товару и содержит сведения о его происхождении (п. 1 ст. 30 ТК ЕАЭС).

Особых требований к документам, которые могут быть использованы в качестве декларации о происхождении, нет. В отличие от сертификата о происхождении. Кроме того, проблемы с этим документом несут прямой финансовый риск для импортёра. Если таможенные органы решат, что происхождение товаров не подтверждено, то начислят антидемпинговые пошлины исходя из наибольших ставок тарифа для этого товара, который указан по коду в ТН ВЭД ЕАЭС (подп. 2 п. 6 ст. 314 ТК ЕАЭС).

Коллегия ЕЭК в одном из своих актов указывает, что такими документами могут быть счет-фактура, CMR, коносамент, упаковочный лист и др. Этот перечень основывается на определении «коммерческих документов» из ТК ЕАЭС, под которыми понимаются «документы, используемые при осуществлении внешнеторговой и иной деятельности, а также для подтверждения совершения сделок, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Союза (счета-фактуры (инвойсы), спецификации, отгрузочные (упаковочные) листы и иные документы)».

В то же время судебная практика показывает, что не каждый документ может быть принят в качестве декларации о происхождении. Так, в одном из дел суд указал, что декларация о соответствии техническим регламентам (которую представил импортёр в качестве декларации о происхождении) выдается в стране ввоза и подтверждает соответствие товара требованиям технических регламентов ЕАЭС, а декларация о происхождении выдается в стране происхождения товара или в стране вывоза, поэтому декларация о соответствии техническим регламентам не может быть признана в качестве декларации о происхождении [5].

Сертификат о происхождении выдает уполномоченный государственный орган или уполномоченная организация страны

происхождения товара на специальном бланке (п. 1 ст. 31 ТК ЕАЭС). Срок действия сертификата – один год с даты его выдачи. Этот документ в обязательном порядке должен содержать следующую информацию:

- наименование страны происхождения товара;
- номер сертификата о происхождении, наименование уполномоченного органа, выдавшего сертификат о происхождении;
- наименование и адрес экспортёра и (или) производителя;
- наименование страны назначения или наименование и адрес грузополучателя;
- описание товара, позволяющее произвести его идентификацию;
- вес брутто и (или) другие количественные характеристики товара;
- реквизиты документа о происхождении товара, выданного в стране происхождения товара (в случае если сертификат о происхождении выдан страной вывоза товара);
- информация об удостоверении сертификата о происхождении (печать уполномоченного органа, выдавшего сертификат о происхождении, подпись должностного лица этого уполномоченного органа, дата выдачи сертификата о происхождении).

Анализ правоприменительной практики по теме исследования позволяет обобщить ситуации, когда происхождение товара будет считаться неподтвержденным:

- сертификат о происхождении отсутствует;
- сведения, которые содержатся в сертификате о происхождении, недостоверны;
- сертификат о происхождении не соответствует требованиям, которые установил Совет ЕЭК в Решении № 49 (см. Требования к документам);
- таможенный орган члена ЕАЭС признал сертификат о происхождении неподлинным;
- сертификат о происхождении товара оформлен и (или) заполнен с нарушением требований к порядку его оформления и (или) заполнения;
- компетентный иностранный орган, который выдал сертификат о происхождении, не ответил на запрос таможенного органа члена ЕАЭС в течение 6 месяцев с момента его направления либо в ответе на этот запрос не верифицировал этот документ;
- невозможно установить факт подлинности сертификата о происхождении на основании ответа компетентного иностранного органа.

Несмотря на значительное ограничение товарооборота между РФ и другими странами по причине COVID-19, только за июнь-июль 2020 года арбитражными судами по спорам касательно сертификатов о происхождении было в совокупности вынесено больше постановлений, чем за весь 2019 год. Наиболее частые проблемы с сертификатом о происхождении – неточности в нем, а также его форма и наличие средств защиты.

Также одним из важных вопросов, который не получил подробного толкования в рамках судебной практики, но с которым уже столкнулись многие импортеры товаров, является понятие «страны происхождения товара» из п. 2 Решения Совета ЕЭК № 49. В этой норме указано, что под страной происхождения товара может пониматься группа стран, таможенный союз стран либо регион или часть страны, если имеется необходимость их выделения для целей определения происхождения товаров. Рассмотрим примеры из правоприменительной практики.

Импортёр оспаривал позицию таможенного органа, который выявил неточности в сертификате о происхождении на ввозимые из ЕС и Японии подшивники. Документ содержал расхождения в весе в сертификате, инвойсе и контракте. Проблема заключалась в том, что в ЕАЭС существует антидемпинговая пошлина на подшивники, имеющие происхождение из КНР [6].

Суд в данном деле встал на сторону импортера. Он обратил внимание на то, что таможенные органы могут не принять сертификат только при наличии таких нарушений в его оформлении и заполнении, которые не позволяют однозначно определить страну происхождения товара. Различия, которые установили таможенные органы, в частности несовпадение данных о весе подшивников в сертификате о происхождении и других документах, такими нарушениями не являются.

В этом же деле у таможенных органов в процессе разбирательства появились претензии к тому, что сертификат происхождения импортер получил в стране вывоза (ФРГ), а не в стране производства (Япония). Здесь суд указал, что когда таможенные органы принимали решение, то не сомневались в стране происхождения товара, а имели претензии именно к оформлению сертификата. Более того, таможенный орган в целях проведения проверки достоверности сведений,

содержащихся в сертификате о происхождении и его подлинности, не воспользовался своим правом на обращение в компетентный орган страны, выдавшей сертификат. Указанное право таможенных органов государств – членов ЕАЭС – предусмотрено п. 2 ст. 314 ТК ЕАЭС.

С позиции правоприменения интересен и следующий кейс. Импортер оспаривал позицию таможенного органа в отношении сертификата о происхождении (подшивников), который выдала ТПП Малайзии. Контроллеры утверждали, что документ изготовлен на бумаге без применения средств, которые обеспечивают защиту от фальсификации. По мнению таможенных органов, это указывает на то, что импортер не подтвердил страну происхождения ввозимых подшивников (Малайзия). Это значит, что он обязан уплатить антидемпинговую пошлину, как если бы подшивники были произведены в КНР [7].

Суд, как и в предыдущем деле, согласился с позицией импортера. Таможенные органы не приняли всех необходимых мер для устранения сомнений относительно подлинности представленного сертификата о происхождении товара и достоверности содержащихся в нем сведений. В частности, они не воспользовались своим правом обратиться в уполномоченный малайзийский орган для выяснения подлинности сертификата о происхождении. Следовательно, у таможни не было законных оснований считать страну происхождения товара неподтвержденной и начислить антидемпинговую пошлину.

Часто товары, произведенные в одной из стран Европейского союза (например, в Италии), импортер ввозит по сертификату о происхождении товара, который он получил в стране вывоза (например, в ФРГ). При этом сертификат о происхождении может содержать информацию о том, что товары произведены в Италии, однако отдельные сертификаты из этой страны импортер не представляет. Это обстоятельство вызывает претензии таможенных органов, так как, по их мнению, немецкий сертификат не подтверждает итальянское происхождение товаров.

По нашему мнению, в данной ситуации можно говорить о том, что страна происхождения и страна вывоза совпадают, т. к. речь идет о товарах, которые производят в ЕС и ввозят из ЕС. Кроме того, ЕС – это таможенный союз, т. е. подпадает под определение

«страны» из п. 2 Решения Совета ЕЭК № 49. Это означает, что сертификат о происхождении из ФРГ на итальянские товары на самом деле подтверждает именно Европейский союз и как страну происхождения, и как страну вывоза, поэтому дополнительные сертификаты не требуются.

Таможенные органы не всегда соглашались с этой позицией и требуют представить сертификат о происхождении не только из страны вывоза, но и из страны происхождения товара.

Оспорить решение таможни можно административным способом. Для этого импортеру необходимо обратиться в вышестоящие таможенные органы. Такая процедура предусмотрена ст. 285–295 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Часто такой способ на практике оказывается гораздо эффективнее, быстрее и дешевле оспаривания решений таможни в суде. Информация о рассмотрении жалоб не публична, а таможенные органы нередко просят заявителя отозвать жа-

лобу после ее фактического удовлетворения, чтобы не портить свои статистические показатели. Например, один таможенный пост требовал сертификаты о происхождении на квадратные и прямоугольные трубы, ссылаясь на уже упомянутое Решение КТС № 702, которым установлена антидемпинговая пошлина на ввоз из Украины ряда труб с диаметром до 820 мм. После обращения в вышестоящий таможенный орган решение таможенного поста отменили: таможенные органы согласились, что диаметр бывает только у круглых труб. Уплаченную пошлину возвратили импортеру.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что практика применения антидемпинговых пошлин неоднозначна и требует дальнейшего законодательного регулирования в сфере уточнения процедурных вопросов определения страны происхождения товаров, методики оценки содержания основных документов, подтверждающих наименование места происхождения товаров: декларации и сертификата о происхождении. Анализ правоприменительной практики свидетельствует об эффективности административных мер защиты прав субъектов ВЭД.

Литература

1. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/podm/Documents/2_EAEU_Treaty_Annex8_Protocol.pdf.
2. URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s={bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f}&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l={540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169}&EntityID=5836>.
3. Решение Комиссии Таможенного союза от 22.06.2011 № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление АС Волго-Вятского округа от 17.10.2019 по делу № А11-11827/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление АС Северо-Западного округа от 08.06.2020 по делу № А56-54070/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление АС Волго-Вятского округа от 11.03.2020 по делу № А43-20560/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение АС Свердловской области от 10.12.2019 по делу № А60-54260/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/podm/Documents/2_EAEU_Treaty_Annex8_Protocol.pdf.
2. URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s={bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f}&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l={540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169}&EntityID=5836>.
3. Decision of the Customs Union Commission № 702 of 22.06.2011 «On measures to protect the economic interests of producers of certain types of steel pipes in the Customs Union» // LRS «ConsultantPlus».
4. Resolution of the Administrative Court of the Volga-Vyatka district of 17.10.2019 on case № А11-11827/2018 // LRS «ConsultantPlus».
5. Resolution of the AC of the North-Western District of 08.06.2020 on case № А56-54070/2019 // LRS «ConsultantPlus».
6. Resolution of the Administrative Court of the Volga-Vyatka district of 11.03.2020 on case № А43-20560/2019 // LRS «ConsultantPlus».
7. The decision of the AC of the Sverdlovsk region of 10.12.2019 in case № А60-54260/2019 // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Шахкелдов Фридрих Григорьевич,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России, Заслуженный юрист
Кубани доктор юридических наук, доцент.

Григорова Нонна Араратовна,

врач-ортодонт второй квалификационной категории.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСА

В статье речь идет об актуальных проблемах при исполнении государственными органами и медицинскими учреждениями гарантированных конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в период коронавируса. Проводится тщательный анализ ситуаций, где медицинская помощь предоставляется с нарушением конституционных прав граждан, что создает угрозу для жизни и здоровья.

Ключевые слова: конституционные права, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, коронавирус, эпидемиологическая безопасность, инфекционные заболевания, ответственность, угроза для жизни и здоровья.

Shakhkeldov Fridrikh Grigorievich – Professor, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Associate Professor.

Grigороva Nonna Araratovna – Orthodontist of the Second Qualification Category.

TOPICAL ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO HEALTH CARE AND MEDICAL CARE DURING THE PERIOD OF CORONAVIRUS

The paper deals with the urgent problems in the implementation of the guaranteed constitutional rights of citizens by state bodies and medical institutions to health protection and medical care during the coronavirus period. It is carried out analysis of situations where medical care is provided in violation of the constitutional rights of the citizens that poses a threat to life and health.

Keywords: constitutional rights, the right to health protection and medical care, coronavirus, epidemiological safety, infectious diseases, responsibility, threat to life and health.

В соответствии с частями 1 и 3 ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Под охраной здоровья населения понимается комплекс мер различного характера (экономического, социального, правового, санитарно-эпидемиологического и др.), направленных на поддержку и укрепление здоровья каждого человека в целях активной долголетней жизни, а также предоставление ему

медицинской помощи в случае утраты здоровья [1].

В период пандемии covid-19 государственными органами и медицинскими учреждениями не исполняется конституционная норма о праве граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Действия медицинских работников нарушают конституционную норму, когда больным, у которых обнаружен covid-19, врачи направляют больного пройти лечение на дому, не имея на то законных оснований, вместо того, чтобы направить их в соответствующий стационар.

Если тест на коронавирус дает положительный результат – врач первым делом звонит ему и запрещает покидать жилище. Не только ему, но и всем проживающим с ним. Так начинается алгоритм действий столичных

медработников, утвержденный приказом департамента здравоохранения города Москвы [2].

Согласно данному приказу у всех медиков, контактировавших с зараженным, берутся тесты на вирус. К больному направляется бригада в полной защитной экипировке и дополнительными масками для передачи их пациенту и проживающим с ним людям – инфицированный должен быть в маске при общении с врачами. Они проводят диагностику с упором на 3 основных симптома: температура – выше 38,50 С; частота дыхательных движений – более 30 в минуту, насыщение крови кислородом – менее 93 %. Если установлены хотя два из них – следует незамедлительная госпитализация. Если все в норме, но пациент старше 65 лет и/или у него хроническая сердечная недостаточность, сахарный диабет, заболевания дыхательной системы – госпитализация следует немедленная. Если это беременная женщина – та же госпитализация. Если человек чувствует себя хорошо, но вместе с ним проживают люди из упомянутых категорий риска, которых невозможно изолировать, пациента госпитализируют [2].

В остальных случаях больной может лечиться дома. Домашние больные должны быть под ежедневным наблюдением. Врачи могут приезжать, могут проводить дистанционное обследование, чтобы контролировать протокол, где далее значится патогенетическое лечение.

Как утверждает Департамент здравоохранения города Москвы, пациент может остаться на лечении дома, если:

1. он или проживающие с ним люди не относятся к группе риска (пожилые, с хроническими заболеваниями, беременные);
2. у больного нет тяжелых симптомов заболевания;
3. жилищные условия больного позволяют находиться на лечении на дому.

Проживающим с заболевшим лицам рекомендуется на время болезни пациента проходить режим самоизоляции в другом месте, с больным должен остаться только один человек (с крепким иммунитетом и не входящий в группу риска). Если пациент, находящийся на лечении на дому, чувствует ухудшение состояния, нужно немедленно вызвать скорую помощь [2].

Такая медицинская практика не во всех регионах России, хотя она тоже необоснованная.

Заболевание covid-19 относится к инфекционным заболеваниям и не важно, имеются ли у больного тяжелые симптомы заболевания. Направляя таких больных домой на лечение, тем самым врачи создают угрозу для жизни и здоровья других здоровых граждан.

Инфекционные заболевания имеют инкубационный период – это время до появления первых признаков той или иной патологии, и длительность этого периода зависит от вида возбудителя, способа заражения.

В обсуждаемой проблеме есть две стороны медали. Первая связана с тем, что если согласно Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, то почему человека, страдающего инфекционной болезнью, направляют на лечение не в стационарное лечебное учреждение (больницу), а домой.

В соответствии со ст. 41 Конституции РФ медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Кроме того, граждане нашей страны вносят деньги в фонд обязательного медицинского страхования. Тогда почему людей, заболевших covid-19, которым медицинские работники обязаны предоставить квалифицированную медицинскую помощь, лечат не в стационарных лечебных учреждениях, а на дому? В таких случаях грубо нарушаются конституционные права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Во-первых, вне стационарного учреждения больному covid-19 не будет оказана достаточная квалифицированная юридическая помощь, за счет приходящих врачей, не проводится весь комплекс медицинских услуг при таком лечении, для сдачи необходимых анализов больной вынужден ездить в поликлинику по месту жительства и заражать окружающих. Во вторых, за чей счет будет производиться лечение необходимыми медикаментами? В условиях стационара это делается за государственный счет, дома, скорее всего, больной вынужден будет покупать медикаменты за свой счет, если еще найдет в аптеках необходимые лекарства, что несправедливо и незаконно. Хотя чиновники утверждают, что все пациенты, которые проходят лечение на дому, по назначению врачей

будут получать противовирусные препараты бесплатно. Лекарства для пациентов, которые проходят лечение на дому, будет доставлять скорая помощь, сотрудники поликлиник или волонтеры.

Мы считаем, что в российском законодательстве необходимо предусмотреть, что всем гражданам, имеющим медицинскую страховку, должны предоставляться для лечения медикаменты бесплатно по рецептам врачей. Такая медицинская практика имеется во многих развитых странах.

В-третьих, кто будет доставлять продукты питания больному covid-19? Если сам больной, то он реально может создавать угрозу заражения для окружающих при походах в магазины и супермаркеты. Самое интересное, что нет никакой статистики в этом вопросе, сколько людей в таких случаях могут быть заражены covid-19 и сколько из них могут умереть после такого заражения.

В-четвертых, люди, которые лечатся в стационаре, где на карантине посещение лиц и покидать больным учреждения запрещено. Эти меры введены для предотвращения распространения заболевания. Больные не могут в случае необходимости на свое усмотрение покинуть стационар, что может сделать больной, который лечится дома, и проконтролировать его в этом вопросе проблематично, хотя он может своими походами заражать окружающих.

Вторая сторона связана с тем, насколько законно врачи больных covid-19 направляют на лечение домой. Во-первых, в случае, когда больной covid-19 остается на лечении дома, берется ли от него письменное согласие или это окончательный диагноз врача? Как поступит врач, если больной настаивает на госпитализации? Во-вторых, больные covid-19 являются инфекционными. Такие больные должны быть изолированы от окружающих в стационаре, где имеются все необходимые условия лечения. Разделение (разобщение) больных, а также лиц с подозрением на инфекционное заболевание от окружающих их людей в целях предупреждения дальнейшего распространения инфекции является обязанностью врачей.

Здесь можно говорить о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ «Нарушение правил, установленных в целях борьбы с распространением инфекционных заболеваний и отравлений людей» и ст. 293 УК РФ «Халатность».

Больной, отправленный на лечение домой, даже предупрежденный о необходимости находиться дома в связи с тем, чтобы не заражать окружающих, маловероятно всегда будет действовать по принципу добропорядочности и не покинет свое жилое помещение по мере необходимости.

Если человек нарушает законодательство Российской Федерации, направленное на обеспечение эпидемиологической безопасности государства, то ему будет назначено наказание по статье 6.3 КоАП РФ («Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения»). Если произошло нарушение правил, которые были установлены для борьбы с распространением различных инфекционных болезней (например, кишечных инфекций и других заболеваний, характеризующихся быстрым распространением и массовым охватом пострадавшего населения), то ему будет назначено наказание по статье 236 УК РФ (Нарушение санитарно-эпидемиологических правил) в том случае, если в результате нарушения таких правил заболевание населения носит массовый характер.

В-третьих, направляя больного covid-19 домой для лечения, врачи нарушают его конституционное право на медицинскую помощь в стационаре, фактически отказывая ему в госпитализации.

Рассмотрим случаи, когда больных covid-19 необоснованно помещают в одну палату стационара с больными с другими заболеваниями, что также является грубым нарушением конституционных норм и закона, и должны наступать такие же последствия, указанные выше. Почему-то врачи и медицинский персонал в такой больнице находятся в специальной одежде для защиты от covid-19, однако такой защиты нет у других больных, лежащих в общей палате с больными covid-19.

Во время работы медицинский персонал использует средства индивидуальной защиты (маски, респираторы, перчатки, медицинские шапочки). В конце каждой смены медперсонал сдает экипировку для утилизации и проходит полную санитарную обработку (душ с моющими и дезинфицирующими средствами). Почему тогда такие меры безопасности не установлены для больных с другими диагнозами, когда те находятся в общей палате с больными covid-19, что создает угрозу для их жизни и здоровья?

Больной с другим заболеванием при таких условиях чаще думает не о том, как вылечить свое заболевание, а как бы не подхватить еще covid-19 в стационаре. Так конституционно охраняется наше здоровье и предоставляется небезопасная медицинская помощь!? Почему фонд ОМС, куда вносят деньги граждане, тщательно не следит за такими случаями предоставления медицинской помощи, их качеством и никак не реагирует на нарушения?

При помещении в стационар с определенным заболеванием, даже не связанным с коронавирусом, пациенты обязательно сдают тест на наличие covid-19. Даже при получении отрицательного первичного заключения теста больной, который вылечился в стационаре ранее, должен был снова сдать тест на covid-19 и только при получении повторного отрицательного теста он может быть выписан из больницы. Таким образом грубо нарушались конституционные нормы больного с другим заболеванием, которого необоснованно держали в больнице до получения повторного отрицательного теста на covid-19, хотя он

не болел этой болезнью. В ноябре 2020 года были изданы приказы, изменяющие такую необоснованную практику ожидания выписки больного до получения повторного отрицательного теста.

Кроме того, в некоторых медицинских стационарах сложилась такая практика, что вопрос выписки больных из стационара решают не лечащие врачи больного, а так называемое созданное в стационаре подразделение под названием «Чистая линия» (в Краснодаре), которое управляет всем лечебным процессом, не видя самого больного. Только по имеющимся в компьютерной базе данным на всех больных, результатам их анализов оно самостоятельно принимает решение о выписке больного из стационара. Для чего необходима такая «прокладка» в медицинском стационаре, стоит задуматься.

Конституционная гарантия права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь не соблюдается в период коронавируса, имеются признаки нарушения закона и с этим надо обязательно что-то делать.

Литература

1. Шахкелдов Ф.Г., Эртель А.Г. Конституционные гарантии права частной собственности граждан на жилище \ Правовое и практическое. 2008. № 1.
2. Приказ департамента здравоохранения города Москвы от 22 марта 2020 года № 230 «Об утверждении регламентов (алгоритмов) работы медицинских организаций, подведомственных Департаменту здравоохранения города Москвы в период с 23 по 30 марта 2020 г. по оказанию медицинской помощи пациентам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), и контактным с ними лицам»; Приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 17.06.2020 № 615 «О мероприятиях по организации в городе Москве работы медицинских организаций государственной системы здравоохранения по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на этапе скорой медицинской помощи».

Bibliography

1. Shakhkeldov F.G., Ertel A.G. Constitutional guarantees of the right of private property of citizens to housing \ Law and practice. 2008. № 1.
2. The order of the health Department of the city of Moscow of March 22, 2020 № 230 «About the approval of rules (algorithms) of work of medical institutions of the Department of health of the city of Moscow in the period from 23 to 30 March 2020 to provide medical care to patients who contract the new coronavirus infection (COVID-19), and contact with persons»; Order of the Department of Health of the City of Moscow of 17.06.2020 № 615 «On measures to organize in the city of Moscow the work of medical organizations of the state health system to prevent and reduce the risks of spreading a new coronavirus infection (COVID-19) at the stage of emergency medical care».

© 2021 г. Безручко Евгений Валерьевич,

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Осадчая Наталья Георгиевна,

доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук, доцент.

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ И ДРУГИХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В статье исследуются новеллы уголовного и административного законодательства об ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации, установленные в ст. 207.1, 207.2 УК РФ, и проблемы осуществления правосудия по ним.

Ключевые слова: общественно значимая информация, публичное распространение, эпидемия, безопасность, тяжкие последствия, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Bezruchko Evgeni Valerievich – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

Osadchaya Natalya Georgievna – Associate Professor, the Department of Criminal Law, the Rostov Branch of Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

PROBLEMS OF REGULATING RESPONSIBILITY FOR THE DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION IN THE CONDITIONS OF THE EPIDEMIC AND OTHER EXTRAORDINARY CIRCUMSTANCES

The article explores the novels of criminal and administrative legislation on liability for the dissemination of unreliable socially significant information, established in articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problems of justice for them.

Keywords: socially significant information, public dissemination, epidemic, safety, grave consequences, natural and man-made emergencies.

Квалификация преступлений как установление тождества между совершенным деянием и нормой уголовного закона является итогом деятельности правоохранительной системы по определению виновности конкретного лица, совершившего преступление. Правильная квалификация преступлений является залогом соблюдения принципов законности, справедливости и гуманизма. Только при правильной правовой оценке деяния вынесенный судьей приговор может быть признан законным и обоснованным.

Новая коронавирусная инфекция фактически разделила существование всего мира и нашей страны на момент до ее появления и после. Поменялась не только вся жизнь, включающая общемировую, глобальный, экономический, семейный уклад, существование отдельного индивидуума, но начало меняться и правовое поле, связанное с регулированием появившихся в связи с возникновением коронавирусной инфекции новых общественных

отношений. Данные новые общественные отношения необходимо регулировать, в том числе и нормами административного и уголовного законодательства, так как различные деяния, проявления человеческих действий и бездействия в объективной действительности причиняют или могут причинить вред личности, обществу и государству в целом. Данный вред может быть как физическим, так и материальным и в отдельных случаях даже моральным вредом.

В данной статье нам хотелось бы проанализировать новые нормы уголовного закона, введенные в УК РФ в связи с постигшими нашу страну из-за эпидемиологического бедствия изменениями. В том числе и в правовом поле деятельности государства. В условиях охватившей мир пандемии столкнувшиеся с ней страны разрабатывают во многом беспрецедентные меры по преодолению массовых заболеваний и организации жизни общества в сложившихся условиях. Россия

принимает активное участие в международном сотрудничестве в этой сфере, также в нашей стране совершенствуется законодательство, в том числе и уголовное, в сфере борьбы с неправомерными действиями в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств. Меры, которые необходимо вводить странам для преодоления COVID-19, и международную стратегию на случай будущих кризисов обсудили представители разных стран и международных организаций на дискуссионной сессии «Государственное управление и законодательство в условиях пандемии», прошедшей в рамках Петербургского Международного юридического онлайн-форума «9 S: Законы коронавируса». В числе прочих проблем особо подчеркивалась опасность распространения «фейковой» информации о количестве заболевших и умерших от COVID-19, а также о действиях властей в связи с данной ситуацией. На открытом совещании министров юстиции в рамках этого форума, в частности, директор по вопросам информационного общества Директората по противодействию преступности Совета Европы Ян Кляйсен особо подчеркнул опасность распространения недостоверной информации, поскольку она сеет панику среди населения, мешает действию властей по предотвращению наступления опасных последствий. Важность и обоснованность введения наряду с административной уголовной ответственности за публичное распространение заведомо недостоверной информации отметила и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова. В своем выступлении на сессии «Права человека в карантине» она обратила внимание на то, что такие действия сеют панику, представляют психологическую угрозу для населения и вызывают дестабилизацию общества [1].

В РФ Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ введены в Уголовный кодекс две новые статьи: ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [2]. Предварительное следствие по ст. 207.1, 207.2 УК РФ производится следователями Следственного комитета Российской Федерации. При этом дела по указанным составам подсудны районному суду. Для юридических лиц ответственность за аналогичные деяния с этого же времени предусмотрена в КоАП РФ [3]. В юридической литературе эти нововведения еще не подверглись широкому обсуждению, между

тем, анализ этих юридических норм представляется нам весьма актуальным, поскольку прогнозируемо вызовет много вопросов при их применении. Рассматриваемые статьи помещены законодателем в главу 24 УК РФ после ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» и, следовательно, видовым объектом анализируемых преступлений является общественная безопасность. Непосредственным объектом преступления в ст. 207.1 УК РФ является жизнь и безопасность граждан. Здесь возникает сразу два вопроса. Во-первых, что значит «граждан»? А лица без гражданства, с двойным гражданством, иностранные граждане, находящиеся на территории России, охраняются анализируемой нормой? Или тут надо применять расширительное толкование, имея в виду, что термин «гражданин» применяется в противопоставлении юридическим лицам, безопасность которых не защищается ст. 207.1 УК РФ. И почему законодатель говорит об уголовно-правовой охране именно граждан, употребляя данный термин во множественном числе? А если угроза жизни и безопасности в конкретном случае проявляется в отношении одного человека? Как в данном случае квалифицировать рассматриваемое преступление? Полагаем, что в данной норме слово «граждан» следует заменить на слово «человека».

Во-вторых, «жизнь» – это обязательный объект данного преступления или факультативный? Судя по союзу «и» получается, что этот объект является обязательным и при условии угрозы только безопасности, но не жизни граждан, состава данного преступления не будет. Но этот ли смысл вкладывал в норму законодатель? Ведь дестабилизация общественной жизни уже само по себе достаточно серьезное последствие и о необходимости ее предотвращения, в том числе и уголовно-правовыми средствами, так много говорится сегодня и на научных мероприятиях, и в средствах массовой информации. Один из авторов этих новелл – Павел Крашенинников – разъяснял: «ложная информация распространяется молниеносно, приводит к панике, дезориентирует граждан, наносит им прямой психологический ущерб и препятствует принимаемым в стране мерам по недопущению ухудшения ситуации. В условиях борьбы с коронавирусом, когда граждане живут в режиме самоизоляции, крайне важно не допустить распространения недостоверной информации. Именно поэтому вместо административной ответственности вводится уголовная» за такие действия [4].

Между тем, как стало широко известно благодаря СМИ, по ст. 207.1 УК РФ уже воз-

буждено первое уголовное дело в Санкт-Петербурге. Причиной стала публикация в социальной сети «ВКонтакте», в которой говорилось о распространении коронавирусной инфекции в одной из поликлиник в Курортном районе города. Эту информацию назвали заведомо ложной. Автором же поста, как пишет СМИ, является один из членов территориальной избирательной комиссии [5]. Возбуждены уголовные дела по этой статье и в других городах России. Так, следственными органами Главного следственного управления СК РФ по Москве возбуждено уголовное дело по ст. 207.1 УК РФ. Пользователь сети Интернет распространил на интернет-ресурсах заведомо ложную информацию о том, что в районе Крылатское из одного учреждения по ночам вывозят тела людей, умерших от COVID-19. Это сообщение было опровергнуто отраслевым органом исполнительной власти как несоответствующее действительности [6]. Очевидно, что угрозы жизни людей в этих деяниях не усматривается, впрочем, и угрозу безопасности населения еще надо доказать. Из имеющихся в доступе материалов пока не очень ясно, в чем конкретно она выразилась.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, является заведомо ложная информация об обстоятельствах, перечисленных в примечании. Перечень таких обстоятельств гораздо шире, чем эпидемии и пандемии, что позволяет надеяться на жизнеспособность данной нормы в течение продолжительного времени. Сюда относятся чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. С точки зрения законодательной техники, прежде всего бросается в глаза прием помещения в скобки альтернативного варианта последствий, тогда как во всем кодексе для этого используются союзы «или», «либо». На наш взгляд, примечание очень громоздкое и в нем использованы если не полностью синонимичные, то очень близкие по смыслу термины. Как соотносятся между собой понятие «чрезвычайная ситуация природного характера» с понятиями «чрезвычайная экологическая ситуация» и «стихийное бедствие»? Очевидно, что как общее с частным. Поэтому

первый термин можно было бы не использовать без потери смысла нормы. Кроме того, вероятно, в дальнейшем специальных разъяснений потребует и оценочный признак «значительные материальные потери». Вместе с тем подробное разъяснение относительно обстоятельств, предусмотренных в ст. 207.1 УК РФ, на наш взгляд, более удачный прием, чем использование в ст. 207.2 УК РФ оценочного признака. Там установлена ответственность за распространение общественно значимой информации. Это же понятие используется и в ч. 10² ст. 13.15 КоАП РФ. Однако законодатель ни в одном из кодексов для правоприменителя не указал никаких пояснений, что следует понимать под общественно значимой информацией. Можно только предположить, что это понятие более широкое, чем понимание информации, о которой идет речь в ст. 207.1 УК РФ, поскольку значимыми могут быть и сведения, не связанные с ситуациями природного и техногенного характера. Очевидно, что эти сведения также представляют сами по себе угрозу для жизни и безопасности людей, поскольку в качестве последствий их распространения предусмотрены вред здоровью и смерть человека. С другой стороны, разве информация, раскрытая в примечании к ст. 207.1 УК РФ, не является общественно значимой? Получается, что ответственность за ее распространение, не повлекшее последствий, будет наступать по одной статье, а если наступит причинение вреда здоровью, смерть или иные тяжкие последствия, то по другой? Исходя из этого, предлагаем сконструировать одну статью с квалифицирующими признаками, как это сделано в ст. 122 УК РФ, устанавливающую ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией. Если же в этих двух нововведенных статьях речь идет о разной информации, то ст. 207.2 УК РФ явно не хватает примечания, поясняющего, о чем идет речь аналогично примечанию к ст. 207.1 УК РФ. Также неясно, в чем заключается общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. Так, адвокат Леонид Соловьев задается вопросом: «...если я сообщу заведомо ложную информацию о том, что правительство направило не 100 млрд руб. на борьбу с коронавирусом, а 95 – стану ли я от этого преступником?» [7].

Обязательным признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, является публичность распространения информации. У практических работников мнения по содержанию этого термина разошлись. Так, Адвокатская газета приводит комментарий адвоката филиала

«Центр» Ростовской областной коллегии адвокатов им. Д.П. Баранова Елены Абрамович, что термин «публичность», который уже неоднократно применялся законодателем, у правоприменителя вызывает массу сложностей и вопросов. По ее мнению, нормы требуют корректировки в части конкретизации терминов «публичное распространение», указания на способы распространения, в том числе «с использованием Интернета». Адвокат же Международной правозащитной группы «Агора» Леонид Соловьев напротив, считает, что толкование термина «публичное распространение» в судебной практике единообразно и затруднений не вызывает, но у него возникают вопросы по пониманию понятия «вид достоверных сообщений» [7]. В доктрине уголовного права термин «публичность» рассматривают в основном по отношению к клевете. Так, он раскрывается в одном из учебников: «Публичность – распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ). В подобных случаях клеветнические сведения оглашаются на собраниях, митингах, воспроизводятся в журнале или газете, в публикуемом литературном произведении, телевизионной передаче, интернете. Такой способ помогает довести заведомо ложные сведения, порочащие потерпевшего, до широкого круга лиц, в результате чего его чести, достоинству и репутации причиняется значительно более существенный вред» [8, с. 80]. Таким образом, устоявшееся понимание публичности включает в себя распространение недостоверных сведений и в выступлении перед большой аудиторией лично. Но сравним статьи, которые предусматривают ответственность за аналогичные деяния в административном кодексе. Там речь идет о распространении заведомо ложной информации в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, и ничего не говорится о публичных выступлениях. В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.), разъясняется: «административная ответственность за деяния, предусмотренные частями 10¹ и 10² ст. 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 207¹ или 207² УК РФ, могут быть привлечены к уголовной

ответственности» [9]. Поскольку различие между анализируемыми нормами состоит согласно Обзору только в субъекте правонарушения, то способы совершения этих деяний также должны совпадать. Кроме того, по-разному в административном и уголовном законодательстве описывается сам характер распространяемой информации. Если в анализируемых статьях УК РФ речь идет о заведомо ложной информации, то в корреспондирующих им статьях КоАП РФ содержится дефиниция «заведомо недостоверная информация». Разница в этих понятиях, по нашему мнению, все же содержится, и состоит она в том, что недостоверная информация может восприниматься виновным лицом как верная, правильная, но не подтвержденная авторитетными источниками и исследованиями. Вспомним, к примеру, доктора Ли из центральной больницы Уханя, который еще 30 декабря 2019 г. привлек всеобщее внимание к тому, что 7 человек в провинции Хубей были госпитализированы с вирусом, который напомнил врачу SARS – еще один коронавирус. Ли Вэньян был обвинен в опубликовании фейковых новостей. Позднее полиция извинилась перед доктором Ли, умершим от коронавируса. Вместе с тем, очевидно, что в ст. 207.1, 207.2 УК РФ и ч. 10¹, ч. 10² ст. 13.15 КоАП РФ речь идет по сути об одном и том же явлении, но описываемом разными терминами, затрудняющими толкование закона. Вообще возникает вопрос, почему описывая, по существу, одно и то же деяние, законодатель в разных кодексах использует разную терминологию. Ведь тем самым нарушаются правила законодательной техники: «полное, адекватное выражение воли законодателя; логическая последовательность изложения нормативных предписаний; ясность, простота и доступность языка правовых актов; взаимосвязь, согласованность и внутреннее единство правового материала; отсутствие внутренних и отраслевых противоречий» [10, с. 161, с. 313; 11, с. 190; 12, с. 91].

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, выражена виной в форме прямого умысла, что следует из определения «заведомо» ложная информация. То есть виновный должен осознавать, что информация ложная и, тем не менее, распространять ее. Таким образом, если человек распространяет непроверенную информацию, например, осуществляет перепост какой-либо информации, размещенной в печатных изданиях или в сети «Интернет», не осознавая, что эта информация ложная, он не может быть субъектом этих преступлений. Такие пояснения давал и один из авторов законодательных новелл Андрей Клишас, который отметил, что речь

идет о распространении заведомо недостоверной информации, то есть, когда лицо осознает недостоверность информации и, тем не менее, осуществляет ее распространение под видом достоверных сообщений» [13].

Именно по этой причине фигурант по делу, возбужденному в Санкт-Петербурге по ст. 207.1 УК РФ, разместившая публикацию в социальной сети «ВКонтакте» о распространении коронавирусной инфекции в одной из поликлиник города, сейчас проходит по уголовному делу в качестве свидетеля, а не виновного (подозреваемого, обвиняемого). Она сделала лишь перепост статьи из печатного издания, публикующегося в Санкт-Петербурге. Правоохранительные органы осуществляют мероприятия по установлению лица, давшего такую информацию в печать именно с умыслом на распространение заведомо ложной информации» [5].

Состав преступления в ст. 207.1 УК РФ является формальным, то есть преступление окончено в момент совершения деяния, выразившегося в распространении сведений, о которых говорится в норме уголовного закона. А вот составы преступлений как в первой, так и во второй части ст. 207.2 УК РФ являются материальными, поскольку ответственность по ним наступает только в случае, когда запрещенные деяния повлекли определенные последствия. Так, часть 1 ст. 207.2 УК РФ устанавливает последствия в виде причинения вреда здоровью человека. Судя по диспозиции статьи, последствия охватывают любой вред здоровью: тяжкий вред, средней тяжести и легкий вред здоровью человека. В части 2 ст. 207.2 УК РФ предусмотрена ответственность за распространение заведомо ложной информации, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Таким образом, по отношению к наступившим последствиям вина субъекта выражается в виде преступного легкомыслия или небрежности, то есть может быть только неосторожной.

«Хочу обратить Ваше внимание на неосторожное причинение вреда. Если распространение фейков преследует цель намеренного причинения вреда, преследоваться это будет по ст. 205 УК РФ («Террористический акт»), наказание за который установлено вплоть до пожизненного лишения свободы), ст. 213 УК РФ («Хулиганство», наказуемое до 7 лет лишения свободы), ст. 281 УК РФ («Диверсия», наказание за которую также до пожизненного лишения свободы)», – сказал Андрей Клишас [13].

Недостатком данной дефиниции является установление в качестве одного из условий

уголовной ответственности такой неопределенной оценочной категории, как «тяжкие последствия». Характер таких последствий уже сейчас вызывает вопросы у правоприменителей.

Так, адвокат Елена Абрамович отмечает: «диспозиция ч. 2 ст. 207.2 УК РФ содержит условие наступления тяжких последствий, что является крайне недопустимым. Для кого-то тяжким последствием может стать потеря работы, а для кого-то установление инвалидности. Тем не менее, законодатель ставит наступление тяжких последствий на одну ступень со смертью». Адвокат Международной правозащитной группы «Агора» Леонид Соловьев также обратил внимание на то, что «причинно-следственная связь между распространением фейков и последствиями, указанными в ст. 207.2, является сложно доказуемой, а потому, осознавая обвинительный уклон суда и общественную значимость подобных преступлений, хотелось бы более точно раскрыть возможность проявления преступной неосторожности» [7].

Субъектами преступлений, ответственность за которые предусматривают ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, являются вменяемые физические лица, достигшие 16 лет. Никакой повышенной ответственности для должностных лиц и для лиц, использующих свое служебное положение, а также других специальных субъектов в статьях не предусматривается. В векторных этим статьям частях 10¹ и 10² ст. 13.15 КоАП РФ субъектами правонарушений являются юридические лица. Однако в части 11 этой статьи КоАП РФ за повторное совершение деяний, предусмотренных частями 10¹ и 10² ст. 13.15, уже предусмотрена градация ответственности для граждан, должностных лиц и юридических лиц. Тут опять возникает недоумение, как граждане и должностные лица могут совершить повторно административное правонарушение, субъектами которого они не являются? Очевидно, что повторное нарушение могут совершить те же субъекты, что и первичное, то есть юридические лица. Предлагаем в Уголовном кодексе РФ также установить повышенную ответственность за повторное совершение аналогичного деяния, запрещенных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, а также за их совершение должностными лицами. Прослеживается несогласованность административных и уголовно-правовых мер борьбы с распространением заведомо ложной информации в условиях пандемии и других чрезвычайных обстоятельств, о которых идет речь в этих статьях. Является ли это продуманным решением законодателя или недочетами, вызванными экстренным характером принимаемых

мер? Складывается впечатление, что составители административных норм и авторы норм уголовных принимали их разобщенно, не согласовывая тексты и смысл правовых новелл между собой.

Преступления, предусмотренные ст. 207.1 и ч. 1 ст. 207.2 УК РФ, относятся к категории небольшой тяжести, поскольку по первой из них не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, а по второй лишение свободы может быть назначено до 3-х лет. За совершение деяния, запрет на которое устанавливает ч. 2 ст. 207.2 УК РФ, предусмотрено наказание вплоть до лишения свободы до 5 лет, соответственно, это деяние относится к категории средней тяжести. Однако за совершение этих преступлений установлены очень высокие размеры штрафа, приблизительно в десять раз превышающие размеры штрафов, предусмотренных в

санкциях других преступлений этих категорий. Поскольку в законе не установлены какие-либо ограничения в размерах наказания в виде штрафа в зависимости от категории преступления, такое решение представляется правомерным, хотя и нарушающим логику построения санкций в УК РФ.

Таким образом, введение в уголовное и административное законодательство ответственности за распространение заведомо ложной и недостоверной общественно значимой информации в условиях сложившихся обстоятельств, представляющих опасность для здоровья, жизни и безопасности человека, является правильной и своевременной мерой. Но правовая форма этих установлений требует корректировки и разъяснения порядка их применения, в том числе и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Литература

1. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42959>.
2. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 3 апреля 2020 г. Федеральный выпуск № 72 (8126).
3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета от 3 апреля 2020 г. Федеральный выпуск № 72 (8126).
4. URL: <https://duma.gov.ru>.
5. URL: https://news.rambler.ru/other/43959026/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
6. URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item>.
7. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/primyaty-zakony-ob-usilenii-ugolovnoy-i-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-pravil-vo-vremya-karantina>.
8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. М., 2020.
9. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73824465>.
10. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982.
11. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999.
12. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.
13. URL: <https://rusvesna.su/news/1585666803>.

Bibliography

1. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42959>.
2. Federal Law of April 1, 2020 № 100-FL «On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Russian Newspaper of April 3, 2020 Federal Issue № 72 (8126).
3. Federal Law of April 1, 2020 № 99-FL «On Amending the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses». Adopted by the State Duma on March 31, 2020. Approved by the Federation Council on March 31, 2020 // Russian newspaper of April 3, 2020. Federal issue № 72 (8126).
4. URL: <https://duma.gov.ru>.
5. URL: https://news.rambler.ru/other/43959026/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
6. URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item>.
7. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/primyaty-zakony-ob-usilenii-ugolovnoy-i-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-pravil-vo-vremya-karantina>.
8. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook. Moscow, 2020.
9. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73824465>.
10. Tikhomirov Yu.A. Theory of law. Moscow, 1982.
11. Theory of state and law: textbook for law universities and faculties/ed. V.M. Korelsky, V.D. Perevalova. Moscow, 1999.
12. Denisov G.I. Legal Technique: Theory and Practice // Journal of Russian Law. 2005. № 8.
13. URL: <https://rusvesna.su/news/1585666803>.

© 2021 г. Меркурьев Виктор Викторович,

заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Агапов Павел Валерьевич,

главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Стешич Елена Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Смыслова Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛИЗАЦИИ И РОСТА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (ЧАСТЬ 1)

В статье на основании анализа состояния законности и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму сделан вывод о наличии ряда ошибок, допускаемых практическими органами при применении уголовно-правовых норм, предложены рекомендации по их разрешению.

Ключевые слова: прокурорский надзор, противодействие, экстремизм, радикализация, социальная напряженность, протестная активность, молодежь.

Merkuriev Victor Viktorovich – Head of the Department for Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Sphere of Federal Security, Interethnic Relations, Countering Extremism; the University Prosecutors Office of the Russian Federation, **Moscow**, Doctor of Law, Professor.

Agapov Pavel Valeryevich – Head of the Department for Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Sphere of Federal Security, Interethnic Relations, Counteraction to Extremism; The University Prosecutors Office of the Russian Federation, **Moscow**, Doctor of Law, Professor.

Steshich Elena Sergeevna – Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

Smyslova Vera Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Procedure, the Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow.

PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN THE CONTEXT OF RADICALIZATION AND THE GROWTH OF PROTEST ACTIVITY OF THE POPULATION: THEORY AND PRACTICE (PART 1)

The article notes that the problems of radicalization, involvement of minors and young people in protest activity and extremism are particularly dangerous today. Based on the analysis of the state of legality and law enforcement practice in the field of countering extremism, it is concluded that there are a number of mistakes made by practical bodies in the application of criminal law norms, and recommendations for their resolution are proposed.

Keywords: prosecutor's supervision, counteraction, extremism, radicalization, social.

События последнего времени свидетельствуют о существовании прежних и появлении целого ряда новых условий, способствующих эскалации экстремистских настроений в обществе. Тенденция к распространению политических, религиозных, националистических идей, приобретающих характер

экстремистской идеологии и провоцирующих определенные группы населения на силовое противодействие государству, обострение внешних экстремистских угроз со стороны «прозападных политических сил» отмечены в п. 8 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.

К числу потенциальных угроз дестабилизации обстановки в стране относятся наиболее опасные проявления экстремизма – возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет; вовлечение отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций; организация и проведение несогласованных публичных мероприятий (включая протестные акции, демонстрации), массовых беспорядков; подготовка и совершение террористических актов, инспирирование «цветных революций» [1; 2].

Несмотря на выполнение целого ряда законодательных, организационных, правоохранительных, предупредительных мер, предусмотренных планом мероприятий по реализации Стратегии, в первом полугодии 2020 г. (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) число преступлений экстремистской направленности в России увеличилось на 40,8 %.

Неотъемлемым элементом системы защиты конституционных и правовых основ современного общества, характеризующегося некоторыми зарубежными и отечественными учеными как «общество риска», выступает усиление роли прокуратуры [3; 4; 5; 6].

Необходимость эффективного противодействия проявлениям экстремизма потребовала реализации соответствующих законодательных мер, которые нашли отражение в ряде нормативных правовых актов: в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии экстремистской деятельности»; Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации 29.05.2020 № 344) (далее – Стратегия); Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 08.07.2020) и др.

Масштабы новых вызовов и проблем в сфере детства, которые не могут не волновать, требуют эффективных алгоритмов действий, законодательных инициатив по вопросам защиты интересов будущего детей и подростков. Наибольшее беспокойство вызывают:

- вербовка представителей молодого поколения в секты, экстремистские и террористические организации;
- распространение деструктивного контента в информационном пространстве;
- насилие в подростковой среде, посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних;
- возможности современных технологий управления (геймификация);
- нахождение детей в зонах вооруженных конфликтов;
- вовлечение подростков в протестные акции и митинги [7; 8].

Следует признать, что сегодня реализуется достаточно много нормативно-правовых актов, создающих фундамент для профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. Так, на стабильное демографическое развитие страны направлены указы Президента РФ: «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», а также утвержденные распоряжением Правительства РФ: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Принятие документов, направленных на объединение усилий в профилактике девиантного поведения детей и молодежи, позволяет рассчитывать, что предусмотренные в них механизмы будут реализованы. Между тем, на пути реализации документов возникают трудности организационно-технического и иного характера, которые препятствуют достижению запланированной цели и не позволяют своевременно блокировать угрозы, дестабилизирующие общественную обстановку и способствующие росту протестной активности населения.

В современном обществе происходит активное формирование новых современных форм протестных практик («монстрации», пикеты, флеш-мобы, перфомансы, хэппенинги), увеличение количества агрессивных (насильственных) форм протестной активности. Новые условия формируют благоприятную среду для эскалации криминальной субкультуры. Среди асоциальных и противоправных форм молодежной активности наибольшее распространение получают нападения на сотрудников правоохранительных органов, подростковые самосудные расправы, суициды, участие в несогласованных протестных акциях, бунты, массовые демонстративные акты аутоагрессии и голодовки в воспитательных колониях, «буллинг», «скулшутинг» [9].

Происходящие трансформации в социально-экономической, политической, духовной сферах жизни общества не могли не отразиться на судьбе и развитии подрастающего поколения, представители которого не всегда могут правильно оценивать направление векторов перемен, выбирать пути для дальнейшего саморазвития. В условиях дефицита благоприятной среды для формирования системы ценностей, состояния неопределенности, фрустрации и огрубления нравов реальную опасность предоставляет возможность включения в преступную деятельность молодежи. Поскольку у молодежи в силу возрастных характеристик (более низкий уровень развития критического мышления, обостренное восприятие окружающей реальности, стремление к идентификации, признанию и главенству среди сверстников) легко формируются и укореняются радикальные взгляды и убеждения. У определенной категории несовершеннолетних складывается интерес к криминальным движениям и религиозным организациям (объединениям) деструктивного характера, причем наиболее часто ведущая роль в вовлечении принадлежит родителям, близким родственникам (законным представителям) детей, то есть лицами, как правило, вызывающими доверие у несовершеннолетних [10]. Готовность молодежи к участию в акциях протеста, формы реализации негативного протестного потенциала, отношение молодежи к протестным движениям в настоящее время являются предметом исследования в различных научных областях [11; 12].

В настоящее время на учете в органах внутренних дел Российской Федерации состоит

свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тыс. человек, среди которых представители движения «скинхеды» составляют около 150 группировок, футбольных фанатов – 72, национального единства – 31, националистов – 8 [4].

Отсутствие рационального контроля либо излишне жесткие меры борьбы со стороны общества и государства в отношении спортивных (преимущественно футбольных) фанатов («ультрас»), поддерживающих и пропагандирующих националистические идеи, способствует росту насилия, проявлению агрессии со стороны представителей фанатских объединений по отношению к болельщикам, фанатам спортивных клубов-соперников, случайным прохожим [13].

«Прозападные политические силы» активно используют длительное бездействие должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по решению социально-экономических, политических проблем граждан для искусственного провоцирования протестной активности населения в целях разрушения основ конституционного строя и безопасности государства в интересах ряда иностранных государств [7; 14].

К причинам, способствующим эскалации экстремистских настроений молодежи, исследователи относят как общие факторы антиобщественного поведения (социально-экономические, геополитические и пр.), так и личностные [10; 15; 16; 17].

В целях выявления причин и условий радикализации российской молодежи, а также оценки эффективности противодействия государственных органов деятельности радикальных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, Университетом прокуратуры Российской Федерации проведено анкетирование прокурорских работников. В числе главных причин радикализации российской молодежи опрошенными были указаны: снижение доходов населения; рост социального и имущественного неравенства (47 %); деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной

стабильности в обществе (42 %); деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию (40 %). В свободных вариантах ответов перечислены: необдуманная миграционная политика, позволяющая замещать коренное население носителями радикальных идеологий из стран Центральной Азии, не желающими интегрироваться в современное российское общество; отсутствие какой-либо заботы о молодежи; отсутствие достойных перспектив самореализации у молодежи, социальных лифтов.

Среди основных проблем, недостатков и трудностей в организации и осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов, направленных на противодействие радикализации молодежи, с которыми прокуроры сталкивались на практике, были указаны: недостаток времени в связи с загруженностью, контролями и заданиями; отсутствие надлежащего технического оснащения; трудность выявления лиц, разместивших запрещенные материалы в Интернете; анонимность в социальных сетях лиц, пропагандирующих экстремизм (4); несовершенство законодательства в сфере противодействия экстремизму; неверие молодежи (особенно в вузах) органам государственной власти; культивирование правового нигилизма; отсутствие патриотизма (3); трудности своевременного выявления по причине отсутствия в возможности проводить; отсутствие правового статуса, недостаточность полномочий (2); отсутствие инициативы со стороны всех органов профилактики; отсутствие методики по противодействию религиозному экстремизму (1).

Учитывая изложенное, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

1. Предупредительно-профилактическая работа в отношении экстремистских проявлений является предметом деятельности всех

федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций при поддержке общественных организаций и объединений, а также населения страны. При этом решения, принимаемые органами государственной власти по предупреждению экстремизма, должны быть открытыми, конкретными и понятными каждому гражданину, носить упреждающий характер, обеспечивать равенство всех перед законом и неотвратимость ответственности.

2. Новые риски и угрозы, оказывающие влияние на радикализацию взглядов населения и рост протестной активности, следует рассматривать в центре предупредительной деятельности.

3. Необходима разработка методических рекомендаций по вопросам надзора за деятельностью образовательных организаций, методик проведения надзорных мероприятий, направленных на противодействие и пресечение радикализации молодежи, в том числе по профилактике противоправного поведения спортивных болельщиков (в частности, футбольных фанатов).

4. На регулярной основе целесообразно проведение совместных семинаров-совещаний представителей различных правоохранительных органов – прокуратуры, ФСБ России, МВД России.

5. Положительно скажется организация и проведение цикла выездных консультаций (семинаров) для родителей (опекунов, попечителей) учащихся общеобразовательных учреждений, учреждений среднего профессионального образования и специальных (коррекционных) учреждений для воспитанников с отклонениями в развитии на тему «Правовая культура, правовое сознание и правовое воспитание в профилактике деструктивного поведения несовершеннолетних».

Литература

1. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционно-правовом измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2018.
2. Agapov P.V., Smyslova V.N., Krasnova K.A., Khakimov R.M., Martianova G.V. Radicalization – Protest Activity – Extremism: Modern paradigms and

Bibliography

1. «Color revolutions» and «Arab Spring» in the constitutional and legal dimension: political and legal research: monograph / T.Ya. Khabrieva, V.E. Chirkin. M., 2018.
2. Agapov P.V., Smyslova V.N., Krasnova K.A., Khakimov R.M., Martianova G.V. Radicalization – Protest Activity – Extremism: Modern paradigms and

manifestation: 2nd International conference on pedagogy, communication and sociology (Bangkok, Thailand, January 06-07, 2020) / Modern International Green Cultural Communication Association. DEStech Publications, Inc., Bangkok, Thailand, 2020. DOI: 10.12783/dtssehs/icpcs2020/33917.

3. Честнов И.Л. Безопасность в «обществе риска» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-65-71.

4. Дамаскин О.В. Молодежный экстремизм: криминологические аспекты противодействия // Военное право. 2020. № 2 (60).

5. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: пособие. Академия Генеральной Прокуратуры РФ. М., 2017.

6. Агутин А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности: учебное пособие // Академия Генеральной Прокуратуры РФ. М., 2017.

7. Меркурьев В.В. Реализация ответственности за злоупотребление правом на выражение мнения и свободой на проведение собраний и объединений // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4.

8. Мухаметшина Н.М., Селеверстова Р.С. Как избежать вовлечения подростков в секты, экстремистские и террористические организации. Часть 1. Социальная педагогика. 2020. № 2.

9. Бочкарева Е.В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105).

10. Капинус О.С. Психологические и социально-психологические детерминанты преступного поведения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 1 (63).

11. Суркова И.Ю., Щепланова В.В., Логинова Л.В. Оценка потенциала и превенция деструктивной гражданской активности студенческой молодежи // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. материалов II Межд. научно-практ. конф. (Ялта, 08–10 октября 2020 г.). Симферополь, 2020.

12. Гаранин О.Ю. Протестная активность российской молодежи в условиях обострения глобальных и региональных модернизационных рисков // Вестник Волгоградского госу-

manifestation: 2nd International conference on pedagogy, communication and sociology (Bangkok, Thailand, January 06-07, 2020) / Modern International Green Cultural Communication Association. DEStech Publications, Inc., Bangkok, Thailand, 2020. DOI: 10.12783/dtssehs/icpcs2020/33917.

3. Chestnov I.L. Security in the «risk society» / I.L. Chestnov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (86). DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-65-71.

4. Damaskin O.V. Youth extremism: criminological aspects of counteraction / O.V. Damaskin // Military law. 2020. № 2 (60).

5. Activities of the Prosecutor's Office to prevent crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state: manual / P.V. Agapov, S.V. Borisov, V.I. Kaznacheeva, V. S. Minskaya, D. A. Sokolov, etc.; Akad. Gen. Prosecutor's Offices of the Russian Federation. M., 2017.

6. Agutin A.V. Prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of crimes of extremist orientation: textbook. manual // Akad. Gen. Prosecutor's Office of the Russian Federation.

7. Merkur'ev V.V. Implementation of responsibility for abuse of the right to express opinions and freedom to conduct meetings and associations // Monitoring of Law Enforcement. 2019. № 4 (33). DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4.

8. Mukhametshina N.M., Seleverstova R.S. How to avoid involving teenagers in sects, extremist and terrorist organizations. Part 1 // Social pedagogy. 2020. № 2.

9. Bochkareva E.V. The spread of criminal anti-culture in the youth environment // Actual problems of Russian law. 2019. № 8 (105).

10. Kapinus O.S. Psychological and socio-psychological determinants of criminal behavior // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2018. № 1 (63).

11. Surkova I.Yu., Shcheblanova V.V., Loginova L.V. Evaluation of the potential and prevention of destructive civil activity of student youth // Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies: collection of materials II Inter. nauch. prac. conf. (Yalta, October 08–10, 2020). Simferopol, 2020.

12. Garanin O.Yu. Protest activity of the Russian youth in the conditions of aggravation of global and regional modernization risks // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2009. № 2 (16).

дарственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16).

13. Спиридонов С.А. Некоторые аспекты противодействия вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, совершаемую участниками спортивных фанатских движений // Право. Экономика. Безопасность. 2017. № 3 (11).

14. Dyfvermark M. R. Contexts of Radicalization: An Inductive Meta-Analysis of 41 Case Studies of Contentious Elections / M. R. Dyfvermark // Expressions of Radicalization / eds. K. Steiner, A. Onnerfors. Palgrave Macmillan, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6_8.

15. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М., 2019.

16. Смыслова В.Н. Краткий анализ факторов, повышающих протестную активность и уровень радикализации (на примере отдельных групп населения) // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: Материалы Международной научно-практической конференции. 2018.

17. Брюхнов А.А. Криминологическая оценка насилия как детерминанты современной преступности // Юрист-Правоведъ. 2020. № 2.

13. Spiridonov S. A. Some aspects of countering the involvement of young people in extremist activities committed by participants of sports fan movements // Pravo. Economy. Safety. 2017. № 3 (11).

14. Dyfvermark M.R. Contexts of Radicalization: An Inductive Meta-Analysis of 41 Case Studies of Contentious Elections // Expressions of Radicalization / eds. K. Steiner, A. Onnerfors. Palgrave Macmillan, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6_8.

15. Steshich E.S. Criminology of homicide. M., 2019.

16. Smyslova V.N. A brief analysis of factors that increase protest activity and the level of radicalization (on the example of individual groups of the population) / V.N. Smyslova // The experience of deradicalization and resocialization of adherents of extremist and terrorist ideologies: Materials of the international scientific and practical conference. Resp. edited by R.F. Pateev. 2018.

17. Bryukhnov A.A. Criminological assessment of violence as determinants of modern crime. 2020. № 2.

© 2021 г. Брюхнов Александр Анатольевич,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: lexandr@mail.ru

Напханенко Игорь Павлович,

заведующий кафедрой «Административное право и уголовно-правовые дисциплины»
Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: nip1966@yandex.ru

Миллерова Елена Александровна,

доцент кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского
государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

В статье анализируются современные формы коррупции. Авторы исследуют процессы ее проявления и развития на отечественном пространстве, а также передовой зарубежный опыт противодействия коррупции. Представлены авторские предложения по совершенствованию подходов к противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, коррупционные проявления, противодействие коррупции.

Bryukhnov Alexander Anatolyevich – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Napkhanenko Igor Pavlovich – Head of the Department of Administrative Law and Criminal-legal Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.

Millerova Elena Aleksandrovna – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State University of Railway Transport, PhD in Law, Associate Professor.

FEATURES OF MODERN APPROACHES OF COMBATING CORRUPTION

The article analyzes modern forms of corruption. The authors examine the processes of manifestation and development of corruption in the domestic space as well as the best foreign experience in combating corruption. The author's proposals for improving approaches to combating corruption are presented.

Keywords: corruption, corruption behavior, corruption manifestations, anti-corruption.

Коррупция имеет многовековую историю и проявляется в той или иной степени в каждом государстве, поэтому ее необходимо рассматривать не только как криминологическую проблему, но, прежде всего, как социально-негативное правовое явление.

Еще в XVII в. английский философ Томас Гоббс писал, что «коррупция есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [3, с. 3].

По мнению современных криминологов, термин «коррупция» имеет слишком богатое смысловое наполнение и давнюю, скорее даже, древнюю историю. Это было и остается одной из причин, по которой легальные определения коррупции если и появляются в международных конвенциях или актах внутреннего законодательства, то неизбежно ста-

новятся целью обширной и весьма заслуженной критики [1, с. 3].

Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. была принята Конвенция против коррупции, в которой сказано, что коррупция порождает проблемы и угрозы для стабильности и безопасности государств, подписавших данный документ, и ставящие под угрозу их политическую стабильность и устойчивое развитие. Однако важно учитывать, что существует масса примеров, когда законодатели в специальных базовых актах о противодействии коррупции намеренно отказываются от указания ее легального определения, полагая, что использование более узких традиционных юридизированных терминологических штампов вроде понятия взяточничества в правовой практике будет иметь меньше недостатков.

Учитывая мировую практику реализации современных подходов к противодействию коррупции, вполне обоснованно можно прийти к выводу о том, что сегодня коррупция распространилась во всех структурах системы органов власти, на всех уровнях, что создает реальную угрозу нормальному функционированию различных институтов современного общества.

Российская Федерация по уровню коррупции в 2019 г. заняла 137 место из 180 стран мира (аналогичная позиция – у Парагвая, Папуа-Новой Гвинеи, Ливана и Кении) [5].

В 2019 г. в Российской Федерации причиненный государству ущерб от коррупционных нарушений закона составил 55,1 млрд рублей. За 9 месяцев 2020 г. ущерб составил 45,4 млрд рублей. Следственным комитетом с начала 2020 г. было возбуждено 15 217 уголовных дел о коррупции.

Как видится, подобная ситуация зачастую складывается из-за того, что фактически скрытыми и представляющими большую общественную опасность проявлениями коррупции являются назначение на руководящие должности корпораций и частных фирм политических лидеров и государственных чиновников; лоббирование интересов определенной группы лиц, нацеленных на достижение результата, идущего в разрез с общими интересами общества; получение незаконных привилегий; незаконное предоставление каких-либо услуг или возможности использования природных и иных ресурсов государства, от имени должностного лица, его родственникам либо знакомым.

Наиболее серьезную проблему, с учетом именно международного, а не отечественного определения коррупции, представляет сращивание органов власти или деятельности отдельных чиновников с представителями криминальных сообществ, вышедшими на транснациональный уровень преступной деятельности.

Помимо вышесказанного отметим, что в современной России коррупция также получила широкое распространение во всех регионах и структурах не только органов государственной и муниципальной власти, но и в медицине, образовании, банковской сфере и пр.

Еще одним важным аспектом исследуемой проблемы является то обстоятельство, что коррупция вызывает недоверие населения,

неверие в государственные институты власти, развращает общество нравственно и ослабляет экономически. Проводимые криминологические исследования показывают наличие в современном российском обществе достаточно высокого уровня правового нигилизма, а также отсутствие доверия гражданского общества к органам власти в целом и к отдельным руководителям.

Сам факт недоверия населения именно современным чиновникам во многом, на наш взгляд, связан с наиболее опасным видом коррупции – кадровой. По своей сущности она представляет собой взаимоотношение двух субъектов. С одной стороны, выступает лицо, уполномоченное принимать решение о назначении на определенную должность, либо имеющее возможность оказывать влияние на кадровую политику, с другой стороны, лицо, заинтересованное в назначении на эту должность. Одной из попыток противодействия коррупции в данном направлении является объявление конкурса на замещение вакантной должности, однако данная процедура имеет ряд существенных недостатков. Основным из них является то, что большинство членов конкурсной комиссии, как правило, находится в непосредственном или прямом подчинении у лица, уполномоченного принимать кадровое решение. Поэтому с достаточно большой вероятностью можно предполагать, что в конкурсе победит лицо, интересы которого пролоббированы с помощью определенных административных или финансовых ресурсов.

Как видим, указанная практика, повсеместно распространенная в современном обществе, наглядно демонстрирует нам те негативные последствия, которые будут проявляться в снижении уровня компетентности чиновников, что в свою очередь ведет к падению доверия к государственной власти со стороны граждан.

Подобная ситуация, на наш взгляд, является следствием того, что наиболее распространенной, по мнению современных криминологов, является низовая коррупция, которая распространена на низших и средних уровнях власти. Этот вид коррупции встречается везде, где интересы граждан сталкиваются с властными полномочиями тех или иных чиновников, или когда интересы государства требуют обращения чиновников к гражданам [2, с. 164]. В одних случаях речь идет об

удовлетворении жизненных интересов граждан, например, в сфере здравоохранения, образования и т. п., в других – это взимание штрафов и налогов, таможенные сборы, призыв на военную службу.

Считаем, что, видимо, именно по этой причине, начиная с 2008 г., государство уделяло максимальное внимание вопросам противодействия именно низовой коррупции.

Однако, учитывая особенности современных подходов к противодействию коррупции, важно уделять внимание иному направлению развития коррупционных отношений – коррупции в высших эшелонах власти. Учитывая специфику данного вида преступных проявлений, следует подчеркнуть, что именно верхушечная коррупция охватывает, главным образом, верхний уровень власти и политическую сферу. Именно здесь находят свое воплощение интересы большого бизнеса, которые не соотносятся с нравственными принципами [4, с. 299–316].

Проблема противодействия современным видам коррупционных отношений во многом обусловлена как раз наличием коррупционных связей внутри какой-либо системы или организации. В данном случае идет речь о ситуациях, когда чиновник делится частью средств, полученных в результате совершения коррупционных действий, со своим руководителем, с целью приобретения в его лице покровителя. В этом случае коррупция приобретает уже организованную форму. Поэтому, исследуя проблему реализации современных подходов к противодействию коррупции, мы, прежде всего, должны учитывать сферы ее проникновения, которыми на сегодняшний день являются государственное и муниципальное управление, экономика, законодательная и судебная власть, образование и здравоохранение.

Подобное положение дел не может не вызывать тревогу, поскольку негативное влияние коррупции, например, на систему государственного и муниципального управления, может проявляться в снижении эффективности использования средств из федерального бюджета, либо качества оказания государственных услуг.

Анализируя вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что в современный период развития нашего общества в Российской Федерации уделяется большое внимание вопросам противодействия коррупции, однако данный

процесс зачастую ограничивается лишь созданием и совершенствованием правовых основ противодействия данному негативному явлению, а не информационно-пропагандистским мерам профилактического характера.

Как показывает практика, усиление карательных ограничений путем внесения систематических изменений в уголовное законодательство не принесло столь ощутимых результатов, ввиду чего назрела необходимость переориентировать усилия государства, направленные на противодействие коррупции, в информационно-пропагандистское поле, где будет реально осуществляться воздействие на волю, сознание, духовные составляющие человека. Как видится, усилия государства должны быть направлены на создание антикоррупционных паттернов, стереотипов активного антикоррупционного поведения. Поэтому, прежде чем вносить очередные поправки в законодательство, усиливающие ответственность за коррупционные правонарушения, необходимо сосредоточить внимание на совершенствовании информационно-пропагандистской методики обеспечения антикоррупционного воспитания населения, в особенности его младшей возрастной группы.

Однако полностью отказаться от усиления карательных ограничений, конечно, нельзя, и в этой связи, рассматривая проблему реализации современных подходов к противодействию коррупции, хотелось бы остановиться на «азиатском» опыте борьбы с коррупцией.

Так, в Сингапуре в настоящее время практически нет коррупции. Борьба с ней началась после ухода из страны в конце 50-х годов прошлого века британцев и после победы на выборах партии «Народное действие». Первой задачей, которую предстояло решить новому правительству, было искоренение коррупции и повышение авторитета государственной власти.

Реализуемая практика противодействия коррупции в данном случае осуществлялась по нескольким направлениям. Прежде всего, был создан специальный орган, основной задачей которого была борьба с коррупцией – бюро по расследованию коррупции. Данная структура была наделена очень широким спектром полномочий, такими, как проверка банковских счетов, имущества не только самих чиновников, но и их детей, жен, родственников и даже знакомых. Дача ложных

показаний сотрудникам бюро или введение следствия в заблуждение приравнивались к преступлению, наказание за которое предусматривало тюремное заключение и штраф до 10 тыс. сингапурских долларов. Параллельно чиновники и члены их семей были лишены неприкосновенности. Также одним из видов наказания за коррупционные преступления была введена конфискация доходов и имущества, полученных в результате совершения данных преступлений.

Реализуя практику применения компаративного анализа отечественного и зарубежного уголовного законодательства, отметим, что в законодательстве Сингапура появилось понятие «презумпция виновности», которая распространялась на государственных чиновников. В 1960 г. был принят закон, согласно которому доказательством взятки считалось то, что обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которые он не мог приобрести на свои доходы, как подтверждение того, что обвиняемый получал коррупционные доходы [6]. При привлечении чиновника к уголовной ответственности он должен был выплатить огромный штраф, имущество, принадлежащее ему, подлежало конфискации, а сам он направлялся в тюрьму на длительный срок. Также члены семьи осужденного чиновника не могли рассчитывать на хорошую работу.

Однако, как мы понимаем, для успешной реализации вопросов противодействия коррупционным проявлениям в современном обществе, помимо карательных ограничений, необходимо активно развивать систему материального стимулирования, поэтому была существенно увеличена зарплата чиновников. Это позволило привлечь в государственный сектор высококвалифицированных специалистов.

Также были созданы независимые средства массовой информации, которые должны были освещать все факты коррупции.

Результатом принятых мер явилось полное отсутствие в настоящее время в Сингапуре коррупционных преступлений.

Помимо сингапурского опыта противодействия коррупционным проявлениям хотелось бы обратить внимание и на борьбу с коррупцией в Китайской Народной Республике. Здесь широкомасштабная борьба с коррупцией началась в 2012 г., когда был разработан кодекс для чиновников, согласно которому

они должны были отказаться от торжественности и формализма, в частности, организации пышных торжеств, оплачиваемых из государственного бюджета, отказаться принимать участие в каких-либо коммерческих мероприятиях, свести к минимуму поездки за границу, также сократить количество помощников и сопровождающих и др.

Положительные результаты не заставили себя ждать, и уже в 2013 г. экономия государственных средств составила около 140 млрд долларов.

В уголовном законодательстве Китая за коррупционные преступления были введены в качестве наказания: конфискация имущества, пожизненное заключение и смертная казнь. Всего в нем предусмотрено 45 «расстрельных» статей. Данная мера наказания распространяется, в первую очередь, на членов китайской компартии и государственных служащих.

За весь период борьбы с коррупцией в Китае были осуждены к тюремному заключению на срок до 20 лет 120 тыс. человек, расстреляно 10 тыс. Необходимо отметить, что не всех чиновников, приговоренных к расстрелу, расстреливают, поскольку смертная казнь в Китае применяется, но только в исключительных случаях, как показательные уроки для остальных. Действующее уголовное законодательство Китая предусматривает отсрочку исполнения приговора суда, при этом время отсрочки не указано. В среднем чиновники за совершение преступлений коррупционной направленности получают от 12-ти до 16-ти лет. Например, в 2016 г. за коррупционные преступления (взяточничество, злоупотребление служебным положением и др.) к пожизненному заключению был приговорен один из руководителей коммунистической партии Китая – Лин Цзихуа.

Для сравнения: в России в 2016 г. за получение взятки в особо крупных размерах (2 млн долларов США) был осужден 8 годам колонии строгого режима и штрафу более 130 млн рублей бывший министр экономического развития Алексей Улюкаев.

Проведенный анализ современных подходов к противодействию коррупции свидетельствует о том, что в нашей стране меры, принимаемые для противодействия коррупции, недостаточны. Это обусловлено, во-первых, в определенной степени либеральным законодательством, в частности, связанным

с наказанием за коррупционные преступления. Во-вторых, отсутствием реальных мер, направленных на создание нетерпимости в обществе к коррупции.

Считаем, что на начальном этапе противодействия коррупции, по нашему мнению, должна доминировать единая информационная политика в сфере противодействия коррупции, в том числе в сочетании с единой концепцией реализации информационно-пропагандистских программ по противодействию коррупции, реализуемых соответствующими субъектами.

При этом существующие «карательные» меры призваны сформировать страх у чиновников перед неотвратимостью наказания, в результате которого они и члены их семей будут лишены всего, в том числе средств и имущества, добытых преступным путем, а сами чиновники получают наказание, связанное с изоляцией от общества.

Вместе с тем, несмотря на существующую правоприменительную практику, государству придется продолжить курс, направленный на усиление кары за совершение коррупционных преступлений. Поскольку, по данным судебного департамента Верховного Суда РФ в 2019 г., по преступлениям коррупционной направленности было вынесено 15 562 обвинительных приговоров, а к уголовной ответственности, связанной с лишением свободы, было привлечено 1 463 человека и при этом все имущество, добытое коррупционным путем, осталось в их собственности.

С учетом вышеизложенного, в сложившейся ситуации в качестве мер, направленных на противодействие коррупции в Российской Федерации, мы предлагаем, прежде всего, сделать более суровым наказание за совершение преступлений коррупционной направленности. Так, содержание статей Уголовного кодекса может выглядеть следующим образом: ст. 290 УК РФ «Получение взятки» – санкция от 5 лет до пожизненного лишения свободы, обязательная конфискация имущества, в том числе принадлежащего членам семьи и близким родственникам, пожизненный запрет занимать должности в государственных структурах (согласно действующему УК РФ наказания за подобные преступления – от 1 года исправительных работ до 15-ти лет лишения свободы). Статья 291 УК РФ «Дача взятки» – санкция от 3-х до 15-ти лет лишения свободы,

обязательная конфискация имущества, принадлежащего членам семьи и близким родственникам, пожизненный запрет занимать должности в государственных структурах (согласно действующему УК РФ – наказание от 1 года исправительных работ до 15-ти лет лишения свободы).

Так же предлагаем такие поправки: крупный размер – от 150 тыс. рублей до 75 тыс. рублей, особо крупный размер – от 1 млн рублей до 500 тыс. рублей. При получении или даче взятки в крупном размере виновное лицо должно быть осуждено к реальному лишению свободы от 10-ти лет, с обязательной конфискацией средств и имущества, добытых преступным путем.

На законодательном уровне закрепить норму, согласно которой правоохранительные органы должны выплачивать вознаграждение гражданам, предоставившим информацию о лицах, совершающих или совершивших преступления коррупционной направленности. Например, в сумме 5 % от общей стоимости конфискованного имущества и иных средств, добытых преступным путем.

Важным аспектом, с учетом коррупционных проявлений у современных чиновников, видится необходимость, при которой должностные лица, занимающие государственные должности, при назначении должны в обязательном порядке проходить полиграф. При замещении указанных должностей лица, их занимающие, должны не менее одного раза в год проходить полиграф на предмет антикоррупционного поведения. При этом в отношении членов семей должностных лиц, лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации, а также лиц, занимающих государственные должности субъектов РФ, должен быть введен запрет занимать руководящие должности в коммерческих организациях.

В случае привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления коррупционной направленности, лицо, рекомендовавшее его на эту должность, а также подписавшее приказ о назначении, должно быть понижено в должности или уволено.

С учетом международного опыта противодействия коррупции необходимо запретить выезд за границу должностным лицам, лицам, занимающим государственные должности Российской Федерации, а также лицам, занимающим государственные должности

субъектов РФ, за исключением служебных командировок, а также после увольнения со службы в течение 3-х лет запретить выезд за границу. Помимо этого, необходимо после окончания службы в течение 3-х лет предоставлять декларации о доходах и расходах, в том числе и членов их семей.

В сложившейся ситуации также важно подробно освещать в независимых средствах массовой информации реальные факты

совершения преступлений коррупционной направленности.

Таким образом, анализ современных подходов к противодействию коррупции предполагает реализацию совокупности обязанностей, запретов, ограничений и соответствующих рекомендаций, реализуемых в информационно-пропагандистском пространстве в целях предупреждения коррупционных нарушений закона.

Литература

1. Брюханов А.А., Вакуленко Н.А. Современные причины и условия коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России, 2020.
2. Брюханов А.А., Вакуленко Н.А., Зубенко В.В. Особенности профилактики нарушений дисциплины и законности в органах внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46).
3. Меньшенина Н.Н. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие. Екатеринбург, 2014.
4. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М., 2019.
5. URL: <http://transparency.org.ru>.
6. Диалектика противодействия коррупции // материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Борьба с преступностью и предупреждение преступлений на отдельных объектах и в отдельных областях жизни». Казань, 2012.

Bibliography

1. Bryukhanov A.A., Vakulenko N.A. Modern reasons and conditions of corrupt behavior of employees of internal affairs bodies. The Rostov Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2020.
2. Bryukhanov A.A., Vakulenko N.A., Zubenko V.V. Peculiarities of prevention of violations of discipline and the rule of law in the organs of internal Affairs // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (46).
3. Menshenina N.N. Corruption in the Russian Federation: the Genesis, form, technology, resistance. Yekaterinburg: Ural State University, 2014.
4. Steshich E.S. Criminology of homicide. M., 2019.
5. URL: <http://transparency.org.ru>.
6. Dialectics of anti-corruption // Materials of the II All-Russian scientific and practical conference «Fighting crime and preventing crime at certain objects and in certain areas of life». December 7, 2012 (Kazan). Kazan, 2012.

© 2021 г. Шумаков Сергей Александрович,

старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.
E-mail: shumak07031971@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ

В статье рассматривается юридическое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением, для принятия решения об освобождении от наказания. Обосновывается вывод, что обязательным значением данный факт обладает в случаях условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, ущерб, возмещение вреда, наказание, освобождение от наказания.

Shumakov Sergey Aleksandrovich – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law, the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice.

LEGAL SIGNIFICANCE OF THE COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE CRIME WHEN RELEASED FROM PUNISHMENT

The article considers the legal significance of compensation for damage caused by a crime for making a decision on release from punishment. The conclusion is substantiated that this fact has an obligatory meaning in cases of grant of parole from punishment and replacement the unserved part of punishment with a milder type of punishment.

Keywords: criminal liability, crime, damage, compensation for harm, punishment, release from punishment.

Надлежащее обеспечение прав и свобод человека и гражданина в случае причинения преступлением вреда немыслимо без возмещения такового. В отечественном уголовном законодательстве предусматривается комплекс мер, направленных на стимулирование виновного лица возместить причиненный ущерб. Возмещение вреда учитывается при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, данный факт фигурирует в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Юридические положения о возмещении ущерба, причиненного преступлением, пронизывают многие институты современного российского уголовного права. Особое место среди таковых занимают предписания об освобождении от наказания, где возмещение причиненного вреда имеет весьма существенное значение. При этом нормативное отражение таких положений в главе 12 УК РФ не отличается упорядоченностью.

Законодатель прямо указывает на возмещение ущерба, причиненного преступлением, как на имеющий правовое значение фактор, учитываемый при принятии решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказа-

ния более мягким видом наказания. В первую очередь, обращает на себя внимание то обстоятельство, что положения о возмещении ущерба неодинаково отражены в ст. 79 и 80 УК РФ. В первой из названных указывается на полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. А во второй из них ссылки на размер, определенный судом, нет. Складывается впечатление, что эта разница объясняется лишь законодательной оплошностью. Очевидно, что определение размера причиненного преступлением ущерба находится в исключительной компетенции суда.

Важно отметить, что анализируемые основания освобождения от отбывания наказания в ч. 1 ст. 79 и ч. 1 ст. 80 УК РФ указывают как на полное, так и на частичное возмещение вреда. При этом не приводится каких-либо формальных границ для производимой компенсации ущерба [7, с. 259]. Если руководствоваться буквальным толкованием уголовного закона, то для применения рассматриваемых положений об освобождении от отбывания наказания достаточно создать видимость возмещения ущерба путем минимальной частичной компенсации. Однако при

невозмещении вреда не достигаются цели наказания, не восстанавливается социальная справедливость [3, с. 106]. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к ч. 1 ст. 79 и ч. 1 ст. 80 УК РФ возмещение ущерба расценивается в качестве условия для применения данных видов освобождения от наказания. При этом для констатации факта возмещения вреда достаточно установить наличие предпринятых осужденным мер, направленных на компенсацию ущерба, при которых вред не возмещен в полной мере в силу объективных причин [4].

Как видно, Пленум Верховного Суда РФ предпринимает попытку ограничения потенциально возможного произвольного толкования анализируемых положений о возмещении вреда и подчеркивает, что незначительная компенсация вреда может быть признана достаточной в разрезе ст. 79 и 80 УК РФ исключительно в силу объективных причин. То есть имеется в виду объективное отсутствие возможностей у осужденного для большего объема возмещения ущерба.

Вместе с тем такое проявление гуманизма, на наш взгляд, должно соседствовать с разъяснением о том, что освобождение от наказания по основаниям ст. 79 и 80 УК РФ допустимо исключительно при максимально возможном в силу объективных причин возмещении вреда, причиненного преступлением. Только так можно стимулировать лиц, совершивших преступления, к наиболее полному возмещению причиненного ими ущерба. Представляется, что такого рода указания должны содержаться непосредственно в тексте уголовного закона.

Следует отметить, что ст. 79 и 80 УК РФ не только называют возмещение вреда в качестве одного из оснований для освобождения лица от отбывания наказания, но и прописывают условия применения такого основания. В ч. 4¹ ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ закреплено, что данные виды освобождения от наказания могут применяться при условии не только полного или частичного возмещения причиненного ущерба, но и при заглаживании такого вреда иным образом. Возникает вопрос о том, является ли иное заглаживание причиненного преступлением вреда альтернативой возмещения ущерба или же речь ведется о преступлениях, которыми, например, не причиняется определенный материальный ущерб.

Аналогичное указание об ином заглаживании причиненного преступлением вреда имеется в нормах главы 11 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности»). По этому поводу даны разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ: заглаживание вреда подразумевает как его фактическое возмещение, так и иные меры по восстановлению нарушенных прав потерпевшего. При этом то, каким образом вред считается заглаженным, а также размеры соответствующей компенсации, определяются самим потерпевшим [6].

Как видно, изложенные разъяснения непосредственно применимы лишь к ст. 76 УК РФ, где, кстати говоря, заглаживание вреда зафиксировано само по себе, оно не «соседствует» с возмещением вреда. Но если их экстраполировать на изучаемые основания освобождения от наказания, то приведенная рекомендация высшей судебной инстанции не добавит особой ясности в анализируемый вопрос. Можно лишь допустить, что констатация иного заглаживания вреда допускается с учетом мнения потерпевшего.

По нашему мнению, иное заглаживание причиненного преступлением вреда в анализируемых случаях подразумевает меры по нивелированию главным образом нематериального вреда. Это могут быть извинения, компенсация морального вреда.

Применение ст. 79 или 80 УК РФ должно основываться на требовании максимального возмещения как материального, так и нематериального ущерба. То есть в случаях установления обоих видов ущерба необходимо выяснять степень компенсации каждого из них и наличие объективных причин, воспрепятствовавших полному возмещению причиненного преступлением вреда.

Примечательно, что наличие в ст. 79 и 80 УК РФ указаний о возможном полном или частичном возмещении вреда приводит некоторых авторов к следующим взглядам. Так, по утверждению Э.В. Жидкова, наличие такой специальной оговорки о полном или частичном возмещении ущерба в ст. 79 и 80 УК РФ может служить основанием для вывода о том, что во всех иных случаях упоминания возмещения вреда в уголовном законе имеется в виду его полная компенсация [2, с. 70–76]. На наш взгляд, такое суждение согласовано с принципами системного толкования уголовного закона. Однако, с другой стороны, описанный подход может свидетельствовать лишь

об отдельных непоследовательностях при конструировании законодательных предписаний.

В юридическом описании такого основания освобождения от наказания, как изменение обстановки, отсутствуют ссылки на возмещение причиненного лицом ущерба. Но ввиду того, что изменение обстановки предполагает утрату общественной опасности деяния или лица, его совершившего, возмещение вреда может косвенно быть связано с этим фактом. Объясняется это тем, что общественная опасность преступления обуславливается, в том числе, характером и размером наступивших последствий, а также обстоятельствами, смягчающими наказание [5]. В этих условиях считаем допустимым утверждение о том, что полное возмещение вреда, причиненного преступлением, может учитываться наряду с другими обстоятельствами при решении вопроса об освобождении лица от наказания в связи с изменением обстановки.

Возмещение ущерба от преступления не упоминается в ст. 81 УК РФ («Освобождение от наказания в связи с болезнью») [1]. В данном случае сама правовая природа этого основания освобождения от наказания исключает уголовно-правовую обязанность возмещения вреда. Однако сказанное в полной мере применимо к ситуациям заболевания психическим расстройством, но с другими случаями освобождения от наказания в связи с болезнью не все так однозначно. Психическое расстройство лица, не позволяющее ему понимать происходящее, препятствует возложению на него обязанности возмещения вреда. А вот если речь ведется о заболевании другой тяжелой болезнью, то здесь объяснением служат гуманистические соображения.

Законодателем не требуется возмещение ущерба и в случаях отсрочки отбывания наказания, применяемой в отношении лиц, имеющих детей в возрасте до 14 лет. Вероятно, увязывание такого вида освобождения от наказания с возмещением вреда может вступать вразрез с идеями гуманизма. В то же время в ч. 4 ст. 82 УК РФ установлена возможность освобождения лица от наказания, если ранее в отношении него оно было отсрочено по основаниям ст. 82 УК РФ, и истек срок, равный сроку наказания. В этой норме указывается на соблюдение условий отсрочки наказания и исправление осужденного. Представляется, что в ряде подобных случаев было бы уместным увязывать освобождение от

наказания, в том числе, с фактом возмещения ущерба, причиненного преступлением. Определенным образом сказанное относится и к положениям ч. 3 ст. 82 УК РФ, где предусматривается возможность освобождения лица от наказания по достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Определенные сомнения имеются и относительно отсутствия требования о возмещении вреда, причиненного преступлением, применительно к ситуациям освобождения от наказания лиц, больных наркоманией (ст. 82¹ УК РФ). Например, проходя социальную реабилитацию, такие осужденные могли бы трудиться и предпринимать меры для возмещения ущерба, причиненного их преступлением. Безусловно, при наличии такового. Как представляется, требование о возмещении вреда по образу ст. 79 и 80 УК РФ в подобных случаях оказывало бы весьма существенное воздействие на осужденных. В противном случае можно усмотреть безосновательное возведение этих лиц в привилегированное положение.

На наш взгляд, законодательное указание на учет при решении названных вопросов, в том числе, факта возмещения причиненного преступлением вреда выступало бы серьезным стимулом для своевременного и полного восстановления прав потерпевшего от преступления в части возмещения причиненного ему ущерба.

Истечение сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ), как представляется, практически никак не коррелирует с проблемой возмещения вреда, причиненного преступлением. Истечение значительных сроков после факта причинения ущерба преступлением зачастую ставит под сомнение обоснованность соответствующих имущественных требований. В этом контексте уместно упомянуть, что общий срок исковой давности в отечественном гражданском законодательстве – 3 года.

Фактическое освобождение от наказания происходит и в случае условного осуждения. На наш взгляд, в ситуациях применения ст. 73 УК РФ обязательному учету подлежит факт возмещения ущерба, причиненного преступлением. Зависимость наличия шанса на применение условного осуждения от факта возмещения вреда обладала бы ощутимой стимулирующей силой. Однако нормативные условия применения ст. 73 УК РФ ограничиваются

лишь ссылкой на учет, в том числе, обстоятельств, смягчающих наказание, в числе которых, как известно, состоит и возмещение причиненного преступлением ущерба.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в перечне потенциальных обязанностей, которые могут быть возложены на условно осужденного, отсутствует прямое указание на возмещение вреда. Безусловно, названные в ч. 5 ст. 73 УК РФ ограничения не являются исчерпывающими и могут быть дополнены обязательством возмещения причиненного ущерба. В то же время наличие здесь непосредственного предписания о возмещении вреда обладало бы большим эффектом.

Таким образом, факт возмещения ущерба, причиненного преступлением, обладает неодинаковым юридическим значением в раз-

личных видах освобождения от наказания. В случаях, предусмотренных ст. 79 и 80 УК РФ, возмещение вреда выступает в качестве обязательного требования. Возмещение ущерба может быть учтено в качестве обстоятельства, учитываемого при освобождении от наказания в связи с изменением обстановки, а также при условном осуждении.

Юридически нейтральным является факт возмещения вреда в случае освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда. В иных случаях освобождения от наказания (ст. 81, 82, 82¹ УК РФ) законодательство не регламентирует учет возмещения ущерба при их применении. Вместе с тем во многих из названных ситуаций возмещение вреда потенциально могло бы обладать правовым значением.

Литература

1. Алфимова О.А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты. Красноярск, 2005.

2. Жидков Э.В. Влияние возмещения вреда, причиненного совершением преступления, на освобождение от уголовной ответственности или наказания // Юридическая гносеология. 2017. № 1.

3. Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография. М., 2013.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров. М., 2019.

Bibliography

1. Alfimova O.A. Liberation from punishment in connection with illness: criminal-legal and criminal-executive aspects: Dissertation of the candidate of legal sciences. Krasnoyarsk, 2005.

2. Zhidkov E.V. Influence of compensation for damage caused by the commission of a crime on the release from criminal liability or punishment // Yuridicheskaya gnoseologiya. 2017. № 1.

3. Orlov V.N. Criminal punishment: the concept, goals, composition of execution: monograph. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Justice, 2013.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.04.2009 № 8 «On judicial practice of parole from serving a sentence, the replacement of the unserved part of the punishment with a milder punishment» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 7 (ed. by 17.11.2015).

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 № 58 «On the practice of appointment by the courts of the Russian Federation criminal punishment» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 of 27.06.2013 «On the application by courts of Legislation Regulating the grounds and Procedure for exemption from criminal liability» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 8.

7. Criminal law of Russia. Parts of General and Special: a textbook for bachelors. M., 2019.

© 2021 г. Кейдунова Елена Резовна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: t2i8g1r2@yandex.ru

Витвицкая Светлана Сергеевна,

старший юристконсульт ООО «СКВТ» кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: omar67@yandex.ru

Витвицкий Андрей Анатольевич,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Всероссийского государственного университета юстиции кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: fishbrook@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУРСА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются идеологические и исполнительные компоненты современной уголовно-правовой политики в сфере экономики. Обосновывается, что отправной точкой при создании уголовно-правовой концепции должно стать четкое определение законодателем его представлений о природе преступности в целом и экономической преступности.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, общественная опасность деяний, криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, уголовно-правовая политика, уголовно-правовая концепция.

Keidunova Elena Rezovna – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Law Faculty, the Southern Federal University, PhD in Law, Associate Professor.

Vitvitskaya Svetlana Sergeevna – Senior Legal Adviser, SKVT LLC, PhD in Law, Associate Professor.

Vitvitskiy Andrey Anatolyevich – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Branch of Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

CURRENT ISSUES OF FORMATION OF THE COURSE OF CRIMINAL LAW POLICY IN THE FIELD OF ECONOMICS

The article examines the ideological and executive components of modern criminal law policy in the field of economics. The article proves that the starting point in the creation of the criminal law concept should be a clear definition by the legislator of his ideas about the nature of crime in general and economic crime, in particular on the social purpose of criminal law.

Keywords: crimes in the economic sphere, social danger of acts, criminalization, decriminalization, penalization, de-criminalization, criminal law policy, criminal law concept.

В нашей стране уже около двух десятилетий самой пропагандируемой уголовно-политической идеей является снижение уровня уголовно-правовой репрессии в сфере экономики. Предложения по реформированию УК РФ в этой части исходили и исходят от представителей исполнительной, судебной власти, политиков и деятелей науки.

Так, бывший Президент России Д.А. Медведев заявлял о недопустимости уголовно-правового давления на бизнес. По его словам, предприниматель должен не сидеть в тюрьме, а работать [1].

Эту же уголовно-политическую линию поддерживает и Президент России В.В. Путин,

который в своих выступлениях часто говорит о необходимости экономии уголовно-правовой репрессии в сфере экономики [2].

Верным сторонником гуманизации уголовно-экономического законодательства является Верховный суд РФ, который регулярно выступает с предложениями, касающимися полной декриминализации деяний, не представляющих большой общественной опасности (с их полным переводом в КоАП РФ); частичной декриминализации (посредством использования конструкции административной преюдиции; увеличения количественных параметров криминообразующих признаков в составах экономических преступлений);

по депенализации экономических преступлений (посредством смягчения уголовно-правовых санкций и расширения оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и т. п.)

Рекомендации, направленные на смягчение уголовно-правовой репрессии в отношении представителей бизнес-сообщества, отражаются в предвыборной программе Партии «Роста» [3], закреплены в «Хартии российского бизнеса о недопустимости использования мер уголовно-правового характера для силового давления на бизнес», принятой 13 февраля 2017 г. на форуме в Ростове-на-Дону [4], в приложении к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Реформа уголовного экономического законодательства» [5]. В этих документах констатируется наличие критической ситуации с преследованием предпринимательства с помощью мер уголовно-правового характера и предлагается ряд изменений в законодательство, которые позволят исключить уголовную наказуемость экономических преступлений с низким уровнем общественной опасности; обеспечить неприменение уголовного законодательства к хозяйственным спорам; расширить основания прекращения уголовных дел при условии возмещения ущерба; внедрить принцип административной преюдиции для экономических преступлений небольшой и средней тяжести; исключить использование уголовного преследования в решении хозяйственных споров.

За снижение уровня уголовно-правовой репрессии в сфере экономики ратует целый ряд ученых. Среди научных учреждений, в стенах которых наиболее активно обсуждались вопросы либерализации уголовного-экономического законодательства, следует упомянуть Центр правовых и экономических исследований, который действовал при финансовой и организационной поддержке Университета МакГилла (Канада), Институт современного развития (ИНСОР), Центр Стратегических Разработок А. Кудрина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Следует отметить, что законодатель пытался реагировать на запросы исполнительной, судебной власти, бизнес-сообщества и либеральных научных кругов о снижении уровня уголовной репрессии в сфере экономики проведением уголовно-правовых реформ в 2003, 2009, 2011, 2012, 2016 гг.

Однако на текущий момент итоги реформирования уголовного закона, регламентирующего ответственность за преступления в сфере экономики, выглядят достаточно противоречиво. Наряду с декриминализацией (например, ст. 173, 182, 188, 200 УК РФ и др.) имело место введение новых уголовно-правовых запретов, в том числе и создание новых специальных норм (например, ст. 159.1–159.6, 170.1, 170.2, 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 172.1, 172.2, 172.3, 173.1, 173.2, 174.1, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.5, 185.6, 191.1, 193.1, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4, 200.1, 200.2, 200.3, 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ). На фоне общей депенализации (посредством снижения верхних и исключения нижних пределов наказаний, ограничения сферы применения лишения свободы, развития системы альтернативных мер уголовно-правового воздействия), фиксировались тенденции как ужесточения, так и смягчения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия применительно к ряду экономических преступлений.

Неудивительно, что модернизацией уголовного-экономического законодательства остались недовольны как ее инициаторы, так и ее оппоненты. И те, и другие ратуют за принятие новой редакции УК РФ либо нового Уголовного кодекса, основанных на единой государственной концепции модернизации уголовного закона.

В юридической литературе под концепцией принято понимать оригинальную систему взаимосвязанных между собой взглядов, теоретическое построение, подчиненное какой-либо общей идее [6, с. 32–35]. Содержание уголовно-правовой концепции, по мнению правоведов, составляет упорядоченное множество представлений:

- 1) о природе преступности;
- 2) о социальном предназначении уголовного права;
- 3) о пределах уголовно-правовой регламентации общественных отношений (о критериях определения круга преступных деяний);
- 4) о целях, видах, размерах наказания и иных мер уголовно-правового характера (границах использования государством своей репрессивной власти);
- 5) о воздействии уголовного права на поведение людей [7, с. 86; 8, с. 52].

Следует отметить, что в последние годы отдельными коллективами ученых и практиков предпринимались попытки концептуально

обосновать курс уголовно-правовой политики. К числу наиболее значимых документов подобного рода можно отнести:

- Концепцию модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанную на основании Поручения Президента РФ № ПР-3169 от 28.11.2009 г. Центром правовых и экономических исследований в сотрудничестве с Институтом современного развития;

- Концепцию реформирования уголовного законодательства России до 2020 г., подготовленную в рамках научного исследования «Тенденции реформирования современного российского уголовного законодательства», проводимого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда;

- Проект уголовного кодекса (Общая и Особенная части), разработанный в 2014–2016 гг. коллективом авторов из СГЮА под руководством Н.А. Лопашенко;

- Дорожную карту уголовной политики на 2017–2025 гг., выполненную Центром стратегических разработок.

В Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанной на основании Поручения Президента РФ № ПР-3169 от 28.11.2009 г. [9] перечислены теоретические основания и принципы криминализации и пенализации. В этом документе формулируются и конкретные предложения, касающиеся декриминализации искусственно или избыточно криминализированных видов экономического поведения, которые, по мнению авторского коллектива, не представляют достаточной общественной опасности и могут быть предотвращены средствами неуголовных отраслей права. Среди предложений, касающихся депенализации экономических деяний, следует обратить внимание на такую новеллу как освобождение лица, впервые совершившего ненасильственное экономическое преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности с объявлением ему официального предупреждения. К сожалению, сформулированные в этом документе рекомендации по декриминализации и депенализации некоторых экономических деяний нельзя признать достаточно обоснованными, т. к. оценка общественной опасности соответствующих преступлений произведена по формальным критериям (на основе максимума наказания, заложенного в санкции), без учета материальных

(объективных и субъективных) характеристик преступного посягательства.

В Концепции реформирования уголовного законодательства России до 2020 г. [10], принадлежащей перу ученых из СГЮА, говорится о необходимости формирования идеологии, систематизации уголовного закона, развития его законодательной техники, совершенствования механизма дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания; создания перечней основных и дополнительных наказаний; исключения из системы наказаний принудительных работ; обеспечения условий для исполнения наказания в виде ареста; сокращения криминализации в сфере экономической деятельности; исключения административной преюдиции; конкретизации формы умысла на уровне конкретных составов экономических преступлений; установления в санкциях норм об экономических преступлениях преимущественно экономических видов наказаний; изменения размеров и способов определения штрафа, последствий уклонения от исполнения этого наказания; отказа от тех условий освобождения от уголовной ответственности, которые экономически закабаляют виновного. Многие предложения, выдвинутые в рамках этой Концепции, повторяются и конкретизируются в Проектах Общей части [11, с. 18–59] и Особенной части [12, с. 109–116] Уголовного кодекса, разработанных в 2014–2016 г. в СГЮА. В то же время в вышеуказанных законопроектах выдвигаются и другие, злободневные предложения, касающиеся:

- отказа от категории уголовных проступков; разграничения категорий умышленных и неосторожных преступлений;

- исключения из перечня наказаний специальных наказаний для военнослужащих, ареста и смертной казни; построения системы наказаний в соответствии с принципом «от более мягких – к более строгим»;

- создания новой системы разделов и глав Особенной части; оптимизации структуры составов преступлений в рамках отдельной нормы, с учетом наиболее типичныхотячающих обстоятельств;

- исключения из УК специальных составов мошенничества;

- декриминализации целого ряда преступлений в сфере экономической деятельности, которые не обладают высокой общественной опасностью или схожи с преступлениями,

ответственность за которые дублируется другими уголовно-правовыми нормами (например, предусматривающими составы, связанные с подделкой документов).

По нашему мнению, ученые из СГЮА проделали очень серьезную работу по созданию концепции реформирования уголовного закона, в их проектах содержатся самые продуманные на сегодняшний день предложения по оптимизации уголовного закона в целом и уголовно-экономического законодательства в частности. Однако и в этих законопроектах оценка уровня общественной опасности деяния в сфере экономической деятельности зачастую осуществляется без учета всего круга общественных отношений, на которые осуществляется посягательство, способа совершения преступления, его субъективной направленности и др.

В результате многие уголовно-наказуемые виды поведения в сфере экономической деятельности, сопоставимые по объективному уровню своей общественной опасности с общеуголовными имущественными преступлениями, признаются искусственно или избыточно криминализированными.

Доклад Центра стратегических разработок «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)», представленный 5 апреля 2017 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации [13], имеет программно-декларативный характер. В нем не содержится конкретных предложений по изменению текста уголовного закона, а выделены три стратегические задачи уголовной политики (систематизация уголовно-правового поля; гуманизация уголовного законодательства и практики его применения; новая пенализация) и в самом общем виде обрисованы меры, которые должны быть предприняты для решения этих задач. В целях систематизации уголовного законодательства разработчики анализируемого законопроекта предлагают использовать единую терминологию как внутри уголовного закона, так и в его соотношении с иными нормативными актами. Осуществить гуманизацию уголовного закона авторы этого законопроекта предлагают путем расширения применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с лишением свободы. Дифференциация уголовно-правового воздействия предполагается посредством введения режима максимального благоприятствования для лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести в сфере экономики, и установления режима жесткой

карательной политики для лиц, повторно совершивших преступное деяние, в том числе рецидивистов. Применительно к первой категории лиц должен быть установлен запрет на назначение наказания в виде лишения свободы. В отношении второй категории лиц предлагается восстановить отмененное в 2003 г. дифференцированное влияние вида рецидива преступлений на назначаемое наказание.

Разработчики этого законопроекта являются сторонниками введения уголовного проступка. К этой категории они предлагают отнести: все преступления небольшой тяжести, а также некоторые преступления средней тяжести при условии снижения их пенализации до уровня преступлений небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ); составы преступлений с административной преюдицией; административные правонарушения, за которые может назначаться административный арест, дисквалификация, а также существенные штрафы. В перспективе они рекомендуют отнести к уголовным проступкам все административные правонарушения с судебной юрисдикцией и/или административные правонарушения, вызывающие критику со стороны ЕСПЧ.

Авторы Дорожной карты рекомендуют сохранить для уголовных проступков только такие наказания как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, арест, лишение свободы. При этом, по их мнению, должны быть понижены верхние и нижние пределы наказаний; введен кратный штраф (до 5-кратного размера ущерба, дохода или иного криминообразующего признака); лишение свободы должно назначаться только при злостном уклонении от отбывания назначенного судом более мягкого вида наказания или при рецидиве (проступок + проступок или проступок + преступление). Единственным исключением могут быть проступки, связанные с насилием против личности. По их мнению, должны быть предусмотрены: льготный режим освобождения от ответственности и наказания за проступки, предполагающие обязательность для суда различных видов освобождения (например, ст. 76 УК РФ и т. п.); особый порядок применения иных мер уголовно-правового характера (конфискации и судебного штрафа). Существенным отличием уголовно-правовых последствий уголовного проступка от преступления должно стать отсутствие судимости. По замыслу разработчиков Дорожной карты,

за преступления небольшой и средней тяжести, не сопряженные с общеопасным или насильственным способом их совершения, самым строгим наказанием должен стать арест. Все особо тяжкие преступления, совершение которых не сопряжено с общеопасным или насильственным способом, должны быть переведены в категорию тяжких преступлений. Суть новой пенализации, по мнению авторов Дорожной карты, сводится к экономии уголовной репрессии посредством конструирования обновленной системы наказаний и развития системы иных мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию, к примеру, медиации (урегулирование спора с привлечением нейтральной стороны), пробации, восстановительного правосудия, а также уточнения санкций за преступления с учетом внесенных изменений.

Позитивно оценивая многие предложения, сформулированные авторами Дорожной карты Уголовной политики на 2017–2025 гг., необходимо обратить внимание на ее ключевой недостаток. В этом документе, обходясь стороной вопрос о том, по каким критериям (объективным и субъективным) деяния должны быть отнесены к той или иной категории преступлений со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Подводя итоги, можно сформулировать следующее:

1. Оптимизация уголовно-экономического законодательства невозможна без создания концепции реформирования всего уголовного закона. Отправной точкой при создании уголовно-правовой концепции должно стать четкое определение законодателем его представлений о природе преступности в целом и экономической преступности в частности; о социальном предназначении уголовного права; о пределах уголовно-правовой регламентации общественных отношений (критериях определения круга преступных деяний) и противо-

действию тем или иным разновидностям преступности средствами уголовного права. Именно этот идеологический компонент должен стать платформой для правотворческой и правоприменительной деятельности.

2. Общими концептами для всех современных проектов реформирования уголовного законодательства являются идеи о том, что:

а) преступление в сфере экономической направленности менее опасно, чем общеуголовное преступление;

б) сферу охраны экономики средствами уголовного права следует ограничить (за счет полной или частичной декриминализации);

в) уровень уголовной репрессии в отношении экономических преступников необходимо снизить за счет смягчения наказаний в уголовно-правовых санкциях; расширения перечня оснований освобождения от уголовной ответственности и применения иных мер уголовно-правового характера. Эти идеи разделяются далеко не всем юридическим сообществом и нуждаются, по меньшей мере, в дополнительном криминологическом и социологическом обосновании.

3. Выводы о необходимости декриминализации и депенализации экономических деяний, как «не представляющих достаточной общественной опасности», нельзя признать достаточно достоверными и репрезентативными, если они базируются только на оценке общественной опасности преступлений по формальным критериям (на основе максимума наказания, заложенного в санкции), без учета материальных (объективных и субъективных) характеристик преступного посягательства. Создание же более либерального режима уголовного преследования за преступления в сфере экономики, в зависимости от наличия у лица статуса субъекта предпринимательской деятельности, недопустимо, т. к. противоречит уголовно-правовым принципам равенства и справедливости.

Литература

1. Послание Президента России Д. Медведева Федеральному собранию РФ 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 декабря.
2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51556>.
3. URL: <https://rost.ru/policy>.
4. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story <https://rost.ru/>.

Bibliography

1. Message from the President of Russia D. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation on December 22, 2011 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. 23 December.
2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51556>.
3. URL: <https://rost.ru/policy>.
4. URL: https://www.facebook.com/Charter-Business-Protection-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story <https://rost.ru/>.

5. URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovnogo-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf>.

6. Звечаровский И.Э. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3.

7. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России. История и современность. Казань, 1996.

8. Витвицкая С.С. Проблемы установления уголовно-правового запрета в сфере экономической деятельности. Ростов н/Д, 2008.

9. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstekt_modern_supernew_light.pdf.

10. URL: <http://sartraccc.ru>.

11. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6 (18).

12. Теоретическая модель особенной части уголовного кодекса российской федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1.

13. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>.

5. URL: <http://instituterostra.rf/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovnogo-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf>.

6. Zvecharovsky I.E. On the concept of development of criminal legislation in Russia // Criminal law. 2005. № 3.

7. Ponyatovskaya T.G. Conceptual foundations of Russian criminal law. History and modernity. Kazan, 1996.

8. Vitvitskaya S.S. Problems of establishing a criminal law prohibition in the field of economic activity. Rostov on/D, 2008.

9. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstekt_modern_supernew_light.pdf.

10. URL: <http://sartraccc.ru>.

11. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Khutov K.M., Dolotov R.O. Criminal Code of the Russian Federation. A common part. Project // Library of criminal law and criminology. 2016. № 6 (18).

12. Theoretical model of the special part of the criminal code of the Russian Federation: the main provisions of the structure and content // All-Russian criminological journal. 2017. № 1.

13. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>.

© 2021 г. Илidgeв Александр Алексеевич,

доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления
органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ilidsasha@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ОТРАЖЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИНЫХ СОУЧАСТНИКОВ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Статья посвящена исследованию вопросов преломления положений общей части уголовного законодательства относительно института соучастия в преступлении в его особенной части. В работе анализируются расхождения Общей и Особенной частей УК РФ при правовой регламентации преступлений исполнителей и иных соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, дифференциация, санкция, фактическое участие, регламентация, функция.

Ilidzhev Alexander Alekseevich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ACTUAL PROBLEMS OF ASSESSING THE REFLECTION OF CRIMES OF OTHER ACCOMPLICES IN THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of the issues of refraction of the provisions of the general part of criminal legislation regarding the institution of complicity in a crime in its special part. The authors analyze the discrepancies between the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation in the legal regulation of crimes of perpetrators and other accomplices.

Keywords: complicity in a crime, differentiation, sanction, actual participation, regulation, function.

По поводу наличия в Особенной части УК РФ фактических преступлений иных соучастников в теории имеются различные мнения. Одни авторы к данному обстоятельству относятся, хотя и с оговорками, но, по существу, положительно. М.А. Саблина сделала вывод, что существование состава преступления, объективную сторону которого образует организаторское, подстрекательское или пособническое деяние, «допустимо только в том случае, если за его совершение предусмотрено большее наказание, нежели могло быть назначено при квалификации деяния по основной статье со ссылкой на ст. 33 УК РФ» [14, с. 11].

Другие ученые к размещению в Особенной части УК РФ фактических преступлений иных соучастников относятся отрицательно. Так, А.С. Дрепелев считает, что «закрепление в Особенной части УК РФ отдельных проявлений фактического участия лица в совместно совершенном преступлении помимо исполнительства... является сущностным дефектом, который подлежит устранению из УК РФ» [7, с. 38–39]. Е.В. Благоев пришел к заключению, что «поскольку Особенная часть УК РФ рассчитана на исполнителей преступления»,

все деяния, «отражающие функции организаторства, подстрекательства и пособничества, подлежат исключению из Особенной части» [2, с. 184]. А.Г. Кулев и Л.О. Кулева относят размещение в Особенной части УК РФ фактически деяний иных соучастников преступления к мнимой криминализации, как дефекту уголовной политики, заключающемуся в конструировании уголовно-правовых норм, иллюзорно устанавливающих ответственность за совершение каких-либо деяний, но, по существу, дублирующих существующие идентичные нормы [8, с. 85–86].

В части 3 ст. 34 УК РФ установлено, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...». При этом в ч. 2 ст. 34 УК РФ сказано, что соисполнители, а тем самым, как отмечалось, и исполнители «отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 настоящего Кодекса». Из процитированных нормативных положений ясно, что в статьях Особенной части УК РФ должны отражаться

лишь деяния исполнителей, а для преступлений иных соучастников место в данных статьях отсутствует.

Причем формально идея, заложенная в ч. 2 и 3 ст. 34 УК РФ, в статьях Особенной части, по нашему мнению, получила безупречное воплощение. В последних, конечно, описаны исключительно преступления исполнителей. Дело заключается в том, что, на наш взгляд, законодатель в принципе ничего не мешает в качестве данного преступления в Особенной части УК РФ представить деяние любого соучастника. А, как только это сделано, совершение такового станет вполне допустимо по терминологии ч. 2 ст. 33 УК РФ как непосредственно, так и посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

Отсюда нельзя не согласиться с тем, что «относительно функций соучастников в ст. 33 УК РФ была заложена одна законодательная идея, а в Особенной части нашла отражение совсем другая. Из ст. 33 УК РФ следует, что каждый соучастник преступления является носителем одной функции: исполнитель – исполнительства, организатор – организаторства, подстрекатель – подстрекательства, а пособник – пособничества. Из Особенной же части следует, что исполнитель является носителем как собственной функции, так и функций иных соучастников» [2, с. 183].

Сказанное не опровергают даже положения ч. 3 ст. 34 УК РФ о том, что со ссылкой на ст. 33 УК РФ уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает «за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления». Прочитированные положения закона свидетельствуют только о том, что один соучастник может совершать преступления, отнесенные к функциям и исполнителя, и любого из иных соучастников.

Вопрос заключается в том, зачем в ст. 33 УК РФ понадобилось размежевывать функции всех соучастников преступления, чтобы затем в Особенной части функции иных соучастников передавать исполнителю. Разумного объяснения этому, как нам представляется, не имеется.

Во-первых, Особенная часть УК РФ в отношении преступлений исполнителей и иных соучастников расходится с Общей. С одной стороны, отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части

УК РФ не соответствует характеру их фактического участия в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ). Под таким характером обычно понимается выполняемая соучастником в преступлении функция (роль), и он признается критерием разграничения соучастников [10, с. 54; 15, с. 33].

На основании ч. 2–5 ст. 33 УК РФ характер участия в преступлении организатора, подстрекателя и пособника совсем не такой, как исполнителя. Ни один действительный иной соучастник не способен непосредственно совершать преступление, а фактические – организатор, подстрекатель и пособник почему-то могут.

Во-вторых, отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ нарушает принцип ее соответствия Общей части. Если в ч. 3 ст. 34 УК РФ установлено, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...», то в статьях Особенной части непосредственно не должны устанавливаться фактические преступления иных соучастников. В противном случае ссылка на ст. 33 УК РФ ведет к неопределенности решения, о ком конкретно из соучастников идет речь. При такой ссылке исполнителя преступления быть не может (ч. 2 ст. 34 УК РФ). Однако не может быть и иного соучастника, поскольку будет совершаться деяние, описанное в ч. 2 ст. 33 УК РФ, а не в последующих частях.

В-третьих, автономное отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ связано с нарушением того же правила конструирования состава преступления, которое привело к формулированию в ней уже рассмотренных фактических неоконченных преступлений. Данное правило заключается в недопустимости конструирования избыточных составов преступления. Отсюда отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ избыточно в связи с тем, что преступления иных соучастников исчерпывающе нормированы положениями ч. 3–5 ст. 33 УК РФ.

Нарушение обозначенного правила влечет для УК РФ негативные последствия. Так, по мнению Ю.В. Грачевой, «в связи со сложившейся тенденцией» закрепления в Особенной

части УК РФ ответственности организаторов, подстрекателей и пособников, во-первых, «возникает вопрос о необходимости института соучастия» и, во-вторых, «ведет к увеличению количества статей Особенной части УК РФ, что не является целесообразным» [5, с. 215–216]. Если с последним не согласиться нельзя, то первое – гипербола.

В-четвертых, определение в Особенной части УК РФ ответственности за фактические преступления организаторов, подстрекателей и пособников происходит с нарушением правила построения уголовно-правовых санкций, согласно которому недопустимо их установление без учета соответствия наказуемости преступлений соучастников их функциям. Вследствие именно этого, на наш взгляд, и не выдерживает критики ранее приведенный вывод М.А. Саблиной о допустимости отражения в Особенной части УК РФ организаторства, подстрекательства и пособничества в случае, если за их совершение предусмотрено большее наказание, нежели могло быть назначено при квалификации деяния по ст. 33 УК РФ.

Наказуемость соучастников преступления не может не предопределяться их общественной опасностью. Правда, по поводу такой опасности ясности не наблюдается. К настоящему времени в литературе различаются три теории соотношения общественной опасности соучастников преступления: 1) строгой ранжированности, 2) относительной ранжированности и 3) антиранжированности. Причем внутри каждой из них однозначных решений нет.

Первая группа авторов строго ранжирует общественную опасность соучастников, не делая никаких оговорок. Часть сторонников такого подхода опирается на перечень, содержащийся в ст. 33 УК РФ, и считает, что упомянутая опасность по убывающей определяется следующей последовательностью, отраженной в законе: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник. Порой самыми опасными фигурами называются организатор и исполнитель преступления, а наименее опасной – пособник [11, с. 905].

Вторая группа авторов ранжирует общественную опасность соучастников относительно, т. е. оговаривая свои решения словосочетанием «по общему правилу» (или аналогичным по значению).

Третья группа авторов занимает промежуточную позицию, т. е. ранжируя общественную

опасность одних соучастников строго, а других – относительно. Ученые, составляющие последнюю группу, согласны с тем, что деятельность организатора всегда более общественно опасна, чем деятельность подстрекателя и пособника, а последняя всегда наименее общественно опасна [10, с. 139; 16, с. 555].

Нам думается, что правы представители теории строгой ранжированности общественной опасности соучастников преступления. Ее преимущество уже в четкой определенности даваемых решений. Причем мы поддерживаем лишь тех, кто исходит из последовательности описания соучастников в ст. 33 УК РФ. Только такая позиция соответствует законодательной обрисовке каждого соучастника.

Исключительно исполнитель, совершая общественно опасные действия (бездействие), предусмотренные Особенной частью УК РФ, посягает на объект преступления и причиняет общественно опасные последствия. Тем самым он не может не обладать самой высокой общественной опасностью среди всех соучастников преступления.

Подстрекатель толкает исполнителя на совершение преступления, детерминируя его совершение. Между тем он каких-либо усилий для совершения преступления не предпринимает. Отсюда подстрекатель менее опасен, чем организатор.

Пособник так же, как организатор, прилагает усилия для совершения преступления. Однако они менее значимы для этого и заключаются лишь в поддержке совершения преступления. Поскольку же такие усилия не детерминируют его совершение, пособник менее опасен, чем подстрекатель.

В результате приходим к выводу, что преступления организатора, подстрекателя и пособника в принципе не должны наказываться строже, чем преступления исполнителя. Именно поэтому, на наш взгляд, подход М.А. Саблиной к отражению в Особенной части УК РФ преступлений иных соучастников полностью неприемлем.

Другое дело, что наказуемость фактических преступлений организаторов, подстрекателей и пособников, ныне предусмотренная в Особенной части УК РФ, подчас выше в сравнении с преступлениями исполнителя. При таких условиях складывается неоправданное впечатление, что деятельность иных соучастников более общественно опасна в сравнении с деятельностью исполнителя [5, с. 216].

В отмеченном плане чрезвычайно показательна ст. 205.1 УК РФ. Ее наличие в УК РФ связывают с тем, что она в определенной мере соответствует задачам обеспечения ответственности за терроризм [4, с. 25]. Нам кажется, что таким образом можно оправдать все, что угодно, в том числе даже незаконные способы борьбы с любой преступностью. Неслучайно А.И. Рарог названную статью неоднократно и справедливо подвергал резкой критике, в частности, из-за несоответствия санкций общественной опасности пособника и организатора [12, с. 7–8; 13, с. 114–115].

В части 4 ст. 205.1 УК РФ за организацию совершения преступления, предусмотренного ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 или руководство его совершением установлено наказание лишением свободы на срок от 15-ти до 20-ти лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2-х лет или пожизненным лишением свободы. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление организатора.

Подобным образом обстоят дела в ч. 1 ст. 205 и ч. 3. ст. 206 УК РФ.

В части 1 ст. 205.1 УК РФ за склонение лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 или 360, установлено наказание лишением свободы на срок от 5 до 15-ти лет со штрафом в размере до 500 тыс. рублей либо в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 3-х лет либо без такового. А в части 1.1 за склонение лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206 либо ч. 4 ст. 211, – лишением свободы на срок от 8 до 15-ти лет со штрафом в размере от 300 тыс. до 700 тыс. рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2-х до 4-х лет, либо без такового, либо пожизненным лишением свободы. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление подстрекателя.

В части 1 ст. 205.2 УК РФ определено наказание штрафом в размере от 100 тыс. до 500 тыс. рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х лет, либо лишением свободы на срок от 2-х до 5 лет, т. е. менее строгое, чем за фактическое преступление подстрекателя.

Схожим образом сконструированы санкции ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 1 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 360 УК РФ.

В части 3 ст. 205.1 УК РФ за пособничество совершению преступления, предусмотренного ст. 205, ч. 3 ст. 206 или ч. 1 ст. 208, установлено наказание – лишение свободы на срок от 10-ти до 20-ти лет. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление пособника. Ранее приведенные санкции последних статей определяют менее строгое наказание, чем за фактическое преступление пособника.

Тем самым, благодаря появлению ст. 205.1 УК РФ, виновному становится выгоднее признать себя исполнителем соответствующего преступления, к тому же не окончившим его, а только готовившимся к нему, чем фактическим организатором, подстрекателем или пособником [1, с. 233]. За это наказание подлежит назначению в пределах, установленных не ч. 1 ст. 60 УК РФ, а ч. 2 ст. 66 УК РФ, т. е. сокращенное. Вот к чему приводит излишнее рвение в неоправданном повышении наказания за отдельные преступления.

Если имеются проблемы, обусловленные мягкостью наказания, подлежащего назначению организаторам, подстрекателям или пособникам, нужно устранять их адекватным путем. Поскольку Особенная часть УК РФ рассчитана на исполнителей преступления, для них и достаточно в соответствующем случае повысить наказание, что сразу повлияет на наказуемость и преступлений иных соучастников, а деяния последних будут не нужны в Особенной части.

Решая вопрос о соответствии наказания исполнителя преступления его функции, на наш взгляд, следует задуматься о введении дифференциации наказания иных соучастников, исходя из их общественной опасности. Это уже предложено в литературе (С.Е. Борисенко, С.А. Димченко, и др.) [3, с. 70; 6, с. 12].

В настоящее время в УК РФ имеется только общее решение об индивидуализации наказания всем соучастникам преступления (ч. 1 ст. 67 УК РФ). Нам же представляется, что наказание организатору, подстрекателю и пособнику должно назначаться в определенной доле от наказания, предусмотренного в соответствующей статье Особенной части УК РФ для исполнителя (например, организатору в размере до трех четвертей самого строгого наказания, предусмотренного для

исполнителя, подстрекателю – двух третей, пособнику – половины).

Отдельные авторы отвергают дифференциацию наказания соучастников на том основании, что в таком случае все основывается исключительно на характере фактического участия соучастника в преступлении и упускается из вида степень такого участия и иные учитываемые обстоятельства, в числе которых – личность виновного [1, с. 277–278]. Мы не можем согласиться с такой мотивировкой.

Противники дифференциации наказания соучастников, на наш взгляд, не принимают во внимание, что какова бы не была активность конкретного соучастника при совершении преступления как форма проявления степени фактического участия соучастника в его совершении, она никогда не может выйти за пределы характера его фактического участия в совершении преступления. Ибо противное должно бы влечь смену вида соучастника, а это по закону исключено. Иные учитываемые обстоятельства, если они включены в пределы наказания исполнителя, не способны не присутствовать в пределах наказания иных соучастников, ибо последние пределы должны строиться исходя из первых.

Введение дифференциации наказания иным соучастникам преступления способно, по нашему мнению, привести к положительному результату в деле разрешения исследуемой нами проблематики. В таком случае были бы установлены хоть какие-то препятствия для участвовавших в последнее время случаев установления законодателем повышенной в сравнении с преступлениями исполнителей наказуемости фактических преступлений организаторов, подстрекателей и пособников.

Все приведенное, по нашему мнению, с несомненностью свидетельствует, что фактические преступления иных соучастников не должны содержаться в Особенной части УК РФ. Неблагоприятную ситуацию усугубляет, *во-вторых*, выборочное отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ [1, с. 234]. Причем логику выборки уловить трудно.

Казалось бы, при установлении фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ, прежде всего, следует исходить из общественной опасности преступлений. Причем, ясно, что в первую очередь именно наиболее опасные из них нужно предупреждать соответствующими

уголовно-правовыми мерами. Обычно законодатель так и поступает, но далеко не всегда.

Очевидно, что одно из самых общественно опасных преступлений – убийство. В ст. 105 УК РФ за его совершение определено максимально возможное при совершении одного деяния наказание. Вместе с тем ответственности за фактические организаторство последнего, подстрекательство к нему и пособничество ему в Особенной части УК РФ не установлено. Также обстоят дела со многими другими особо тяжкими преступлениями.

Напротив, преступления небольшой тяжести – явно наименее общественно опасные деяния (чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ч. 2 и последующие части ст. 15 УК РФ). Одновременно в отношении отдельных таких деяний фактические преступления подстрекателя и пособника предусмотрены в Особенной части УК РФ (применительно к первым ч. 1 ст. 242, 307, а к последним ч. 1 ст. 173.1, 234, 238 устанавливаются наказания не свыше 3-х лет лишения свободы). В чем заключается их преимущество в отмеченном плане в сравнении с особо тяжкими преступлениями, уяснить сложно.

При преобразованиях Особенной части УК РФ в связи с отражением в ней фактических преступлений иных соучастников законодателю, по нашему мнению, не нужно исключать из нее все подряд деяния, похожие на фактические преступления организатора, подстрекателя и пособника. Следует учитывать, что дело не столько в терминах, использованных в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, сколько в существе уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении.

Применительно к тем положениям Особенной части УК РФ, в которых отсутствуют преступления исполнителя, не может быть и фактических преступлений организатора, подстрекателя или пособника. Так, ранее приведенные соображения не имеют никакого отношения к относительно недавно появившейся в ст. 110.1 УК РФ склонению к совершению самоубийства, ибо уголовная ответственность за самоубийство не предусмотрена.

Однако во избежание путаницы лучше не допускать одинакового терминологического описания преступлений иных соучастников в Общей части УК РФ и самостоятельных преступлений в Особенной части. Традиционно сложившийся словесный аппарат соучастия

в преступлении, нам кажется, следует оставить в Общей части УК РФ. В Особенной же части целесообразно использовать иные обозначения, а ими богат русский язык. При таких условиях, думается, не будет даже внешних оснований для ранее отмеченных и неоправданных решений о конкуренции соответствующих положений Общей и Особенной части УК РФ.

Т.И. Нагаевой предложено «в названии и тексте ст. 230 УК РФ слова: “склонение к потреблению” заменить словами: “вовлечение в потребление”» [9, с. 205]. Это полностью соответствует положениям ст. 151 УК РФ о вовлечении в совершение антиобщественных действий и ст. 240 о вовлечении в занятие проституцией. Вместе с тем то же самое нужно сделать в отношении склонения к совершению самоубийства в ст. 110.1 УК РФ и склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте в ст. 230.1 УК РФ.

Мы не до конца согласны с названным автором в том, что «для характеристики действий, результатом, которых является появление объединения нескольких (или многих) лиц для совместного совершения одного или большего числа преступлений, в законотворческой деятельности целесообразно использовать термин “создание”» [9, с. 251]. Упомянутый термин введен в ч. 3 ст. 33 УК РФ. Отсюда в Особенной части УК РФ применительно к преступным объединениям лучше применять другой. Поскольку в ст. 173.1 и 173.2 УК РФ в отношении юридического лица имеется признак образования, указание в них на создание юридического лица следовало бы исключить.

В ст. 110.2, 172.2 УК РФ сказано об организации деятельности, которая сама по себе преступной не признается. В связи с тем, что в ч. 3 ст. 33 УК РФ предусмотрена организация преступления, для Особенной части следовало бы подыскать иное обозначение соответствующего деяния, допустим, наложение определенной деятельности.

В ст. 284.1 УК РФ предусмотрено руководство деятельностью, которая сама по себе не преступна. Поскольку в ч. 3 ст. 33 УК РФ названо руководство исполнением преступления и организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), в Особенной части целесообразно было бы отразить, например, управление определенной деятельностью.

На основании вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

- фактические преступления иных соучастников отражены в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники;

- недостаточная наказуемость преступлений иных соучастников в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь недостаточной наказуемостью преступлений исполнителя;

- фактическим преступлениям иных соучастников нет места в Особенной части УК РФ;

- при исключении фактических преступлений иных соучастников из Особенной части УК РФ следует обращать внимание не столько на терминологию, сколько на существо деятельности;

- препятствием к установлению в Особенной части УК РФ ответственности за фактические преступления иных соучастников могла бы стать дифференциация наказания организаторов, подстрекателей и пособников в ст. 67 УК РФ. Например, организатору назначается наказание в размере до трех четвертей самого строгого наказания, предусмотренного в соответствующей статье Особенной части для исполнителя, подстрекателю – двух третей, пособнику – половины;

- применительно к исполнителю преступления в Особенной части УК РФ не следует использовать терминологию, задействованную в описании иных соучастников в ч. 3–4 ст. 33 УК РФ.

Литература

1. Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность. Монография. М., 2021.
2. Благов Е.В. Тридцать пять лет служения Афине: сборник статей и тезисов. М., 2017.
3. Борисенко Е.Б. Правила назначения наказания за преступления, совершенные в

Bibliography

1. Blagov E.V. Complicity in a crime and criminal responsibility // Monograph. M., 2021.
2. Blagov E.V. Thirty-five years of service to Athena: a collection of articles and abstracts. M., 2017.
3. Borisenko E.B. Rules for imposing punishment for crimes committed in complicity // Criminal-legal

соучастия // Уголовно-правовые проблемы борьбы с соучастием в преступлении. Краснодар, 2003.

4. Бриллиантов А.В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. М., 2008. № 3.

5. Грачева Ю.В. Институт соучастия: некоторые тенденции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2015.

6. Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты. М., 2006.

7. Дрепелев А.С. К проблеме переноса института соучастия в Особенную часть УК РФ. Ярославль, 2014.

8. Кулев А.Г., Кулева Л.О. Мнимая криминализация – дефект уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2020.

9. Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния. М., 2012.

10. Павлухин А.Н., Рыжов Р.С., Эриашвили Н.Д. Виды и ответственность соучастников преступления. М., 2007.

11. Полный курс уголовного права. СПб., 2008. Т.1.

12. Рарог А.И. Современные тенденции развития российского уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2014.

13. Рарог А.И. Сомнительная коррекция института соучастия // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. М., 2011.

14. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия. М., 2016.

15. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012.

16. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2008. Т. 9.

problems of combating complicity in a crime. Krasnodar, 2003.

4. Brilliantov A. Questions of complicity in the qualification of assistance to terrorist activities // Criminal law. M., 2008, № 3.

5. Gracheva Yu.V. Institution of complicity: some trends // Criminal law: development strategy in the 1st century. M., 2015.

6. Dimchenko N.V. Responsibility for crimes committed with complicity: theoretical and applied aspects. M., 2006.

7. Drepelev A.S. To the problem of transferring the institution of complicity to the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Yaroslavl, 2014.

8. Kulev A.G., Kuleva L.O. Imaginary criminalization is a defect of criminal policy // Criminal law: development strategy in the XXI century. M., 2020.

9. Nagaeva T.I. Forms and types of criminal acts. Dis. M., 2012.

10. Pavlukhin A.N., Ryzhov R.S., Eriashvili N.D. Types and responsibility of accomplices in the crime // Monograph. M., 2007.

11. Complete course of criminal law. SPb., 2008. V. 1.

12. Rarog A.I. Modern trends in the development of Russian criminal law // Criminal law: development strategy in the 1st century. M., 2014.

13. Rarog A.I. Dubious correction of the institute of complicity // Criminal law: origins, realities, transition to sustainable development. M., 2011.

14. Sablina M.A. The perpetrator of the crime in the institute of complicity. Moscow, 2016.

15. Shatov S.A. Complicity in a crime. SPb., 2012.

16. Encyclopedia of Criminal Law. SPb., 2008. V. 9.

© 2021 г. Саркисян Гор Георгиевич,

старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России кандидат юридических наук.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (ЧАСТЬ 1)

В первой части статьи автором рассмотрены современное состояние и перспективные направления развития охраны и противодействия преступлениям, совершаемым в сфере лесопромышленного комплекса. Проанализированы и представлены предпринятые государством в 2020 году меры, направленные на охрану леса и развитие лесопромышленного комплекса.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности, лесопромышленный комплекс, незаконная заготовка леса.

Sarkisyan Gor Georgievich – Senior Lecturer, the Department of Organization of Operational-Search Activities, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law/

IMPROVING OF THE ORGANIZATION OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES OF ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE TIMBER INDUSTRY (PART 1)

In the first part of the article the author considers the current state and promising areas of protection development and counteraction to crimes committed in the timber industry. Attention is focused on the problematic issues of the legal basis of this activities, the problematic nature of the protection of forest plantations growing on agricultural land. The measures are taken by the state in 2020 aimed at protecting the forest and developing the timber industry are analyzed and presented.

Keywords: Internal Affairs bodies, operational- search activity, economic security and anti-corruption units, information and analytical support of operational search activity, timber industry, illegal logging.

Изменения, произошедшие в результате политического и экономического реформирования деятельности субъектов экономической деятельности Российской Федерации, свидетельствуют о том, что лесопромышленный комплекс (далее – ЛПК) все еще остается отраслью экономики, для которой по ряду объективных и субъективных причин достаточно проблематично полное переключение к рыночным отношениям и соответствие требованиям мировых рынков. К числу таких причин следует отнести отраслевые особенности организационного и технологического характера, а также практически полный отказ от государственного регулирования процессов «вхождения» продуктов лесной промышленности в рынок.

Влияние на развитие ЛПК оказывает также тот факт, что правоотношения, возникающие в сфере лесопромышленного комплекса, до сих пор регулируются нормами «советского» законодательства, положения которых, по понятным причинам, не соответствуют реалиям и не отвечают современным требованиям.

Как следствие, пробелы и противоречия в законодательстве, стабильно высокая заинтересованность в древесине и лесоматериалах на отечественном и международном рынках, транспортная и логистическая доступность, а также недостаточный контроль компетентными органами вырубки и дальнейшей транспортировки леса приводят к активизации преступной деятельности в сфере лесопромышленного комплекса [1].

Преступления, касающиеся лесного сектора, условно можно группировать на 5 основных категорий:

- коррупционные действия в природоохранных органах;
- незаконная рубка лесных насаждений;
- легализация полученных от реализации нелегально заготовленной древесины доходов;
- уклонение от уплаты налогов;
- незаконное перемещение через государственную границу лесоматериалов и лесопродукции (контрабанда).

При этом основная часть правонарушений, совершаемых в сфере лесопромышленного комплекса, связана с нарушением установленной процедуры использования лесов, игнорированием порядка получения разрешений на осуществление того или иного рода деятельности по лесозаготовке и лесопользованию, с последующим сбытом лесоматериалов и лесопродукции на нелегальных рынках. Несмотря на то, что такая тенденция прослеживается на всей территории России, особенно актуальна она в приграничных территориях страны и, соответственно, в регионах с большим количеством ценных пород древесины (Иркутская область, Хабаровский край).

В таких условиях государство по-прежнему играет главную роль в сфере экономической деятельности лесопромышленного комплекса. Следовательно, оптимизация и совершенствование механизмов государственного регулирования лесопромышленного комплекса выступает основным рычагом развития предпринимательства данной сферы экономики.

В целом, Российское законодательство развивается в сторону ужесточения мер ответственности за совершение преступлений, касающихся правонарушений в сфере лесопромышленного комплекса. Данный факт подтверждается введением Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ [2] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статьи 191.1, которая предусматривает уголовное преследование за приобретение, переработку в целях сбыта, хранение, перевозку или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенных в крупном размере. Крупным размером в указанной статье признается ущерб, причиненный незаконной заготовкой древесины, превышающий 80 000 руб., особо крупным размером – превышающий 230 000 руб.

Также ужесточена уголовная ответственность за совершение незаконной рубки лесных насаждений, предусмотренная ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», а именно назначение наказания в виде штрафа, обязательных и исправительных работ.

В 2018 г. произошел ряд изменений, в числе которых отмена запрета проведения сплошных санитарных рубок в водоохраных зонах (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации

в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий») [3]. Эти изменения затрагивают, в том числе произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения леса, получившие теперь правовой статус и, соответственно, нормативно закреплённые правила их использования. Данные изменения призваны урегулировать разработку указанной категории земель и вырубку лесных насаждений, произрастающих на них.

Так, нововведенная статья 123 Лесного кодекса Российской Федерации закрепляет статус лесных насаждений, находящихся на землях сельскохозяйственного назначения («...на землях сельскохозяйственного назначения могут располагаться леса, которые подлежат освоению с соблюдением целевого назначения таких земель...»).

Данная статья является началом построения единой системы лесопользования на различных категориях земель на территории РФ.

С другой стороны, данная проблема может быть решена и иным способом, а именно путем перевода лесов, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, в состав лесного фонда. Однако сложность такого решения состоит в обязательности проведения лесоустройства во всех регионах страны, что займет много времени и ресурсов.

Можно также, придать специальный статус лесам, произрастающим на землях сельскохозяйственного назначения, аналогичный лесам, произрастающим на землях лесного фонда.

Следующим шагом развития и охраны лесопромышленного комплекса является утверждение распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2018 г. № 1989-р Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. [4].

В соответствии с данной Стратегией главными векторами развития лесного хозяйства являются:

- основанный на зонально-региональном принципе переход от экстенсивной модели освоения лесов к интенсивному использованию и воспроизводству лесов;

- внедрение наилучших доступных передовых технологий, результатов науки и модернизация материально-технического обеспечения охраны, использования, защиты и

воспроизводства лесов, лесопромышленных производств;

– повышение эффективности межведомственного, межрегионального взаимодействия с целью обеспечения пожарной, санитарной и экологической безопасности лесного фонда, в первую очередь оперативными и превентивными мерами.

Данные направления не являются исчерпывающими, а лишь подчеркивают важность отрасли и необходимость ее модернизации, в том числе в вопросах противодействия преступным посягательствам.

С целью решения указанных проблем уже в 2020 г. государством принят ряд мер и обозначены направления совершенствования деятельности и контроля в сфере лесопромышленного комплекса:

а) 21 сентября 2020 г. утверждено **Положение об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения** (Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2020 г. № 1509 «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения»), в котором регламентированы отдельные вопросы, касающиеся использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, в частности, говорится о том, что:

– лесные насаждения, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, подлежат освоению в соответствии с целевым назначением таких земель;

– охрану, использование, защиту лесных насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, а также уход за лесными насаждениями регламентировано осуществлять правообладателям земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, на которых расположены леса;

– утвержденные правила не распространяется на мелиоративные защитные лесные насаждения и другие.

В целом, с введением данного Положения делается шаг в сторону урегулирования ряда острых проблем, касающихся незаконного использования зеленых насаждений, а также решения вопроса привлечения собственников сельскохозяйственных земель, допустивших их зарастание.

Вместе с тем, есть опасение, что собственники таких участков могут, продав древесину, бросить землю. С другой стороны, теперь появилась лазейка абсолютно законно не проводить мелиоративные работы и не поддерживать сельхозземли в надлежащем состоянии, прикрываясь выращиванием леса;

б) 6 ноября 2020 г. Президентом России В.В. Путиным утвержден ряд поручений по обеспечению прослеживаемости древесины на всех стадиях от заготовки до переработки и до момента вывоза, при вывозе за пределы территории РФ (**«Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса»**), утвержденный Президентом РФ 6 ноября 2020 г. № Пр-1816) [5].

Повышение эффективности охраны лесопромышленного комплекса возможно при внесении в законодательство РФ следующих изменений:

1. Создание и внедрение единой информационной системы лесопромышленного комплекса для следующих целей:

– полного перехода в электронную форму государственного лесного реестра;

– организации единого учета сделок с древесиной, продукцией переработки древесины, а также пунктов (мест) приема, переработки, хранения древесины и продукции ее переработки;

– обеспечения прозрачности и легальности сделок по заготовке древесины и производства продукции из нее;

– организовать электронное оформление сопроводительных документов на древесину и продукцию ее переработки;

– централизованной автоматической передачи в Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов сведений о вывозимой древесине и продукции переработки древесины, содержащихся в информационной системе лесного комплекса. В том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

2. Введение установленного порядка организации деятельности пунктов (мест) приема, переработки, хранения древесины и продукции ее переработки, в том числе обеспечение таких пунктов (мест) материально-техническими средствами контроля.

3. Установление ограничений на пребывание в лесах с машинами и применяемыми

при заготовке древесины оборудованием лиц, которые не вправе использовать леса для заготовки древесины.

Кроме того, введение санкций за нарушение такого запрета, в частности, безвозмездное изъятие таких машин и оборудования (в независимости от форм собственности и других зарегистрированных прав на них), в том числе при признании их орудиями незаконной рубки лесных насаждений.

4. Введение требований для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, занимающихся деятельностью и оказывающих услуги в сфере лесопромышленного комплекса, а также выполняющих лесосечные работы, отвод и таксацию лесосек;

5. Закрепление порядка по обязательной продаже на биржевых торгах заготовленной государственными и муниципальными учреждениями древесины. Данное правило не будет распространяться на продажи древесины гражданам для собственных нужд.

6. С целью возрождения трудовых династий в сфере лесного хозяйства, пересмотр и снятие ограничений, касаемых замещения проживающими в сельской местности близкими родственниками, должностей в федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления, уполномоченных в области лесных отношений, а также в подведомственных им государственных и муниципальных учреждениях (в случаях, когда замещение должностей может быть связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью между родственниками).

7. Закрепление особого правового положения уполномоченных в области лесных отношений государственных учреждений, подведомственных федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом необходимо предусмотреть возможность совмещения ими деятельности по организации и контролю в сфере защиты, использования, охраны, воспроизводства лесов и предпринимательской деятельности.

Правительству Российской Федерации, в том числе поручено в 2021 г. реализовать ряд иных мер, а именно:

– проработать вопрос установления с 1 января 2022 г. ограничения вывоза из Российской Федерации необработанной и грубо

обработанной древесины хвойных и ценных лиственных пород;

– в 2021 г. опробовать на примере некоторых субъектов Российской Федерации эксперимент по осуществлению федерального государственного лесного надзора уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;

– в целях модернизации основных фондов и создания мощностей по глубокой переработке древесины начиная с 1 января 2021 г. обеспечить реализацию за счет средств Фонда развития промышленности программы льготного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих заготовку древесины и вывоз из Российской Федерации необработанной или грубо обработанной древесины;

в) 12 ноября 2020 г. в Государственную Думу *внесен Проект Федерального закона № 1054506-7 «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования отношений, связанных с оборотом древесины»* [6].

Так, депутатами внесены предложения по организации полного учета лесного фонда, а также ужесточению контроля сделок с древесиной, в том числе:

– перевод в электронный формат разрешительных и отчетных документов по использованию лесов и введение их в единую государственную информационную систему учета древесины и сделок с ней;

– электронное оформление сопроводительных документов на перевозку древесины и их введение в единую государственную информационную систему учета древесины и сделок с ней;

– электронный учет объектов переработки древесины и лесных складов и введение их в единую государственную информационную систему учета древесины и сделок с ней;

– полный переход в электронный формат заключаемых договоров по использованию лесов с рубкой лесных насаждений, учет древесины, совершение сделок с древесиной с последующей обязательной регистрацией в единой государственной информационной системе учета древесины и сделок с ней;

– внедрение федеральной системы государственного надзора в сфере учета древесины, ее погрузки, перевозки, выгрузки, переработки и хранения, а также сделок с ней.

Данным законопроектом также закрепляется порядок систематического контроля за соблюдением лесного законодательства, включающее в себя административное обследование лесов, которое позволяет на основе анализа данных информационных систем и

полученной методом дистанционного зондирования информации и другой принимать решения о необходимости осуществления проверок. Такой порядок даст возможность оперативно реагировать на правонарушения в сфере лесного законодательства.

Литература

1. Косых В.А. Незаконный оборот леса. Сущность и современное состояние // Вестник СПб университета МВД России № 1 (77). 2018.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ.

3. О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 538-ФЗ.

4. Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2018 г. № 1989-р.

5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса: утвержден Президентом Российской Федерации от 6 ноября 2020 г. № Пр-1816.

6. О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования отношений, связанных с оборотом древесины: Проект Федерального закона № 1054506-7, внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 12 ноября 2020 года.

7. О введении в действие Земельного кодекса РФ: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ.

8. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ.

9. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21.

Bibliography

1. Kosykh V.A. Illegal timber traffic. Essence and current state / V.A. Kosykh // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1 (77). 2018.

2. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 № 277-FL.

3. On amendments to the Forest Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the legal regulation of relations related to ensuring the conservation of forests on forest lands and lands of other categories: Federal Law of December 27, 2018 № 538-FL.

4. On approval of the Strategy for the Development of the Forestry Complex of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2018 № 1989-г.

5. The list of instructions following the meeting on the development and decriminalization of the forestry complex: approved by the President of the Russian Federation dated November 6, 2020 № Pr-1816.

6. On amendments to the Forest Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving relations related to timber turnover: Draft Federal Law № 1054506-7, submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on November 12, 2020.

7. About the introduction of the Land code of the Russian Federation: Federal law № 137-FL of October 25, 2001.

8. About the transfer of land or land plots from one category to another: Federal law № 172-FL of December 21, 2004.

9. About the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation № 21 of October 18, 2012.

10. About the peculiarities of use, protection, protection, reproduction of forests located on lands of agricultural purpose: regulation of the Government of

10. Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения: постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 1509.

11. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730.

12. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 (утратило силу).

13. URL: <http://www.genproc.gov.ru>.

14. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

15. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2018 г. № 1989-р.

16. Об утверждении Видов лесосечных работ, порядка и последовательности их проведения, Формы технологической карты лесосечных работ, Формы акта осмотра лесосеки и Порядка осмотра лесосеки: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 27 июня 2016 г. № 367.

17. Косых В.А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.

the Russian Federation of 21 September 2020 № 1509.

11. About approval of peculiarities of compensation of harm caused to forests and are in their natural bodies by violations of forestry legislation: decree of the Government of the Russian Federation from December 29, 2018 № 1730.

12. About calculating the amount of damage caused to forests as a result of violation of forest legislation: decree of the Government of the Russian Federation № 273 of May 8, 2007 (expired).

13. URL: <http://www.genproc.gov.ru>.

14. The national program «Digital economy of the Russian Federation» was approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the presidential Council for strategic development and national projects dated June 4, 2019 № 7.

15. Development strategy for the forest complex of the Russian Federation till 2030: order of the Government of the Russian Federation of 20 September 2018 № 1989-R.

16. About approval of the Types of logging operations, order and sequence of their conduct, Form, routing of logging operations, the Forms of inspection of the logging site and Order the inspection of the cutting area: the order of the Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation of June 27, 2016 № 367.

17. Kosykh V.A. Illegal turnover of wood and timber in the Russian Federation: essence, determination, problems of counteraction: dis. ... PhD in Law. SPb., 2020.

© 2021 г. Кутякин Сергей Алексеевич,

доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kutiakin@yandex.ru

Теткин Денис Валентинович,

доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук.
E-mail: tyotkinden@mail.ru

Тишкин Дмитрий Николаевич,

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: dntishkin@list.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЫ И АДМИНИСТРАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье, на основе социологических исследований, проводится криминологический анализ взаимодействия неформальных лидеров осужденных – «смотрящих» – и администрации исправительных учреждений по поддержанию правопорядка и обеспечению нормального функционирования исправительного учреждения.

Ключевые слова: администрация исправительных учреждений, вынужденно-обусловленное взаимодействие, «воры в законе», лидеры криминальной среды, организованная преступность, осужденные, «смотрящие», тюремная община, криминальная оппозиция.

Kutyakin Sergey Alekseevich – Associate Professor, the Department of Administrative and Financial Law, the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Tetkin Denis Valentinovich – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, PhD in Law.

Tishkin Dmitriy Nikolaevich – Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

SOME ASPECTS OF INFORMAL LEADERS INTERACTION IN THE PRISON COMMUNITY AND THE ADMINISTRATION OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS (CRIMINOLOGICAL ANALYSIS)

The article is based on the sociological research and provides a criminological analysis of the objectively forced interaction of informal leaders of convicts – «supervisors» – and the administration of correctional institutions to maintain law and order and ensure the normal functioning of the correctional institution.

Keywords: administration of correctional institutions, forced interaction, «thieves in law», leaders of the criminal environment, organized crime, convicts, «supervisors», prison community, criminal opposition.

В исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России объективно существуют антагонистические отношения между содержащимися там осужденными преступниками и сотрудниками, представляющими администрацию. Данный антагонизм обусловлен, прежде всего, самой природой мест лишения свободы (исправительных учреждений), проявляющейся в подавлении воли содержащихся там лиц. Свобода, как индивидуальная духовная ценность, позволяющая человеку не только действовать по собственной

воле, но и преобразовывать окружающую его действительность в соответствии с собственными интересами, потребностями и целями, в этих учреждениях в значительной степени ограничена. Эти ограничения продиктованы уголовным и уголовно-исполнительным законами РФ. Реализация этих законов, на стадии исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, возложена на сотрудников исправительных учреждений.

В свою очередь, осужденные, так или иначе, стремятся преобразовать окружающую их

действительность в соответствии с собственными интересами, потребностями и целями. В этом стремлении они, зачастую, вступают в противоречие с Законом и, как следствие, в противоречие с сотрудниками администрации места лишения свободы. Для того чтобы более успешно и результативно преодолеть это противоречие, осужденные объединяют свои усилия в рамках различных неформальных объединений.

Данные неформальные объединения возникают объективно в силу закона синергии, заключающегося в том, что сумма свойств (потенциалов, энергии, качеств) организованного целого превышает «арифметическую» сумму свойств, имеющихся у каждого из вошедших в состав целого элементов в отдельности [1].

В силу индивидуальных криминологических характеристик личностей осужденных, входящих в эти неформальные объединения, они могут быть лояльными, нейтральными или активно противодействующими администрации мест лишения свободы. Одним из таких неформальных общественных объединений осужденных, активно противодействующих администрации мест лишения свободы, является криминальная оппозиция [2].

Сам термин «криминальная оппозиция» позволяет охарактеризовать ее как объединение осужденных преступников, противодействующих порядку и условиям отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Феномен криминальной оппозиции исторически неразрывно связан и синонимичен феномену тюремной общины, достаточно подробно описанному, в свое время, в трудах В.М. Анисимова, Н.Г. Брейтмана, В.М. Дорошевича, Ф.М. Достоевского, С. Максимова, Л. Мельшина (П.Ф. Якубовича), И.Я. Фойницкого, Н.М. Ядринцева [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Большинство исследователей мест лишения свободы России XIX в. были солидарны в своих выводах о том, что тюремная община является не только средством самоорганизации осужденных, но и активно противодействует тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как карательно-исправительного учреждения. Лидерами тюремной общины России XIX в., ее вожаками и непрекаемыми авторитетами являлись осужденные, принадлежавшие к касте «бродяг», ко-

торая до сих пор сохранила свои лидерские позиции в криминальном мире тюрьмы.

Современные лидеры криминальной оппозиции осужденных в местах лишения свободы известны как «воры в законе». В их непосредственном подчинении находятся «смотрящие» за конкретными исправительными учреждениями. Поэтому весьма объективно, на основе системного анализа криминального функционирования этой сформировавшейся социальной (по сути асоциальной) системы, исследователями констатируется, что ей свойственны «все признаки преступной организации» [11, с. 165], являющейся стратой организованной преступности только в местах лишения свободы. А с «принятием на вооружение» инновационных информационных технологий «генералы» преступного мира получили возможность дистанционного (одновременно келейного) манипулирования криминальными процессами, выводящими их на международный (транснациональный) уровень и, соответственно, значительно повышая уровень продуцируемых ими угроз [12].

Цель деятельности криминальной оппозиции в исправительных учреждениях заключается в извлечении прибыли от различных видов криминального бизнеса в среде осужденных. Так, например, в последние годы получило широкое распространение телефонное мошенничество, осуществляемое осужденными (лицами, заключенными под стражу) из следственных изоляторов, тюрем и исправительных колоний. В июле 2020 г. в московском СИЗО «Матросская тишина» была пресечена деятельность нелегального колл-центра, расположенного прямо в камерах данного учреждения. В камерах были найдены телефоны и модемы, которые заключенные прятали в углублениях деревянных нар и мебели. Отмечается, что говорили арестанты через микрофон, многие пользовались беспроводными наушниками. Были задержаны два сотрудника – старший оперуполномоченный оперативного отдела и инспектор режима отдела и надзора [13].

Весьма актуальна в этой связи, представляется позиция депутатской группы в виде законопроекта № 876381-7, прошедшего уже несколько стадий утверждения в Госдуме РФ, о блокировке нелегитимных абонентов, находящихся на территориях специальных объектов ФСИН [14].

С целью изучения современного состояния феномена криминальной оппозиции, его

взаимодействия с администрацией, характера и степени его влияния на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях тенденций и перспектив его дальнейшего развития одним из авторов было проведено социологическое исследование среди сотрудников УИС, непосредственно контактирующих с осужденными, содержащимися в местах лишения свободы. В качестве респондентов выступили 807 сотрудников ФСИН. В их числе:

- руководители, заместители руководителей и сотрудники структурных подразделений центрального аппарата ФСИН России, курирующие оперативно-розыскную деятельность, вопросы безопасности и воспитательной работы в исправительных учреждениях и следственных изоляторах;

- руководители, заместители руководителей и сотрудники территориальных органов ФСИН России, курирующие оперативно-розыскную деятельность, вопросы безопасности и воспитательной работы в исправительных учреждениях и следственных изоляторах;

- начальники и заместители начальников исправительных учреждений и следственных изоляторов, курирующие оперативно-розыскную деятельность, вопросы безопасности и воспитательной работы;

- начальники, заместители начальников и сотрудники оперативных отделов, отделов безопасности и отделов воспитательной работы исправительных учреждений и следственных изоляторов;

- иные сотрудники исправительных учреждений и следственных изоляторов, непосредственно сталкивающиеся в своей повседневной служебной деятельности с лицами, заключенными под стражу и осужденными.

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты, которые авторы хотят довести как до широкого круга научной общественности, так и до лиц, интересующихся данной тематикой.

Подавляющее большинство опрошенных респондентов (60,51 %) подтверждает наличие в их исправительном учреждении различного рода «смотрящих» из числа осужденных. Отрицают существование «смотрящих» 36,16 % опрошенных лиц. Относительно малый процент опрошенных (3,33 %) заявляет, что им ничего об этом не известно. Это позволяет нам сделать вывод о том, что институт «смотрящих» среди осужденных имеет широкое

распространение. По всей вероятности, это обусловлено высокой степенью эффективности данного неформального инструмента социального самоуправления в криминальной среде мест лишения свободы.

По мнению 11,3 % опрошенных респондентов, наличие в исправительном учреждении «вора в законе» или «смотрящего» позволяет стабилизировать обстановку, 24,6 % полагают, что в этом случае появляется возможность легче управлять осужденными. Однако 62,1 % опрошенных сотрудников считают, что это приводит к дестабилизации обстановки в исправительном учреждении. Очевидно, что подобный разброс мнений относительно стабилизации – дестабилизации обстановки в исправительном учреждении обусловлен качественным содержанием взаимоотношений администрации и вышеуказанных криминальных лидеров. В первом случае, сотрудники рассчитывают на отношения сотрудничества и взаимодействия с криминальными лидерами в вопросах поддержания общественного порядка среди осужденных и нормального функционирования исправительного учреждения. Для этого они планируют использовать властный ресурс лидеров криминальной среды в отношении других осужденных, не выполняющих требований режима отбывания наказания. В другом случае, сотрудники не намерены прибегать к помощи криминальных лидеров для поддержания общественного порядка среди осужденных и нормального функционирования исправительного учреждения и рассчитывают исключительно на свои собственные силы и средства.

Косвенно, данный вывод подтверждается и тем, что 58,9 % опрошенных отрицают наличие у них конфликтных отношений со смотрящими или ворами в законе. Подтверждают наличие таких конфликтов 41,1 % респондентов. Причиной таких конфликтов 8,72 % опрошенных называют личную неприязнь. Подавляющее большинство таких конфликтов, по мнению опрошенных нами лиц (91,28 %), возникают в связи с неподчинением этих лиц законным требованиям администрации исправительного учреждения.

Как показывает практика, в числе средств противодействия криминальным лидерам в местах лишения свободы, особое место занимает так называемое «развенчивание» криминальных авторитетов [15; 16, с. 18–19;

17, с. 54–55]. «Развенчивание» включает в себя ряд методик по моральной дискредитации криминальных лидеров и осуществляется сотрудниками администрации исправительного учреждения. Зачастую, при этом, используется помощь осужденных, сотрудничающих с администрацией исправительного учреждения. Цель такого «развенчивания» заключается в склонении (различными способами) лидера к отречению от криминальных «званий» и «должностей», что в последующем, почти неизбежно, влечет предание его ostracismu со стороны остального криминального мира. Существующая до настоящего времени практика развенчивания преступных «авторитетов» нормативно никак не урегулирована. В то же время этот способ считается одним из наиболее эффективных методов борьбы с ними.

Большинство опрошенных нами респондентов (62,48 %) заявляют о необходимости осуществления практики «развенчивания» преступных авторитетов. При этом 11,33 % опрошенных считают, что применять «развенчивание» необходимо лишь в тех случаях, когда криминальные авторитеты не держат своего слова и когда их слова расходятся с их делами.

В то же время, достаточно высокий процент опрошенных нами лиц (29,49 %), косвенно подтверждают в своих ответах вывод о целесообразности осуществления практики сотрудничества с криминальными авторитетами. За то, чтобы привлечь криминальных лидеров к сотрудничеству с администрацией высказалось 14,21 % респондентов, другие 15,28 % считают, что нужно развенчивать только тех, кто не желает идти на сотрудничество с администрацией.

Интересна в этом отношении (сотрудничества с администрацией) позиция противоположной стороны: «смотрящих»; «положенцев»; «воров в законе» и пр. Так, 48,99 % опрошенных нами сотрудников УИС, заявляют о том, что данная категория осужденных никогда не предлагала им свои услуги по наведению порядка среди осужденных. Такие случаи очень редки, отвечают 29 % опрошенных. Только 6,88 % опрошенных заявили о том, что «смотрящие», «положенцы», «воры в законе» предлагали им свои услуги по наведению порядка среди осужденных часто и 1,83 % — очень часто.

В продолжение темы сотрудничества лидеров криминальной среды и администрации

исправительного учреждения, представляют интерес результаты ответов на вопрос о согласовании кандидатуры «смотрящего за зоной» с администрацией исправительного учреждения. Так, 26,03 % и опрошенных подтверждают, что кандидатура «смотрящего за зоной» согласовывается, а 23,5 % опрошенных считают, что данная кандидатура как правило согласовывается с администрацией исправительного учреждения. Сравнительно небольшой процент опрошенных (12,45 %), ответили, что кандидатура «смотрящего за зоной», как правило, не согласовывается с администрацией исправительного учреждения. Наконец, 5,56 % опрошенных заявляют о том, что кандидатура «смотрящего за зоной» согласовывается только в «красных» и «серых» зонах. В «черных» же зонах эта кандидатура не согласовывается с администрацией исправительного учреждения.

По сути, здесь идет речь об отношениях объективно-вынужденного взаимодействия администрации исправительного учреждения и лидеров тюремной общины. В этой связи представляет интерес ответ на вопрос о том, на каком организационно-управленческом уровне со стороны администрации исправительного учреждения осуществляется такое взаимодействие.

На вопрос: «На каком уровне согласовывается кандидатура «смотрящего за зоной»?

– 30,33 % респондентов ответили, что кандидатура «смотрящего за зоной» согласовывается на уровне начальника исправительного учреждения;

– 45,25 % опрошенных называют в качестве контрагента заместителя начальника исправительного учреждения по безопасности и оперативной работе;

– 22,91 % — начальника оперативного отдела исправительного учреждения.

– 1 % опрошенных ответил, что кандидатура «смотрящего за зоной» согласовывается на уровне территориального органа ФСИН.

Подводя итог нашего исследования, следует сделать следующие выводы. Существование в местах лишения свободы организационных структур тюремной общины объективно обусловлено законами синергии и социальной самоорганизации. Традиционные лидеры криминальной среды, больше известные как «воры в законе», управляют тюремной общиной посредством «смотрящих». По сути, «смотрящие» исполняют роль менедже-

ров криминальной организации (самоорганизации) осужденных преступников в местах лишения свободы. Являясь своего рода «управленцами» среди осужденных, «смотрящие» объективно вынуждены вступать в отношения с сотрудниками администрации исправительного учреждения. В свою очередь, администрация исправительного учреждения, зачастую, использует данный неформальный институт для достижения собственных целей и решения задач по поддержанию правопорядка среди осужденных и обеспечения нормального функционирования исправительного учреждения. Вместе с тем подобное объективно-вынужденное сотрудничество 2-х управленческих структур (формальной и неформальной) таит в себе немало опасностей. Практике известно немало случаев, когда администрация исправительного учреждения передавая «бразды власти» криминальным авторитетам, впоследствии получала значительное осложнение криминальной ситуации, переходящее в массовые беспорядки и групповые неповиновения. Всегда следует помнить о том, что криминальный мир, в своей повседневной жизнедеятельности, руководствуется не нормами позитивного права, а «понятиями». Зачастую «понятия» вступают в антагонизм с нормами позитивного права и предписывают лицу совершать действия и поступки, идущие в разрез с законом. При этом нарушение неформальных норм – «понятий» влечет за собой куда более жесткие санкции, нежели нарушение норм позитивного права.

Литература

1. URL: <https://megaobuchalka.ru/4/24908.html>.
2. Кутякин С.А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2012.
3. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993.
4. Дорошевич В.М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001.
5. Мельшин Л. (Якубович П.Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907.
6. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Рассказы. М., 1983.

Несмотря на то, что аналитические выкладки нашего исследования свидетельствуют (раскрывают) некоторую распространенность практик вынужденно-обусловленного взаимодействия администрации исправительного учреждения и лидеров криминальной среды, следует помнить о том, что эти лица характеризуются устойчивыми криминальными жизненными установками и, как правило, используют свои связи с администрацией для достижения собственных противоправных целей.

В качестве возможных организационно-тактических мер, способствующих минимизации негативного потенциала в русле исследуемой проблематики, следует определить следующие:

- при подборе и назначении руководителей исправительных учреждений (старший начсостав) уделять больше внимания личностным качествам, дающим возможность противостоять любым проявлениям криминальной среды, а именно совокупности профессиональных, морально-волевых, интеллектуальных и харизматических;
- «создание единого ведомства (органа) по борьбе с киберпреступлениями» [18, с. 202];
- инициирование сокращения временной процедуры в Госдуме РФ и скорейшего принятия законопроекта № 876381-7 о блокировке нелегитимных абонентов, находящихся на территориях специальных объектов ФСИН, с целью сокращения возможностей дистанционного манипулирования со стороны преступных авторитетов и иных нелегитимных интеракций.

Bibliography

1. The law of synergy and self-preservation // URL: <https://megaobuchalka.ru/4/24908.html>.
2. Kutyakin S.A. Organization of countering the criminal opposition in the penal system of Russia. Ryazan, 2012.
3. Anisimkov V.M. Prison community: «milestones» of history: historical and journalistic narration. M., 1993.
4. Doroshevich V.M. «GULAG» of Tsarist Russia. M., 2001.
5. Melshin L. (Yakubovich P.F.) In the world of the rejected. Notes of a former convict. 4-th ed. SPb., 1907.
6. Dostoevsky F.M. Notes from the House of the Dead. Stories. M., 1983.

7. Максимов С. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб., 1891.
8. Брейтман Н.Г. Преступный мир. СПб., 2005.
9. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.
10. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
11. Тишкин Д.Н., Напханенко И.П., Кутякин С.А. Оперативно-разыскная характеристика деятельности лидеров криминальной организации осужденных («смотрящих») в исправительных учреждениях // *Философия права*. 2017. №1 (80).
12. Тишкин Д.Н., Самыгин П.С. Международная организованная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Философия права*. 2017. № 2 (81).
13. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/01/13275109.shtml>.
14. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/876381-7>.
15. О формах и методах развенчания лиц, причисляющих себя к «ворам в законе», и иных лидеров уголовно-преступной среды в ИТК. М., 1987.
16. Южанин В.Е. Методические рекомендации по работе с вновь прибывшими осужденными в исправительные учреждения. Рязань, 1986.
17. Рублинский Г.С. Помещение камерного типа и его эффективность в борьбе с грубыми нарушениями режима содержания в Усольском УЛИТУ // *Организация деятельности по укреплению правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания. Домодедово. ВКПК МВД СССР*, 1986.
18. Косов Г.В., Тишкин Д.Н., Солдатов Н.Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ Государственное и муниципальное управление // *Ученые записки*. 2020. № 4.
7. Maksimov S. *Siberia and hard labor: at 3 o'clock St. Petersburg*, 1891.
8. Breitman N.G. *Underworld / nauch. ed. H. Walter, V.M. Makienko. 2-nd ed., Rev. SPb.*, 2005.
9. Foinitskiy I.Ya. *The doctrine of punishment in connection with prison science. SPb.*, 1889.
10. Yadrintsev N.M. *Russian community in prison and exile. SPb.*, 1872.
11. Tishkin D.N., Napkhanenko I.P., Kutyaikin S.A. *Operational-search characteristics of the activities of the leaders of the criminal organization of convicts («overseers») in correctional institutions // Philosophy of law*. 2017. № 1 (80).
12. Tishkin D.N., Samygin P.S. *International organized crime as a threat to the national security of the Russian Federation // Philosophy of law*. 2017. № 2 (81).
13. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/01/13275109.shtml>.
14. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/876381-7>.
15. *On the forms and methods of debunking persons who consider themselves to be «thieves in law» and other leaders of the criminal environment in the ITC. M.*, 1987.
16. Yuzhanin V.E. *Methodical recommendations for working with newly arrived convicts in correctional institutions. Ryazan*, 1986.
17. Rublinsky G.S. *A chamber-type room and its effectiveness in combating gross violations of the detention regime in Usolsky ULITU // Organization of activities to strengthen law and order in institutions executing punishment. Domodedovo. VKPK Ministry of Internal Affairs of the USSR*, 1986.
18. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. *Organized Crime as an Element of Hybrid Wars: Political Science Analysis State and Municipal Management // Uchenye Zapiski*. 2020. № 4.

© 2021 г. Пирожников Сергей Александрович,

начальник филиала Академии управления МВД России «Болшево» кандидат юридических наук.
E-mail: S.Pirozhenkov@mail.ru

Приходько Наталья Юрьевна,

доцент кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел филиала
Академии управления МВД России «Болшево» кандидат юридических наук.
E-mail: nnnatasha2009@yandex.ru

ОХРАНА ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Авторы рассматривают и анализируют проблемы уголовно-правовой охраны и сохранения водных биологических ресурсов в России на современном этапе, а также обеспечения экономической и экологической безопасности Российской Федерации применительно к указанной сфере экономики.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, незаконная добыча, незаконный вылов, миграционные пути, природные территории, формальный состав, рыбная продукция, стратегия, экономическая безопасность, экологическая безопасность, глобализация, природопользование, экономические и экологические преступления.

Pirozhenkov Sergey Aleksandrovich – Head of the Bolshevo Branch, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Prikhodko Natalya Yurievna – Associate Professor, the Department of Leadership Training the Internal Affairs Bodies, the Bolshevo Branch, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROTECTION OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES AS AN OBJECT OF CRIMINAL POLICY

The authors consider and analyze the problems of criminal law protection and conservation of aquatic biological resources in Russia at the present stage, as well as ensuring economic and environmental security of the Russian Federation in relation to this sphere of economy.

Keywords: aquatic biological resources, illegal extraction, illegal fishing, migration routes, natural territories, formal composition, fish products, strategy, economic security, environmental security, globalization, environmental management, economic and environmental crimes.

По объему и разнообразию водных биологических ресурсов Российская Федерация занимает одно из ведущих стран в мире. Рыбное хозяйство является комплексным сектором экономики, состоящим из широкого спектра видов деятельности – от прогнозирования сырьевой базы отрасли до организации торговли рыбной продукцией в стране и за рубежом («Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 г.» – приказ Росрыболовства от 30.03.2009 № 246 // СПС «КонсультантПлюс»). «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.» – Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546 – в качестве одной из глобальных угроз экологической безопасности называет рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов. Что на фоне глобализации экономики приводит к

борьбе за доступ к природным ресурсам и оказывает негативное воздействие на состояние национальной безопасности Российской Федерации (подп. «б» ст. 19 ч. III Указа Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»). В подп. «л» ст. 26 ч. IV Стратегии приоритетным направлением признано осуществление эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе «...» и водных биологических ресурсов, что обосновывает государственную политику страны [1, с. 67–82]. Государственная политика в сфере рационального природопользования составляет часть экологической политики. К сожалению, для поддержания экологической безопасности и рационального природопользования применяются одни и те же средства [2, с. 8–12].

«Экология живых систем и рациональное природопользование...» отмечены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации *Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»* // *Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 Ч. II. Ст. 212*. Для реализации этой задачи требуется объединение усилий всех государственных органов и общественных организаций, направленных на обеспечение защиты водных биологических ресурсов от преступных посягательств в рамках научно обоснованной концепции уголовной политики [3, с. 43–49].

Одним из наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых во внутренних водоемах и в территориальных водах Российской Федерации, является браконьерство. Ежегодный ущерб от незаконной добычи водных биоресурсов и их бесконтрольного вывоза за границу соизмерим с размерами годового финансирования любой отдельно взятой отрасли. При этом степень общественной опасности данного явления гражданами нашей страны в должной мере не осознается. В то же время размер реально наносимого ущерба от браконьерства с трудом поддается исчислению [4, с. 108–115].

Существующие проблемы противодействия преступности в сфере незаконной добычи водных биоресурсов требуют выработки действенных мер, направленных на совершенствование уголовного, административного и иного законодательства, предусматривающих ужесточение ответственности за браконьерство (прежде всего в промышленных масштабах), а также предупреждение преступлений в указанном секторе экономики. Ранее данные проблемы рассматривались и другими авторами [5, с. 98–111].

Эффективное противодействие незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов предполагает надлежащее применение норм уголовного законодательства Российской Федерации, точное уяснение объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов».

Понятие «водные биологические ресурсы» представляет собой открытый перечень водных животных и растений.

Существуют два основных критерия, необходимых для того, чтобы животное или рас-

тение было отнесено к водным биоресурсам:

1) средой обитания должна являться водная среда (океаны, моря, реки, озера и т. п.);

2) животные и растения должны находиться в состоянии естественной свободы [6, с. 44–46].

Таким образом, рыба или иные водные животные, выращиваемые хозяйствующими субъектами в специально устроенных или приспособленных водоемах, а также рыба, добытая этими организациями или находящаяся еще в орудиях лова, может быть предметом хищения чужого имущества. В этих случаях предмет посягательства обособлен трудом добытчика от естественной природной среды и приобретает качество товара. Незаконный вылов и завладение ими с корыстной целью образует соответствующий состав хищения чужого имущества (ст. 158 «Кража» УК РФ).

В данном случае предметом посягательства признаются находящиеся в состоянии естественной свободы водные биологические ресурсы: различные виды (подвиды и внутривидовые формы) рыб, морские звери; различные виды водных беспозвоночных. А также отдельные виды водорослей и морских трав, промысловое значение которых в данном месте и в данное время устанавливается нормативными правовыми актами.

Основным нормативным правовым актом для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, является постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам». *Собрание законодательства РФ. 2018. № 46. Ст. 7063*.

Учитывая, что «водные биологические ресурсы» представлены в виде 2-х перечней водных животных и растений, полагаем необходимым предложить привести научное (энциклопедическое) название каждой группы предметов преступления, внешний вид, краткую информацию по распространению, статус, а для видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, категорию и меры охраны.

Структура организации уголовно-правового явления достаточно сложна. Малозначительность деяния может быть двух видов.

Первый вид, когда действие (бездействие), формально содержащее признаки преступле-

ния, не представляет общественной опасности. Это случаи, когда похищается, например, ластик, карандаш и т. п. В данных деяниях нет общественной опасности, по существу, они не причиняют вреда чужой собственности, охраняемой нормами уголовного права и не нарушают общественных отношений, урегулированных другими отраслями права. Этот вид малозначительности деяний на практике встречается редко и в силу своей очевидности затруднений в уяснении обычно не вызывает.

Второй вид прямо не предусмотрен уголовным законодательством, однако логически из него вытекает. Это те случаи, когда деяние обладает общественной опасностью (точнее – общественной вредностью), но она невелика, не превышает гражданско-правового, административного или дисциплинарного проступка, в силу чего деяние не может считаться преступным. Этот вид малозначительности в большей степени распространен и труден для понимания. Затруднение состоит в том, как отличить проступок от преступления и какие при этом использовать критерии. Нужно отметить, что часто смежное с уголовным законом законодательство содержит описание деликтов, фактически отличающихся от соответствующих преступлений лишь отсутствием общественной опасности, например, «мелкое хищение» в КоАП РФ, «хищение» в УК РФ и др. [7, с. 13].

Анализируя нормы, предусмотренные ч. 2 ст. 14 УК РФ, и не допуская расширительного толкования уголовного закона, отметим, что в данной норме ведется речь именно об общественной опасности, а не о, например, вреде (как последствиях), или предмете, способах, орудиях совершения преступления.

Суды, устанавливая наличие или отсутствие малозначительности, учитывают не только объективные характеристики общественной опасности, но и субъективные.

Так, например, Санкт-Петербургский городской суд, проанализировав совокупность исследованных доказательств и установив, что обвиняемая произвела лишь один толчок в спину потерпевшей в конфликтной ситуации, при этом не знала о наличии у потерпевшей хронического заболевания в стадии обострения), пришел к правомерному выводу о том, что действия обвиняемой не могут быть признаны уголовно наказуемыми как не представляющие общественной опасности в силу их малозначительности (*Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.06.2011 №22-2934/11 //*

СПС «КонсультантПлюс»). Таким образом, малозначительность определена через неосведомленность лица о фактической опасности своих действий. Ввиду этого формулировка «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки преступления» не отвечает потребностям понимания и применения малозначительности деяния на практике (или же такая ситуация может быть признана расширительным толкованием уголовного закона, что недопустимо, а примеры решений судов, подобные указанному выше, – незаконными).

Резюмируя вышесказанное, можно дать определение малозначительности, основанное на его признаках, описанных в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Малозначительность деяния – уголовно-правовое явление, указывающее на отсутствие существенной общественной опасности совершенного деяния, формально криминализованного в Особенной части УК РФ как преступление, являющееся основанием для прекращения уголовного преследования лица. Данное определение имеет методологическую ценность для уголовно-процессуальных отношений, так как закрепляет основание прекращения уголовного дела.

Однако данное определение, хотя и резюмирует законодательно установленные признаки малозначительности деяния, не соответствует запросам практики и объективной действительности и не позволяет в полной мере применить принципы законности и справедливости, закрепленные в УК РФ. Ввиду того, что малозначительность устраняет общественную опасность не только деяния, но и лица, его совершившего, а также иных признаков состава преступления, малозначительность следует определить, как уголовно-правовое явление, указывающее на отсутствие общественной опасности виновного лица, совершенного им деяния, а также иных признаков, устраняющих преступление.

Проанализировав правовую природу малозначительности и отметив направления для совершенствования ее уголовно-правовой регламентации, вернемся к действующему описанию в законе.

В науке и практике уголовного права сформулированы основные правила применения норм о малозначительности деяния. Норма о малозначительности применяется только в том случае, когда отсутствует существенная общественная опасность деяния, т. е. деятельность лица, формально подпадающая под описание в конкретном составе преступления,

не представляет существенной угрозы для общества (по крайней мере такой, которая бы послужила основанием применения уголовной ответственности).

Самый простой способ определения значительности (в противовес малозначительности) деяния – установление наличия ущерба, вреда (или размера предмета) – крупного, значительного, существенного и иного – в зависимости от конкретного состава. Наличие такого ущерба или вред указывает, что деяние, их вызвавшее (или связанное с оборотом специального предмета в указанном размере), общественно опасно. Сложности вызывает только определение размера соответствующего ущерба, вреда или размера предмета. Однако это проблема не малозначительности как уголовно-правового явления, а оценочных критериев (данная проблема широко обсуждается в науке уголовного права [8, с. 32; 9, с. 15–18]).

Сложность установления малозначительности заключается в отсутствии в диспозиции указания на ущерб, вред или размер предмета, оборот которого ограничен конкретной статьей. Малозначительность в таком случае может быть установлена при фактическом отсутствии общественной опасности одного из других элементов состава преступления, прежде всего, объективной стороны.

Схожая по конструкции ст. 256 УК РФ предусматривает несколько пунктов основного состава, которые указаны как альтернативные и могут применяться самостоятельно. Отсутствие признака «с причинением крупного ущерба» не делает деяние малозначительным при наличии, например, признака «в местах нереста или на миграционных путях к ним». Логика законодателя в ст. 256 УК РФ, как и в иных статьях Особенной части УК РФ, вполне понятна – общественную опасность представляет не только первый пункт статьи, но и альтернативно – остальные. В случае продолжения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов преступление может состоять из 2-х и более противоправных деяний, которые в совокупности имеют единый преступный умысел [3, с. 89–93].

Анализируя общественную опасность признаков состава преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, отметим, что отсутствие крупного ущерба делает незаконную добычу или вылов общественно вредным, но не общественно опасным или существенно общественно опасным. Ввиду того, что в таком случае невозможно причинить существенный вред общественным отношениям, связан-

ным с сохранностью отдельных популяций водных животных или растений. В свою очередь наличие крупного ущерба может причинить вред этим популяциям, что делает деяние общественно опасным; использование самоходного транспортного плавающего средства, взрывчатых и химических веществ, электроток либо иных способов массового истребления указанных биоресурсов существенно повышает возможности виновного лица, создает опасность гибели большого количества организмов, причинения вреда среде их обитания. Отдельные способы сами по себе запрещены административным законодательством, их использование для совершения преступления существенно повышает общественную опасность действий лица. Принимается во внимание не только фактически причиненный, но и потенциальный вред. Деяние по п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ окончено в момент покушения (т. к. состав формальный), т. е. момент окончания перенесен на более раннюю стадию именно по причине высокой общественной опасности способа совершения преступления и используемых при этом орудий и считается оконченным с момента начала незаконного вылова. Например, погружения рыболовецкой сети в водную среду [10, с. 26–30].

Совершение добычи (вылова) водных биологических ресурсов в местах нереста или на миграционных путях к ним обладает повышенной общественной опасностью ввиду того, что значительно увеличивает продуктивность преступной деятельности и подрывает основы воспроизводства видов [11; 12, с. 62–68]. Состав такого преступления, как и в предыдущем случае, формальный.

Схожи по правовой природе добыча (вылов) водных биологических ресурсов на особо охраняемых природных территориях, в зонах экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации. Общественная опасность в данном случае тоже связана с опасностью для жизнедеятельности животных или растений. Между тем деяния, рассматриваемые выше, также могут быть признаны малозначительными при определенных условиях, которые связаны непосредственно с обстоятельствами, описанными в данных пунктах, например, при избрании заведомо неэффективных средств, орудий, мест совершения преступлений. В каждом конкретном случае требуется исследование (часто с назначением соответствующих экспертиз) указанных обстоятельств.

Проблема охраны и сохранения водных биоресурсов в Российской Федерации на протяжении многих десятилетий не утрачивает своей важности и актуальности. Особо остро данная проблема встала в 90-е гг. прошлого столетия, когда с распадом Советского Союза и развалом рыбохозяйственного комплекса в усиленном режиме стало происходить хищническое разграбление рыбных запасов нашей страны. Валютоемкие виды водных биоресурсов, добытые браконьерами, практически бесконтрольно хлынули за рубеж. Создалась ситуация, при которой остро стал вопрос о сохранении национального достояния – ценнейших видов рыб и других водных животных и растений, оказавшихся на грани исчезновения.

Защита природных ресурсов нашей страны и в настоящее время является одной из приоритетных задач российского государства, а ее осуществление средствами уголовного права является одним из эффективных инструментов обеспечения экономической и экологической безопасности [13, с. 89–93]. Мировое сообщество также обеспокоено данной проблемой. Еще в 2010 г. на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Сальвадор, Бразилия 12–19 апреля 2010 г.) было заявлено о «растущем вызове транснациональной экологической преступности» как о новой мировой угрозе [14, с. 15–18].

Государственная политика на современном этапе направлена на укрепление межгосударственных отношений в целях использования механизмов межгосударственного взаимодействия. Государствам-членам ЕАЭС рекомендован комплекс мер по развитию сотрудничества в сфере аквакультуры, который

в свою очередь предполагает обеспечение доступности для различных социальных групп населения государств-членов ЕАЭС значительного ассортимента рыбопродукции (в широком смысле), создание условий для развития кооперации и включает в себя меры:

- в области ресурсного обеспечения;
- в области производства продукции аквакультуры;
- в области развития рынка продукции аквакультуры (рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2020 № 8 «О развитии сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере аквакультуры» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 24.04.2020 (дата обращения 20.07.2020)).

Совершенствуя нормы федерального уровня, в декабре 2019 г. законодатель внес изменения в Федеральный закон от 02.07.2013 № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3440; Федеральный закон от 27.12.2019 № 502-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть 1). Ст. 7820, дополнив ст. 5.1 «Особенности использования земель и земельных участков для целей аквакультуры (рыбоводства)», закрепив законодательно земельные участки для осуществления товарного рыболовства, предусмотрев особенности использования земель и земельных участков для целей рыбоводства.

Литература

1. Лунева Е.В. Государственная политика в сфере обеспечения рационального природопользования // Lex russica. 2018. № 12.
2. Лунева Е.В. Государственная политика в сфере рационального природопользования в биосферных полигонах заповедников: правовые проблемы реализации // Экологическое право. 2017. № 1.
3. Акутаев Р.М., Магомедов М.А. О некоторых аспектах борьбы с браконьерством // Гос-во и право. 2002. № 2.
4. Редникова Т.В. Криминологическая характеристика преступных посягательств на

Bibliography

1. Luneva E.V. State policy in the sphere of ensuring rational nature management // Lex russica. 2018. № 12.
2. Luneva E.V. State policy in the sphere of rational nature management in biosphere polygons of nature reserves: legal problems of implementation // Environmental law. 2017. № 1.
3. Akutayev P.M., Magomedov M.A. On some aspects of the fight against poaching. 2002. № 2.
4. Rednikova T.V. Criminological characteristics of criminal encroachments on particularly valuable aquatic biological resources // Union of Criminalists and Criminologists. 2019. № 1.

особо ценные водные биологические ресурсы // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1.

5. Редникова Т.В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex russica. 2018. № 9.

6. Гужвин А., Максимов А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за браконьерство // Российская юстиция. 2003. № 12.

7. Приходько Н.Ю. Экологический характер преступлений против собственности: сложности в толковании // Российский следователь. 2019. № 5.

8. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

9. Христенко Е.В. Оценочные признаки и квалификация неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ) // Юрист. 2012. № 11.

10. Бурмин Д.С. Квалификация незаконной добычи водных биологических ресурсов // Законность. 2019. № 3.

11. Скуртул А.А. Некоторые проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере оборота водных биоресурсов // Научный журнал «Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел». 2007. № 1.

12. Скуртул А.А., Иванов П.И. Некоторые проблемы борьбы с преступными посягательствами на водные биоресурсы // Труды Академии управления МВД России. 2007. № 4.

13. Репецкая А.Л., Мalykhina Т.А. Проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) // Алтайский юридический вестник 2018. № 4 (24).

14. Мацкевич И.М. Изменение качественных характеристик преступности в условиях глобализации // Lex russica. 2010. № 6.

5. Rednikova T.V. Organized environmental crime in Russia and abroad: criminological characteristics and measures of counteraction // Lex russica. 2018. № 9.

6. Guzhvin A., Maksimov A. Criminal law regulation of responsibility for poaching // Russian justice. 2003. № 12.

7. Prikhodko N. Yu. The ecological nature of crimes against property: difficulties in interpretation // A Russian investigator. 2019. № 5.

8. Kobzeva E.V. Evaluative signs in the criminal law autoref. dis. ... PhD in Law. Saratov, 2002.

9. Khristenko E.V. Evaluative signs and qualification of illegal actions in bankruptcy (p. 1 of Article 195 of the Criminal Code of the RF) // Yurist. 2012. № 11.

10. Burmin D.S. Qualification of illegal extraction of aquatic biological resources. 2019. № 3.

11. Skurtul A.A. Some problems of combating crimes committed in the sphere of turnover of aquatic bioresources // Scientific Journal «Actual problems of operational-search and administrative activities of internal affairs bodies». 2007. № 1.

12. Skurtul A.A., Ivanov P.I. Some problems of combating criminal encroachments on water bioresources // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. № 4.

13. Repetskaya A.L., Malykhina T.A. Problems of qualification of illegal production (catch) of aquatic biological resources (art. 256 of the criminal code) // legal Bulletin of the Altai 2018. № 4 (24).

14. Matskevich I.M. Changes in quality characteristics of crime in the context of globalization // Lex russica. 2010. № 6.

© 2021 г. Вакуленко Наталья Алексеевна,

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Ростовского
юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: foroposha@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНИКА, РАНЕЕ СОВЕРШАВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И МЕРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ РЕЦИДИВИСТОВ

В статье анализируются важные репрезентативные характеристики преступника-рецидивиста, позволяющие в обобщенном виде представить модель его личности. Актуализируется значимость учета криминологических параметров личностных качеств виновных лиц при осуществлении деятельности по индивидуальному прогнозированию преступного поведения и профилактике рецидива преступлений.

Ключевые слова: личность преступника, лицо, ранее совершавшее преступление, индивидуальное прогнозирование, меры индивидуальной профилактики, убеждение, принуждение, законодательство.

Vakulenko Natalya Alekseevna – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

TYPICAL CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE OFFENDER WHO PREVIOUSLY COMMITTED THE CRIME AND INDIVIDUAL PREVENTION MEASURES AGAINST REPEAT OFFENDERS

The article analyzes important representative characteristics of a repeat offender allowing to summarize the model of a typical offender of this species. The importance of taking into account the criminological parameters of the identity of the offender of this type in carrying out activities on individual forecasting of the criminal behavior of such persons and the prevention of crimes of this type is updated.

Keywords: the identity of the offender, the person who previously committed the crime, the person previously convicted, tendencies, individual forecasting, individual prevention measures, individual preventive impact, persuasion, coercion, legislation.

Несовершенство мер уголовной политики, в том числе системы пенитенциарного воздействия и ресоциализации осужденных, неадекватность мер противодействия криминогенным процессам в обществе вызывают, как свое закономерное следствие, негативную тенденцию преступности в целом и возрастание рецидивной преступности в частности.

Удельный вес рецидивной преступности в общем составе зарегистрированных преступлений составляет значительный объем. Согласно данным официальной отчетности в последние годы показатели зарегистрированной преступности в РФ характеризуются количественным выражением от 2 058 476 до 2 044 221 [1], при этом количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, колеблется от 521 552 до 617 184. Соответственно, удельный вес рецидивной преступности в общем составе преступлений составляет от 30,4 до 59,8 %.

Рецидивная преступность ежегодно представлена внушительными удельными весами в общем массиве преступлений в Российской Федерации. Отсюда следуют два неутешительных

вывода: во-первых, рецидивисты не склонны вставать на путь исправления, у них еще больше возрастает уровень антиобщественной направленности, и, следовательно, желание совершать новые преступления; во-вторых, государственные и негосударственные органы не в силах оказать должное исправительное воздействие и помощь, когда это необходимо.

Такая взаимная корреляция свидетельствует о сложности подходов при осуществлении предупреждения преступлений рассматриваемого вида. Особая роль отводится в этой деятельности правоохранным органам. Для эффективного противодействия преступным деяниям, совершаемым лицами, ранее совершавшими преступления, необходимо знать основные тенденции данного вида преступности, факторы, детерминирующие их совершение, типичные особенности рецидивного преступника.

Отмечаем, что в 2014 г. доля преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составляет 53,6 %, в 2015 – 54,9 %, в 2016 – 56,7 %, в 2017 – 57,6 %, в 2018 – 58,3 %, в 2019 – 58,7 %, в 2020 – 59,8 %.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в Российской Федерации (2016–2020 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления	Удельный вес, %
2016	674 935	56,7
2017	650 579	57,6
2018	634 027	58,3
2019	617 914	58,7
2020	617 184	59,8

Рецидивная преступность и ее предупреждение – насущная актуальная криминологическая проблема современности в России.

Важно помнить, что рассматриваемый нами вид преступности является наиболее опасным, поскольку лицо, совершающее преступление во второй-третий раз, обладает повышенной степенью антиобщественной направленности, а государственные и негосударственные органы не в силах оказать определенного исправительного воздействия на таких лиц. Кроме того, цена рецидивной преступности велика, поскольку она характеризуется такими признаками как организованность и повышающийся профессионализм.

В Российской Федерации показатель количества выявленных лиц, ранее совершавших преступления, с 2008 по 2015 гг. имел устойчивый тренд возрастания с 521 522 до 688 817 (+ 32,1 %). Период с 2016 по 2019 гг. характеризуется основной направленностью снижения рассматриваемого показателя с 674 935 до 617 184 (– 8,6 %).

Анализ показателей количества выявленных ранее судимых лиц в России с 2008 по 2019 гг. демонстрирует тренд снижения, которому не соответствовали лишь данные 2012 г. (+ 6,8 %). Во все остальные ежегодные периоды отмечаем уменьшение количества указанных лиц. Так, в 2008 г. количество выявленных ранее судимых лиц составило 415 612, а в 2020 г. – 344 383 (– 17,1 %).

Проведенный нами анализ криминологической литературы позволяет определить наиболее существенные характеристики, присущие личности преступника-рецидивиста [2; 3; 4, с. 52–58; 5, с. 29–35; 6, с. 77–85].

Во-первых, очень часто у тех лиц, которые уже не раз совершали преступление и имели судимость, разорваны связи с семьей, либо ее может не быть вовсе. О постоянном характере места жительства и работы тоже говорить

не приходится. Такие люди прекрасно себя чувствуют в других местах и с другими людьми, например, в местах лишения свободы, со своими «собратьями» в преступных группах. То есть главное в этом всем то, что человек уходит в антиобщественное измерение, он отторгается от так называемой позитивной среды.

Во-вторых, рассуждая о механизме преступного поведения, принято говорить о сформированных жизненных установках и ценностно-ориентационной сферы. Применительно к рецидивистам можно уверенно фиксировать их примитивные потребности, скорее материальные запросы, устойчивое положение «среди своих». Бедность потребностно-мотивационной сферы – еще одна значимая характеристика рецидивиста.

В-третьих, пребывание в пенитенциарных учреждениях, общение с себе подобными, боязнь разоблачения, антиобщественный образ жизни, сведение к минимуму социально полезных связей – все это ведет к деградации личности.

Кроме того, они не боятся быть наказанными. Скорее, большинство из них мечтает вернуться в исправительное учреждение для отбывания наказания, поскольку режим, правила и формы существования там для них становятся более понятными и приемлемыми.

В-четвертых, преступники-рецидивисты отличаются стремлением к постоянному и интенсивному общению с теми, кто ведет антиобщественный образ жизни, в частности совершает преступления. Здесь формируются и закрепляются нормы антиобщественной идеологии и морали, что активно способствует распаду общественно полезных связей, создавая социально-психологическую общность статусов и интересов рецидивистов.

Как показали выборочные исследования, количество рецидивистов, совершивших преступления в группе, с возрастом уменьшается.

И, наоборот, растет число рецидивистов, совершивших преступление в одиночку. В большинстве случаев это может свидетельствовать о высокой общественной опасности личности рецидивиста. Есть лица, которые даже на фоне таких же рецидивистов обладают еще более серьезной степенью общественной опасности. Связано это с тем, что, помимо профессиональных преступных умений и навыков, они обладают лидерскими качествами и организаторскими способностями.

В-пятых, рецидивисты прекрасно знают правовые нормы. При этом никакой солидарности с ними они не ощущают и, соответственно, не транслируют в своем поведении. Более того, со временем они находят массу оправданий своим противоправным действиям.

Рецидивная преступность сегодня определяется повышенной степенью общественной опасности и требует незамедлительных профилактических мер.

Рецидивисты – это особая категория лиц, в отношении которых, безусловно, должны срабатывать, прежде всего, меры индивидуальной профилактики. Отметим такие важные элементы индивидуальной профилактики, как:

- выявление и постановка на профилактический учет правонарушителей;
- изучение особенностей личности правонарушителей, их образа жизни, окружения для разработки и осуществления мер по исправлению правонарушителей и предупреждению преступлений;
- контроль за выполнением намеченных мер и поведением правонарушителя;
- разработка и реализация мероприятий по выявлению и устранению.

Безусловным является то, что очень широкий спектр мер индивидуальной профилактики реализовывают именно органы внутренних дел, в частности участковые уполномоченные полиции. Методами осуществления рассматриваемого вида предупреждения преступлений являются убеждение, принуждение и помощь. Однако их соотношение при осуществлении подобной деятельности сотрудниками ОВД не является равнозначным даже на теоретическом уровне. Если сотрудниками ОВД посредством прогнозирования индивидуального преступного поведения устанавливается основание для начала подобной предупредительной работы, то это означает, что применяемые (не только сотрудниками ОВД) до этого методы убеждения и помощи оказались неэффективными. Следовательно, метод принуждения, на наш взгляд, должен быть основным при осуществлении

индивидуального предупреждения преступного поведения ранее судимых.

Если учесть, что ежегодно в России условно-досрочно освобождается более 100 тыс. осужденных, а одним из направлений предупредительной работы с этой категорией лиц является контроль за их поведением, то, несмотря на проявившееся стремление таких лиц к исправлению, они все еще нуждаются в наблюдении со стороны компетентных государственных органов.

Правоохранительные органы, и в частности ОВД, не имеют возможности в полной мере реализовать многие наиболее эффективные методы индивидуального предупреждения преступного поведения ранее судимых. На этом фоне региональные структуры все отчетливее осознают, что для успешной работы с ранее судимыми необходима консолидация усилий всех заинтересованных ведомств, совершенствование внутриведомственного и межведомственного взаимодействия субъектов профилактики, в том числе ОВД и УИИ, привлечение к работе представителей общественности.

Возникшая в последние годы проблема повышения эффективности и совершенствования деятельности субъектов индивидуального предупреждения преступного поведения ранее судимых может быть успешно разрешена с учетом предлагаемой методики осуществления рассматриваемого предупреждения на основе воплощения его теоретической модели в реальную плоскость деятельности сотрудников ОВД и УИИ. Данная методика предполагает проведение целого ряда мероприятий, которые должны осуществляться в несколько этапов [7].

Первым этапом является выявление на своей территории лиц, ранее совершавших преступление, чье поведение свидетельствует о реальной возможности совершения ими повторных преступлений.

Основной целью данного этапа является определение тех осужденных, в отношении которых необходимо проведение дополнительных мероприятий по установлению криминологического личностного основания. Достижение положительных результатов в профилактике правонарушений лиц, ранее судимых, в существенной степени зависит от учета индивидуальных особенностей личности, и, в частности, от исследования мотивов преступного поведения. Одновременно требуется и анализ обстановки места их жительства и места временного пребывания, углубленное изучение различных видов семейного

неблагополучия, связей, изучаются психологический портрет, склонности и интересы, отношение к себе, другим людям, коллективу, выясняются их знания, умения и привычки.

Было установлено, что целенаправленное и наступательное выявление подобной категории лиц, соответствующее всем принципам индивидуального предупреждения преступного поведения, может осуществляться тремя способами:

- криминологическим анализом приговора и первоначальных информационных документов;

- наведением справок в подразделениях ОВД;

- криминологическим анализом бесед с окружением ранее судимых или с ними самими в ходе посещения по месту проживания либо анализом беседы при постановке на учет.

Думается, что для достижения цели этого этапа необходимо применение всех 3-х способов в отношении каждого лица, поставленного на учет. Если хотя бы один из них позволяет сделать вывод о том, что, возможно, подучетный продолжает вести антиобщественный образ жизни и может совершить новое преступление, необходимо переходить ко второму этапу индивидуального предупреждения преступного поведения. При этом осуществление непосредственного профилактического воздействия на ранее судимых представляется преждевременным и незаконным. Потому как наличие криминологического личностного основания без осуществления последующих этапов рассматриваемого предупреждения еще не установлено.

Второй этап рассматриваемого предупреждения представляет собой процесс изучения лиц, в отношении которых получена информация о возможном ведении преступного образа, причастности к неформальным группам криминальной направленности и т. п. Основными методами изучения поведения таких лиц являются опросы и изучение документов. Дополнительными методами являются наблюдение и применение психологических методик, использование которых зависит от возможностей и условий деятельности ОВД и УИИ. Типовая схема изучения личности ранее судимых должна содержать следующие основные требования методологического характера:

- поэтапный переход от изучения прошлого поведения и образа жизни осужденного к настоящему;

- охват всех направлений схемы изучения личности преступника;

- наличие специальных форм изучения, каждая из которых носит комплексный характер, включая в себя параллельное изучение нескольких направлений с одновременным применением нескольких основных методов изучения. Она включает в себя ознакомительную часть постановочной беседы, изучение материалов уголовного дела (копии приговора), в связи с которым лицо состоит на учете в ОВД, опросы сотрудников ОВД, участвовавших в проведении расследования уголовного дела, посещение места проживания ранее судимого лица, и, по возможности, места его работы. Итогом такого изучения является создание информационной базы для возможности прогнозирования дальнейшего поведения ранее судимого на основе полученных знаний о его прошлом и настоящем.

Третий этап индивидуального предупреждения преступного поведения ранее судимых представляет собой его прогнозирование. То есть окончательное определение наличия либо отсутствия криминологического личностного основания проведения индивидуальных профилактических мероприятий в отношении конкретного лица. При положительном результате поведение последнего становится объектом индивидуального предупреждения. Вывод о целесообразности осуществления этапа прогнозирования может осуществляться в 2 стадии:

- 1 стадия – общий прогноз о необходимости индивидуального предупреждения в отношении конкретного лица (здесь происходит установление криминологического личностного основания);

- 2 стадия – дифференцированный прогноз в целях определения необходимого изменения контроля за поведением подучетного (здесь происходит отнесение его к тому или иному типу согласно выбранной типологии).

Основными и реально выявляемыми факторами, свидетельствующими о наличии криминологического личностного основания, являются: нетрудоустроенность ранее судимого лица либо явное несоответствие материальных составляющих его образа жизни официальным источникам доходов, информация из подразделений ОВД или УИИ о ведении преступного или аморального образа жизни (включая злоупотребление спиртными напитками либо употребление наркотических средств), наличие нескольких судимостей или фактов привлечения к уголовной ответственности, признаки преступного опыта, проявившиеся в совершенных преступлениях («преступный профессионализм»).

С учетом общепризнанной в криминологии типологии преступников по такому критерию, как глубина и стойкость антиобщественной установки личности, считаем целесообразным ранее судимых лиц, «склонных к совершению новых преступлений», относить к одному из двух типов: последовательно-криминогенному либо ситуативно-криминогенному. Такой подход позволяет определить приоритеты при непосредственном воздействии на поведение подучетного. Например, если в отношении первого типа наиболее целесообразным следует признавать возложение дополнительных обязанностей ограничительного характера («не покидать...», «не выезжать...», «не посещать...» и т. п.), то в отношении второго – обязанностей положительного характера («трудиться...», «пройти курс лечения...», «возместить ущерб...» и т. п.). Другими словами, степень репрессивности и жесткости контроля за первой категорией должна быть более высокой, чем в отношении второй.

Следующим этапом является планирование индивидуального предупреждения. Под ним можно понимать основанный на анализе обстановки и функциональных обязанностях сотрудников ОВД процесс постановки задач в сфере индивидуальной профилактики преступлений и выбор путей их решения. Рассматриваемый процесс должен соответствовать определенным криминологическим требованиям, которые были обозначены ранее в качестве принципов индивидуального предупреждения. Представляется, что наиболее обоснованной и реально выполнимой будет схема осуществления данного этапа, которая включает: дополнительное изучение личности подучетного и его образа жизни, определение тактики рассматриваемого предупреждения, определение исполнителей намеченных мероприятий, сроков исполнения, согласование с планом работы сотрудника ОВД на месяц и общим планом работы ОВД. Результатом этапа планирования должно стать составление плана индивидуально-профилактической работы с конкретным лицом.

Предпоследним и, пожалуй, самым важным этапом индивидуального предупреждения является оказание непосредственного индивидуально-профилактического воздействия на поведение ранее судимого. Определенный эффект в работе с лицами, ранее совершавшими общественно опасные деяния, приносят беседы на правовую тематику, которые могут достичь цели только в том случае, если имеют четкий адрес, т. е. разработаны для определенной категории и направлены в расчет именно на нее. Даже хорошее выступле-

ние не принесет пользы, если не будет учтен уровень подготовленности и интересы ранее судимых. Использование фактов о правонарушениях и преступлениях конкретных лиц в беседе привлечет внимание. Оправдывает себя и использование придуманных самим сотрудником (с учетом типичных ситуаций) примеров. Они оживляют содержание беседы, делают их доходчивыми, доступными. Вместе с тем совершенно неоправданно строить беседу на одних примерах. Содержание беседы в этих случаях «утопает» в них. Необходимо избегать примеров исключительного цинизма или дерзости преступников.

Комплексными формами реализации методов воздействия, кроме проведения профилактических бесед, является изменение интенсивности исполнения требований, предусмотренных ч. 4 ст. 188 УИК РФ [1]: а) сокращение периодов между датами явок на отметку по вызову УИИ; б) сокращение периодов между датами явки для исполнения обязанности в виде периодической регистрации; в) установление сроков исполнения бессрочных обязанностей, возложенных судом (трудиться, пройти курс лечения), возложение дополнительных обязанностей, контролирование исполнения обязанностей.

Индивидуальная профилактика противоправного поведения ранее судимых должна содержать в себе и элементы принуждения, связанные с вторжением в сферу их личных прав и интересов.

Ранее судимые лица нередко являются членами групп криминальной направленности и активно вовлекаются в них, поэтому пресечение деятельности таких групп является весьма актуальным. В случае появления информации о фактах общения подучетного с членами преступной группы, следует использовать методы разобщения и переориентации, которые следует дополнять контролем над деятельностью профилактируемых, чтобы не допустить вхождения в такую группу ранее судимого лица. Как правило, это достигается применением мер принудительного характера, например, привлечением к уголовной ответственности за подготовку к совершению преступления, организацию преступной группы и т. п.

Однако, если проведенная профилактическая работа не дала желаемых результатов, то проводится работа по пресечению и предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений.

На последнем этапе рассматриваемого предупреждения проверяются результаты индивидуального профилактического воздействия, происходит их оценка и корректировка. Основной

целью этого этапа является реализация соответствующего вида ответственности в зависимости от поведения ранее судимого. Общеизвестно, что ее реализация может носить как позитивный, так и негативный характер с точки зрения последствий для подучетного.

Приведем справедливое утверждение Т.В. Кленовой: «Государственная власть не должна надеяться на то, что рецидивная (повторная) преступность перестанет самовоспроизводиться или что возможно ее ограничение без применения уголовного закона. Рецидивная (повторная) преступность – это реальная угроза безопасности жизни людей, препятствие для правового развития Российской Федерации, пример, мешающий правовому воспитанию населения» [8, с. 268].

Стратегия предупреждения рецидивной преступности состоит в локализации и нейтрализации явлений, образующих ее детерминирующий комплекс, а также в предотвращении или смягчении последствий действия этих явлений.

Можно с уверенностью заявить, что значительный объем мер специально-криминологического вида осуществляют органы внутренних дел. Превентивную деятельность в

отношении преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, подразделения и службы органов внутренних дел должны осуществлять в рамках тесного взаимодействия.

Сложная складывающаяся криминальная ситуация свидетельствует о необходимости поиска новых путей и направлений борьбы с современными преступлениями, совершаемыми лицами, ранее совершавшими преступления, блокирования и нейтрализации криминальных факторов, что, в свою очередь, предопределяет необходимость в получении более полной и достоверной информации о данной разновидности преступлений, изменениях их количественных и качественных характеристик, выработке стратегии и тактики предупреждения преступлений, совершаемых лицами, ранее судимыми, применении современных способов и методов профилактики преступлений к указанным лицам и т. п. Главное, чтобы деятельность субъектов профилактики и социальной реабилитации осужденных представляла собой непрерывный, многоаспектный и многоуровневый процесс, предполагающий применение комплекса необходимых мер, различных по своему содержанию, объему и механизму действия.

Литература

1. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
2. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование. М., 2014.
3. Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Монография. Томск, 2009.
4. Брюхнов А.А., Вакуленко Н.А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних // Юрист-Правоведъ. 2018. № 3.
5. Стешич Е.С. Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72).
6. Стешич Е.С. Сравнение личностных особенностей умышленных и неосторожных убийц // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38).
7. Многократный рецидив преступлений: монография. Рязань, 2009.
8. Кленова Т.В. Об уголовно-правовой политике в условиях роста рецидива преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практич. конф. М., 2018.

Bibliography

1. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
2. Antonyan E.A. Personality of a recidivist: criminological and criminal-executive research. M., 2014.
3. Olkhovik N.B., Prozumentova L.M. Recurrent convicted of the crime and its prevention. Monograph. Tomsk, 2009.
4. Brukhnov A.A., Vakulenko N.A. Characteristics of the offender who commits a sexual assault against a minor // Jurist-Pravoved. 2018. № 3.
5. Steshich E.S. Accentuation of character and criminal behaviour (according to a study by the perpetrators of intentional and negligent deprivation of life) // Psychopedagogy in law enforcement. 2018. № 1 (72).
6. Steshich E.S. Comparison of personal characteristics of intentional and careless murderers // Applied Legal Psychology. 2017. № 1 (38).
7. Multiple recidivism of crimes: monograph. Ryazan, 2009.
8. Klenova T.V. Criminal Law: strategy of development in the XXI century: materials of the XV International Scientific and Practical Conference. M., 2018.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.12
ББК 67.410.2

© 2021 г. Диденко Николай Сергеевич,

начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Лапатников Максим Владимирович,

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЯВКИ С ПОВИННОЙ КАК ИНСТИТУТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

Статья посвящена теоретическому анализу нормативного и иного регулирования явки с повинной как разновидности доказательства в уголовном процессе. Констатируется неудовлетворительное состояние регламентации явки с повинной, обусловленное во многом лапидарностью законодателя.

Ключевые слова: явка с повинной, доказательство, право на защиту, добровольное признание лица, Верховный Суд, Постановление Пленума Верховного Суда.

Didenko Nikolay Sergeevich – Head of the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Lapatnikov Maxim Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

LEGAL PROBLEMATIC REGULATORY ISSUES OF VOLUNTARY SURRENDER AS AN INSTITUTION OF THE LAW EVIDENCE

The paper is devoted to the theoretical analysis of the normative and other regulation of the voluntary surrender as a type of evidence in criminal procedure. The unsatisfactory state of the regulation of the voluntary surrender is stated, which is largely due to the lapidary nature of the legislator.

Keywords: the voluntary surrender, the evidence, the right to protection, voluntary recognition of a person, Supreme Court, Resolution of the Plenum of the Supreme Court.

В настоящее время среди различных видов доказательств, удостоверяющих признательные показания лица в совершении им преступления, ключевое место занимает явка с повинной. Ее значимость во многом определяется тем, что следственно-судебная практика воспринимает явку как полноценное обвинительное доказательство, фиксирующее в краткой форме показания лица относительно события преступления и своей причастности к нему. Удобность, краткость, широкая применимость явки с повинной как средство доказывания обуславливает ее активное использование в уголовно-процессуальном доказывании.

В этой связи мы видим потребность в анализе уровня нормативного регулирования явки с повинной именно как категории доказательственного права, учитывая отечественную историческую правовую традицию опираться на признательные показания как сис-

темообразующее обвинительное доказательство. Современный законодатель и правоприменительная практика демонстрируют тенденцию на размежевание с указанным выше подходом, признательные показания, в том числе и в форме явки с повинной, по-прежнему остаются весомым аргументом стороны обвинения при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

При этом наш анализ не будет ограничиваться исключительно нормативным уровнем, так как полагаем, что без изучения позиций высших судебных инстанций страны, Европейского суда по правам человека он будет весьма ограниченным и неполным.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Действующий уголовно-процессуальный закон относит явку с повинной к поводу к возбуждению уголовного дела, который отождествляется законодателем с сообщением о преступлении (п. 43 ст. 5 УПК РФ). Явка с повинной

определяется как добровольное сообщение лица о совершенном преступлении (ч. 1 ст. 142 УПК РФ) [11]. Форма явки – письменная или устная, но последняя в итоге должна быть занесена в протокол следственного действия (ч. 2 ст. 142 УПК РФ).

Конституционный Суд РФ. Так, в ряде своих решений Конституционный Суд неизменно отмечает, что ст. 142 УПК РФ «не содержит положений, на основе которых ограничивались бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, лица, делающего заявление о явке с повинной, а потому не предполагает присутствия при этом адвоката, однако и не исключает право лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 г. № 326-О, от 17 июля 2012 г. № 1280-О, от 20 марта 2014 г. № 638-О, от 24 июня 2014 г. № 1338-О, от 29 сентября 2015 г. № 2270-О, от 27 октября 2015 г. № 2343-О, от 28 сентября 2017 г. № 2127-О, от 27 февраля 2020 г. № 268-О/2020).

Нельзя не отметить неоднозначность такого толкования, прежде всего, в контексте реализации права на защиту. Витиеватость позиции Конституционного Суда в данном случае проявляется в том, что приведенная выше формулировка фактически не относит явку с повинной к обвинительной деятельности, что, по нашему мнению, не согласуется с позицией этого же судебного органа, высказанной в Постановлении «по делу Маслова».

Верховный Суд РФ. Вопросы явки с повинной затрагиваются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 29.11.2016). Несмотря на то, что название данного постановления определяет его предметную направленность на вопросы, связанные с уголовным наказанием, у нас нет сомнений, что эти разъяснения Верховного Суда имеют прямое отношение к явке и в контексте ее доказательственного значения.

Предлагая свое, в общем-то, идентичное с нормативным, понимание явки с повинной, Верховный Суд «дополняет» законодателя очень важным правилом, непосредственно имеющим большое значение для оценки законности (допустимости) явки: сообщение лица о совершенном им преступлении признается явкой с повинной, даже если впослед-

ствии он от нее отказался. Главное условие для этого – добровольность. При этом Верховный Суд уточняет, что добровольность исключается при задержании лица по подозрению в совершении преступления. Впрочем, речь идет только о том преступлении, в связи с которым лицо задержано. Если при задержании сообщается о других преступлениях, то такое сообщение является явкой с повинной (п. 29).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» Верховный Суд, по сути, вводит новый стандарт допустимости явки с повинной как обвинительного доказательства: разъяснение прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе право на молчание, право пользоваться услугами адвоката и др.

Помимо Постановлений пленума вопросы доказательственного использования явки с повинной затрагивались в решениях Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, выражающие позицию высшей судебной инстанции страны и формирующие тенденции в судебной практике. Анализ решений Верховного Суда РФ, вынесенных в апелляционном и кассационном порядке, позволяет выделить следующие позиции указанного судебного органа:

- если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами учтено судом в качестве доказательства, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо впоследствии изменило свои показания [1];

- неоформление заявления о явке с повинной в качестве самостоятельного процессуального документа не влияет на учет этого обстоятельства в качестве смягчающего наказания [2];

- показания лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов, основанные на объяснении и явки с повинной, не подлежат использованию в качестве доказательств виновности. Данные лица могут быть допрошены в суде только по обстоятельствам проведения того или иного процессуального действия при решении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения содержания показаний допрошенного лица [3];

- обращение лица не может расцениваться как явка, если оно было до этого объявлено в розыск [4];

– признание явки с повинной недопустимым доказательством не лишает суд права учитывать ее в качестве смягчающего обстоятельства, если факт обращения с заявлением о явке будет установлен [5];

– отсутствие замечаний, жалоб, правильность оформления, показания лиц, присутствующих при явке, по мнению Верховного Суда РФ, исключают вывод о незаконном воздействии со стороны сотрудников правоохранительных органов [6];

– изложение в явке с повинной сведений (версии) об обстоятельствах, оправдывающих лица, не влияет на вывод о добровольности явки и признания им участия в преступлении, в связи с чем не препятствует признанию заявления явкой с повинной;

– сообщение лица о совершенном им преступлении не может признаваться явкой с повинной, если оно было сделано после фактического задержания;

– явка с повинной может быть отобрана в ночное время [7].

Европейский суд по правам человека. В ряде своих решений ЕСПЧ достаточно четко и недвусмысленно указывает, что любые формы получения показаний должны сопровождаться соблюдением права на защиту, которое может быть ограничено только при особых обстоятельствах. Так, в Постановлении от 06.10.2015 г. по делу «Турбылев против Российской Федерации» [8] ЕСПЧ подчеркивает, что «чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно «практическим и эффективным», п. 1 ст. 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, доступ к услугам адвоката обеспечивался с первого допроса подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела не имеется веских причин для ограничения этого права».

Факт нарушения положений Конвенции о правах человека и основных свобод, установленный в обозначенном выше решении, по мнению Европейского суда, заключался в том, что «...признание заявителя, полученное в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с ним, было использовано внутригосударственными судами в качестве доказательства вины заявителя». При этом суды страны легализовали меры, принятые сотрудниками полиции для использования «заявления о явке с повинной» в целях документирования признания заявителем

явки, полученного под давлением, после задержания по подозрению в совершении преступления вопреки значению, предусмотренному для такого заявления в ст. 142 УПК РФ (дело «Турбылев против Российской Федерации»).

При этом согласно ЕСПЧ доводы о том, что лицо само отказалось от защитника при взятии явки с повинной, являются допустимыми, если таковой отказ выражен недвусмысленным образом. В Постановлении по делу «Шлычков (Shlychkov) против Российской Федерации», Европейский суд указывает, что «...отказ от права, гарантированного Конвенцией, насколько он допустим, не должен идти вразрез с важными общественными интересами и должен быть сделан недвусмысленным образом и сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми со значением отказа» [9]. А в решении по делу «Фефилов (Fefilov) против России» [10] ЕСПЧ пришел к выводу, что при фактическом задержании и получении от лица явки с повинной ему должна быть предоставлена возможность консультации с защитником, что особенно важно при заявлении лица о понуждении его к даче признательных показаний.

Анализ уровня нормативного регулирования и позиций высших судебных инстанций в целом позволяет нам констатировать, что в настоящее время явка с повинной не может быть квалифицирована как полноценный правовой институт, как единый согласованный правовой комплекс, обеспечивающий достижение общей цели. Современное состояние регламентации явки с повинной, обусловленное во многом лапидарностью законодателя, является совокупностью кратких норм, оставляющих без ответа или не позволяющих достаточно ясно прояснить многие актуальные для практической деятельности вопросы, что в принципе свидетельствует о значительной пробельности нормативного регулирования. Рекомендации и правила высших судебных инстанций хоть и несколько смягчают проблемность описанной выше ситуации, но, во-первых, как представляется и не должны заменять законодателя, а во-вторых, носят разрозненный и несистемный характер. К этому прибавляется зачастую противоречивое и произвольное правоприменение на региональных и более низких уровнях судебной системы.

Основной узел анализируемой проблематики мы видим в вопросе о доказательственном

значении явки с повинной в контексте обеспечения права на защиту, так как существующий законодательный пробел позволяет отбирать явку с повинной в условиях отсутствия действия указанного права. Речь идет о получении явки еще до начала официальной обвинительной деятельности (уголовного преследования), то есть до постановки его в статус подозреваемого, обвиняемого. В отличие от получения признательных показаний, в форме допроса подозреваемого, обвиняемого, на практике явка с повинной нередко отбирается при задержании в неуголовно-процессуальном порядке (административном) либо при привлечении лица для участия в проверочных действиях в период проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. По сути, как представляется, здесь имеет место быть уголовное преследование, но в условиях отсутствия или наличия минимальных гарантий, составляющих содержание права на защиту.

Хотя ситуация немного прояснилась после указания Пленума Верховного суда РФ на недопустимость явки как доказательства без разъяснения прав, предусмотренных ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55), однако полагаем, что вопрос о том, чем именно является право лица, дающего явку с повинной, право на адвоката или же право на защиту так и остался не проясненным до конца.

Отвергая явку как допустимое доказательство при неразъяснении прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, суды при этом по-разному трактуют содержание права лица воспользоваться услугами адвоката. Мы считаем этот вопрос принципиальным, так как право на защиту предполагает совершенно иное процессуально-правовое содержание, чем право на адвоката, что повлечет за собой иные последствия. Право на адвоката-представителя возлагает бремя обеспечения возможности воспользоваться услугами адвоката на само лицо, у которого отбирается явка с повинной, воспользоваться услугами адвока-

та и не более. Сотрудники правоохранительных органов в этом случае не обязаны обеспечить лицу защитника, и могут отобрать явку, не дожидаясь, когда лицо сможет связаться с адвокатом либо с лицами, которые помогут ему в этом. По сути, это не более чем декларация, ничем не обязывающая практических работников, кроме формального предписания разъяснить право пользоваться услугами адвоката и отобрать у лица подпись об этом. Такая декларативность становится еще более осязаемой, если учесть, что большинство людей в нашей стране не в состоянии оплатить услуги адвоката.

В свою очередь, право на защиту предполагает, во-первых, обязанность сотрудника правоохранительных органов, берущего явку с повинной, обеспечить ему возможность пользоваться услугами адвоката-защитника, в том числе, адвоката по назначению, и, во-вторых, что важно, не оформлять явку с повинной до тех пор, пока на место проведения данного процессуального действия не прибудет адвокат. Отказ лица от защитника должен быть оформлен путем его письменного заявления либо в иной форме, позволяющей уяснить его позицию по данному вопросу.

Конечно, мы отдаем себе отчет, что право на защиту далеко не панацея. Качество предоставляемых услуг адвокатами по назначению оставляет желать лучшего, а встречающиеся в практике так называемые «карманные адвокаты» ставят под сомнение само право на защиту. Однако это лучше, чем ничего.

Вышесказанное подтверждает необходимость формирования детальной, непротиворечивой нормативной регламентации явки с повинной путем разработки как самостоятельного правового института доказательственного уголовно-процессуального права. Модель такого института станет предметом нашего дальнейшего исследования и будет представлена в последующих публикациях.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.08.2016 № 11-АПУ16-21 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 02.10.2018 № 44-УД18-30 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/.
2. The appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.08.2016 № 11-APU16-21 // LRS «ConsultantPlus».
3. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.10.2018 № 44-UD18-30 // LRS «ConsultantPlus».

4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.08.2018 № 46-АПУ18-6 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 43-АПУ18-2 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 89-АПУ17-10 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление ЕСПЧ от 06.10.2015 «Дело “Турбылев (Turbylev) против Российской Федерации”» (жалоба № 4722/09) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление ЕСПЧ от 09.02.2016 «Дело “Шлычков (Shlychkov) против Российской Федерации”» (жалоба № 40852/05) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление ЕСПЧ от 17.07.2018 «Дело Фефилов (Fefilov) против России» (жалоба № 6587/07) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

12. Диденко Н.С., Хайдаров А.А. Проблемы правовой регламентации начального этапа судебного следствия // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3 (58).

4. The appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.08.2018 № 46-APU18-6 // LRS «ConsultantPlus».

5. The appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.04.2018 № 43-APU18-2 // LRS «ConsultantPlus».

6. The appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2017 № 89-APU17-10 // LRS «ConsultantPlus».

7. Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.02.2017 N 30-APU17-1SP // LRS «ConsultantPlus».

8. The judgment dated 06.10.2015 «Case “Turbines (Turbylev) against the Russian Federation”» (complaint № 4722/09) // LRS «ConsultantPlus».

9. The judgment from 09.02.2016 «Business Shlychkov (Shlychkov) against the Russian Federation» (complaint № 40852/05) // LRS «ConsultantPlus».

10. Judgment of the ECHR of 17.07.2018 «The case of Fefilov (Fefilov) v. Russia» (complaint № 6587/07) // LRS «ConsultantPlus».

11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL.

12. Didenko N.S., Khaydarov A.A. Problems of legal regulation of the initial stage of the judicial investigation. Jurist-Jurist. 2013. № 3 (58).

© 2021 г. Сопнева Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, город Ставрополь.
E-mail: evsopneva@mail.ru

Аношко Олеся Александровна,
старший следователь следственной части по расследованию организованной преступной
деятельности Главного следственного управления ГУ МВД России по Ставропольскому краю.
E-mail: A9624454338@yandex.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОБЗОР ПРОБЛЕМ И РЕШЕНИЙ

Авторы статьи предлагают свое видение положения предпринимателей в уголовном процессе, их проблем и способов решения. Предпринимается попытка определить действительные и мнимые причины, ведущие к потере бизнеса, оценить потенциальные возможности предложений по устранению выявленных проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, предприниматели, особые правила, задачи, решения.

Sopneva Elena Vladimirovna – PhD in Law, Associate Professor, the Stavropol region.

Anopko Olesya Alexandrovna – Senior Investigator, the Investigation Office for Investigation of the Organized Criminal Activities, the Central Investigation Department, the Stavropol Department of the Russian Ministry of Interior.

ENTERPRISERS AND CRIMINAL PROCEDURE: REVIEW OF PROBLEMS AND DECISIONS

The authors of the paper offer their own vision of the entrepreneurs' position in the criminal process and the problems and decisions for solution are proposed. It is suggested to determine the real and perceived reasons leading to the loss of business, to assess the potential perspectives to eliminate the identified problems.

Keywords: criminal procedure, entrepreneurs, special rules, tasks, decisions.

Некоторое время назад была актуализирована тема защиты прав предпринимателей в уголовном процессе. В последующий и настоящий периоды внимание к этой проблеме не ослабевает, что подтверждается многочисленными мероприятиями, высказываниями представителей различных сфер на самых разных уровнях, периодическими корректировками действующего законодательства. Полагаем, что первоначальный интерес был обусловлен стремлением сохранить бизнес как источник финансового благополучия, потребностью в совершенствовании закона в целом, а так же процедур охраны прав участников уголовного процесса с учетом специфики вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность отдельных категорий лиц. Последующий интерес объясняется пониманием, что использованные средства не привели к желаемому результату.

Уже разработаны и используются особые правила участия предпринимателей в уголовно-процессуальной деятельности. Суть соответствующих положений проявляется в установлении запретов, ограничений,

благоприятного режима в отношении предпринимателей.

На данный момент в уголовно-процессуальном законе специфика заложена в процедурах прекращения уголовного преследования (ст. 28.1 УПК РФ), допуска к вещественным доказательствам (ст. 81.1 УПК РФ), избрания и применения мер пресечения (ст. 107, 108 УПК РФ), рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ), производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), подследственности (ст. 151 УПК РФ). Видимо перечисленные сферы были признаны местами сбоев в обеспечении правомерности вовлечения предпринимателей в уголовный процесс, что и обусловило введение особых нормативных предписаний их организации и осуществления.

В иных актах также имеются особые правила, распространяющие свое действие именно на предпринимателей. Так, предусмотрены особенности работы с предложениями, заявлениями, жалобами, адресованными Уполномоченному при Президенте РФ

по защите прав предпринимателей, уполномоченным по защите прав предпринимателей в субъектах РФ, доступа перечисленных лиц в следственные изоляторы, изоляторы временного содержания (ч. 2 ст. 21, ст. 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [1]). Допускается посещение без специального разрешения мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, в ходе рассмотрения жалобы (ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [2]).

Адресное внимание рассматриваемому вопросу уделяет Верховный Суд РФ. Пленумом Верховного Суда РФ принято специальное постановление «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [3].

Создание специальных гарантий для предпринимателей, вовлекаемых в уголовный процесс, в российском обществе влечет разные отзывы: от принятия до отрицания. Ю.В. Гаврилин отмечает, что общественно-полезные функции предпринимательской деятельности актуализируют вопрос о повышении уровня правовой защищенности предпринимателя [4, с. 25–28]. О.В. Гладышева пишет, что недопустимо в уголовном судопроизводстве создавать дополнительные преимущества для предпринимателей, так как это ведет к нарушению конституционного принципа равенства и создает основу для социального дисбаланса [5, с. 105].

Признавая необходимость рассуждений в заявленной теме, полагаем, что прежде чем приступить к определению вектора движения в деле защиты предпринимателей в уголовном процессе, важно ответить на вопрос: не завышен ли представляемый уровень законности и обоснованности в отношении предпринимателей, позволяющий создавать для них особые гарантии? Ответ кроется в двух точках зрения: допущения или же утверждения неправомерности в сфере вовлечения предпринимателей в уголовный процесс.

Первая точка зрения заключается в следующем: проблемы вмешательства правоохранительных органов в предпринимательскую

деятельность существуют, но масштаб и роль этого фактора заслуживают отдельного анализа. Такое утверждение сформулировано в докладе [6, с. 5] экспертов Центра стратегических разработок, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Института проблем правоприменения.

Вторая точка зрения сводится к тезису: бизнес не вышел из-под давления правоохранителей. Она представлена Генеральным прокурором РФ, отмечающим, что за год прокурорами отменено почти 200 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела по отношению к бизнесменам [7, с. 2].

Исходя из приведенных выводов, формируются способы решения рассматриваемой задачи: от признания количественной достаточности имеющихся правил и необходимости совершенствования качества их использования до констатации недостаточности используемых правил и необходимости продолжения разработки особых процедур защиты предпринимателей.

Анализ текущей ситуации позволяет выделить несколько групп проблем, допускающих снижение уровня защищенности предпринимателей, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Во-первых, отсутствие в законе достаточного набора «работающих», эффективных гарантий, обеспечивающих невозможность вовлечения предпринимателей в уголовный процесс при отсутствии законных и обоснованных оснований или же быстрое восстановление прежнего статуса предпринимателя, отказ от решений или действий, объективно препятствующих нормальной работе бизнеса или их минимизация. Тогда возникает вопрос об оправданности имеющихся предложений как результативных методах решения сформулированных задач, и необходимости поиска новых, способных устранить выявленные проблемы.

Здесь уместно обратить внимание на уже имеющиеся предложения ученых. Обзор публикаций, выступлений ученых, предпринимателей позволил выделить предложения, направленные на изменение уголовно-процессуального закона. Каждая инициатива ученых и практиков нуждается в отдельном анализе с целью определения ее действенности при решении задачи улучшения положения предпринимателей в уголовном процессе, поскольку содержит как препятствия

для реализации, сомнения в эффективности, так и надежды на положительный результат. Например, предлагается предусмотреть в УПК РФ норму об отказе в возбуждении уголовного дела по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, возможность защиты прав и законных интересов предпринимателей представителями соответствующих палат РСПП на местах, в субъектах РФ [8, с. 49–52], права омбудсменов, равные по своему объему правам защитников, адвокатов [9], наделение уполномоченных по защите прав предпринимателей полномочиями, позволяющими учитывать его мнение при избрании мер принуждения, участвовать ему в деле в качестве общественного защитника, обжаловать незаконные и необоснованные действия органов предварительного расследования [4, с. 25–28]. При этом выявлены сомнения в эффективности сформулированных предложений. Например, попытка защиты предпринимателей путем облегчения досудебных санкций и общего положения подозреваемого не сработает, так как адресное использование мер только в отношении предпринимателей не сможет обеспечить значимого результата. Введение таких механизмов, как специальный прокурор, омбудсмен по защите прав предпринимателей не сработает, так как возможно возникновение противоречивых позиций между ними и правоохранительными органами, что неизбежно приведет к конфликту. Передача подследственности по предпринимательским статьям в СК не сработает, так как кадры СК менее опытные и более загружены, чем кадры следственного аппарата МВД, их разрыв с оперативными структурами выше. Введение более жестоко наказания за незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ) не приведет к желаемым результатам, так как не обеспечивает активность в сфере выявления и расследования таких преступлений [6, с. 11, 13, 14]. Так, в период с 2016 г. на учет не было поставлено ни одно преступление «незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности» [7, с. 2].

Во-вторых, наличие сбоев в правильном применении положений закона следователем, субъектами контрольно-надзорной деятельности, сниженного уровня моральной ответственности за принимаемые решения и осуществляемые действия, адресованные пред-

принимателям. Устранить эту проблему корректировкой закона вряд ли представляется возможным. Необходимо повышать компетенции, навыки и умения субъектов производства в отношении предпринимателей, выводить из правоохранительной системы лиц, показавших отсутствие профессионализма и нравственных устоев. Решение этой задачи лежит в плоскости кадрового отбора, получения образования, повышения квалификации.

Здесь уместно привести подтверждающие примеры. Обзор недостатков деятельности правоохранительных органов в отношении предпринимателей, выявленных учеными и практиками [10, с. 17–25; 30–32], позволяет сформулировать следующие тезисы:

– Недостатки свойственны разным этапам расследования уголовного дела, прокурорского надзора, судебной деятельности. Среди них, можно назвать наличие обвинительного уклона в деятельности суда и органов следствия, продолжение участия в уголовном процессе судей, прокуроров, следователей и дознавателей при наличии оснований для их отвода, вольное толкование норм закона сотрудниками правоохранительных органов, отсутствие «оперативного» надзора прокурора за деятельностью органов расследования в досудебном уголовно-процессуальном производстве, наделение одной стороны публично-властными полномочиями. Это влечет несоблюдение принципа состязательности сторон ввиду нарушения баланса взаимоотношений, искусственную трансформацию гражданско-правовых отношений в уголовно-правовую сферу, уголовное преследование предпринимателей без учета преюдициального значения судебных решений, принятых в гражданском, арбитражном, административном судопроизводствах, и несмотря на отсутствие ущерба, возбуждение уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (в сфере предпринимательской деятельности) без заявления пострадавшего.

– Недостатки указывают на незаконность принимаемых решений. Среди этого можно обратить внимание на факты нарушения сроков проведения предварительного следствия, в сфере прав подозреваемых и обвиняемых при назначении судебных экспертиз, на защиту в случаях, когда уголовное дело возбуждалось в отношении «неустановленных» руководителей коммерческих структур, в результате чего в отношении субъекта предпринимательской

деятельности применялся большой спектр мер принуждения (изъятие бухгалтерских документов, наложение ареста на имущество, обыски), возбуждения уголовных дел (продолжения уголовного преследования) при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

– Недостатки показывают необоснованность принимаемых решений. К числу таких примеров можно отнести произвольность при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей, которые получили статус подозреваемого или обвиняемого, нарушения при работе с ходатайствами и жалобами, заявляемыми представителями стороны защиты, следователю, прокурору, судье, проявляющиеся в игнорировании или отказе в удовлетворении, завышение ответственности предпринимателей посредством привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, оставление без должной реакции замечаний подозреваемого, обвиняемого, подаваемых на протоколы следственных мероприятий, которые проведены с их участием.

Некоторые из приведенных негативных явлений свойственны любому производству, а не только осуществляемому в отношении предпринимателей. Каждое из них нуждается в отдельном осмыслении, определении роли в наступлении негативных последствий для уголовного процесса и гражданина, принятии адекватных корректирующих мер.

Однако проведенный обзор допускает выделение группы решений, которые могут мешать нормальной деятельности именно предпринимателя, ограничить его мобильность и оперативность принятия решений, создать затруднения в работе с документацией, счетами, участниками осуществляемого процесса. Анализ используемых источников позволил отнести к числу таких актов решения о проведении проверки сообщения о преступлении, возбуждении уголовного дела, заключении под стражу и содержании под стражей, домашнем аресте, наложении ареста на имущество, приостановлении производства по уголовному делу.

На этом фоне полагаем уместным привести несколько тезисов-рассуждений и предложить один из возможных способов устранения выявленной проблематики.

Отказ от принятия решений и проведения действий, создающих угрозу бизнесу, как возможный способ устранения проблем, вряд ли можно признать правильным, ибо они эффективно служат достижению назначения уголовного судопроизводства в целом и решению отдельных задач в частности. Кроме того, в законе отсутствует их достойная альтернатива.

Следователь, принимая решение и осуществляя действие, не задумывается над возможными негативными последствиями таких актов для предпринимателя и бизнеса, поскольку перед ним сформулированы иные задачи.

Угрозы бизнесу могут возникнуть при некачественной реализации положений закона, регулирующих соответствующую процедуру, или же отдельные элементы акта могут повлечь помехи системности и последовательности предпринимательской деятельности, оперативности принятия решений и проведения действий. Например, это возможно в случаях «удаления предпринимателя» от бизнеса, которое наступает в результате его заключения под стражу, или же «выведения важных объектов» из системы отношений, которое наступает в результате наложения ареста на имущество, счета, выемки документов. При этом решения и действия следователя могут быть вполне законными и обоснованными.

Приведенные суждения наводят на мысль о введении в уголовный процесс элемента системы «сдержек-противовесов» при принятии ранее указанных решений, формируя идею об информировании уполномоченного по защите прав предпринимателей, как в пределах, так и вне его территориальной компетенции. Такое предложение может быть реализовано посредством указания в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона обязанности следователя проинформировать уполномоченного в пределах его компетенции о принятом решении, выносимом ходатайстве. Преимущества такого предложения мы видим в следующем.

Информирование является неотъемлемым и апробированным этапом уголовно-процессуальной деятельности, который не влечет разработку нового комплекса мер, а значит, не создает сложностей производства. Для следователя такое информирование не будет утомительным, не повлечет существенных финансовых и временных затрат. С целью обеспечения тайны следствия, информирование

может быть реализовано посредством уведомления. Содержательная часть этого документа определяется следователем, и тем самым ограничивается доступ к информации, полученной в ходе предварительного следствия. С целью обеспечения быстроты информирования может быть использован электронный способ уведомления, предлагающий очевидные выгоды по форме, срокам, содержанию [11, с. 100–103].

Выведение информации из системы взаимосвязанных и взаимозависимых структурных элементов (адвокат, прокурор, руководитель следственного органа) может создать дополнительный способ защиты предпринимателя. Информирование уполномоченного, как лица, имеющего объективный интерес в уголовном процессе, действующего вне рамок финансовых обязательств и ведомственных установок, и представляющего сильный процессуальный ресурс, может стать для следователя стимулирующим фактором обеспечения законности и обоснованности решений, действий.

Своевременное получение информации о принятии решения или осуществлении действия, которые содержат потенциальную угрозу бизнесу в целом или отдельным элементам, может позволить соответствующему уполномоченному включить механизм воспрепятствования таким последствиям, их преодоления

или минимизации. Уполномоченный может задействовать адекватные процедуры – беседа с предпринимателем, подача жалоб, заявление ходатайств, консультирование с членами экспертного совета, иными специалистами, использование ресурсов контрольно-надзорной деятельности. Естественно перечень решений, о которых уведомляется уполномоченный, и инструментов реагирования на них может быть расширен.

Изменение субъекта принятия решения (п. 1, 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), но участие в их инициировании следователя (ст. 107, 108, 109, 115 УПК РФ) не исключает возможности рассмотрения сформулированного предложения, но содержит некоторые процедурные коррективы. Предварительное (до принятия решения уполномоченным органом или лицом, например, в случае обращения следователя с ходатайством в суд о заключении лица под стражу) уведомление уполномоченного позволит ему воспрепятствовать возможному незаконному или необоснованному акту путем использования своего процессуального инструментария.

В деле защиты прав предпринимателей в уголовном процессе эффективными способами можно признать – совершенствование норм уголовно-процессуального закона, а также компетенций, навыков и умений субъектов правоприменения.

Литература

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гаврилин Ю.В. Защита прав субъектов предпринимательской деятельности от незаконного и необоснованного уголовного преследования // Адвокатская практика. 2013. № 6.

Bibliography

1. On custodial detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law № 103-FL dated 15.07.1995 // LRS «ConsultantPlus».
2. On Business Rights Commissioners in the Russian Federation: Federal Law № 78-FL dated 07.05.2013 // LRS «ConsultantPlus».
3. On the court practice of the application of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in entrepreneurial and other economic activity: Resolution № 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.11.2016 (as amended on 11.06.2020) // LRS «ConsultantPlus».
4. Gavrillin Yu.V. Protection of the rights of business entities from illegal and unjustified criminal prosecution // Law practice. 2013. № 6.
5. Gladysheva O.V. Procedures of criminal proceedings involving entrepreneurs: problems and solutions // Udmurt University Bulletin. Series «Economics and Law». 2018. Vol. 28. № 1.

5. Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения // Вестник удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28. Вып. 1.
6. Титаев К. Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные посылки и бесперспективные предложения. М., 2017.
7. Смирнов Д. Чайка пообещал Путину перепроверить уголовные дела бизнесменов // Комсомольская правда. 2019. № 30 (26956). 20 марта.
8. Апостолова Н.Н. Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2016. № 2.
9. Рябов А. Права омбудсменов по защите прав предпринимателей в уголовном процессе должны быть такими же, как и у адвокатов // СПС «Гарант».
10. Бажанов С.В. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8.
11. Козбанов А.И. Тенденции и перспективы защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования в современной России // Евразийская адвокатура. 2018. № 1 (32).
12. Сопнева Е.В. Информирование в электронной форме лиц, в отношении которых выдвинуто подозрение // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
6. Titaev K. The problem of law-enforcement pressure on business: false rationale and futile offers. M., 2017.
7. Smirnov D. Chaika promised Putin to recheck the criminal cases of businessmen // Komsomolskaya Pravda. 2019. № 30 (26956). March 20.
8. Apostolova N.N. Protection of business interests in criminal proceedings at the stage of initiation of criminal proceedings // Russian justice. 2016. № 2.
9. Ryabov A. The Rights of ombudsmen to protect the rights of entrepreneurs in criminal proceedings should be the same as that of lawyers // LRS «Garant».
10. Bazhanov S.V. State of law in the initiation of criminal cases and the investigation of crimes committed by entrepreneurs // Law and Economics. 2017. № 8.
11. Kozbanov A.I. Trends and prospects of protection of entrepreneurs from illegal criminal prosecution in modern Russia // Eurasian advocacy. 2018. № 1 (32).
12. Sopneva E.V. Electronic format of informing persons under suspicion // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3.

© 2021 г. Малина Максим Александрович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета кандидат юридических наук.

E-mail: bestar@yandex.ru.

УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА О ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОДСУДНЫ СУДУ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются основные подходы к формированию компетенции суда с участием присяжных заседателей. Предлагается в данной форме судопроизводства рассматривать уголовные дела о таких преступлениях, в которых при превышении пределов необходимой обороны совершается убийство (ч. 1 ст. 108 УК РФ) или причиняется тяжкий вред здоровью (ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, подсудность, компетенция суда с участием присяжных заседателей, необходимая оборона, убийство, тяжкий вред здоровью.

Malina Maksim Aleksandrovich – Senior lecturer, the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, the Law Faculty, the Southern Federal University, PhD in Law.

CRIMINAL CASES ON EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE MUST BE TRIED BY A JURY TRIAL

The paper considers the main approaches to the formation of the competence of jury trial. It is proposed in this form of proceedings to consider criminal cases of such crimes in which, if the limit of necessary defense is exceeded, murder (Part 1 Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation) or intentional infliction of grievous bodily harm (p. 1 art. 114 of the Criminal Code of the Russian Federation) is committed.

Keywords: jury trial, jurisdiction, jurisdiction of jury trial, necessary defense, murder, serious harm to health.

Одной из наиболее актуальных, злободневных проблем, возникающих при рассмотрении вопросов эффективности современного российского суда с участием присяжных заседателей, является задача определения его оптимальной подсудности. Вряд ли существует государство, где данный вопрос получил бы окончательное и полное разрешение и не требовал дальнейшего скрупулезного исследования. Глобально можно выделить два подхода к решению такой задачи: англо-саксонский и континентальный [1, с. 43].

Англо-саксонский подход. Суд с участием присяжных заседателей наделяется законодателем максимально широкой компетенцией. Например, согласно положениям Конституции США право на рассмотрение дела в данной форме судопроизводства предоставляется каждому гражданину, которому грозит лишение свободы на срок свыше 6 месяцев. Ясно, что никакая правовая система не «выдержит» столь значительной нагрузки финансового и организационного характера. Например, профессор Л. В. Головкин по этому поводу резонно отмечал, что попытки определять суд присяжных «... в качестве типичного способа рассмотрения уголовных дел представляют собой очевидную утопию» [1, с. 43].

Необходимо использование каких-либо «сдерживающих» инструментов, ограничивающих компетенцию суда с участием присяжных заседателей. В США эту роль выполняют всем известные «сделки с правосудием». Причем, в настоящее время с их использованием разрешается подавляющее большинство уголовно-правовых конфликтов (порядка 95–97 %), что делает полноценное рассмотрение уголовного дела в суде исключением из правил, вызывая серьезное беспокойство в американском обществе [2, с. 1031].

Континентальный подход. Законодатель нормативно ограничивает, локализует сферу использования этой формы судопроизводства. Здесь искомый компромисс между правовыми запросами государства (демократизация судебной деятельности, участие народа в отправлении правосудия и т. д.) и материальными возможностями (финансовые затраты, ресурсы организационного характера и др.) достигается за счет периодической корректировки установленных законом пределов действия суда с участием присяжных заседателей. Важно, что такое регулирование осуществляется с учетом востребованности участия граждан в отправлении правосудия в какой-либо стране в конкретный исторический

период. Таким образом, нормативное изменение пределов компетенции суда с участием присяжных заседателей не является чем-то экстраординарным и зависит от многих факторов: уголовно-процессуальная политика государства, экономические вопросы и т. д.

В связи с тем, что российский уголовный процесс можно отнести к уголовному процессу континентального типа, вполне логичным представляется нормативное ограничение законодателем подсудности отечественного суда с участием присяжных заседателей (континентальный подход). Более того, не является чем-то новым для нашей страны и периодическое изменение пределов его компетенции, так сказать поиск оптимальной степени автономности данной модели суда. Этот процесс знаком и дореволюционному суду присяжных [3, с. 48]. Представляется, что и в настоящее время назрела необходимость в таких корректировках, точнее – в расширении подсудности российского суда с участием присяжных заседателей. Сегодня в такой форме судопроизводства разрешается совсем незначительное количество уголовных дел, что не позволяет говорить о полноценной возможности российских граждан реализовать свое конституционное право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. с участием присяжных заседателей рассмотрено 717 уголовных дел (в 2018 г. было разрешено 224 уголовных дела, в 2017 – 278 дел) [4]. Как видим, учреждение в 2018 г. суда с участием присяжных заседателей в районном звене российской судебной системы существенно ситуацию, пока что, не изменило.

Поэтому очень важными и своевременными являются предложения авторитетных юристов по расширению компетенции отечественного суда с участием присяжных заседателей. Например, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев считает возможным рассмотрение с участием присяжных уголовных дел об особо тяжких преступлениях и о преступлениях в сфере экономики [5, с. 1]. Полагаем, что такой подход послужит реальной демократизации и гуманизации всей судебной деятельности и в целом – жизни всей страны.

Поддерживая идею расширения подсудности российского суда с участием присяжных заседателей, в свою очередь отметим следующее. Считаем очень важным обеспечить участие представителей общества в рассмотрении уголовных дел о таких преступлениях, где

для правильного применения нормы права к конкретным жизненным обстоятельствам особо необходимы жизненный опыт и здравый смысл простых граждан, знания социальных условий совершения деяния, то есть знание и понимание таких «жизненных обстоятельств». Здесь для правильного разрешения дела требуется тщательно исследовать и оценить все нюансы произошедшего, понять, прочувствовать саму эту жизненную ситуацию во всей ее глубине и неоднозначности. Исходя из этого, целесообразно обеспечить возможность рассмотрения с участием присяжных заседателей уголовных дел о таких преступлениях, как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Дело в том, что для признания в действиях лица необходимой обороны и, соответственно, определения их в качестве правомерных, требуется наличие целого ряда условий: посягательство должно обладать общественной опасностью, существование угрозы немедленного причинения вреда (наличность посягательства), действительность посягательства (реально ли существовала общественная опасность), причинение вреда только посягающему, своевременность защиты, ее соразмерность. В противном случае мы имеем дело с преступлением. Таким образом, суду необходимо отделить преступное поведение от непроступного и даже общественно полезного (защита интересов общества и государства от общественно опасных посягательств). Для этого потребуется тщательно исследовать целый комплекс сложных в плане фактического установления вопросов и правильно оценить все обстоятельства произошедшего.

Для иллюстрации сложности такой задачи приведем пример. Согласно положениям ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, если посягательство произошло для лица неожиданно, и поэтому оно не в состоянии было дать объективную оценку опасности нападения, то действия обороняющегося являются правомерными – это самооборона. Исходя из этого, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что для ответа на вопрос о неожиданности посягательства необходимо учесть такие обстоятельства как время, место, способ совершения нападения, обстановку, предшествовавшие ему события, оценить эмоциональное состояние лица (страх, испуг, замешательство в момент посягательства и др.) [6].

Считаем, что привлечение представителей общества может быть очень полезным в решении такого рода задач. Их участие повысит гарантии правильного установления всей фактической стороны дела (с учетом, в том числе и эмоциональных, психологических факторов), позволит суду понять, что же произошло в действительности. Присяжные заседатели, руководствуясь своими жизненными знаниями и опытом, решат, преступил ли гражданин эту тонкую грань, отделяющую необходимую защиту от преступного поведения, виновен ли он.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. По нашему мнению, институт присяжных заседателей востребован для рассмотрения таких сложных с точки зрения доказывания уголовных дел. Предложенное выше расширение подсудности данной модели суда позволит повысить качество решения юридических задач уголовного процесса.

Теперь предлагаем посмотреть на проблему шире – за рамками положений о повышении эффективности доказывания по таким уголовным делам. Вопросы необходимой обороны, вопросы правомерности и обоснованности защиты от преступных посягательств имеют чрезвычайно важное значение в обществе. Они занимают в жизни простых граждан особое место. В чем же заключается такая их уникальность, в чем специфика этих дел с точки зрения общественного восприятия?

Дело в том, что право каждого гражданина защищать себя, защищать своих близких является одним из важнейших, системообразующих элементов всего комплекса прав и свобод человека. Недаром оно закреплено в Конституции РФ (ч. 2 ст. 45). Конечно же, государство должно защищать своих граждан, заботиться об их безопасности. Но такая забота отнюдь не говорит о пассивности самих членов общества, о необходимости ожидания и надежды лишь на помощь извне. Все прекрасно понимают, что в нашей действительности вполне возможны ситуации, когда рядом может и не оказаться представителей охраняющих правопорядок органов. Закон должен позволять каждому лицу самому защищать себя, защищать свою семью и свой дом. Это говорит о признании его достоинства, о том, что государство видит в своем гражданине самостоятельную, сильную и свободную личность.

И особенно болезненно общество реагирует, когда это конституционное право оспаривается, ставится под угрозу реальная возможность его осуществления. Случаи, когда

жертвы нападения сами признаются судом виновными, всегда получают широкий общественный резонанс. Интернет-издания пестрят громкими заголовками, например: «Почему россиян сажают в тюрьму за самооборону» [7] или «Отбиваясь от правосудия: почему за самооборону жестоко наказывают?» [8]. Такие происшествия никого не оставляют равнодушным – каждый понимает, что он в любой момент может оказаться в аналогичной ситуации. Человек осознанно или не осознанно «примеряет» на себя роль защищавшегося, ставит себя на его место и пытается ответить на вопрос: а как бы он сам поступил при таких обстоятельствах?

Здесь представляется уместным вспомнить слова немецкого юриста, известного исследователя суда присяжных Карла Миттермайера о том, что присяжные «...ставят себя в положение обвиняемого и взвешивают обстоятельства, по которым он действовал» [9, с. 514]. Достаточно спорным представляется это высказывание применительно к уголовным делам о таких преступлениях как умышленное убийство, сбыт наркотических средств и др. Вряд ли кто-то из присяжных для более полного и всестороннего исследования доказательств будут представлять себя, например, хладнокровным убийцей или наркоторговцем. Но уникальность уголовных дел о преступлениях, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, как раз и заключается в естественном желании каждого поставить себя на место защищавшегося. Здесь присяжный заседатель действительно, пытаясь понять суть произошедшего, будет примерять на себя роль жертвы нападения. Раз такие дела столь актуальны и значимы для народа, пусть само общество и решает – было ли превышение пределов необходимой обороны.

К слову сказать, предложения по отнесению таких уголовных дел к подсудности суда с участием присяжных заседателей ранее уже высказывались. При этом предлагалось перенести их рассмотрение по существу в суды уровня субъекта Российской Федерации, поскольку только там было возможно разрешение уголовно-правовых конфликтов с участием присяжных заседателей. Отмечалось и то, что такой шаг позволит повысить качество приговоров по делам о «самообороне», так как они требуют «...максимально высокого уровня судейства» [10].

По нашему мнению, в настоящее время такие меры излишни. Сегодня суд с участием присяжных заседателей действует в районном звене российской судебной системы. Необходимо

просто включить в его подсудность уголовные дела о превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ и ч. 1 ст. 114 УК РФ). Это как раз и позволит народу участвовать в разрешении столь значимых для общества спорах о «самообороне». При этом считаем, что коллегия присяжных заседателей и судья районного суда вполне способны обеспечить судейство «высокого уровня» и соответствующее «качество приговоров».

Более того, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, осужден 221 человек (в 2018 г. – 232 лица), а за причинение тяжкого вреда здоровью осуждено 462 человека (в 2018 г. – 499 лиц) [4]. То есть при столь высокой степени социальной актуальности исследуемого вопроса, такое увеличение нагрузки на районные суды присяжных совсем не выглядит непосильным.

Отчасти такая ситуация сложилась в правоприменительной практике по следующей причине. Не все уголовные дела, где возникают вопросы самообороны, возбуждаются и рассматриваются в отношении преступлений, предусмотренных ст. ст. 108 УК РФ и 114 УК РФ. Зачастую версия стороны защиты о том, что обвиняемый оборонялся от нападения, признается органами расследования несостоятельной. При этом лицу инкриминируется, например, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) или некачественное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Благодаря тому, что сегодня уголовные дела об этих преступлениях входят в компетенцию суда с участием присяжных заседателей районного уровня, у обвиняемого и в этом случае есть возможность ходатайствовать о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей и поставить на разрешение коллегии вопрос о необходимой обороне.

Эта тема входит в законодательно закрепленную категорию «частные вопросы». Ответы на них могут повлиять на степень виновности лица, изменить ее характер, повлечь освобождение лица от ответственности (ч. 3 ст. 339 УПК РФ). Например, их постановка перед коллегией нужна для того, чтобы выяснить наличие или отсутствие исключających противоправность деяния обстоятельств: крайняя необходимость, невиновное причинение вреда (казус), необходимая оборона. При этом С.А. Пашин резонно указывает, что и сам председательствующий обязан разъяснить присяжным необходимость оправдания

подсудимого в случае установления таких обстоятельств (то есть и без постановки соответствующих частных вопросов) [11, с. 99].

Проиллюстрируем вышесказанное ярким примером того, как ведущие судопроизводство лица долгое время упорно «не видели» в действиях лица самообороны, чем вызвали всеобщее публичное возмущение и недовольство. С 2003 по 2005 гг. вся страна следила за ходом процесса в отношении Александры Иванниковой, которая, защищаясь от нападения пьяного таксиста-насильника, ранила его ножом в ногу. Удар по случайности пришелся в бедренную артерию, и нападавший скончался от потери крови. Причем, девушка сама, выскочив из машины, кричала о необходимости срочной помощи раненому. Изначально действия Александры Иванниковой были квалифицированы следователем как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Затем сторона обвинения посчитала, что имело место убийство, совершенное в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК РФ). Приговором Люблинского суда города Москвы 2 июня 2005 г. Александра Иванникова была признана виновной в совершении убийства в состоянии аффекта, вызванного насилием и аморальными действиями потерпевшего. Суд приговорил ее к 2 годам лишения свободы условно и удовлетворил гражданские иски отца погибшего. Апелляционная инстанция отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение. В итоге прокуратура отказалась от обвинения – государственный обвинитель попросил суд о прекращении дела, заявив, что действия Иванниковой были именно необходимой обороной. Суд, в свою очередь, прекратил уголовное дело в отношении Иванниковой, признав правомерными ее действия [12].

Не только телевизионные средства массовой информации и печатные издания освещали ход этого процесса. Интернет буквально взрывался от всеобщего негодования, от несправедливости действий и решений должностных лиц. Огромное количество людей считало, что именно широкая огласка данного дела позволила спасти девушку. Для этого потребовались долгие 2 года борьбы за ее доброе имя и честь, борьбы за право каждого человека защитить себя от преступных посягательств.

Считаем, что этот случай показывает разумность включения в компетенцию районного суда с участием присяжных заседателей уголовных дел об убийстве, совершенном в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Таким образом, если в действительности имела место самооборона лица (а не совершение деяния в состоянии аффекта), то обвиняемый получит право привлечь к рассмотрению его дела представителей общества. Как и было указано выше, сторона защиты сможет вынести на рассмотрение присяжных заседателей вопрос о самообороне постановкой соответствующих частных вопросов, или сам председательствующий разъяснит коллегии необходимость оправдания подсудимого в случае признания в его действиях необходимой обороны. Если же о самообороне речь не идет, то привлечение граждан к рассмотрению уголовных дел о совершенном в состоянии аффекта убийстве позволит более тщательно исследовать вопросы о сильном душевном волнении лица, внезапности возникновения этого волнения, об аморальных действиях потерпевшего, о тяжких оскорблениях с его стороны и др. (ч. 1 ст. 107 УК РФ).

Такие происшествия имеют ярко выраженную психологическую составляющую, требуют живого и свежего взгляда на них с позиции простого человека. Поэтому ценным представляется участие общества в разрешении данных правовых конфликтов.

Изложенные выше предложения направлены на повышение гарантий справедливости правосудия, на повышение полноты и эффективности взаимодействия государства и народа в сфере судопроизводства. Уголовные дела, в которых возникают вопросы самообороны, имеют особую важность для общества. Их включение в подсудность суда с участием присяжных заседателей послужит укреплению доверия населения к судебной власти, так как позволит самим гражданам решать – защищалось ли лицо от преступного посягательства или действительно совершило преступление.

Литература

1. Головки Л.В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016.
3. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 2013.
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Куликов В. Специалисты по арестам // Российская газета. 2020. № 29.
6. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8306/>.
7. URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2020/07/pochemu-rossiyan-sazhayut-v-tyurmu-za-samooboronu.html>.
8. URL: https://nsk.aif.ru/society/otbivayas_ot_pravosudiya_pochemu_za_samooboronu_zhestoko_nakazyvayut.
9. Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. М., 1869.
10. URL: <https://rg.ru/2014/10/08/samooborona-site.html>.
11. Пашин С.А. Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей / Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. М., 1996.
12. URL: <https://ria.ru/20051118/42134245.html>.

Bibliography

1. Golovko L.V. Theoretical and comparative legal approaches to determining the model of citizen participation in the administration of criminal justice // Russian justice. 2015. № 8.
2. Course of criminal proceedings / Edited by L.V. Golovko. M., 2016.
3. Bobrishchev-Pushkin A.M. Empirical laws of the activities of the Russian jury trial. M., 2013.
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Kulikov V. Arrest specialists // Russian newspaper. 2020. № 29.
6. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8306/>.
7. URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2020/07/pochemu-rossiyan-sazhayut-v-tyurmu-za-samooboronu.html>.
8. URL: https://nsk.aif.ru/society/otbivayas_ot_pravosudiya_pochemu_za_samooboronu_zhestoko_nakazyvayut.
9. Mittermeier K. European and American jury trials, their activities, virtues, shortcomings and means to eliminate these shortcomings. M., 1869.
10. URL: <https://rg.ru/2014/10/08/samooborona-site.html>.
11. Pashin S.A. Setting questions before the jury / Adversarial justice: works of scientific and practical laboratories. M., 1996.
12. URL: <https://ria.ru/20051118/42134245.html>.

© 2021 г. Балалаева Марина Викторовна,

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: marina.balalaeva.73@mail.ru

Шараева Яна Анатольевна,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В настоящей статье авторами анализируются проблемные вопросы участия частного детектива в уголовном процессе. Отмечается отсутствие четкой законодательной позиции в вопросе наделения уголовно-процессуальным статусом частного детектива.

Ключевые слова: частный детектив, уголовное судопроизводство, доказательства, подозреваемый (обвиняемый), результаты частной детективной деятельности, лица, осуществляющие расследование.

Balalaeva Marina Viktorovna – Associate Professor, the Department of Legal Support of National Security, the Nizhny Novgorod Institute of Management - the Branch of the RANEPa, PhD in Law, Associate Professor.

Sharaeva Yana Anatolyevna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PRIVATE DETECTIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MYTH OR REALITY?

In this paper, the author analyzes the problematic issues of the private detective participation in criminal proceedings. There is no clear legislative position on the issue of granting the criminal procedural status of a private detective.

Keywords: private detective, criminal proceedings, evidence, suspect (accused), results of private detective activity, persons conducting the investigation.

Одной из задач уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Наряду с лицами, имеющими уголовно-процессуальный статус в уголовном процессе, реализации данной задачи способствует и частный детектив. Несмотря на то, что до настоящего времени этот участник не имеет определенного уголовно-процессуальным законом статуса, и его место не определено в уголовном судопроизводстве, он является лицом, которое оказывает правовую помощь участникам уголовного процесса как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Долгое время проблема использования в уголовном процессе результатов работы частного детектива оставалась малоисследованным направлением в науке уголовного процесса. К ней обращались как ученые-процессуалисты, так и законодатели. Еще в 2014 г. депутатами Государственной Думы Российской Федерации В.С. Золочевским и А.С. Кропачевым был

внесен в Государственную Думу проект Федерального закона № 608808-6, предоставляющий участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов [1]. Однако позднее данный законопроект был снят с рассмотрения.

Неурегулированность уголовно-процессуальных отношений, связанных с деятельностью частного детектива в уголовном процессе негативным образом, сказывается на реализации основных принципов уголовного процесса, и, прежде всего, принципов справедливости и состязательности, а также затрудняет возможность использования доказательственной информации. Кроме того, являясь участником уголовного процесса де-факто, частный детектив либо вообще не имеет возможности реализовать в уголовном процессе результаты своей деятельности, либо сведения, добытые им в соответствии с Законом РФ

«О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2], легализуются в уголовном судопроизводстве через адвоката-защитника, с которым частный детектив заключает договор.

Интерес к данному вопросу возник не случайно. В настоящее время и в научной среде, и на законодательном уровне вновь обсуждается вопрос о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, которые будут направлены на закрепление уголовно-процессуального статуса частного детектива. Действительно, в целях обеспечения состязательности уголовного процесса необходимо наличие у всех участников определенного объема прав и обязанностей. Только тогда возможно обеспечить обязательное равноправие сторон, реализацию принципа состязательности, закрепленного в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [3]. Однако сегодня частный детектив, заключив соглашение, например, с подозреваемым и собрав сведения, оправдывающие его, не может легализовать их в уголовном процессе, поскольку в уголовно-процессуальном законе отсутствует соответствующее основание для признания доказательствами сведений, собранных частным детективом, и, соответственно, приобщения их к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

О существовании данной проблемы говорят и правоприменительная практика. Опрос следователей показал, что 49,4 % следователей отказываются использовать в доказывании материалы, собранные частным детективом, ввиду отсутствия в УПК РФ законодательно закрепленного положения о том, что частный детектив может собирать доказательства, а 37,2 % считают, что он в настоящее время не наделен правом представления результатов своей работы в уголовный процесс.

В аспекте обозначенной проблемы нас интересуют три концептуальных вопроса. Первый – это правомерность и необходимость использования в уголовном судопроизводстве результатов деятельности частного детектива. Безусловно, уголовно-процессуальный закон содержит нормы, регулирующие порядок предоставления лицами, не имеющими властных полномочий доказательственной информации. Однако частный детектив в круг этих лиц не входит, поскольку в соответствии УПК РФ не является участником уголовного судопроизводства. Второй – в каких формах

в уголовном судопроизводстве используются результаты деятельности частного детектива, и каким образом в настоящее время законодательно регулируется этот процесс. Несмотря на проведенный нами опрос, в соответствии с которым можно констатировать, что лица, производящие расследование, довольно редко используют результаты частной детективной деятельности в доказывании, все же в отдельных случаях лица, производящие расследование, не отказывают в удовлетворении ходатайств о приобщении доказательств к материалам уголовного дела ввиду наличия у участников уголовного процесса, не имеющих властных полномочий права на предоставление доказательств. Третий – как соотносятся между собой результаты частной детективной и оперативно-розыскной деятельности. Ответы на эти вопросы во многом и определяют обоснование необходимости законодательного закрепления как уголовно-процессуального статуса частного детектива, так и процесса легализации в уголовном процессе результатов его деятельности.

Правовая регламентация деятельности частного детектива получила закрепление в Законе Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», в нормах которого закрепляется его правовой статус, а также определяются виды сыскных услуг и перечисляются те действия, которые частный детектив может осуществлять. В рамках уголовного процесса частный детектив имеет право собирать сведения по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса, и обязан сообщать об этом лицу, осуществляющему расследование. Примечательным является то обстоятельство, что, несмотря на законодательное закрепление данной обязанности в Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности», корреспондирующее данной обязанности право участника уголовного судопроизводства воспользоваться услугами частного детектива отсутствует.

Ввиду отсутствия четкой законодательной позиции в вопросе наделения уголовно-процессуальным статусом частного детектива, правоприменительная практика сталкивается как с проблемами организационного характера, так и процессуального. Так, например, в случае взаимодействия адвоката-защитника подозреваемого (обвиняемого) и частного детектива, возникают сложности с процессуальной

легализацией материалов, собранных частным детективом, что приводит к невозможности использовать данные материалы в качестве доказательств.

Говоря о действиях, которые могут производить частные детективы, то Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности» дает их исчерпывающий перечень. Так, в соответствии со ст. 5 вышеназванного закона, частные детективы могут: а) производить устный опрос граждан и должностных лиц (с их согласия); б) наводить справки; в) изучать предметы и документы (с письменного согласия их владельцев); г) производить внешний осмотр строений, помещений и других объектов; д) осуществлять наблюдение в целях получения необходимой информации. Безусловно, перечисленные действия очень близки по своей сущности к оперативно-розыскным мероприятиям, которые больше свойственны поисковой деятельности, производимой до начала процессуальной деятельности. Однако нельзя забывать и о том, что оперативно-розыскная деятельность сопровождается практически все досудебные стадии уголовного процесса, и в ст. 89 УПК РФ законодательно закрепляется положение о возможности их использования в уголовном процессе.

Нередко в правоприменительной практике возникает вопрос о доказательственном значении сведений, собранных частным детективом. На наш взгляд, с точки зрения свойств доказательств, в частности, одного из их критериев, а именно – относимости, все материалы, которые собрал частный детектив, обладают данным свойством, поскольку непосредственно указывают на факты, образующие предмет доказывания по уголовному делу. В связи с этим необходимо отметить, что существенным пробелом уголовно-процессуального закона является отсутствие законодательного закрепления порядка получения предметов и документов частным детективом. На наш взгляд, нельзя не согласиться с М.М. Миловановой в том, что «если представленную частным детективом информацию, предметы или документы, имеющие доказательственное значение, не оформить в процессуальном порядке, это может существенно повлиять на исход дела и на возможность защиты законных интересов участников уголовного процесса» [4, с. 151].

Необходимо отметить, что, поскольку ст. 86 УПК РФ наделяет правом собирания доказа-

тельств защитника, то нередко не подозреваемый (обвиняемый) заключает соглашение с частным детективом, а именно адвокат-защитник, поскольку именно он имеет право предоставлять следователю предметы и документы, содержащие в себе доказательственную информацию.

Большое значение в понимании сущности участия частного детектива в уголовном процессе имеет понятие «результаты частной детективной деятельности». Результатами могут являться собранные им сведения по уголовным делам на основе соглашения с участниками уголовного процесса, которыми могут быть лица как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Необходимо отметить, что в Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в п. 7 ч. 1 ст. 3 не совсем корректным образом законодатель сформулировал положение о том, что частный детектив собирает сведения по уголовным делам на договорной основе с участниками уголовного процесса. Из буквального толкования закона получается, что частный детектив заключает договор, например, со следователем и именно для него собирает материалы по уголовному делу. Однако по определению частный детектив не может собирать сведения для лиц, наделенных властными полномочиями, поскольку в соответствии с принципом публичности только они должны осуществлять расследование. Как и не может частный детектив собирать доказательства для иных лиц участников процесса (например, для эксперта, понятого или переводчика), поскольку они, во-первых, не наделены правом представлять доказательства; и, во-вторых, не выполняют ни одну из процессуальных функций. На наш взгляд, законодательная формулировка, содержащая в п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» требует уточнения в части обозначения более конкретного субъекта уголовного процесса, с кем частный детектив может заключить такой договор.

Вместе с тем, не стоит ставить знак равенства между сведениями, собранными частным детективом, и доказательствами по уголовному делу. Для того, чтобы собранные сведения стали доказательствами, частный детектив должен передать данные материалы лицу, с которым он заключил договор об оказании услуг. Только в соответствии

с уголовно-процессуальными нормами в последующем данные сведения могут быть использованы при формировании соответствующего доказательства. При этом количество сведений, их объем, а также содержание зависят от многих факторов. На содержание сведений оказывает влияние процессуальный статус участника уголовного процесса, заключившего с частным детективом договор на оказание сыскных услуг. На объем получаемых сведений оказывает влияние процессуальный интерес участника уголовного процесса, а также осуществляемая им процессуальная функция.

По нашему мнению, необходимо законодательно закрепить понятие «результаты частной детективной деятельности» в ст. 5 УПК РФ, под которыми понимать сведения, имеющие значение для уголовного дела, полученные частным детективом в рамках договора, заключенного с участниками уголовного процесса, имеющими право представлять доказательства путем осуществления предусмотренных законодательством РФ действий. Данная дефиниция потребует внесения изменений и в иные уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие как уголовно-процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, так и процесс доказывания в целом.

Участие частного детектива в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, представляется необходимым и целесообразным, поскольку, несмотря на очевидные особенности, отличающие частную детективную деятельность от иных видов правоохранительной деятельности, она является одним из видов познавательной деятельности, значит, может выступать в качестве одного из способов установления обстоятельств совершенного преступления. Кроме того, используя результаты частной детективной деятельности, участники уголовного процесса, не имеющие властных полномочий, имеют возможность представлять доказательства, что служит для реализации принципа состязательности в уголовном процессе. В связи с этим возникает следующий вопрос – насколько правомерно в настоящее время использовать результаты частной детективной деятельности? В действующем уголовно-процессуальном законе ответ отсутствует, хотя отметим, что, термином «результаты оперативно-розыскной деятельности» УПК РФ все же оперирует.

Правомерность использования результатов частной детективной деятельности вытекает

из уголовно-процессуального закона, хотя прямого указания на использования данных результатов нет. Все участники уголовного процесса, не имеющие властных полномочий, могут представлять доказательства, а также обладают правом на заявление отводов и ходатайств, в обосновании которых могут быть положены любые сведения, в том числе полученные с помощью частного детектива. Таким образом, можно констатировать, что прямого запрета на использование результатов частной детективной деятельности уголовно-процессуальный закон не содержит.

Использование результатов частной детективной деятельности может выражаться в формировании любого вида доказательств. Так, допрошенный в качестве свидетеля частный детектив формирует такой вид доказательства как показания свидетеля. Обнаруженные в ходе осуществления сыска предметы и документы могут стать впоследствии вещественными доказательствами (при безусловном соблюдении норм уголовно-процессуального закона). Кроме того, результаты частной детективной деятельности могут служить основаниями, например, для производства обыска или выемки, а также быть использованы для розыска подозреваемого (обвиняемого).

Достаточно спорным в настоящее время в науке уголовного процесса является вопрос о возможности использования результатов частной детективной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель ограничивает и производство следственных действий, и участников доследственной проверки. На наш взгляд, возможность установления обстоятельств совершенного преступления на данном этапе значительно уже, чем во время предварительного расследования [5, с. 128]. По нашему мнению, хотя на данной стадии и нет еще участников, наделенных уголовно-процессуальным статусом, с кем частный детектив мог бы заключить договор, однако, есть лица, пострадавшие от преступления, и именно им частный детектив может оказать помощь в обнаружении достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Однако это должно получить закрепление в нормах Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в виде права частного детектива на заключение соглашения с лицом, потерпевшим от преступления,

что могло бы способствовать, прежде всего, предоставлению лицам, осуществляющим расследование дополнительной информации в целях принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела. В связи с этим, представляется весьма обоснованным расширение перечня сыскных услуг, закрепленных в ст. 7, и включение в него услуг по сбору частным детективом сведений на этапе возбуждения уголовного дела на договорной основе с лицами, пострадавшими от преступления.

Как мы отмечали выше, Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» предоставляет частному детективу возможность собирать сведения по уголовному делу в случае заключения соответствующего соглашения с участником уголовного процесса. Деятельность частного детектива заканчивается передачей участнику уголовного процесса собранных сведений, поэтому процедура дальнейших действий данного участника вышеназванным законом никак не регламентируется. В связи с этим, представляется целесообразным внести дополнения в УПК РФ, закрепив возможность использования результатов частной детективной деятельности в уголовном судопроизводстве, а также детально прописать процедуру легализации собранных частным детективом материалов. Кроме того, необходимо привести в соответствие уголовно-процессуальные нормы и нормы Закона РФ

«О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в части касающейся права на заключение договора потерпевшим, частным обвинителем, гражданским истцом, подозреваемым, обвиняемым, защитником и гражданским ответчиком с частным детективом на сбор сведений по уголовному делу, и закрепить соответствующее право в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих уголовно-процессуальный статус вышеперечисленных участников уголовного процесса.

Таким образом, наряду с вышеперечисленными предложениями по изменению уголовно-процессуального законодательства представляется необходимым: а) дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 59.1, закрепив в ней понятие «результаты частной детективной деятельности»; б) дополнить ст. 89 УПК РФ указанием на возможность использования в доказывании наряду с результатами оперативно-розыскной деятельности, результаты частной детективной деятельности.

Вышеназванные изменения как уголовно-процессуального законодательства, так и Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» позволят защитить права и законные интересы участников уголовного процесса, не имеющих властных полномочий, а также будут способствовать реализации принципа состязательности, и, в конечном итоге, решению задач уголовного судопроизводства.

Литература

1. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>.
2. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета, № 100. 30.04.1992.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
4. Милованова М.М. Некоторые проблемы собирания доказательств лицом, осуществляющим частную детективную деятельность // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5.
5. Шараева Я.А. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщений и заявлений о преступлениях // Юрист-Правоведь. 2019. № 1 (88).

Bibliography

1. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>.
2. The law of the Russian Federation of 11.03.1992 № 2487-1 (amended on 02.08.2019) «On private detective and security activities in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 100. 30.04.1992.
3. Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL // Rossiyskaya Gazeta. № 249. 22.12.2001.
4. Milovanova M.M. Some problems of collecting evidence by a person engaged in private detective activity // Bulletin of the University. After O.E. Kutafin (MSLA). 2017. № 5.
5. Saraeva Y.A. To the question on seizure of objects and documents while checking the reports and statements on crimes // Yurist-Pravoved. 2019. № 1 (88).

© 2021 г. Фисаков Максим Юрьевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России.
E-mail: fisakov_m@mail.ru

ОЧНАЯ СТАВКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования очной ставки, тактики и методики ее проведения. Автор обосновывает необходимость внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее процессуальный порядок проведения очной ставки.

Ключевые слова: следователь, следственные действия, очная ставка, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший.

Fisakov Maxim Yurievich – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, the Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

CONFRONTATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The paper deals with the problematic issues of the legal regulation of the confrontation tactics and methods of its implementation. The author substantiates the need to make changes to the current criminal procedure legislation regulating the legal procedure for conducting a confrontation.

Keywords: investigator, investigative actions, confrontation, suspect, accused, witness, victim.

В настоящее время расследование преступлений невозможно без проведения следственных действий, перечень которых определяется следователем в связи с возникающей необходимостью и целесообразностью. Одним из важных следственных действий, проводимых в ходе расследования, является очная ставка.

В соответствии со ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] рассматриваемое следственное действие проводится по усмотрению следователя в случае возникновения существенных противоречий в показаниях ранее допрашиваемых лиц. Изучение данной статьи приводит к ряду вопросов, однозначные ответы на которые в действующем законодательстве до настоящего времени отсутствуют.

Так, в соответствии с ч. 1 указанной статьи не определен конкретный перечень лиц, между которыми может быть проведена очная ставка. В ней говорится лишь о том, что ее проведение зависит от противоречий в показаниях. При этом в ходе расследования уголовного дела помимо потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого) может быть допрошен эксперт с целью разъяснения

проведенной ранее экспертизы. Изучая судебно-следственную практику*, можно увидеть, что зачастую такие участники как потерпевший или подозреваемый (обвиняемый) в случае несогласия с проведенной экспертизой, считая, что при ее проведении допускались нарушения, требуют в своих обращениях и жалобах производства очной ставки с экспертом. При этом они ссылаются на то, что ст. 192 УПК РФ не запрещает проведение данного следственного действия между ними, а, учитывая то, что показания, например, подозреваемого (обвиняемого) расходятся с показаниями эксперта, указывают на существенные противоречия в них, следователю целесообразно провести очную ставку. Значительное количество подобных обращений связано с юридической неграмотностью населения, а так же недостатками правового регулирования. В данном случае следователям, прокурорам и судьям приходится разъяснять лицам, обратившимся с подобным заявлением, что в этом случае возможно проведение повторной или дополнительной экспертизы. Такие действия затрачивают время, которое могло бы быть использовано на реальное расследование уголовного дела.

* Автором изучено 20 уголовных дел, находящихся в архиве Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону и 10 уголовных дел, находящихся в архиве следственной части главного следственного управления Главного управления МВД России по Ростовской области.

В научном сообществе, а также среди практических сотрудников давно обсуждается вопрос о тактике и особенностях проведения рассматриваемого следственного действия, но однозначного и единого мнения в этом вопросе нет. Принято считать, что очная ставка проводится между двумя ранее допрашиваемыми лицами, при этом ст. 192 УПК РФ четко об этом не говорит. По мнению М.П. Перякиной, очная ставка заключается в попеременной даче показаний в присутствии друг друга нескольких ранее допрошенных по поводу одних и тех же обстоятельств дела лиц из числа участников уголовного судопроизводства. Данное следственное действие сопряженно с анализом и непрерывным сравнением (сопоставлением) получаемой информации, которое служит для устранения существенных противоречий, а также для разрешения иных конкретных задач [3]. Однако в практической деятельности имеются случаи, когда потерпевший или подозреваемый (обвиняемый) заявляют ходатайство о проведении очной ставки сразу с несколькими участниками, например с двумя свидетелями. С формальной стороны, учитывая отсутствие в законе четкого указания на количество лиц, участвующих в проведении данного следственного действия, ходатайство об этом может быть удовлетворено. Полагаем, что участие в очной ставке более чем 2-х участников не допустимо, так как, во-первых, это существенно повышает риск нарушения тайны следствия; во-вторых, повышается вероятность оказания противодействия как внутреннего, так и внешнего на кого-либо из допрашиваемых лиц; в-третьих, учитывая возможность различного восприятия у каждого человека одного и того же события, после дачи показаний 2-х участников, у третьего допрашиваемого может сложиться мнение о необходимости изменения своих показаний, как правило в пользу одного из участников, противореча тем самым ранее данным им показаниям. Таким образом, проведение очной ставки должно производиться, исключительно между двумя ранее допрошенными лицами, о чем необходимо указать в ст. 192 УПК РФ.

Вызывает сомнение используемая законодателем в ч. 1 ст. 192 УПК РФ формулировка «существенные противоречия». Так, в практической деятельности следователь самостоятельно определяет степень выраженности или существенность противоречий, самостоятельно принимает решение о проведении данного следственного действия. В связи с этим считаем излишним указание законодателя на «существенность» противоречий. Полагаем

целесообразным формулировку «существенные противоречия» заменить на «противоречия», убрав слово «существенные».

В судебно-следственной практике встречаются случаи, когда следователь проводит очную ставку между свидетелем и подозреваемым, отказавшимся в ходе проведенного первоначального допроса давать показания со ссылкой на ст. 51 Конституции РФ. Формально между показаниями свидетеля и подозреваемого в таких случаях отсутствуют какие-либо противоречия. Данный тактический ход следователя часто приводит к даче подозреваемым показаний, в том числе, признательных.

Ряд авторов, изучавших вопросы проведения очной ставки, указывают на возможные риски. Так, А.Б. Галимханов утверждает, что при проведении очной ставки возможно оказание психологического воздействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) на потерпевшего или свидетеля, которое не редко приводит к изменению ими своих показаний. Это существенно усложняет работу следственных и правоохранительных органов [2]. С данным утверждением сложно спорить, в связи с этим следователю необходимо ответственно подходить к вопросу проведения очной ставки.

При проведении допросов необходимо выяснять все подробности произошедшего, следить за психологическим состоянием допрашиваемых лиц с тем, чтобы в последующем при проведении очной ставки не допустить возникновения подобных негативных последствий. С учетом особенностей конкретной следственной ситуации, поступающих от допрашиваемых лиц сведений, следователь может засекретить допрашиваемое лицо и в последующем провести очную ставку без визуального контакта, тем самым лишить подозреваемого (обвиняемого) возможности оказания воздействия на потерпевшего, свидетеля путем жестикulyций руками, взглядом или другими сигналами (мимикой).

Анализ судебно-следственной практики позволяет говорить о том, что некоторые следователи практически не готовятся к проведению очной ставки, в то время как данное следственное действие является наиболее сложным и ответственным. Так, очная ставка предназначена для устранения возникших противоречий, однако, изучая протоколы данного следственного действия, можно увидеть, что следователи, пользуясь имеющимися техническими средствами путем копирования, переносят в полном объеме показания участников из имеющихся электронных протоколов допроса в протокол очной ставки.

При этом они ограничиваются вопросами о том, знают ли допрашиваемые друг друга и в каких отношениях состоят, а также согласны ли они с показаниями друг друга. Это указывает на формальный характер проведения следственного действия и не может говорить о высоком профессионализме следователя и желании установить истину по делу.

К проведению очной ставки по нашему мнению необходимо тщательно готовиться, планировать вопросы, которые необходимо задать, очередность дачи показаний участниками очной ставки и даже расположение участников данного следственного действия. Принято считать, что первым давать показания должно то лицо, чьи показания считаются правдивыми. В практической деятельности так и происходит, однако не всегда возможно определить, кто же остается честным. В этих случаях следователю необходимо перед проведением очной ставки оценить и другие имеющиеся по уголовному делу материалы (доказательства). В случае проведения очной ставки между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) или свидетелем и подозреваемым (обвиняемым) считаем целесообразным начинать данное следственное действие с дачи показаний лицом, дающим изобличающие подозреваемого (обвиняемого) показания. В случае проведения очной ставки между лицами, имеющими одинаковый статус, следует основываться на имеющихся в материалах уголовного дела дополнительных сведениях.

Немаловажным является грамотное определение места проведения очной ставки. В зависимости от психологического состояния допрашиваемого, его поведения в тех или иных условиях, желания давать показания и сотрудничать со следственными органами и обстоятельств данного следственного действия, местом проведения следует выбрать кабинет следователя, место жительства одного из участников и др. В настоящее время в законе не прописано, а значит не запрещено проведение очной ставки с использованием видеоконференц-связи. Данная форма проведения очной ставки удобна в случае проживания участников следственного действия в различных населенных пунктах, невозможности их своевременной явки к следователю по объективным причинам. Считаем целесообразным закрепить на законодательном уровне возможность проведения очной ставки с использованием видеоконференц-связи. В практической деятельности данный опыт уже имеется. В ходе расследования уголовного дела по обвинению А. в совершении преступления,

предусмотренного ч. 5 ст. 33 ч. 2 ст. 208 УК РФ, находящегося в производстве следователя Главного следственного управления Главного управления МВД России по Ростовской области (далее ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области), возникла необходимость в проведении очной ставки между обвиняемым и свидетелем, находящимся в Республике Ингушетия, у которого отсутствовала возможность явиться в г. Ростов-на-Дону. По уголовному делу была создана следственная группа, состоящая из двух следователей, один из которых направился в Республику Ингушетия. В последующем данное следственное действие было проведено с использованием единой системы информационно-аналитической деятельности МВД России (ИСОД) [5]. Один следователь со свидетелем находился в отделе полиции г. Сунжа Республики Ингушетия, а второй следователь с обвиняемым в ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области. Проведенное таким образом следственное действие привело к тому, что обвиняемый А. признал свою вину (ранее не признавал), в содеянном раскаялся и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного производства [6]. Таким образом, использование технических средств, позволивших провести очную ставку дистанционно, показали свою значимость. Считаем, что данный опыт следователей ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области необходимо расширять и распространять на другие следственные действия.

До недавнего времени очная ставка оценивалась учеными как инструмент устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Такой позиции придерживаются многие ученые и практики в настоящее время. Однако тенденции последнего времени меняют представление о сути очной ставки. Так, ст. 281 УПК РФ предполагает возможность оглашения в судебном заседании ранее данных в ходе предварительного следствия показаний потерпевшего или свидетеля в случае их неявки. Данная статья так же отражает конкретный перечень причин неявки указанных лиц в суд. Однако введенная в 2016 г. ч. 2.1 данной статьи указывает на то, что ранее данные показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены судом в случае, если у обвиняемого (подсудимого) на стадии расследования была реальная возможность их оспорить. Практически единственным способом оспорить показания других участников обвиняемым является участие его в очной ставке. Таким образом, следственными органами даже при отсутствии противоречий

в показаниях, в случае, если имеются основания полагать, что обвиняемый в последующем может изменить свои показания, а потерпевший или свидетель не явятся в судебное заседание, должна быть проведена очная ставка. Проведение очной ставки в указанных обстоятельствах, безусловно, носит формальный характер, однако служит средством реализации требований ст. 281 УПК РФ. Возможность применения указанной нормы благоприятно влияет на судебное разбирательство и в случае возможности безотлагательно применяется в судебной практике. Высокий потенциал применения рассматриваемой нормы зарекомендовал себя с положительной стороны, так как это позволяет своевременно формировать доказательства в ходе предварительного расследования и в последующем подтверждении их в ходе судебного разбирательства. По данному поводу С.Б. Россинский считает, что давно назрела необходимость изменения отношения к очной ставке как к сугубо проверочному следственному действию, нацеленному исключительно на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц [4]. С данным утверждением не возможно не согласиться, видя современные реалии применения рассматриваемого следственного действия.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что очная ставка является наиболее

сложным и важным следственным действием, которое служит как установлению обстоятельств произошедшего, так и реализации прав участников уголовного судопроизводства. Однако в настоящее время назрела необходимость во внесении изменений в ст. 192 УПК РФ с целью разъяснения и уточнения рассматриваемых выше проблем, а именно:

– исключить из ч. 1 понятие существенности в противоречиях, в связи с тем, что законодателем не закреплена возможность определения существенности противоречий, а в практической деятельности следователь самостоятельно определяет в каких случаях и при каких противоречиях необходимо проводить очную ставку;

– часть 1 изложить в следующей редакции: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого) имеются противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. Очная ставка проводится между двумя ранее допрошенными лицами в соответствии со ст. 164 настоящего Кодекса»;

– дополнить ст. 192 УПК РФ ч. 7, которую изложить в следующей редакции: «В исключительных случаях, если потерпевший или свидетель не смогут явиться в суд, следователь вправе провести очную ставку, когда в показаниях ранее допрошенных лиц отсутствуют противоречия».

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Галимханов А.Б. Тактика очной ставки с участием защитника // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57).
3. Перякина М.П. К вопросу о самостоятельности очной ставки как следственного действия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2).
4. Россинский С.Б. Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
5. Фисаков М.Ю. Информационно-аналитическая деятельность следственных органов // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3 (86).
6. Фисаков М.Ю. Перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности следователей // Философия Права. 2020. № 4 (95).

Bibliography

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FL of 18.12.2001 (ed. of 27.10.2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Galimkhanov A.B. Tactics of confrontation with the participation of the defender // Legal state: theory and practice. 2019. № 3 (57).
3. Peryakina M.P. To the question of the independence of the confrontation as an investigative action // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2017. № 2 (2).
4. Rossinsky S.B. Confrontation as a preliminary procedural guarantee of ensuring the right to a fair trial // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (89).
5. Fisakov M.Y. Information and analytical activity of investigative bodies // Yurist-Pravoved. 2018. № 3 (86).
6. Fisakov M.Y. Prospects for the use of information and communication technologies in the activities of investigators // Philosophy of Law. 2020. № 4 (95).

© 2021 г. Коцюмбас Сергей Михайлович,

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета кандидат юридических наук.
E-mail: kocumbas@yandex.ru

Моргун Инна Андреевна,

помощник судьи Белгородского областного суда.
E-mail: inna1994ya@yandex.ru

ОДОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при использовании в качестве доказательства в уголовном процессе результатов экспертизы запаховых следов индивида, проанализированы различные позиции исследователей, мнения которых проиллюстрированы примерами из судебной практики. Освещены два вида одорологической экспертизы: кинологический и инструментальный, проанализированы их отличия и сходство.

Ключевые слова: одорологическая экспертиза, собака-детектор, запаховые следы, оценка доказательств, кинологический вид, инструментальный вид, ольфакторный метод.

Kotsumbas Sergey Mikhailovich – Associate Professor, the Department of Forensic Science and Criminalistics, the Belgorod State National Research University, PhD in Law.

Morgun Inna Andreevna – Judge Assistant, the Belgorod Regional Court.

FORENSIC SCENT EVIDENCE ANALYSIS AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEDURE

The paper discusses the problems that arise when using the results of the examination of the odor traces of an individual as evidence in a criminal process, analyzes various positions of the researchers and their opinions are illustrated by examples from judicial practice. Two types of the forensic scent evidence analysis are highlighted: cynological and instrumental, their differences and similarities are analyzed.

Keywords: forensic scent evidence analysis, detector dog, odor traces, assessment of evidence, canine view, instrumental view, olfactory method.

В данной статье мы обращаемся к проблеме производства одорологической экспертизы и возможности ее оценки в качестве самостоятельного доказательства в уголовном процессе. Судя по незначительному числу исследований на данную тему, названный вид экспертизы находится в некоем информационном вакууме, нуждаясь в более глубоком анализе.

Что же подразумевается под криминалистической одорологией? Согласимся с исследователями, считающими, что это раздел криминалистики, изучающий запаховые следы человека, который основывается на феномене индивидуальной и групповой специфичности запаха людей, прослеживаемой на протяжении нескольких десятков лет их жизни. Специалисты-криминалисты по запаху могут установить лиц, находившихся на месте преступления, определить, принадлежат ли запаховые следы конкретному человеку или нескольким лицам, а также происхождение запаха, принадлежащего конкретному лицу, наличие запаховых следов преступника

на предметах, обнаруженных на месте происшествия, и т. п. [11, с. 76–80].

По нашему мнению, сомнения в объективности результатов данной экспертизы зачастую вызваны психологическими моментами, ввиду заблуждения многих в том, что судьба человека отдается на откуп собаке, а из-за смешения запахов установить конкретное лицо невозможно. На самом деле это не так.

Мы придерживаемся позиции, согласно которой «фоновые запахи, а также запахи разных людей не смешиваются между собой и не образуют в результате новый запах. Собаки без труда различают по запаху людей и даже членов одной семьи. Служебные собаки достаточно четко «узнают» людей по пробам запаха из помещений, в которых те находились 10–15 минут. Пахучие вещества сохраняются в воздухе помещений двое – трое суток, и даже кратковременное проветривание не устраняет их» [7, с. 464].

Таким образом, мы считаем, что сомнения в использовании собак при производстве данного вида экспертизы беспочвенны

и необоснованные, поскольку благодаря биологическим особенностям животные способны успешно справляться с задачей по обнаружению и распознаванию запахов.

Довольно любопытной является статистика, которую привел Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин. Согласно ей в 2020 г. было назначено 2 386 судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, из них: 934 – молекулярно-генетических, 198 – дактилоскопических, 16 – ольфакторных (исследование запаховых следов), 1 238 иных [1].

Согласно с мнением А.В. Хмелевой, получение запаховых следов и работа с ними имеют преимущества перед другими методами исследования обнаруженных объектов, а именно: изъятие запаховых следов не уничтожает объект, не приводит к утрате его криминалистически важных признаков. Средства для проведения таких экспертиз сравнительно недороги. Изъяв запах с того или иного объекта и отправив его на экспертизу запаховых следов или для проверки по базе образцов запахов, этот объект можно передавать другим экспертам для производства иных исследований, не дожидаясь возвращения объекта с экспертизы, что значительно сокращает общие сроки экспертных исследований предмета. Кроме того, по запаху можно идентифицировать монозиготных (однойцевых) близнецов, что невозможно даже для генотипоскопической экспертизы. Возможны случаи, когда такая экспертиза отвечает на вопрос о конкретном лице при решении идентификационной задачи в ситуациях, когда генотипоскопические исследования не могут дать положительного результата, например, при исследовании смешанных следов крови и пота, двух и более лиц, биологических следов монозиготных близнецов [13, с. 64–68].

Безусловно, заслуживают внимания, на наш взгляд, и доводы заместителя Министра внутренних дел РФ А.А. Гостева, который считает, что «система научно обоснованных и апробированных специальных тестов и проверок, встроенных в само исследование, настолько совершенна, что позволяет давать оценку каждому факту сигнального поведения собак-детекторов, отсеивая любые сбои их рефлекторной и обонятельной деятельности. Точность и надежность идентификации субъекта по запаховым следам, проводимой с использованием российских методик, сопоставима с точностью и надежностью самых современных инструментальных методов анализа» [8, с. 2–4].

Доцент Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (далее – МГЮА), доктор юридических наук, автор типовых экспертных методик исследования вещественных доказательств, В.И. Старовойтов выделили основные принципы обеспечения контроля над сигнальным поведением собак-детекторов, которые заключаются: в проведении ольфакторного исследования в изолированном от внешних раздражителей помещении при обеспечении нормальной температуры и влажности воздуха; в использовании максимально свободных от посторонних пахучих включений достаточных и сопоставимых пахнущих образцов из крови и пота проверяемых субъектов; в проверке на толерантность собаки-детектора к исследуемым пробам не по одной пробе в ряду, а сгруппировав их, используя ряды, где для аналогичных экспертиз можно проверить сразу несколько проб; в применении необходимого количества собак-детекторов, тестируя у них рабочее состояние в моменты пусков на выборку путем контрольной идентификации индивидуального запаха нейтрального донора по образцу, заданному на старте, и пробе его запахового следа в ряду выборки, а также обязательной проверке объектов сравнительного ряда на наличие в них пахучих помех; в использовании собак-детекторов с сигналами разных модальностей: лаем, посадкой, апортировкой и т. п.; в исключении возможного негативно-го влияния управляющего собакой специалиста на ее сигнальное поведение, заключающееся в проведении исследований в условиях «слепого» опыта (управляющего собакой-детектором специалиста не информируют о последовательности размещения объектов в сравнительном ряду до проявления в нем сигнальных реакций применяющегося животного).

Что, по мнению ученого, позволяет не ставить судьбу людей в непосредственную зависимость от рефлексии животного, так как современные методики ольфакторного исследования предусматривают обеспечение ведущей роли человека (эксперта) при проведении экспериментов [12, с. 70–79].

Между тем, мы разделяем вопросы, возникшие у Ю.В. Корневского, а именно: «Если результаты применения собак-детекторов представляются в виде заключения экспертизы, а эксперт дает заключение на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными познаниями, то, как быть в ситуации, когда при производстве одорологической выборки никаких исследований запахов

такой эксперт сам не производит. И экспертиза ли это вообще? Как же могут следователь и суд проверить достоверность заключения экспертизы, что они обязаны сделать по закону? Но если достоверность выборки не может быть в полной мере проверена следствием и судом, по мнению исследователя, остается одно: принимать ее результаты «на веру». При этом Ю.В. Корневский обращает внимание, что вряд ли кто-либо из самых убежденных сторонников одорологического метода решится утверждать, что результаты его во всех 100 % случаев достоверны, что собака «никогда не ошибается».

Разделим мнение автора, что сказанное во все не означает, что ольфакторный метод не имеет перспектив использования в доказывании, напротив, имеет. Но только при условии, что будут разработаны надежные способы проверки объективности идентификации по запаху [9, с. 29–31].

Согласимся с К.Т. Сулимовым, который обращает внимание, что субъектом судебно-odoroлогической экспертизы является эксперт, а собака-детектор его инструмент.

При этом, вопреки вышеприведенной позиции Ю.В. Корневского, К.Т. Сулимов полагает, что запаховые следы человек практически не способен отследить и уничтожить, а достоверность опознания собакой-детектором запаха индивидуума, заданного ей для выбора из ряда аналогичных запахов, в т. ч. гомозиготных близнецов, равна 100 %.

Ошибки допускают не столько собаки-детекторы, сколько дающие им неверные установки в работе эксперты-odoroлоги. К.Т. Сулимов подразделяет ошибки на первого рода – результаты работы собак-детекторов, не обнаруживающих искомый запах там, где его находят собаки-детекторы с более чутким обонянием.

Причинами неверного узнавания (ошибки второго рода) могут быть нежелательные связи, образующиеся у собаки-детектора на постоянно повторяющиеся и незапаховые раздражители (реакция участников исследований, даже неуловимые для человеческого взгляда они могут наводить собаку-детектор на определенный объект; тактильные сигналы, исходящие от оператора через движения поводка, если оператор осведомлен или догадывается о местонахождении в выборочном ряду искомых объектов и т. д.). Однако во всех случаях собаку-детектор, проявившую нежелательную связь, незамедлительно заменяют резервной [6, с. 312].

Помимо кинологического вида одорологической экспертизы существует и инструментальный.

Крайне негативное отношение к использованию приборов высказал К.Т. Сулимов, указав, что запах – сугубо биологическое явление, и индивидуальный запах состоит из многих тысяч веществ, идентифицировать которые не представляется возможным. В отличие от электронной техники, требующей в процессе эксплуатации ремонта или замены, собаки-детекторы нуждаются лишь в отдыхе. В старении, определяемом в среднем десятью годами, собаки-детекторы теряют свое обоняние в последнюю очередь, а до этого лишь повышают мастерство [6, с.10].

Вместе с тем, не так давно эксперты разработали метод химической экстракции церамидов – класса веществ, ответственных за индивидуальность запаха человека, что существенно расширило возможности использования ольфакторного метода в исследовании объектов биологического происхождения [5].

По мнению экспертов отдела экспертиз запаховых следов человека Управления медико-биологических экспертиз и учетов Федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» метод химической экстракции способствует эффективному очищению запаховых проб и существенно увеличивает возможность использования ольфакторного метода исследования по отношению к объектам биологического происхождения, так как позволяет извлекать индивидуализирующие субъекта пахучие вещества не только в «свободном» виде и из смеси кровяных и потожировых следов десятков лиц, но и из отдельной клетки, где указанные пахучие вещества сохраняются в нетронутom состоянии дольше, что позволяет успешно решать экспертные задачи идентификации личности по запаховым следам по преступлениям прошлых лет на порядок результативнее ДНК-анализа с использованием тех же объектов исследования. Новый метод позволяет уже на стадии забора запаховых проб отсеивать различные неустранимые пахучие помехи, а также собирать качественные запаховые следы с ранее заведомо непригодных материалов и объектов, в том числе загрязненных едкими и резкими пахучими включениями, а также отчасти подвергшихся процессам биологической деградации. Возможность эффективного использования разработанного метода на практике подтверждается случаем раскрытия убийства с особой жестокостью семьи из шести человек, трупы которых были обнаружены летом 2005 г.

На одорологическую экспертизу в Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации были представлены вещи погибших со следами крови, подвергшиеся процессам гниения. При таких условиях проведение ольфакторного исследования с использованием стандартного криогенно-вакуумного способа пробоподготовки было бы бесперспективным, давая объективные основания экспертам в отказе производства экспертизы с использованием большинства из представленных объектов. При таких условиях было принято решение о необходимости получения запаховых проб методом химической экстракции, что при проведении дальнейших диагностических и идентификационных исследований предоставило следствию уникальные данные для раскрытия и расследования указанного резонансного преступления [10, с. 105–114].

В.И. Старовойтов полагает, что внедрение нового подхода в практике экспертных исследований запаховых следов является прорывом в судебной экспертизе, и соотносимо с созданием дактилоскопии и ДНК-анализа. С изобретением данного способа наметились перспективы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, совершенных в условиях неочевидности. То есть в таких ситуациях, когда исследование ДНК уже не может дать результатов из-за деградации клеточных ядер и содержащихся в них хромосом [12].

Таким образом, мы выяснили, что одорологическая экспертиза включает в себя два вида: кинологический и инструментальный. У обоих из них существуют как противники, так и сторонники. По нашему мнению, нельзя отрицать достоинства и недостатки каждого из них. На данный момент наиболее привычным является использование специально обученной собаки, и, не смотря на скептические отзывы исследователей, которые в большинстве своем далеки от реального представления о деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению следов преступника, собаки оказывают последним неоценимую помощь, тем более методики распознавания, обнаружения и узнавания запаха апробировались годами. Что же касается инструментального вывода, то, возможно, в будущем, он станет приоритетным, но только после подтверждения достоверности его результатов путем успешных экспериментов.

Обратимся к реальным случаям из следственной и судебной практики.

В интервью, данному корреспонденту издания «Аргументы и Факты», А.И. Бастрыкин

отметил, что расширение криминалистических возможностей следствия является одним из основных направлений повышения раскрываемости преступлений, в том числе, совершенных в прошлые годы. Так, благодаря инициативе следователя-криминалиста о проведении ольфакторной судебной экспертизы, в Ульяновске удалось раскрыть убийство братьев-предпринимателей, совершенное в 2016 г., путем установления в автомобиле и на одежде убитых запаховых следов человека, происходящих от лица, который ранее задерживался по подозрению в совершении двойного убийства, но доказательств для предъявления ему обвинения было недостаточно. В совокупности с другими доказательствами заключение ольфакторной судебной экспертизы послужило основанием для предъявления ему и его соучастнику обвинения, и расследование было завершено [2].

«4 года оставалось нераскрытым изнасилование и убийство студентки в Калужской области. В результате правильно выбранной тактики расследования и проведения сложных судебных экспертиз, в т. ч. ольфакторной, были получены неопровержимые доказательства причастности к этому преступлению двух лиц, которые уже отбывают наказание» [3].

Но имеется и неудачный опыт использования результатов одорологической экспертизы. Для этого проанализируем дела, когда названная экспертиза являлась чуть ли не единственным доказательством виновности подсудимых, а порядок ее проведения и полученные результаты вызывали у участников процесса сомнения в достоверности и возможности ее оценки как неопровержимой улики виновности подсудимых.

Так, одним из районных судов Белгородской области было рассмотрено уголовное дело в отношении двух лиц, которые обвинялись в покушении на грабеж, совершении разбойного нападения, причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

У суда первой инстанции, оценивавшего заключения экспертиз запаховых следов в совокупности с другими доказательствами, возникли обоснованные сомнения в их достоверности. По результатам одорологической экспертизы на двух веревках и фрагменте ткани, обнаруженной под телом потерпевшего, путем использования собак-детекторов были выявлены запаховые следы человека, происходящие от одного из подсудимых. На фрагменте липкой ленты с двумя веревками с тела потерпевшего запаховых следов человека выявлено не было, что противоречило результатам моле-

кулярно-генетической судебной экспертизы, предметом которой также был фрагмент липкой ленты с двумя веревками с тела убитого и на котором были обнаружены следы крови, произошедшие от потерпевшего, а на веревках следы пота женщины. Мотивированных же объяснений тому, почему собаками-детекторами не были выявлены на фрагменте липкой ленты со следами крови и на веревках со следами пота женщины, запаховые следы человека, эксперты, допрошенные в судебном заседании, не смогли дать.

Суд, оценив совокупность всех представленных доказательств и учитывая, что они ни в отдельности, ни в совокупности не подтвердили предъявленное подсудимым обвинение и в целом недостаточны для формирования бесспорного вывода о виновности, постановил оправдательный приговор. С решением суда первой инстанции согласилась и апелляционная инстанция.

Защитник одного из оправданных на всем протяжении судебного следствия настаивал на недопустимости заключения судебной экспертизы запаховых следов человека.

В частности, согласно заключению одорологической экспертизы, на предоставленных для исследования объектах (две веревки и фрагмент ткани) были выявлены запаховые следы человека, при этом при исследовании фрагментов одежды с тела потерпевшего и веревок с куском скотча запаховых следов человека не обнаружено. В то же время при проведении молекулярно-генетической экспертизы на фрагменте скотча были выявлены следы крови потерпевшего, а на фрагментах веревок – следы пота, соответствующие женскому генетическому полу. В ходе допроса эксперт показал, что образующим элементом запахового следа является, вероятно, липидный матрикс, в то время как в заключении не указывалось на исследование кожного матрикса.

Согласно показаниям другого эксперта, в заключении он не указал веревку, которая была изъята следователем, что вызвало сомнения, поскольку эксперт не участвовал в данном следственном действии и знать этого не мог.

При выяснении вопроса о наличии расхождений в экспертных заключениях в исследуемом объекте (две веревки с фрагментом скотча) на фрагменте липкой ленты обнаружены следы крови потерпевшего, а собаки-детекторы не обнаружили запаховый след человека, эксперт сослалась на деградацию крови, в результате чего она утратила возможность для идентификации.

Данный вывод, по мнению защиты, строился исключительно на предположении. Так,

в заключение отсутствовали сведения о прохождении собаками-детекторами специального обучения по дисциплине «Выборка вещи». Также не было информации о возрасте собак, их физическом и эмоциональном состоянии, что является сбивающим фактором при проведении исследования.

В то же время, добавил защитник, микробиологическое исследование является более точным видом экспертизы и подразумевает непосредственное изучение объекта и обнаруженного на нем микробиологического вещества, что исключает сторонние факторы (поведение животного) и человеческого фактора (несоблюдение гигиены при проведении экспертиз) [4].

В поддержку позиции защиты были также приведены доводы допрошенного в судебном заседании Н., являющегося судьей Общего курса дрессировки и инструктором по служебному собаководству, пояснившего, что запаховый след имеет способность сохраняться в естественных условиях при контакте объекта с тканью до нескольких часов, при длительном контакте до суток, до нескольких суток в случае перехода на ткань биологического вещества, таких как кровь. Ввиду того, что запаховый след был изъят с веревки лишь спустя месяц со дня инкриминируемого деяния, специалист полностью исключил наличие на ней индивидуального постороннего запахового следа человека из-за истечения значительного периода времени, условий хранения и произошедших процессов гниения и брожения.

В другом случае дело вообще не было направлено в суд: очевидно, заключение одорологической экспертизы при отсутствии других убедительных доказательств оказалось недостаточным для обвинения подозреваемого.

Так, несколько лет назад в Белгородской области произошло убийство нескольких человек. По результатам одорологической экспертизы на предмете, изъятом в ходе осмотра места происшествия, были обнаружены запаховые следы, принадлежащие И., при этом, помимо образца И., на экспертизу предоставлялись еще 10 сравнительных образцов других людей, происхождение запаха от которых исключено.

При продлении И. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокат заявлял, что выводы одорологической экспертизы более чем сомнительны, и никоим образом не связывают его подзащитного с совершенным убийством.

С чем согласился суд апелляционной инстанции, отметив, что иными доказательствами орган предварительного следствия не распола-

гает, а дальнейшее содержание обвиняемого под стражей продолжает оправдываться «сигналами узнавания» его запаха тремя собаками-детекторами, что представляется недопустимым, поэтому отказал в удовлетворении ходатайства следователя, освободив И. из-под стражи.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что

одорологическая экспертиза нуждается в совершенствовании и модернизации с учетом современных реалий, чтобы исключить обоснованные сомнения представителей научного сообщества и непосредственных участников уголовного процесса в ее достоверности и объективности.

Литература

1. URL: <https://rg.ru/2020/10/18/bastrikin-rasskazal-ob-unikalnyh-ekspertizah-kriminalistov-skr.html>.
2. URL: https://aif.ru/society/safety/kriminalnoe_chnivo_aleksandr_bastrikin_o_rabote_organov_sledstviya.
3. URL: <https://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/1245363/>.
4. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-otstoyala-v-apellyatsii-opravdatelnyy-prigovor-dokazav-nesostoyatelnost-odorologicheskoy-ekspertizy/>.
5. URL: <https://rg.ru/2020/03/19/reg-cfo/ekspertiza-nauchilas-vydeliat-unikalnyj-zapah-cheloveka.html>.
6. Сулимов К.Т. Криминалистическая одорология: кинологический подход. М., 2019.
7. Топорков А.А. Криминалистика. М., 2012.
8. Гостев А.А. Возможности современной судебной ольфакторной экспертизы в расследовании возобновленных уголовных дел о насильственных преступлениях против личности // Профессионал. 2019. № 3 (149).
9. Корневский Ю.В. Экспертиза запаховых следов в следственной и судебной практике // Российская юстиция. 2000. № 8.
10. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиронина Ю.С. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).
11. Попов В.В., Таранцева В.В. Особенности и проблемы работы с запаховыми следами // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46).
12. Старовойтов В.И. Ошибки в судебной экспертизе следов пахнущих веществ пота и крови человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12.
13. Хмелева А.В. Значение экспертизы запаховых следов человека в доказывании по уголовным делам (по результатам обобщения следственной практики) // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 4 (22).

Bibliography

1. URL: <https://rg.ru/2020/10/18/bastrikin-rasskazal-ob-unikalnyh-ekspertizah-kriminalistov-skr.html>.
2. URL: https://aif.ru/society/safety/kriminalnoe_chnivo_aleksandr_bastrikin_o_rabote_organov_sledstviya.
3. URL: <https://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/1245363/>.
4. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-otstoyala-v-apellyatsii-opravdatelnyy-prigovor-dokazav-nesostoyatelnost-odorologicheskoy-ekspertizy/>.
5. URL: <https://rg.ru/2020/03/19/reg-cfo/ekspertiza-nauchilas-vydeliat-unikalnyj-zapah-cheloveka.html>.
6. Sulimov K.T. Forensic odorology: dog training approach. M., 2019.
7. Toporkov A.A. Forensics. M., 2012.
8. Gostev A.A. The possibilities of modern judicial olfactory expertise in the investigation resumed criminal cases involving violent crimes against the person // Professional. 2019. № 3 (149).
9. Korenevsky Yu.V. Expertise of smell traces in investigative and judicial practice // Russian Justice. 2000. № 8.
10. Panfilov P.B., Smimova Z.Yu., Mironova Y.S. New opportunities olfactory expert method in the study of biological objects: a proactive research and the results of their application in expert practice // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (88).
11. Popov V.V., Tarantseva V.V. Features and problems of working with smell traces // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (46).
12. Starovoitov V.I. Errors in forensic examination of traces of smelling substances of human sweat and blood // Zakony Rossii: experience, analysis, practice. 2011. № 12.
13. Khmeleva A.V. The significance of the examination of human smell traces in proving criminal cases (based on the results of the generalization of investigative practice). 2019. № 4 (22).

© 2021 г. Михайлова Тамара Николаевна,

доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат педагогических наук.

Грибунов Олег Павлович,

заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, профессор.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА

В статье проведен правовой анализ оснований и специфики уголовно-процессуального порядка задержания несовершеннолетнего лица как одной из наиболее сложных в правоприменительной практике мер уголовно-процессуального принуждения, обеспечению законности производства которой уделяется пристальное внимание как со стороны российского государства, так и со стороны мирового сообщества.

Ключевые слова: несовершеннолетний, меры принуждения, задержание, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, уголовное дело.

Mikhailova Tamara Nikolaevna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Pedagogics.

Gribunov Oleg Pavlovich – Deputy Head for Scientific Work, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES OF DETENTION OF A YOUNG PERSON

The paper provides a legal analysis of the grounds and specifics of the criminal legal procedure for the detention of a young person as one of the most difficult measures of the criminal procedural coercion in law enforcement practice, the legality of the its production is given close attention both from the Russian state and from the international community.

Keywords: young person, coercive measures, detention, criminal proceedings, criminal procedure, criminal case.

Продолжающаяся в России масштабная правовая реформа имеет своей целью повышение эффективности соблюдения прав и свобод человека, исключаящее произвол со стороны государственных органов и должностных лиц и ограничивающее применение мер принудительного характера только теми ситуациями, когда это реально необходимо для защиты законных интересов общества и его отдельных представителей.

В рамках уголовного судопроизводства современной России меры уголовно-процессуального принуждения имеют своим главным назначением предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. К одной из мер, широко используемой в правоприменительной деятельности органов внутренних дел, относится задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако именно посредством применения данной меры не только существенно ограничивается важнейшее конституционное право – право на личную неприкосновенность,

но и «ложится тень» на доброе имя гражданина, оказывается под угрозой его честь и достоинство. В связи с этим именно данной мере уголовно-процессуального принуждения с точки зрения ее правовой регламентации законодателем уделяется повышенное внимание, направленное на минимизацию случаев ее незаконного или необоснованного применения, в особенности, если речь идет о задержании несовершеннолетнего лица.

Сегодня российское государство выбрало новый путь, основанный на дифференцированном подходе к проблемам малолетних правонарушителей. Уголовно-процессуальная деятельность в отношении несовершеннолетних правонарушителей направлена на достижение максимального воспитательного процесса при индивидуальном подходе к личности несовершеннолетнего лица [1, с. 62], способствующая его ресоциализации и дальнейшему законопослушному развитию.

Понятие о том, кто такой несовершеннолетний содержится в ст. 1 Конвенции ООН о правах ребенка [2], а также в п. 2.2. Минимальных стандартных правилах ООН, которые касаются отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [3]. Под несовершеннолетним понимается ребенок (малолетняя личность), который в пределах правовой системы страны может быть привлечен к ответственности за правонарушение в такой форме, которая существенно отличается от ответственности совершеннолетнего лица.

Как низшие, так и верхние возрастные пределы определения несовершеннолетия, в соответствии с которыми лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в рамках дифференцированной формы уголовного судопроизводства, варьируются в зависимости от правовой системы страны, что связано с культурными, политическими, финансовыми и другими особенностями государства. УК РФ устанавливает, что несовершеннолетним является лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14 лет, но не достигшее 18 лет. Именно данный возрастной период определен как соответствующий возможностям подростка понимать принимаемые к нему меры государственного воздействия и их последствия, а также осознавать, что он совершил антиобщественные, противоправные действия, критикуемые как со стороны общества, так и со стороны государства. Таким образом, возрастная группа несовершеннолетних от 14 до 18 лет подпадает под действие гл. 50 УПК РФ, то есть дифференцированной формы судопроизводства по уголовным делам.

Согласно положениям Конвенции о правах ребенка задержание, арест и тюремное заключение несовершеннолетнего лица может быть использовано во внутреннем законодательстве государства лишь в качестве крайних мер в течение наиболее короткого периода времени. При этом, в каждом случае судом должен решаться вопрос об освобождении несовершеннолетнего правонарушителя и применении к нему мер государственного принуждения, не связанных с лишением свободы и его изъятием из привычной среды обитания.

Исходя из темы нашего исследования, в рамках гл. 50 УПК РФ для нас наибольший интерес представляет содержание ст. 423 УПК РФ, которая носит название: «Задержание несовершеннолетнего подозреваемого. Избрание в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого меры пресечения». Однако положения вышеуказанной

статьи в большей степени носят отсылочный характер к общим правилам, установленным ст. 91, 97, 99, 100, 105 и 108 УПК РФ. Лишь ч. 3 содержит требование о незамедлительном уведомлении родственников несовершеннолетнего в случае его задержания. В связи с этим складывается мнение о том, что специфика задержания несовершеннолетнего подозреваемого в уголовно-процессуальном праве России практически отсутствует, несмотря на то, что с применением именно данной меры процессуального принуждения на практике связано много нарушений прав и законных интересов задерживаемых несовершеннолетних лиц.

Согласно ст. 10 УПК РФ «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований» [4]. При этом основания задержания лица по подозрению в совершении преступления являются общими как для совершеннолетних, так и для несовершеннолетних, и предусмотрены ст. 91 УПК РФ:

1. Когда несовершеннолетнее лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения.

Данное основание предполагает нахождение несовершеннолетнего лица в момент его фактического задержания в непосредственной близости от места совершения преступления. На практике в большинстве случаев задержание несовершеннолетнего правонарушителя осуществляется, когда последний пытается скрыться с места происшествия. Как правило, задержание производят лица, которые непосредственно наблюдали за преступными действиями несовершеннолетнего лица: пострадавшие от преступления, очевидцы или иные лица (например, сотрудники патрульно-постовой службы). При этом сотрудники полиции или иных правоохранительных органов, которые застigli несовершеннолетнего лицо в момент совершения преступления, осуществляют не процессуальную, а, как правило, оперативно-розыскную или административную деятельность, руководствуясь не нормами УПК РФ, а иными нормативно-правовыми актами. Поэтому расхождение в административной и уголовно-процессуальной процедуре произведенного задержания несовершеннолетнего лица зачастую связано с нарушениями, которые в дальнейшем оспариваются защитником и законным представителем подростка. Во время интервьюирования сотрудников прокуратуры Иркутской области последние пояснили,

что каждое второе задержание несовершеннолетнего в последующем сопровождается жалобой в органы прокуратуры или суда на незаконность его проведения.

2. Когда потерпевшие или очевидцы указывают на несовершеннолетнего лицо как на совершившее преступление.

Данное основание предполагает непосредственную связь несовершеннолетнего подозреваемого с преступным событием посредством мысленного образа, запечатленного в сознании наблюдавших за его действиями (бездействием) лиц. К таким лицам уголовно-процессуальный закон относит потерпевшего и очевидцев совершенного преступления. Однако сегодня процессуальный статус очевидца в нормах УПК РФ не раскрыт, а потерпевшим лицо может быть признано только в рамках уже возбужденного уголовного дела, посредством вынесения соответствующего постановления. Еще одним проблемным обстоятельством на практике является тот факт, что в силу субъективных (плохое зрение, отсутствие зрительной памяти и т. д.) и объективных (недостаточное освещение, слишком далекое расстояние и т. д.) причин не каждый очевидец или потерпевший может опознать несовершеннолетнего лицо, совершившее преступление и указать его особые приметы. Однако органы следствия и дознания должны основываться только на веских аргументах потерпевшего и очевидцев, точно уверенных в том, что они видели именно это несовершеннолетнего лицо в момент совершения последним преступления. Решение о задержании несовершеннолетнего лица ни в коем случае не может основываться на предположительных показаниях.

3. Когда на несовершеннолетнем лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Данное основание предполагает непосредственную связь несовершеннолетнего подозреваемого с преступным событием посредством объектов материального мира. В связи с этим к «явным следам преступления» относятся именно материальные следы, причем именно такие, происхождение которых несовершеннолетний или его законный представитель объяснить не в состоянии, не иначе как своей причастностью к совершению общественно опасного деяния. На практике к явным следам преступления относят: пятна крови, порезы, синяки, царапины, укусы, кровоподтеки и т. д. К следам преступления, которые обнаружены непосредственно при несовершеннолетнем подозреваемом или в

жилище, где он проживает, могут быть отнесены: орудия совершения преступления, одежда с пятнами крови, похищенные ценные вещи, принадлежавшие потерпевшему и т. д.

4. При наличии иных сведений, дающих основание подозревать несовершеннолетнего лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если несовершеннолетний пытался скрыться; не имеет постоянного места жительства; не установлена его личность; если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении несовершеннолетнего меры пресечения в виде заключения под стражу.

По сути, к четвертому основанию задержания несовершеннолетнего лица могут быть отнесены любые сведения, позволяющие выдвинуть следственную версию о причастности несовершеннолетнего лица к совершению преступного деяния. В этой связи на практике зачастую возникает опасность чересчур расширенного истолкования сотрудниками правоохранительных органов формулировки «наличие иных данные», что приводит к злоупотреблению ими своими полномочиями и дальнейшему обжалованию фактов незаконного задержания несовершеннолетнего в прокуратуре и суде.

Так как задержание несовершеннолетнего подозреваемого существенно ограничивает право на личную неприкосновенность, для его осуществления следователю, дознавателю или органам дознания необходимо наличие не только указанных в законе оснований, но и мотивов задержания. Требование отражать мотивы задержания в протоколе задержания подозреваемого предписано ч. 2 ст. 92 УПК РФ [5, с. 258]. При этом законодательно не установлено, что следует понимать под мотивом задержания лица. На практике следователи и дознаватели вынуждены самостоятельно определять мотив, то есть доводы принятия решения о задержании несовершеннолетнего лица, зачастую смешивая его с основаниями задержания.

Согласно нормам уголовно-процессуального закона лицо можно задержать по подозрению в совершении только того преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Из смысла ст. 108 УПК РФ следует, что задержание несовершеннолетнего подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ должно применяться к несовершеннолетнему, только если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в исключительных

случаях за преступления средней тяжести. В рамках изучения архивных уголовных дел судов г. Иркутска, а также опроса в форме интервьюирования представителей органов прокуратуры, было выявлено, что в основном несовершеннолетними совершаются преступления небольшой и средней тяжести, имеющие корыстно-насильственную направленность. В связи с чем количество задержаний, произведенных в отношении несовершеннолетних, исходя из общей логики, должно быть несущественным. Тем не менее, анализ статистических данных Сибирского федерального округа за последние семь лет позволил установить лидирующие показатели в количестве задержанных по подозрению в совершении преступления несовершеннолетних лиц: в среднем около 150 уголовно-процессуальных задержаний несовершеннолетних в год. Однако последние два года характеризуются резким изменением данных показателей в сторону уменьшения в среднем на 30 %. Следователи и дознаватели органов внутренних дел задерживают несовершеннолетних лиц по ст. 91, 92 УПК РФ только в исключительных случаях, при этом, в 50 % случаев после задержания несовершеннолетнего подозреваемого выступают перед судом с ходатайством об избрании в отношении несовершеннолетнего лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает определенный порядок применения задержания подозреваемого, то есть четкую последовательность предусмотренных в УПК РФ действий, которые должностное лицо органа дознания или следствия должно выполнить при применении вышеуказанной меры принуждения. Процессуальный порядок производства задержания несовершеннолетнего лица имеет определенную специфику и его официальное закрепление в тексте уголовно-процессуального закона, выступает важнейшей гарантией законности его применения на практике.

Во-первых, ч. 3 ст. 423 УПК РФ закрепляет требование о незамедлительном извещении о произведенном задержании законных представителей несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Данное положение является рациональным, поскольку речь идет о ребенке, который в силу своего интеллектуального и духовного развития не может в должной мере представлять свои интересы перед государством. В российском законодательстве предусмотрен институт законного представительства несовершеннолетнего

лица. Перечень лиц, имеющих право представлять интересы несовершеннолетнего лица в рамках уголовного судопроизводства, определен п. 12 ст. 5 УПК РФ. Уделяя особое внимание институту представительства, законодатель в ч. 2 ст. 426 УПК РФ закрепил права данных участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, после произведенного задержания и доставления в правоохранительные органы несовершеннолетний подлежит допросу, продолжительность которого в сравнении с общими временными рамками сокращена и составляет не более четырех часов в день, при этом не более двух часов без перерыва. На наш взгляд, такой подход законодателя имеет очень важное значение для психологического состояния личности подростка и позволяет оградить его от переутомления и причинения психолого-психических травм. Ведь не стоит забывать уже устоявшееся заключение психологов о том, что в каждом возрасте личность испытывает разное ощущение течения времени [6, с. 57]. В рамках данного вопроса Н.А. Голубева отметила, что, несмотря на установленные законодателем временные границы производства следственных действий, лучше организовывать их проведение таким образом, чтобы продолжительность составляла всего 40–45 минут (как школьный урок), поскольку длительный характер взаимодействия с органами предварительного расследования может пагубным образом отразиться как на здоровье ребенка, так и на достоверности предоставленных им показаний [7, с. 7]. Отчасти соглашаясь с высказанным мнением, хотелось бы отметить, что в каждой конкретной ситуации следователю (дознавателю) следует руководствоваться эмоциональным состоянием несовершеннолетнего лица и его желанием или нежеланием продолжить участие в проводимом следственном действии.

В-третьих, в рамках допроса несовершеннолетнего по факту его задержания должно быть обеспечено двойное представительство его интересов (одновременное присутствие законного представителя и защитника). В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних является обязательным. Уже при задержании несовершеннолетний может дать первые объяснения лишь после встречи с защитником, но не до таковой. Тем не менее, на практике встречаются случаи нарушения принципа двойного представительства несовершеннолетнего лица,

когда последний дает показания в отсутствие защитника или законного представителя, что является существенным нарушением реализации несовершеннолетним права на защиту. Как указано в п. 8 Постановления Пленум ВС РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1 право на защиту, а также право на дополнительные процессуальные гарантии, предусмотренные для несовершеннолетних УПК РФ, должны обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных [8]. Кроме того, в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, законом предусмотрено обязательное участие педагога или психолога.

В-четвертых, если в отношении совершеннолетних задержанных в интересах следствия допускается сохранение в тайне факта задержания, то в отношении несовершеннолетних задержанных уведомление законных представителей осуществляется всегда в обязательном порядке без каких-либо исключений. Таким образом, согласно требованиям ч. 4 ст. 96 УПК РФ факт задержания несовершеннолетнего в тайне в интересах следствия не допускается. Указанное требование закона имеет нравственно-гуманистическое содержание и предназначено для исключения в правоприменительной практике таких ситуаций, когда задержание по подозрению в совершении преступления перетекает в пропажу без вести несовершеннолетнего лица. Сам способ уведомления близких родственников нормами УПК РФ не определен, в связи с чем избирается в каждом отдельном случае самостоятельно следователем (дознавателем), в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. Сегодня допускается как устная, так и письменная формы, а также уведомление через технические средства связи. При этом, органам предварительного расследования не стоит забывать о подтверждении произведенного уведомления путем составления письменного рапорта или справки.

Кроме того, на практике представляется достаточно важной процедура четкой фиксации в протоколе времени задержания несовершеннолетнего лица. Протокол должен быть составлен не позднее 3 часов с момента

задержания. Если есть подозрение, что подросток совершил преступление, то его могут задержать на 48 часов. Решение вопроса о продлении срока задержания еще на 72 часа может быть осуществлено только на основании решения суда. Как видим, сроки задержания и порядок их продления как совершеннолетних, так и несовершеннолетних лиц по подозрению в совершении преступления являются общими, что не всегда положительно воспринимается в научных кругах. Нормы международного права также устанавливают, что задержание подростка может быть применено в течение наиболее короткого периода времени, то есть, исходя из содержания данных положений, «наиболее короткого периода времени по сравнению с совершеннолетними подозреваемыми». Однако такая дословная интерпретация международных принципов осуществления правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних не нашла своего развития в действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ. Что касается мнения сотрудников правоохранительных органов о предложении о возможном сокращении временного периода задержания несовершеннолетнего лица, в большей степени оно является отрицательным ввиду загруженности большим объемом работы и отсутствием специальных специализированных следователей (дознавателей) по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами.

Таким образом, проведенный в научной статье правовой анализ уголовно-процессуальной специфики задержания несовершеннолетнего лица позволил выявить ряд проблем, оказывающих негативное влияние на правоприменительную деятельность и требующих дальнейших научных изысканий на данную тему. Сегодня преступность несовершеннолетних выступает сопутствующим негативным фактором развития российского общества, и борьба с этим пагубным явлением не всегда урегулирована в рамках правового поля. Общий уголовно-процессуальный подход применения мер государственного принуждения к несовершеннолетним не позволяет учитывать все тонкие особенности индивидуально-воспитательной работы с данной категорией российских граждан, что тормозит развитие системы ювенального судопроизводства современной России в целом. Сегодня, при решении вопроса о выборе и применении любой из предусмотренных нормами УПК РФ меры процессуального принуждения, органам предварительного

расследования и суду необходимо помнить, что основной целью применения вышеуказанных мер является предотвращение возможных нарушений со стороны несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а не наказание за них. При этом следователю (дознавателю) необходимо подходить к опреде-

лению каждой меры индивидуально и ответственно, и по возможности в приоритетном направлении исключать на практике применение мер, связанных с изоляцией несовершеннолетнего лица из привычной среды его нахождения.

Литература

1. Третьякова Е.И. О предмете доказывания по делам несовершеннолетних // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1 (76).

2. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998.

3. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. № 12–14.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

5. Моругина Н.А., Савицкая И.Г. Задержание несовершеннолетнего подозреваемого: основания, порядок применения // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1.

6. Михайлова Т.Н., Месяцева К.А. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних лиц // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные проблемы расследования уголовных дел, подследственных органам внутренних дел». Иркутск, 2020.

7. Голубев Н.А. Некоторые особенности расследования преступлений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 1.

8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. 2011. 11 февраля.

Bibliography

1. Tretyakova E.I. On the subject of proof in juvenile cases // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2017. № 1 (76).

2. Convention on the Rights of the Child: approved by the UN General Assembly on November 20, 1989. Ratified by Resolution of the Supreme Soviet of the USSR on June 13, 1990 № 1559-1 // Collection of International standards and Norms of the United Nations in the field of juvenile justice. M., 1998.

3. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules): Adopted by resolution 40/33 of the UN General Assembly on November 29, 1985 // Soviet Justice. 1991. № 12–14.

4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 Dec. 2001 № 174-FL (as amended. from April 24, 2020) // Sobr. zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2001. № 52 (p. 1). Art. 4921.

5. Morugina N.A., Savitskaya I.G. Detention of a minor suspect: grounds, procedure of application // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1.

6. Mikhailova T.N., Mesyatseva K.A. Osobennosti produktsii investigative actions with the participation of minors // Materials of the All-Russian scientific and practical conference «Criminal-procedural problems of investigation of criminal cases, investigative bodies of internal affairs», Irkutsk: VSI MVD of Russia, 2020.

7. Golubev N.A. Some features of investigation of crimes of minors // Issues of juvenile justice. 2013. № 1.

8. On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 of February 1, 2011. 2011. February 11.

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985.7

ББК 67.52

© 2021 г. Иванов Петр Иванович,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.
E-mail: ivanovPI1952@yandex.ru

О ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящей статье автором на основе изучения и анализа монографических работ, нормативно-правовых актов и судебно-следственной практики рассматривается современное состояние методики расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика, предварительное следствие, расследование уголовных дел, преступления, связанные с легализацией, оперативное сопровождение дел, эффективность досудебного производства.

Ivanov Peter Ivanovich – Chief Researcher, the Department for Researching the Problems, the Branch Administration of the Research Center, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

ABOUT PRIVATE FORENSIC TECHNIQUE OF CRIME INVESTIGATIONS

In this article, the author, based on the study and analysis of monographic works, normative legal acts and judicial and investigative practice, examines the current state of the methodology for investigating criminal cases of crimes related to the legalization (laundering) of proceeds from crime.

Keywords: private forensic methodology, preliminary investigation, investigation of criminal cases, crimes related to legalization, operational support of cases, efficiency of pre-trial proceedings.

Одним из средств повышения эффективности противодействия легализации служит обеспечение следователей и оперативных работников полиции, разработанной на основе изучения и анализа судебно-следственной практики, а также законодательных и иных актов, криминалистической методикой расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ*, понимаемой нами как научно обоснованная система рекомендаций по расследованию указанных видов преступлений, предназначенной для следователей в целях оптимизации их деятельности. Данная методика имеет сложную

структуру, как правило, состоящую из двух взаимосвязанных между собой частей: 1) общей информационно-познавательной части, включающей криминалистическую характеристику данных видов преступлений и характерную им модель механизма; 2) программно-прикладной части, включающей в свое содержание такие элементы, как план расследования, типичные версии и алгоритм действий по их проверке, характерные следственные ситуации и программы по их разрешению, специфические особенности организации и тактики производства неотложных следственных действий, основные формы и направления осуществления

* На поиск новых форм и методов повышения эффективности противодействия легализации нацеливает правоохранительные органы, а также научные и образовательные организации Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденная Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 года. Разработка частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, на наш взгляд, отвечает этим требованиям.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

согласованных с оперативными работниками дальнейших действий, а также тактические приемы использования специальных знаний. Считаем также необходимым отметить, что методика расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, является межвидовой. В качестве основания классификации подобных методик лежат различные виды преступлений – с одной стороны, предикатные преступления общеуголовной и экономической направленности, выступающие источником получения криминальных доходов, с другой – легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем.

Повышенная общественная опасность указанных деяний определяется тем, что отмывание «грязных» денег способствует распространению теневой экономики [10], причиняет значительный вред национальным интересам государства, препятствует своевременному раскрытию и расследованию должностных и корыстных преступлений, создает материальную (экономическую) базу организованных криминальных структур, а также служит для финансирования экстремистской и террористической деятельности.

Органы внутренних дел, реализуя в рамках своих полномочий директивные указания МВД России, осуществляют комплекс мер по борьбе с легализацией. Однако если принять во внимание уровень ее латентности, то количество выявленных и раскрытых преступлений данного вида, к сожалению, не отражает реальное положение дел.

Об этом же можно судить, обратившись к ведомственной статистике ГИАЦ МВД России. Приведем данные за три предыдущих года. В 2017 г. по ст. 174 УК РФ было выявлено 12 преступлений, из них направлено в суд из числа уголовных дел, находившихся в производстве – 7. По ст. 174.1 УК РФ было выявлено 422 преступления (направлено в суд 281).

В 2018 г. по ст. 174 УК РФ выявлено 14 (направлено в суд – 2), по ст. 174.1 УК РФ было выявлено 500 преступлений (направлено в суд – 303).

Наконец, в 2019 г. по ст. 174 УК РФ выявлено 12 (направлено в суд – 2), по ст. 174.1 УК РФ было выявлено 489 преступлений, из них направлено в суд из числа уголовных дел, находившихся в производстве, – 324.

Исходя из приведенных данных, можно заключить: вызывает серьезное беспокойство

не только количество выявленных преступлений, но и качество их расследования.

Как показывает изучение судебно-следственной практики, предикатными преступлениями по уголовным делам о легализации преимущественно выступают уголовно-наказуемые деяния, предусмотренные ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 232, 234 УК РФ (включенные в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), а также преступления, совершаемые на объектах финансово-кредитной системы. Данное обстоятельство ориентирует сотрудников оперативных подразделений полиции на своевременное их выявление и раскрытие, а следователей – на квалифицированное расследование с учетом методических рекомендаций, содержащих алгоритм по проверке типичных версий и следственных ситуаций.

Специалисты в области теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), уголовного процесса и криминалистики на основе анализа современного состояния противодействия легализации доходов, приобретенных преступным путем, продолжают теоретически осмысливать практику деятельности оперативных подразделений полиции и органов предварительного следствия в поисках эффективных форм и методов работы. Сложившаяся криминогенная ситуация объективно диктует необходимость такого осмысления.

Мы решили вернуться к проблеме криминалистической методики расследования преступлений, связанных с легализацией, лишь по одной причине: роли оперативно-розыскного сопровождения, как правило, разработчиками не придается должного внимания. По данному виду преступления этот вопрос, на наш взгляд, нельзя обходить молчанием. Следует учесть то, что порой следователь может и не владеть таким объемом информации по расследуемому им уголовному делу, сколько может знать оперативный работник – инициатор проверки (разработки). Тем самым, несмотря на процессуальную самостоятельность следователя, ему приходится делать столько, сколько, казалось бы, лежит вне его полномочий.

Полагаем необходимым отметить, что основу частной методики расследования уголовных дел о легализации составляет криминалистическая характеристика, понимаемая нами как информационная модель, состоящая из совокупности данных о событии данного вида преступления, его субъекте, об объекте и предмете преступного посягательства, о способах совершения, об оставленных следах материального и идеального свойства.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Исходя из такой трактовки, нетрудно сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика легализации представляет собой стройную систему компонентов, в которой все они связаны друг с другом и являясь звеньями единой неразрывной цепи.

Возвращаясь к типичным следам, мы со своей стороны считаем целесообразным расширить их перечень, включив цифровые, видеовые, телекоммуникационные, то есть виртуальные и информационные следы. По делам о легализации указанные разновидности следов имеют не менее важное значение для их исследования, так как они отражают криминалистически значимую информацию.

Как нами уже отмечалось, типичная модель механизма преступления наряду с другими составными частями методики расследования выполняет информационно-познавательную функцию. Невозможно представить систему разработки методики без уяснения самого механизма преступления.

Специалисты в области теории криминалистики (А.Н. Васильев [6], П.Г. Великородный [1], А.М. Кустов [7], В.А. Образцов [9], С.В. Пахомов [11], С.Н. Чурилов [13], Н.П. Яблоков [14] и др.) между понятиями «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» усматривают различия, утверждая при этом, что первое понятие гораздо шире, нежели второе.

Вот что пишет по этому поводу С.В. Пахомов: «... понятие “механизм совершения преступления” по смыслу уже, чем категория “механизм преступления”. Первое характеризует процесс совершения преступления в его функциональном значении (опосредованный двигательной и психической активностью правонарушителя по подготовке, совершению и сокрытию преступления). Второе представляется как определенная взаимообусловленная связь объектов материального мира (предмета преступного посягательства, средств совершения преступления, материальных следов преступления и т. д.), нематериальных явлений и процессов (восприятие преступных событий третьими лицами, условия, способствующие возникновению преступного умысла и совершению преступления и др.) и, соответственно, качественных характеристик реализуемого преступного замысла» [11]. Разделяя эту точку зрения, хотим в контексте заявленной нами темы отметить, что механизм преступления состоит из следующих системообразующих элементов: объекта и предмета преступного посягательства, личности преступника, события преступного деяния, способа его совершения. В системе

построения криминалистических методик расследования эти компоненты имеют ключевое значение. Что же касается механизма легализации преступных доходов, приобретенных преступным путем, то он легко просматривается через призму анализа стадий (этапов) прохождения «грязных» денег [3].

В связи со сказанным представляет особый интерес модель механизма отмывания криминальных доходов, которая наряду с другими элементами содержит в себе совокупность факторов, а именно:

- реальную возможность осуществления в целях сокрытия криминального следа многоходовых финансовых операций между банками. Там самым становится сложно установить владельца «грязных» денег и источник их происхождения;

- наличие условий для размещения доходов, приобретенных преступным путем, за пределами Российской Федерации;

- обезличивание денег посредством их смешивания путем купли-продажи ценных бумаг;

- завуалирование существующей связи между владельцем «грязных» денег и источником их происхождения путем транзита через счета аффилированных финансовых учреждений;

- возможность совершения экспортно-импортных операций по фиктивным договорам, что позволяет вывести из легального оборота «грязные» деньги. По фиктивным же контрактам денежные средства выводят из России за рубеж. Представляет при этом интерес круг лиц, непосредственно причастных к незаконному выводу банковских активов за рубеж (учредители, руководители, бухгалтеры, контрагенты).

Перечисленные факторы в определенной мере накладывают свой отпечаток на особенности легализации и совершения предикатного (основного) преступления и, особенно, на формирование механизма совершения отмывания.

Со своей стороны мы полагаем возможным это проиллюстрировать через призму описания их следующим образом:

Модель № 1 – заранее запланированные и осуществленные в целях последующей легализации противоправные действия по извлечению криминального дохода.

Модель № 2 – заранее не преследовавшие цель легализации преступных доходов, полученных от совершения преступлений общеуголовной либо экономической направленности. Такая цель возникла внезапно в связи с поступившим предложением от лиц, профессионально

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

занимающихся обналичиванием денежных средств и выводом их за рубеж.

Модель № 3 – совершение сомнительных финансовых операций, связанных с незаконным выводом денежных средств за рубеж (отток капитала за рубеж, противоправное «бегство» капитала за рубеж).

Перечисленные нами модели являются основой для разработки типовых программ расследования по делам рассматриваемой категории.

Механизм совершения легализации в рамках указанных моделей находит свою практическую реализацию поэтапно, а именно посредством «размещения», «наслаивания» и «интеграции» [2]. Заметим, что такая трехзвенная модель легализации была в свое время рекомендована ФАТФ (группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Все звенья этой модели способствуют выведению владельца криминальных средств из-под контроля правоохранительных органов, так как источник их происхождения вуалируется.

Другим не менее значимым компонентом частной криминалистической методики выступает программно-прикладная часть, включающая типичные следственные ситуации и программы по их разрешению. Вкратце охарактеризуем эти ситуации. Мы выделяем их три вида:

Ситуация № 1 – установлен факт совершения предикатного преступления, при этом подозреваемый задержан, дает показания о совершенном им противоправном деянии, но связь с легализацией отрицает.

Ситуация № 2 – имеется оперативная информация о легализации доходов, приобретенных преступным путем, однако конкретные источники получения криминального дохода пока неизвестны.

Ситуация № 3 – установлены факты совершения как предикатного преступления, так и легализации. Данная ситуация охватывает и источник получения (извлечения) криминальных доходов, и сам механизм легализации. Иными словами, механизм совершения противоправных действий, связанных с получением криминальных доходов, сопряжен с механизмом легализации. Подозреваемые задержаны, дают признательные показания.

Ситуация № 4 – расследуемое уголовное

дело, связанное с легализацией преступных доходов, выделено из других уголовных дел о предикатных преступлениях.

Исходя из специфических особенностей приведенных типичных следственных ситуаций, следует разработать программы по их разрешению.

При этом следует отметить, что сложности расследования связаны как с латентностью легализации, так и с проблемами доказывания вины субъектов, которые легализовали денежные средства или имущество. Иными словами, трудности связаны с необходимостью «связать» два состава преступления (предикатное и отмывание доходов) в одной системе доказательств по уголовному делу.

В программно-прикладном компоненте частной криминалистической методики расследования особое место занимает тактика следственных действий, особенности их производства* [12]. Однако установленный объем настоящей статьи не позволяет останавливаться на них. Мы обязательно к ним вернемся в последующих своих работах. Сейчас лишь отметим, что задача доказывания как предикатного (основного) преступления, так и непосредственного механизма легализации решается в процессе производства следственных действий. Однако этот процесс во многом отличается от аналогичной деятельности по иным расследуемым делам.

При составлении развернутого плана расследования уголовных дел рассматриваемой категории необходимо предусмотреть производство следующих следственных действий: обыск; выемка документов, их осмотр, а также осмотр носителей компьютерной информации и документов в электронном виде, носителей аудиовизуальной информации; производство судебных экспертиз (почерковедческая, судебно-экономическая, судебно-бухгалтерская и другие виды экспертиз); допрос свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), очная ставка; проверка показаний на месте; наложение ареста на имущество или денежные средства, что возможно в отношении тех объектов, которые получены в результате преступных действий либо нажиты преступным путем. Аресту должно быть подвергнуто имущество, обнаруженное у подозреваемых и обвиняемых,

* При производстве следственных действий наряду с законодательными актами в обязательном порядке следует учитывать рекомендации, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

преступность происхождения которого следствием доказана.

Успешное решение задачи, связанной с обеспечением реализации принципа неотвратимости уголовного наказания за легализацию, во многом зависит от надлежащей организации взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями полиции. В настоящее время на это рассчитаны такие формы взаимодействия как: 1) доследственная проверка имеющихся данных оперативным путем; 2) оперативное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства. Так, в рамках первой формы принимаются меры преимущественно оперативно-розыскного характера по выявлению, документированию и раскрытию преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, а также незаконных финансовых операций, связанных с выводом денежных средств за рубеж [8].

Многолетняя практика показывает, что во многом благодаря заблаговременному документированию представляется возможным установить сам механизм отмыwania преступных доходов, из которого усматриваются противоправные действия проверяемых (подозреваемых), хорошо знающих существующие пробелы финансового, банковского, налогового, таможенного законодательства. Они адаптировались и к офшорному законодательству, прибегая к помощи зарубежных контрагентов.

Результаты ОРД могут быть использованы при квалификации преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и/или иного имущества, приобретенных преступным путем, а также при выработке алгоритмов по расследованию данных видов преступлений.

Это возможно в том случае, когда по оперативным данным о преступлениях, предусмотренных ст. 174 или 174.1 УК РФ, в ходе их проверки установлены следующие обстоятельства совершения легализации: субъект и предмет легализации; противоправный характер происхождения легализуемого имущества и его законного владельца; факт осознания субъектом легализации самого факта приобретения легализованного имущества преступным путем; место, время и способ легализации; факт, подтверждающий последствия легализации в виде придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно добытого имущества; вероятные источники противодействия расследованию (это заинтересованные в исходе дела лица); имущество, подлежащее конфискации; объекты

недвижимости проверяемого (подозреваемого), находящиеся за рубежом; обстоятельства, характеризующие личность проверяемого (подозреваемого), а также обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния.

Материалы, предоставляемые оперативным работником следователю, должны содержать ответы на многие вопросы, в том числе: «не вводились ли подозреваемыми лицами часть криминальных доходов в легальный сектор экономики?»; «какие действия по маскировке ими предпринимались для придания правомерного вида источника получения криминальных доходов?».

К сожалению, наряду с позитивным началом имеют место и недостатки в деятельности оперативных подразделений, осуществляющих оперативное сопровождение дел. Так, отдельные исследователи отмечают, что «в ряде случаев оперативно-розыскные мероприятия ведутся на невысоком профессиональном уровне, с элементами недобросовестности и халатности. Некоторые действия проводятся несвоевременно или вообще не проводятся, что влечет за собой утрату доказательственной базы. В этой связи лучшим вариантом использования оперативно-розыскных возможностей МВД в ходе проводимого расследования является не дача отдельных поручений или заданий органам дознания, а включение представителей этих органов в следственно-оперативную группу, где будет осуществляться регулярный контроль за их работой» [15]. Думается, что указанное предложение заслуживает внимания и по уголовным делам о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

Что же касается второй формы – оперативно-розыскного сопровождения, – то нами она ранее обстоятельно проанализирована [4] и поэтому остановимся на ней лишь вкратце. Хотим подчеркнуть, что сопровождение расследования уголовных дел о легализации предполагает принятие оперативными подразделениями полиции в соответствии с федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции» системы оперативно-розыскных и иных мер, направленных на установление ранее неизвестных эпизодов совершенного преступления, лиц, причастных к ним, мест хранения имущества и ценностей, нажитых преступным путем, форм и способов противодействия расследованию и принятие адекватных мер по их преодолению, а также обнаружение иных фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Не менее важной задачей процесса изучения и анализа результатов оперативно-розыскной деятельности, представляемых в установленном порядке следователю [5], является выявление и устранение ошибок, допускаемых при выявлении и документировании отмыывания преступных доходов. Так, основными причинами отказа в возбуждении уголовного дела, исключения из обвинения в стадии предварительного следствия, а также судами в стадии судебного разбирательства эпизодов с отмыыванием преступных доходов являются следующие основные обстоятельства:

1) операции с имуществом осуществлялись не с целью придания ему правомерного вида, так как являлись лишь способом распоряжения, использования этим имуществом;

2) операции с имуществом являлись элементом объективной стороны состава предикатного преступления и поэтому дополнительной квалификации не требовали;

3) недоказанность умысла на совершение операций с имуществом с целью придания ему правомерного вида;

4) отсутствие или недоказанность предикатного преступления.

Наличие вышеизложенных обстоятельств, как правило, не позволяет собрать достаточных фактических данных для того, чтобы доказать факт совершения операций с имуществом, приобретенного преступным путем, с целью придания ему правомерного вида.

Анализируемая нами организационно-тактическая форма создает благоприятные

условия для сочетания оперативно-розыскных мероприятий с процессуальными действиями.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, одним из средств повышения качества и эффективности расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыыванием) доходов, приобретенных преступным путем, является обеспечение следователей соответствующей методикой расследования.

Отсутствие у них необходимых навыков и криминалистических знаний не позволяет максимально оптимизировать процессуальные действия и обеспечить получение от подозреваемых (обвиняемых) более полной, объективной и достоверной информации. Наличие частной криминалистической методики, сформированной на результатах изучения и анализа указанных категорий уголовных дел, положительно скажется на эффективности досудебного их производства.

Во-вторых, основой для разработки такой методики служит криминалистическая характеристика преступлений, связанных с легализацией (отмыыванием) доходов, приобретенных преступным путем. С этой же целью на основе обобщения опыта расследования данной категории дел необходимо выявить проблемные вопросы, возникающие при их возбуждении и расследовании.

В-третьих, выработка алгоритма по расследованию уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыыванием) доходов, приобретенных преступным путем, позволяет избежать при этом проб и ошибок, оптимизировать деятельность по их расследованию.

Литература

1. Великородный П.Г. К вопросу о понятии механизма преступления // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 2 (46).
2. Иванов П.И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 3.
3. Иванов П.И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).
4. Иванов П.И., Булдин А.Е. Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным

Bibliography

1. Velikorodny P.G. On the question of the concept of the mechanism of crime // Bulletin of Criminalistics. 2013. Is. 2 (46).
2. Ivanov P.I. Problems of countering the legalization of criminal proceeds and ways to solve them // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2020. № 3.
3. Ivanov P.I. Stages and methods of legalization of criminal income obtained as a result of committing crimes of economic and tax orientation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (87).
4. Ivanov P.I., Buldin A.E. Some features of operational-search support of preliminary investigation and judicial proceedings in cases of legalization of income acquired by criminal means // Bulletin of the

путем // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19).

5. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. № 282.

6. Криминалистика: учебник / под ред. А.Н. Васильева. М., 1971.

7. Кустов А.М. К вопросу о структуре механизма преступления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5.

8. Мещеряков А.Н., Филиппов А.Н., Синилов Д.К., Шитова А.О., Бобыкин А.В. Методика выявления, документирования и раскрытия преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, а также иных незаконных финансовых операций, связанных с вывозом денежных средств за рубеж: методические рекомендации. М., 2014.

9. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2006.

11. Пахомов С.В. Изучение механизма преступления при разработке методики расследования преступлений, совершаемых в агропромышленном комплексе // Общество и право. 2019. № 3 (69).

12. Ушаков А.Ю., Шитова Т.В., Лавров В.В., Ковалев А.Ф. Организация расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: методические рекомендации. Н. Новгород, 2020.

13. Чурилов С.Н. Криминалистическая методика. История и современность. М., 2002.

14. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2000.

15. Якупов Р.К. Методика расследования налоговых преступлений // Основные тенденции развития науки в XXI веке. Современная наука в системе центра мировой культуры: материалы Международной научно-практической конф. (Санкт-Петербург, 30 октября – 6 ноября 2018 г.).

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1 (19).

5. The instruction about an order of representation of results operatively-search activity the body of inquiry, investigator or court: order of the Interior Ministry, Defense Ministry, FSB of Russia, SSF of Russia, Federal customs service of Russia, the SVR of Russia, the FPS of Russia, Federal drug control service of the Russian Federation, IC of the Russian Federation of 27 September 2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Russian newspaper. 2013. № 282.

6. Criminalistics: textbook / ed. by A.N. Vasiliev. M., 1971.

7. Kustov A.M. To the question of the structure of the crime mechanism // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2009. № 5.

8. Meshcheryakov A.N., Filippov A.N., Sinilov D.K., Shitova A.O., Bobykin A.V. Methodology for identifying, documenting and disclosing crimes related to the legalization of proceeds from crime, as well as other illegal financial transactions, and related to the export of funds abroad: methodological recommendations. M., 2014.

9. Obratsov V.A. On some prospects of integration and differentiation of knowledge in criminalistics // Actual problems of Soviet criminalistics. M, 1979.

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. M., 2006.

11. Pakhomov S.V. The study of the mechanism of crime in the development of methods of investigation of crimes committed in the agro-industrial complex // Society and law. 2019. № 3 (69).

12. Ushakov A.Yu., Shitova T.V., Lavrov V.V., Kovalev A.F. Organization of investigation of crimes related to legalization (laundering) of proceeds from crime: methodological recommendations. N. Novgorod, 2020.

13. Churilov S.N. Criminalistic methodology. History and modernity. M., 2002.

14. Yablokov N.P. Criminalistics: textbook for universities. M., 2000.

15. Yakupov R.K. Methodology of investigation of tax crimes // Main trends in the development of science in the XXI century. Modern science in the system of the world culture center: proceedings of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, October 30 – November 6, 2018).

© 2021 г. Колбасина Елена Евгеньевна,

доцент кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук.

Мельникова Алина Сергеевна,

доцент кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Кокорева Любовь Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЛИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

На основе действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан анализируется институт негласных следственных действий, введенный законодателем в Уголовно-процессуальный кодекс в 2015 году, основной целью появления которого стала возможность интеграции оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, негласные следственные действия в уголовном процессе, орган досудебного расследования, предварительное расследование, оперативно-розыскная деятельность следователя, процесс доказывания, следственный судья.

Kolbasina Yelena Yevgenievna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Colonel of the Police.

Melnikova Alina Sergeevna – Associate Professor, the Department of General Legal Disciplines, the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lieutenant Colonel of the Police.

Kokoreva Lyubov Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, PhD in Law, Associate Professor.

COVERT INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE KAZAKHSTAN REPUBLIC: AN ELEMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS OR OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES?

It is analyzed the Criminal Procedure Code dated in 2015. Its main purpose was the possibility of the integrating operational investigative activities into the criminal procedure legislation of the Kazakhstan Republic. Some problematic aspects of the existing procedural order of this institution in the pre-trial criminal proceedings of the Kazakhstan Republic, as well as controversial issues of the similar existing model in the criminal procedure legislation of the Russian Federation are identified.

Keywords: criminal procedure legislation, secret investigative actions in criminal proceedings, pre-trial investigation body, preliminary investigation, operational search activity of the investigator, proof process, investigative judge.

Институт следственных действий в уголовно-процессуальном праве России является объектом постоянного и весьма пристального внимания значительного круга ученых-процессуалистов.

В последние годы отмечается процесс совершенствования отраслевого законодательства путем внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части, касающейся производства

следственных действий, с учетом реалий современной науки и потребностей, продиктованных интересами правоприменителей, непосредственно осуществляющих предварительное расследование.

Одной из популярных в последние годы тем для обсуждения среди ученых-процессуалистов является обоснование возможности (либо невозможности) введения в российское уголовно-процессуальное законодательство

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

института негласных следственных действий с учетом опыта, имеющегося у «коллег по цеху» из числа отдельных зарубежных стран.

К примеру, специфическим отличием в системе следственных действий российского уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан является закрепление в одноименной гл. 30 уголовно-процессуального кодекса негласных следственных действий, перечень которых дан в ст. 230.

Попытка частичного слияния уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в досудебном расследовании была реализована законодателем в 2015 г. после вступления в силу ныне действующего УПК Республики Казахстан.

Произошедшие кардинальные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан в большей мере связаны с генезисом уголовного судопроизводства независимого государства, некогда входившего в состав СССР, а также с принятием «Модельного Уголовно-процессуального кодекса» для государств-участников СНГ [1].

Проведенное реформирование вызвало наряду с одобрением принятых изменений и негативную реакцию со стороны отдельных российских ученых, отметивших в принятых законодательных изменениях негативные, по их мнению, моменты.

В свое время, еще на стадии обсуждения законопроекта, А.Я. Гинзбург подверг резкой критике предложенную законодательную инициативу, усмотрев в попытке слияния, интеграции уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности противоречия конституционным основам отечественного уголовного процесса, полагая, что в данном случае искусственное слияние в единое целое двух различных по форме и сущности видов деятельности недопустимо, так как ведет в конечном итоге к хаотичности и разрушению процессов указанных государственных видов деятельности и их законодательных основ [7].

Убедительна в своем протестном, по сути, высказывании и профессор Е.А. Зайцева, полагая, что попытка внедрить в ткань уголовно-процессуального права «специальных следственных действий» чревата опасностью эрозии уголовно-процессуальных институтов, нивелированием сущностных различий общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства и в сфере ОРД [2].

Представители омской школы процессуалистов В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин отмечают, что с развитием оперативно-розыскного права, в частности, с закреплением в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» перечня оперативно-розыскных мероприятий с детализацией их производства, возникла ситуация, когда различающиеся по правовой природе оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия имеют совпадающие цели и сходные наименования, однако, по мнению авторов, в силу специфики оперативно-розыскной деятельности они не достигают степени развития, присущей уголовному судопроизводству [3].

Краткий анализ отдельных положений УПК Республики Казахстан, проведенный в данной статье, является лишь попыткой определить возможную необходимость или, напротив, укрепиться в мнении об отказе от реформирования уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования аналогичным с казахстанским способом.

УПК Казахстана негласное следственное действие определяет как «действие, проводимое в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (п. 12 ст. 7) [6].

Так, казахстанский законодатель относит к числу *негласных* следующие следственные действия:

1. Негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (ст. 242 УПК РК).
2. Негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243 УПК РК).
3. Негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 244 УПК РК).
4. Негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (ст. 245 УПК РК).
5. Негласный контроль почтовых и иных отправлений (ст. 246 УПК РК).
6. Негласные проникновение и (или) обследование места (ст. 247 УПК РК).
7. Негласное наблюдение за лицом или местом (ст. 248 УПК РК).

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

8. Негласный контрольный закуп (ст. 250 УПК РК).

9. Негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности (ст. 251 УПК РК).

По смыслу законодателя основными признаками негласных следственных действий являются:

- проведение санкции следственного судьи (за исключением негласного наблюдения за лицом или местом);

- осуществление по поручению органа досудебного расследования подразделением правоохранительного или специального государственного органа;

- осуществление с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности;

- основной целью проведения негласных следственных действий является выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу либо получению каких-либо сведений о фактах;

- при производстве негласных следственных не информируются участники уголовного процесса, чьи интересы затрагиваются (ч. 1, 2 ст. 232 УПК РК);

- возможность осуществления негласных следственных действий в любое время суток и непрерывно в течение всего срока их проведения.

По своему процессуальному содержанию 10 видов негласных следственных действий, названных в ст. 231 УПК Казахстана, представляют собой общие и специальные оперативно-розыскные мероприятия, регламентированные Законом Казахстана от 15 сентября 1994 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», с сохранением в неизменном виде перечня оперативно-розыскных мероприятий, производимых в сфере оперативно-розыскной деятельности [4].

Мы имеем налицо дублирование оперативно-розыскных мероприятий, но уже как средств доказывания уголовно-процессуального характера.

Основания производства негласных следственных действий УПК РК предусмотрел в ч. 4 ст. 232, указав, что данные следственные действия могут производиться:

- 1) при производстве по уголовным делам о преступлениях, наказание за совершение которых предусматривает лишение свободы на срок свыше одного года;

- 2) по преступлениям, которые подготавливаются и (или) совершаются преступной группой.

С целью выявления, пресечения и раскрытия других уголовных правонарушений возможно производство только таких негласных следственных действий, как негласное наблюдение за лицом или местом, или негласный контрольный закуп.

Спецификой производства негласных следственных действий можно считать субъектов, в отношении которых они осуществляются, а именно:

- 1) лица, подозреваемого в совершении преступления;

- 2) потерпевшего (с его письменного согласия);

- 3) третьего лица при наличии сведений о том, что это лицо получает или передает информацию, имеющую значение для уголовного дела;

- 4) места – в тех случаях, когда имеются обстоятельства (или предполагается их возникновение), которые могут иметь значение для уголовного дела.

Кроме того, законом предусмотрена возможность производства негласного аудио- и (или) видеоконтроля лица или места, а также негласного контроля, перехвата и снятия информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи в отношении отдельных лиц для обеспечения их личной безопасности или безопасности их собственности при наличии угрозы по их заявлению или с их письменного согласия.

В этом случае орган досудебного расследования выносит постановление, на основании которого будет производиться негласное следственное действие и в течение 24 часов с момента его вынесения уведомляет прокурора.

Процессуальный порядок проведения негласных следственных действий определяется правоохранительными и специальными государственными органами по согласованию с Генеральным Прокурором Республики Казахстан (ч. 10 ст. 232 УПК РК).

Во исполнение данного процессуального момента был подготовлен и издан Совместный Приказ «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12.12.2014 № 892, Министра финансов Республики Казахстан от 12.12.2014 № 565, Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12.12.2014 № 62, Начальника службы государственной

охраны Республики Казахстан от 15.12.2014 от 15.12.2014 № 146 и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18.12.2014 № 416 [6], определяющий порядок проведения негласных следственных действий, предоставление результатов негласных следственных действий, их исследование и оценку, образцы процессуальных документов (поручений, постановлений), порядок учета дел негласных следственных действий.

В главе 2 Приказа предусмотрен процессуальный порядок исполнения негласных следственных действий, предусматривающий следующий алгоритм действий:

1. Получение руководителем *подразделения-исполнителя* процессуального документа – *поручения* о производстве негласного следственного действия *от органа досудебного расследования*.

2. Вынесение *постановления* (в количестве 2-х экземпляров) о производстве негласного следственного действия.

3. Производство негласных следственных действий в порядке, предусмотренном настоящим Приказом.

4. Предоставление результатов негласных следственных действий, а именно: не позднее пяти суток после завершения негласных следственных действий все материалы, полученные в ходе их проведения, в печатанном виде с присвоением грифа секретности согласно ведомственному перечню сведений, подлежащих засекречиванию, подразделением НСД направляется сотруднику уполномоченного органа, который передает их лицу, производящему досудебное расследование. Материалы передаются лицу только после рассекречивания в соответствии с действующим законодательством о государственных секретах (п. 15 параграфа 3 Главы 2 Правил проведения негласных следственных действий, утвержденным Совместным Приказом).

5. Уведомление подразделением-исполнителем уполномоченного прокурора о результатах негласных следственных действий не позднее двух суток со дня его окончания (п. 16 пар. 3 Главы 2).

6. Письменное уведомление лица, в отношении которого проводилось негласное следственное действие, о виде НСД и сроках его проведения без ознакомления с результатами негласных следственных действий лицом, производящим досудебное расследование,

в срок не позднее шести месяцев с момента вынесения итогового решения по уголовному делу (п. 20 пар. 3 Главы 2).

7. Возможность подачи заявления о признании проведения негласных следственных действий незаконными и возмещении причиненного ущерба, а также его рассмотрения следственным судьей районного суда по месту нахождения органа, ведущего уголовный процесс, с соблюдением конфиденциальности (ст. 106 УПК РК).

В предусмотренном законодателем процессуальном порядке производства негласных следственных действий следователь отнюдь не является непосредственным субъектом их осуществления (за исключением негласного контроля почтовых и иных отправлений), а так же, как и в случае с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по его поручению органом дознания, остается, по сути, на позиции координатора данной процедуры.

Порядок рассмотрения результатов осуществления негласных следственных действий закреплён в ст. 238–239 УПК РК и предусматривает их *исследование* органом досудебного расследования, *оценку* и возможность их *использования в доказывании* [5].

При этом протоколы негласных следственных действий, аудио и видеозапись, фото, а также предметы и документы, изъятые при производстве негласных следственных действий, также могут быть использованы в доказывании (ч. 2 ст. 238 УПК РК).

Нельзя не согласиться с профессором В.А. Семенцовым в части, касающейся его мнения о том, что эволюционный порядок исключает возможность пополнения системы следственных действий за счет прямого заимствования средств познания в оперативно-розыскной сфере деятельности, а революционность основана на признании приоритета судебного доказывания, когда вся досудебная деятельность рассматривается как непроцессуальная, что ломает устоявшиеся в науке уголовного процесса представления о понятии и системе следственных действий [4].

В завершение рассматриваемого в статье аспекта следует отметить, что негласные следственные действия стали результатом интеграции оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, что делает возможным подмену основных способов

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

доказывания, существующих в уголовном судопроизводстве, способами, имеющими место при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Подобное нивелирование, на наш взгляд, чревато негативными послед-

ствиями в ходе осуществления процесса доказывания по уголовным делам, основным субъектом которого продолжает оставаться следователь.

Литература

1. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых государств. Рекомендательный законодательный акт: принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников // СПС «КонсультантПлюс».

2. Зайцева Е.А. Уголовный процесс России: «Есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1.

3. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск, 2015.

4. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4.

5. Диденко Н.С., Гриценко Т.В. Стадия возбуждения уголовного дела: место и назначение в современном уголовном процессе Российской Федерации и Республики Казахстан // Материалы Всероссийской конференции «Уголовно-процессуальное законодательство: связь времен». 2019.

6. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012842>.

7. URL: <https://www.zakon.kz/4548079-chita-ja-proekt-ugolovno-processualnogo.html>.

Bibliography

1. Model code of criminal procedure for the member States of the Commonwealth of Independent States. Recommendation legislative act: adopted in Saint Petersburg on 17.02.1996 by Resolution at the seventh plenary session of the Interparliamentary Assembly of the participating States // LRS «ConsultantPlus».

2. Zaitseva E.A. criminal procedure of Russia: «The revolution has a beginning, the revolution has no end»? // Criminal proceedings. 2018. № 1.

3. Kalnitsky V.V., Larin E.G. Investigative actions: textbook. stipend. Omsk, 2015.

4. Sementsov V.A. On the issue of replenishment of the system of investigative actions with tacit cognitive techniques // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 4.

5. Didenko N.S., Gritsenko T.V. Stage of initiation of a criminal case: place and purpose in the modern criminal process of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Materials of all-Russian conference «Criminal procedure law: the link of times». 2019.

6. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012842>.

7. URL: <https://www.zakon.kz/4548079-chita-ja-proekt-ugolovno-processualnogo.html>.

© 2021 г. Плясов Константин Анатольевич,

начальник Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: rui@mvd.ru

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье на основе классификационного подхода проанализированы вопросы назначения и производства экспертиз при раскрытии, расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Обозначено, что производство экспертиз в системе комплексной методики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД выступает неотъемлемым и обязательным элементом такой формы криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения.

Ключевые слова: криминалистика, методика, экспертизы, формы, вопросы, специальные знания.

Plyasov Konstantin Anatolyevich – Head of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ASSIGNMENT AND PERFORMANCE OF EXPERT EXAMINATIONS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL ECONOMIC ACTIVITY

In the article, on the basis of the classification approach, the issues of appointment and production of expert examinations in the detection and investigation of crimes in the field of foreign economic activity are analyzed. The production of expertise in the system of complex methods of prevention, detection and investigation of crimes in the field of foreign economic activity is an integral and mandatory element of this form of forensic and operational-search support.

Keywords: forensics, methods, expertise, forms, questions, special knowledge.

Собранная уголовно-процессуальная, криминалистически и оперативно значимая информация по делам о преступлениях в сфере внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) подлежит проверке и исследованию. Разрешению этих целей наиболее соответствует природа следственных действий комплексного характера.

Поскольку такие следственные действия, как назначение и производство судебной экспертизы, а также получение образцов для сравнительного исследования по делам о преступлениях, совершенных в сфере ВЭД, наиболее распространены (89,22 % из всех следственных действий комплексной природы) и доказательно значимы (все опрошенные субъекты раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД отметили безусловное значение таких средств доказывания), постольку считаем возможным отдельно рассмотреть данный вопрос в рамках этой статьи.

Субъектами применения специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД выступают, как правило, субъекты процессуальной деятельности (дознаватели, следователи, специалисты,

эксперты), субъекты оперативно-розыскной или иной непроцессуальной деятельности.

Разрешение поставленных задач субъектами применения специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД связано с обеспечением оптимальности и эффективности норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, оценки проверки имеющихся доказательств, криминалистической и оперативно-розыскной превенции.

Полученная первичная криминалистическая информация должна быть проверена и экспертно исследована.

Порядок производства экспертиз достаточно регламентирован в УПК РФ. Ценность судебных экспертиз, назначаемых при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД, заключается в том, что иным способом получить подобные доказательства невозможно [1].

К примеру, в ЭКС – филиал ЦЭКТУ г. Калининграда на исследование поступили образцы товара, заявленного как микропроцессоры «ZX POLYHEDRON», изготовленные компанией «SHENZHEN TRIGON TECHNOLOGY CO., LTD». Партия товара (1 000 шт.)

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

была задекларирована как «Промышленный процессор ZX POLYHEDRON, шестнадцатидерный, производительность процессора 0.085 микрон, количество потоков 32, тактовая частота скорости работы процессора 2.2 GHZ, разъем AX5, кэш-память процессора: L1-64 KB, L2-2.5 MB, L3-30 MB». В результате исследования установлено, что микропроцессоры «ZX POLYHEDRON» на рынке Российской Федерации не представлены. Таможенных экспертов удивила необычная легкость образца. При вскрытии корпуса микропроцессора было установлено отсутствие внутри кристалла и микросхем! Таможенной экспертизой была определена рыночная стоимость одного муляжа, которая составила 6 руб. 21 коп., в то время как таможенная стоимость одного микропроцессора составляла 4 773 руб. 39 коп. Таким образом, заявленная таможенная стоимость в 769 раз превышает его рыночную стоимость. По результатам проведенной таможенной экспертизы поступили сведения о том, что направлена информация в Центральный банк России о признаках сомнительной сделки [9].

По изученным нами уголовным делам экспертизы назначались 653 раза, из них в подразделениях ЦЭКТУ осуществлено 597 экспертиз (91,42 %). Из 597 экспертиз проводились: единолично (284 – 47,57 %); комиссионно (172 – 28,81 %); комплексно (141 – 23,62 %). То есть более половины исследованных экспертиз (52,43 %) являются комиссионными или комплексными.

Наиболее точно отражает реалии правоприменительной практики борьбы с преступлениями в сфере ВЭД классификация судебных экспертиз, предложенная В.А. Жбанковым [2], к которым ведущий ученый-криминалист по проблематике борьбы с таможенными преступлениями в целом и к преступлениям в сфере ВЭД в частности отнес следующие экспертизы, производимые ЦЭКТУ:

- 1) товарную (товароведческую, товароведную) экспертизу;
- 2) диагностическую экспертизу товаров;
- 3) идентификационную экспертизу товаров;
- 4) материаловедческую экспертизу;
- 5) химическую экспертизу;
- 6) сертификационную экспертизу;
- 7) технологическую экспертизу;
- 8) экспертизу цены товара;
- 9) геммологическую экспертизу;

- 10) экспертизу транспортных средств;
- 11) криминалистическую экспертизу документов, ценных бумаг, валюты и таможенных средств идентификации;
- 12) экспертизу культурных ценностей;
- 13) экспертизу объектов интеллектуальной собственности;
- 14) микробиологическую экспертизу.

Отметим, что анализируя методические рекомендации Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, относящиеся к целям, задачам, вопросам товароведческой экспертизы (№ 1 по В.А. Жбанкову), к таковой (товароведческой) относятся как виды экспертиз № 2–9.

Итак, проведя перегруппировку с учетом проведенного исследования, при построении комплексной методики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД можно предложить следующую классификацию экспертиз с учетом полученных данных:

А. Проводимые в ЦЭКТУ.

1. Таможенно-товароведческие экспертизы:

- 1.1. Товароведческая экспертиза;
- 1.1.2. Диагностические экспертизы товаров;
- 1.1.3. Идентификационные экспертизы товаров;
- 1.1.4. Материаловедческие экспертизы;
- 1.1.5. Химическая экспертиза;
- 1.1.6. Сертификационные экспертизы;
- 1.1.7. Технологические экспертизы;
- 1.1.8. Экспертиза цены товара;
- 1.1.9. Геммологическая экспертиза.
2. Экспертизы транспортных средств.
3. Криминалистическая экспертиза документов, ценных бумаг, валюты и таможенных средств идентификации.

4. Экспертиза культурных ценностей.
5. Экспертиза объектов интеллектуальной собственности.

6. Микробиологическая экспертиза.

7. Другие экспертизы.

Б. Проводимые в других экспертных учреждениях.

В. Проводимые несколькими экспертами из различных учреждений.

Рассмотрим вопросы, разрешаемые данными видами экспертиз (597 = 100 %), а также результаты проведенного исследования.

1.1. Товароведческая экспертиза.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

К наиболее типичным вопросам, разрешаемым по данной категории дел, являются количественные и качественные характеристики товара:

- К какой группе относится товар?
- Соответствует ли представленный товар нормативной регламентации?
- Каковы модель, марка, артикул, сорт товара?
- Количество единиц, штук товара?

1.1.2. Диагностические экспертизы товаров.

Для проведения экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД является важным следующее положение, высказанное А.С. Князьковым и другими: «помимо вопросов, связанных с решением идентификационных задач, необходимо излагать вопросы классификационного, диагностического и ситуационного характера, даже если существует обоснованное предположение об успешном решении идентификационной задачи» [3–6].

Данным видом товароведческой экспертизы разрешаются следующие типовые группы вопросов:

- наличие или отсутствие определенных свойств у товара;
- характеристика выявленных свойств у товара;
- соответствие выявленных свойств стандартам;
- соответствие выявленных свойств условиям договора;
- соответствие выявленных свойств регламенту и т. д.

1.1.3. Идентификационные экспертизы товаров.

Типовые группы вопросов:

- наличие или отсутствие принадлежности товара к определенной партии товара;
- составляли ли объекты целое (товар, упаковка или иной объект).

1.1.4. Материаловедческие экспертизы.

Данным видом товароведческой экспертизы разрешаются следующие типовые группы вопросов:

- состав исследуемого товара;
- установление групповой принадлежности;
- установление однородности или неоднородности вещества товара;
- принадлежность товара к определенному классу веществ или материалов.

1.1.5. Химическая экспертиза.

Типовые группы вопросов:

– химический состав ввезенного товара или незаконно перемещенных объектов (к примеру, в ЭКС – филиале ЦЭКТУ г. Калининграда впервые проведено исследование психотропного вещества амфетамина в необычной для него форме – прозрачной маслянистой жидкости желтого цвета. Жидкость массой около 900 г. злоумышленники поместили в емкость из-под моторного масла известного бренда, которую просто положили в багажник автомобиля. По результатам исследования Калининградской областной таможней возбуждено уголовное дело [7];

– соответствие химического состава стандартам, условиям договора, регламенту.

– наличие химических соединений и их соотношение.

1.1.6. Сертификационная экспертиза.

Данным видом товароведческой экспертизы разрешаются следующие типовые группы вопросов:

- свойства товаров, соответствующие обязательным требованиям по безопасности и нормальной жизнедеятельности;
- свойства товаров, угрожающие обязательным требованиям по безопасности и нормальной жизнедеятельности.

1.1.7. Технологические экспертизы.

Данным видом товароведческой экспертизы разрешаются следующие типовые группы вопросов:

- технологические параметры и свойства товара;
- нормы выработки.

1.1.8. Экспертиза цены товара.

Одним из важных и часто оспариваемых вопросов в суде по рассматриваемой категории дел является вопрос о цене товара, пересекающего границу, именно эта группа вопросов разрешается данным видом экспертизы.

1.1.9. Геммологическая экспертиза.

Типовые группы вопросов:

- каково наименование камня,
- к какой классификационной группе камней и минералов относится;
- какова природа (органическая или неорганическая) минералов и драгоценных камней и т. д.;
- обработан ли в заводских или иных условиях и т. д.

2. Экспертиза транспортных средств.

Для экспертизы транспортных средств наиболее характерными являются следующие

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

группы вопросов: вопросы технического состояния ТС; вопросы, относящиеся к модификации ТС; вопросы о производителях и годах выпуска; иные вопросы.

3. Криминалистическая экспертиза документов, ценных бумаг, валюты и таможенных средств идентификации. Наиболее характерными вопросами для данной экспертизы являются выявление признаков интеллектуального и материального подлога, а также целостности таможенных и других средств идентификации.

По результатам исследования, оставшиеся три экспертизы встречаются крайне редко, и, по мнению профессора В.А. Жбанкова, их предмет определения выглядит следующим образом.

4. Экспертиза культурных ценностей:

- историческая значимость произведений искусства, предметов антиквариата и т. д.;
- художественно-культурная значимость произведений искусства, предметов антиквариата и т. д.;
- научная значимость произведений искусства, предметов антиквариата и т. д.

Например, таможенным экспертом ЭКС – филиала ЦЭКТУ г. Санкт-Петербурга была проведена экспертиза печатных изданий (книг), задержанных при пересечении границы. Среди них обнаружена книга «Дьяволиада», напечатанная издательством «Недра» в 1926 году тиражом 3 тысячи экземпляров. В отношении книги было проведено комплексное исследование. Книга в издательской иллюстрированной обложке представляет собой второе издание сборника прозы М.А. Булгакова. Характерная особенность этого издания – несовпадение даты на обложке и на титульном листе. На обложке – 1925 год, на титульном листе – 1926 год. Такой же экземпляр с несовпадающими датами на обложке и титульном листе хранится в фондах Российской национальной библиотеки. Первое издание вышло в июне 1925 года, второе было отправлено в спешный набор в марте 1926 года, книга ушла в типографию 31 марта 1926 года. В апреле Булгаков получил первые 8 авторских экземпляров. На титульном листе задержанного экземпляра «Дьяволиады» имеется дарственная надпись (инскрипт) младшей сестре Михаила Афанасьевича Елене, датированная 19 мая 1926 года. При проведении сравнительного исследования было установлено, что в дарственной надписи

прослеживаются характерные для М.А. Булгакова особенности письма. Возможно, дарственная надпись сестре Елене была сделана вскоре после важного для писателя события – выхода из печати еще одного сборника прозы. Также она могла быть сделана накануне Дня рождения сестры писателя – 2 июня. На рынке такая «находка» оценивается более чем в 1 миллион рублей [8].

5. Экспертиза объектов интеллектуальной собственности: свойств товара (контрафактное или нет) и т. д.

6. Микробиологическая экспертиза: наличие опасных микробиологических свойств товара и т. д.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Субъектами применения специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД выступают, как правило, субъекты процессуальной деятельности (дознаватели, следователи, специалисты, эксперты), субъекты оперативно-розыскной или иной непроцессуальной деятельности.

2. Считаем возможным упростить классификации использования и применения специальных знаний и рассматривать применительно к создаваемой методике предупреждения, раскрытия и расследования преступлений основные и дополнительные виды:

1. Основные виды использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД.

1.1. Производство судебной экспертизы: а) очень часто – 83,1 %; б) часто – 15,9 %; в) не часто – 1,0 %. Результаты опроса правоприменителей (99 %) свидетельствуют об априорном значении данного следственного действия комплексной природы.

1.2. Получение образцов для сравнительного исследования: а) очень часто – 27,3 %; б) часто – 61,8 %; в) не часто – 10,9 %.

1.3. Использование специальных знаний следователем, дознавателем и другими субъектами при производстве следственных и процессуальных действий лично: а) очень часто – 61,7 %; б) часто – 25,7 %; в) не часто – 12,6 %.

1.4. Показания эксперта: а) очень часто – 5,6 %; б) часто – 14,1 %; в) не часто – 80,3 %.

1.4. Применение специалистом научно-технических средств в следственных действиях и процессе таможенных и иных проверок: а) очень часто – 62,4 %; б) часто – 37,3 %; в) не часто – 0,3 %.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

1.5. Участие специалиста в проведении следственных действий: а) очень часто – 41,7 %; б) часто – 26,4 %; в) не часто – 31,9 %.

1.6. Проведение предварительных исследований специалистом; а) очень часто – 19,5 %; б) часто – 28,2 %; в) не часто – 52,3 %.

1.7. Подготовка материалов специалистом для назначения экспертизы следователем:

а) очень часто – 0 %; б) часто – 5,4 %; в) не часто – 94,6 %.

1.8. Привлечение переводчика; а) очень часто – 26,9 %; б) часто – 28,6 %; в) не часто – 44,5 %.

2. Дополнительные виды использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в сфере ВЭД.

Литература

1. Плясов К.А., Варданыан А.В. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, в системе внешнеэкономических преступлений: правовой и криминалистический анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2.

2. Жбанков В.А. Судебные экспертизы при расследовании таможенных преступлений органами дознания Федеральной таможенной службы России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2.

3. Князьков А.С. Тактические положения взаимодействия следователя и эксперта в ходе подготовки и производства судебной экспертизы // Уголовная юстиция. 2013. № 1.

4. Варданыан А.В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов. Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы // Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019.

5. Варданыан А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юрист-Правоведъ. 2020. № 1 (92).

6. Варданыан А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430.

7. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/165174>.

8. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/192154>. 9. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/234392>.

Bibliography

1. Plyasov K.A., Vardanyan A.V. Evasion of customs payments collected from an organization or individual in the system of foreign economic crimes: legal and criminalistic analysis // All-Russian Criminological Journal. 2019. № 2.

2. Zhbakov V.A. Judicial expertise in the investigation of customs crimes by the bodies of inquiry of the Federal Customs Service of Russia // Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences. 2013. № 4–2.

3. Knyazkov A.S. Tactical provisions of interaction between an investigator and an expert during the preparation and production of a forensic examination. 2013. № 1.

4. Vardanyan A.V. Novelties in the regulation of search and seizure as a need for modernization of tactical and forensic techniques. Actual problems of criminalistics and forensic examination // Materials of the International scientific and Practical Conference. Irkutsk. 2019.

5. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the individual // Yurist-Pravoved. 2020. № 1 (92).

6. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for the prevention of crime // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430.

7. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/165174>.

8. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/192154>.

9. URL: <http://cektu.customs.ru/ved/Novosti/document/234392>.

© 2021 г. Попов Всеволод Васильевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПО ГОЛОСУ ПОСРЕДСТВОМ ГАУССОВОЙ МОДЕЛИ СМЕСИ

Статья посвящена возможностям идентификации личности по голосу. Описывается формирование голоса в соответствии с анатомией и физиологией человека. Приводятся основные способы опознания человека по голосу, обращается внимание на существующие на сегодняшний день недостатки наиболее часто используемых способов.

Ключевые слова: голос, резонатор, кепстр, преобразование Фурье, гауссовская система распределения, мел-шкала.

Popov Vsevolod Vasilievich – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of Internal Affairs of the Russian Federation.

ON THE ISSUE OF VOICE IDENTIFICATION USING THE GAUSSIAN MIXTURE MODEL

The article is devoted to the possibilities of identifying a person by voice. It describes the formation of the voice in accordance with human anatomy and physiology. The main methods of identifying a person by voice are given, and attention is drawn to the current shortcomings of the most commonly used methods.

Keywords: voice, resonator, kepsr, Fourier transform, Gaussian distribution system, mel-scale.

Работа экспертно-криминалистических подразделений по идентификации личности базируется на исследовании материальных объектов – следов, выявляемых в ходе осмотра места происшествия или полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее часто встречаемыми следами были и остаются следы рук и объекты биологического происхождения. Но в ряде случаев единственным объектом исследования является голосовой след, т. е. речь человека. Голос человека также является индивидуальным следом и это обусловлено несколькими факторами, о которых речь пойдет ниже.

В основу проведения фоноскопических экспертиз заложен лингвистический и акустический анализ речи. Лингвистический анализ – это изучение личностных характеристик речи – социальных, интеллектуальных и т. д., акустический – изучение анатомических и физиологических особенностей. Но все имеющиеся методы проведения фоноскопических экспертиз основаны на прослушивании записи экспертом и восприятию на слух имеющейся голосовой информации, что не исключает влияние человеческого фактора, к которому в основном относятся:

- среда записи (уровень и тип шума среды, уровень реверберации);
- эффект представления (длительность речи, психофизиологическое состояние гово-

рящего (болезнь, эмоциональное состояние и т. п.), язык речевого сообщения, акцент, громкость речи);

- низкое качество канала (помехи, искажения микрофона и канала передачи, вид кодирования в канале и т. д.).

С другой стороны, качественный сбор образцов для сравнительного исследования, определяющий в основном успешность проведения экспертизы, очень трудоемок и требует соблюдения многих условий:

1. Необходимо в речи использовать слова и фразы, в которых наиболее ярко проявляются особенности произношения, патологии речи или иные отклонения от общепринятых норм литературного языка.

2. Микрофон располагают на расстоянии около 0,5 метра от рта человека, запись образца голоса которого производится.

3. Запись желательно проводить на такую же аппаратуру, на какой была записана речь в виде следовой информации, и в тех же акустических условиях.

4. Окна и двери помещения, где производится запись, должны быть плотно закрыты, телефонные аппараты отключены, устранены и другие источники возможных посторонних шумов.

5. При записи фонограммы испытуемый должен произносить те же самые фразы и слова, что и в исследуемой записи.

Конечно же, соблюсти все условия зачастую невозможно. Отсюда возникает необходимость исследования голоса человека вне зависимости от каких-либо условий. Российские ученые В.Н. Сорокин, В.В. Вьюгин, Ю.Н. Матвеев, К.Л. Тассов, Р.А. Дятлов посвятили изучению частотных характеристик голоса, и одной из таких методик идентификации по голосу и посвящена данная статья.

Если рассматривать голос с повседневной точки зрения, то это один из основных коммуникативных элементов нашей жизни. Но подстраиваясь для общения, мы формируем его индивидуальность. С того момента, как человек издает свой первый крик, начинается формирование подачи звуков для отражения эмоционального и физиологического состояния. То есть подсознательно ребенок привлекает внимание матери голосом, если он проголодался или у него что-то болит, а в ответ на ласку материнских рук его крик становится «мягче» и не таким пронзительным. Чуть позже начинается формирование голосовой подачи в соответствии с воспринимаемыми слухом манерами общения родителей, воспитателей в детском саду и учителей в школе. И в конечном итоге складывается тот голос, который сопровождает человека всю жизнь.

В формировании голоса участвуют не только анатомические элементы, но и формирующиеся в процессе голосообразования физиологические приемы. Конечно, в основе голоса наибольшую роль играют голосовые связки гортани. Но в процессе выработки голоса и формировании произношения отдельных звуков человек приспосабливается напрягать дыхательные мышцы таким образом, чтобы регулировать прохождение воздуха через голосовые связки с целью получения оптимального, на его взгляд, звукообразования. Также к формированию голоса причастны пазухи верхних челюстей, лобной и клиновидной костей черепа – воздух, находящийся в них, под действием колебаний звуковой волны резонирует, что добавляет голосу дополнительное звучание. Определенно на голосе отражается и функционирование желез внутренней секреции: половые железы определяют грубость голоса у мужчин и более высокие голоса женщин, парашитовидные железы регулируют процесс кальцинации или окостенения гортани, от чего голос с годами грубеет. Есть определенная зависимость между психическим здоровьем человека и его голосо-

сом: например, шизофрения и олигофрения приводят к утрате голосом звучности и мелодичности.

Как и у любого физического явления, у голоса есть свои характеристики, основными из них являются высота и тембр [3].

Из физики известно, что высота звука зависит от частоты колебательных движений воздуха, а также от размеров и напряженности колеблющегося тела. То есть чем чаще колебания и чем меньше и тоньше колеблющееся тело, тем выше звук. Колебания воздуха при голосообразовании создают голосовые складки. Количество смыканий и размыканий голосовых связок определяет тон голоса, а их размер определяет высоту. При коротких и тонких голосовых складках голос высокий, как у детей и женщин, и чем толще и длиннее складки, тем голос более низкий [2].

Индивидуализирующим параметром голоса является его тембр. Голос – сложный звук, то есть состоящий из сливающихся в единое звучание различных по частоте и силе колебаний. Высоту звучания в сложных звуках определяет основной тон, но существуют еще обертоны (частичные тоны). Тембр голоса – это совокупность основного тона и обертонов, которые определяют и индивидуализируют голос. Колебания голосовых складок формируют основной тон (высота голоса), а дополнительные колебания, возникающие в резонаторах, формируют обертоны. Любые полые образования дыхательных путей будут являться резонаторами – трахея, бронхи, гортань, глотка, полость рта и вышеупомянутые пазухи костей черепа. Полости, имеющие неизменный объем, создают обертоны постоянной частоты. Полости же, меняющие свой объем, соответственно, изменяют и частоту обертона, а от этого звучание голоса может варьировать в достаточно широких пределах (рис. 1) [1; 2].

Различно происходит восприятие голосовой волны. Если голос мы слышим на расстоянии, то звуковой импульс, доходя до уха, воздействует на мембрану барабанной перепонки. Перепонка от этих импульсов начинает создавать вибрацию. Эти импульсы передаются на звуковые косточки: стремя, молоток. Так как стремя напрямую соединено с улиткой, оно создает давление на жидкость, которая имеется в областях верхнего и нижнего отдела. Жидкость также оказывает влияние на базилярную мембрану,

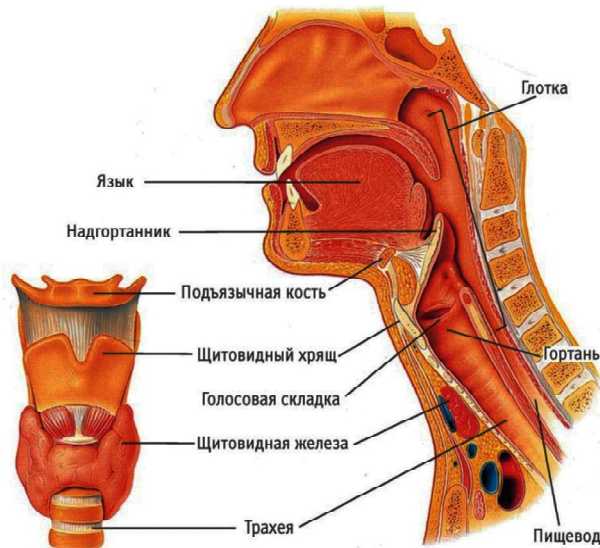

Рис. 1. Строение голосового аппарата человека

в которой присутствуют слуховые нервы, создавая внутри вибрационную волну. Эти вибрационные волны заставляют двигаться реснички волосковых клеток в кортиевом органе, тем самым раздражая пластину, которая находится над ними (рис. 2) [1]. Весь этот процесс называется воздушной проводимостью [2].

На последнем этапе преобразования звука волосковые клетки посредством нервных импульсов доставляют информацию относительно звукового сигнала к головному мозгу. Уже непосредственно в мозгу происходит самый сложный процесс, который позволяет определить фоновый шум от известных сигналов, сравнивая их с теми, что уже имеются в памяти, распределяя их на группы и окончательно распознавая сигнал. Это один из самых молниеносно протекающих процессов в организме, причем действует он с момента рождения без подготовок и тренировок.

В случае же восприятия собственного голоса к вышеописанному процессу подключается дополнительное колебание жидкости в улитке за счет возникающей вибрации костей черепа – костная проводимость. Это создает несколько отличающееся восприятие собственного голоса и это объясняет не узнавание собственного голоса, записанного на магнитофонную пленку и т. п.

Таким образом, индивидуальность голоса определяется развитием анатомических структур организма, а также формирующейся физиологией функционирования дыхательной системы человека. Поэтому голос человека также уникален, как его отпечатки паль-

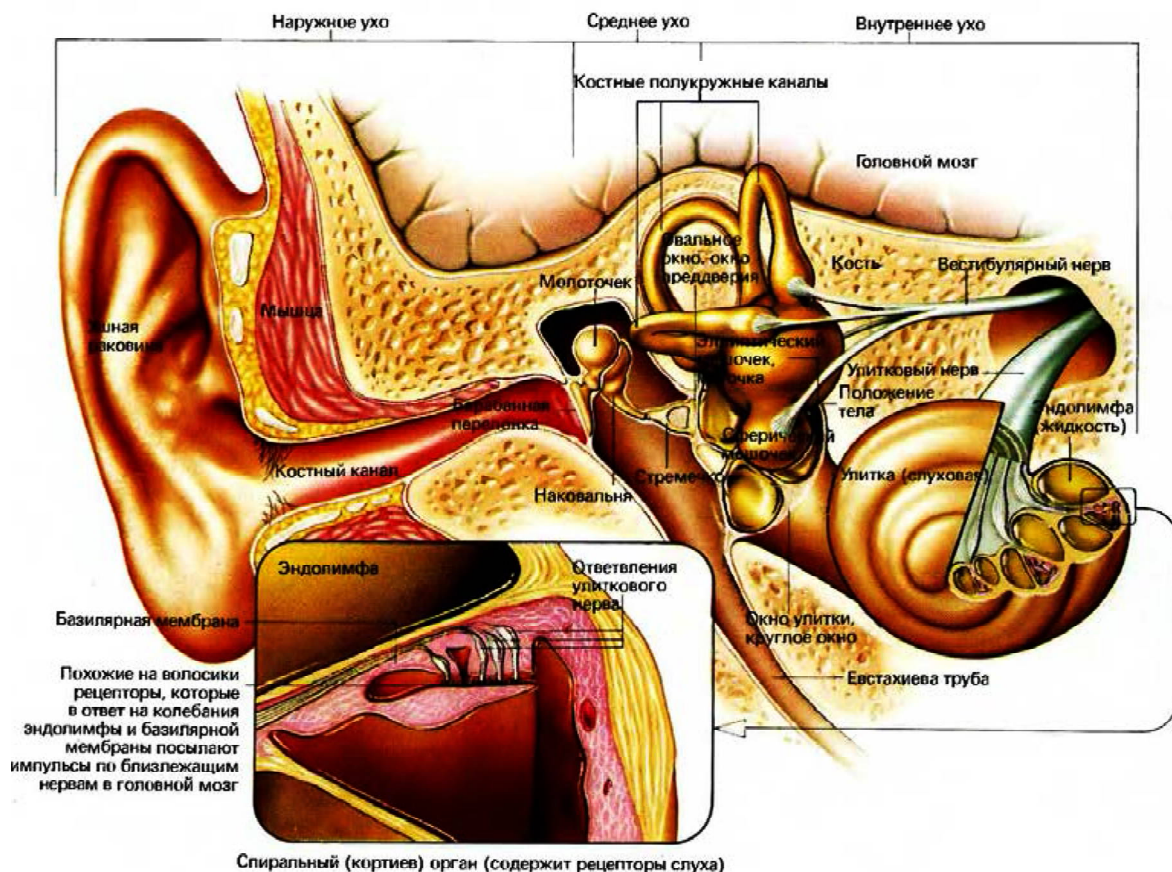

Рис. 2. Строение слухового аппарата человека

цев, генетический профиль или запах. И идентификация личности по голосу является одной из наиболее точных.

С целью идентификации личности по голосу могут использоваться два подхода: текстозависимый и текстонезависимый. При текстозависимом подходе происходит автоматическое сравнение голоса говорящего с ранее записанным текстом или с генерированным системой опознавания текстом. Такие системы используются для доступа пользователя в банках, call-центрах и т. д. В криминалистике наибольшую значимость имеет текстонезависимый подход, то есть опознавание человека по свободной речи, где слова и фразы могут не совпадать. Но в любом случае необходимо прибегнуть к моделированию голоса говорящего. Для этого существуют несколько способов:

- для класса текстозависимых систем – динамическое преобразование времени (Dynamic Time Warping; DTW) и скрытые марковские модели (Hidden Markov Model; HMM);

- для класса текстонезависимых систем – векторное квантование (Vector Quantization; VQ), модели гауссовой модели смеси (GMM) и метод опорных векторов (опорная векторная машина (SVM)).

Большинство из этих способов показали низкую результативность либо трудности в создании системы идентификации. Наиболее точными, с вероятностью до 94 % опознания человека по голосу, могли бы показать модели гауссовой модели смеси (GMM) [4].

Гауссовы смеси распределений – это одна из форм оценки плотности распределения, которые дают приближенное значение распределения вероятностей данных. По теории вероятности наиболее часто встречаемое значение именуется термином «мода». При мультимодальном распределении исходных данных применяется их исследование по принципу гауссовских смесей распределений. Графически мультимодальное распределение отображается в виде несколько «горбов» (рис. 3).

Любые частотные колебания можно рассматривать по принципу гауссовских смесей распределений, в том числе и голосовые колебания (рис. 4).

Для построения модели каждого говорящего человека используются такие параметры, как вектор математического ожидания, ковариационные матрицы и вес смесей для каждой из компонентов модели. Для этого

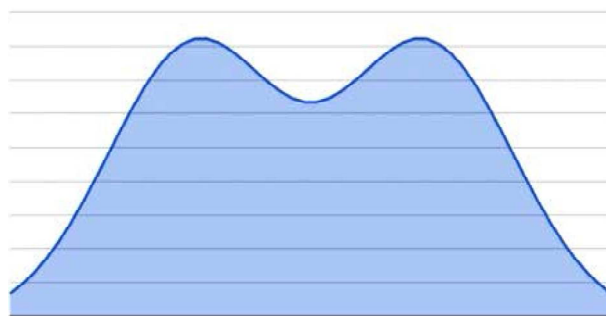

Рис. 3. Пример мультимодального распределения данных

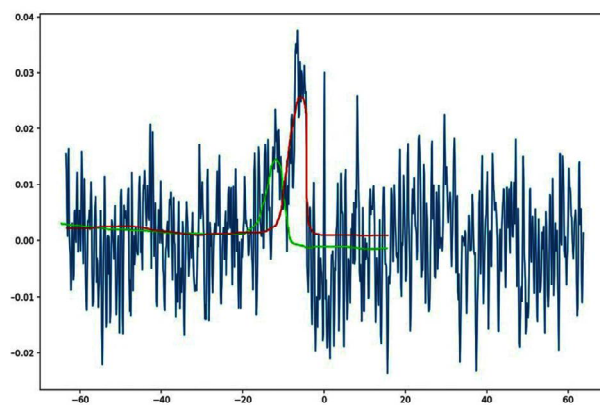

Рис. 4. Распределение звуковых колебаний по типу гауссовских смесей распределений

используются многочисленные формулы расчета, что приводит к построению индивидуальной модели говорящего человека.

Для идентификации по голосу по принципу гауссовской смеси распределения необходимо действовать поэтапно:

- 1 этап – извлечение и обработка признаков голоса;

- 2 этап – разработать алгоритм идентификации и параметров ее оценки;

- 3 этап – определение числа компонентов гауссовской смеси.

На первом этапе происходит оцифровывание входящего голосового сигнала и его разбивка на отдельные амплитудные значения через некоторые интервалы времени. При этом сигнал просматривается отдельными фрагментами – окнами определенной продолжительности, и окна должны перекрывать друг друга. Внутри окна оцифрованный сигнал просматривается более мелкими участками – кадрами, то есть отдельными компонентами голосового сигнала, для которых предполагается постоянство свойств на данном промежутке времени. После этого математическим путем вычисляется функция окна,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

характеристиками которой являются параметры: ширина (в миллисекундах), смещение (число миллисекунд между границами последовательных окон) и форма. В результате окончательной обработки каждого участка получается полный сигнал только голоса человека без посторонних помех.

После этого с каждого кадра необходимо получить спектральную составляющую. Для этого используется преобразование Фурье – операция, сопоставляющая одной функции вещественной переменной другую функцию вещественной переменной. Эта новая функция описывает коэффициенты («амплитуды») при разложении исходной функции на элементарные составляющие – гармонические колебания с разными частотами.

Далее выявляют кепстральные признаки – показывают частоты повторяющихся колебаний спектра. Кепстральные признаки необходимо перенести на мел-шкалу – модель частотной чувствительности человеческого слуха. Мел – количественная оценка звука по высоте. Мелы отражают восприятие звука человеческим слухом. Существуют формулы для перевода из шкалы мелов в шкалу герц и обратно. Мел-шкала и кепстральные признаки основывают мел-частотные кепстральные коэффициенты (mel-frequency cepstral coefficients или MFCC). MFCC – это значения кепстра, которые распределены по мел-шкале с использованием банка фильтров. Формируются треугольные фильтры, служащие для накопления значения энергии в каждом из частотных диапазонов (часть фильтров распределяются линейно ниже 1000 Hz, а остальные – логарифмически выше 1000Hz) и используют логарифм каждого полученного значения мела. Использование логарифма необходимо для того, чтобы различия в способах подачи входного сигнала меньше влияли на оценки индивидуальных признаков речи.

Далее переводим полученные значения в шкалу с частотами. На следующем шаге вычисляется кепстр сигнал. Это преобразование позволяет отделить источник волны звука от фильтра, свойства которого позволяют генерировать соответствующий звук при прохождении волны, имеющей частоту основного тона речи по голосовому каналу. При этом фильтр содержит большую часть полезной информации [5; 6].

После отображения графически мел-частотных кепстральных коэффициентов происходит сравнение с имеющимся образцом или сравнение двух голосов (рис. 5).

Остается определиться с количеством компонент гауссовской системы, достаточных для проведения идентификации личности. Существует график, показывающий эту зависимость (рис. 6).

Как видно из представленного графика, достаточно 5–10 компонент для достоверного установления принадлежности голоса конкретному человеку.

Таким образом, математические системы идентификации личности по голосу являются высокоэффективными и достаточно достоверными. Однако фоноскопические экспертизы проводятся экспертами, базируясь на восприятии звука на слух конкретным человеком. Да, человеческий слух очень чувствителен и способен распознавать звуки в различных диапазонах. Но человек может изменить свой голос, заглушить звучание различными шумами, искусственно изменить произношение отдельных звуков, что может сказаться на восприятии голоса. Подобные явления исключены при математической обработке, т. к. из звукового потока можно выделить константные компоненты за счет образования звуков в резонаторах, не изменяющих свой объем, о чем говорилось ранее.

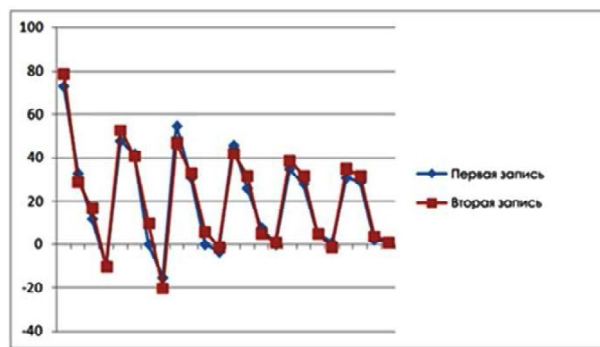
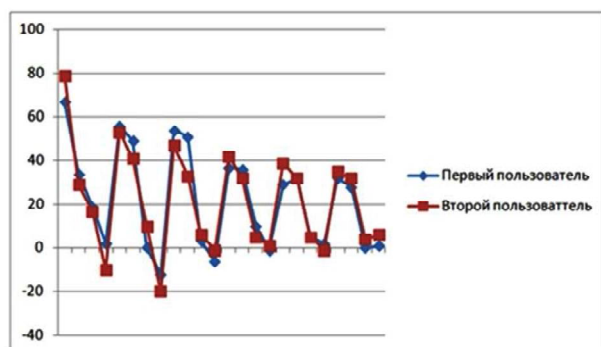

Рис. 5. Сравнение мел-частотных кепстральных коэффициентов голосов разных людей (слева) и одного и того же человека (справа)

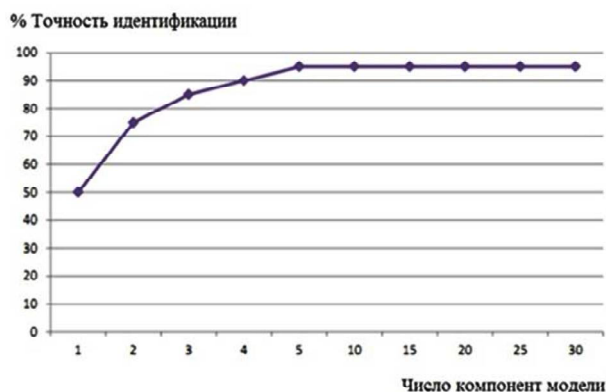

Рис. 6. Зависимость точности идентификации от количества выбранных компонент гауссовской системы

Биометрическая идентификация, с которой все начиналось, все больше возвращается в криминалистическую практику. Это связано с тем, что преступники все больше овладевают способами сокрытия следов на местах совершения преступлений: носят перчатки и шапочки, не оставляют следов при совершении преступлений против половой неприкосновенности. От этого изъятие дактилоскопических и биологических следов уже становится больше исключением из правил. И на первый план стали выступать такие способы идентификации, как по сетчатке и радужке глаза, по голосу и т. д. При расследовании и раскрытии преступлений террористической направленности, за-

хвата заложника с целью выкупа, угроз и вымогательства особенно актуальным становится вопрос идентификации по голосу, т. к. это единственная улика, находящаяся в руках у правоохранительных органов.

На сегодняшний момент алгоритмы обработки голосовой информации разработаны, однако широкого распространения систем фоноскопической идентификации нет. Возможно, это связано с экономическими причинами, а возможно, с недостаточным количеством специалистов, способных настроить и «обучить» подобную систему. Правоохранительные органы не должны отставать от прогресса и нарастающих скоростей обработки информации. Поэтому для ликвидации этого пробела и компьютеризации процессов идентификации и верификации личности по голосу необходимо взаимодействие экспертов-фоноскопистов с ведущими центрами по созданию компьютерных программ и технологий. Внедрение математического способа идентификации по голосу повысило бы точность установления преступника, гораздо сократило бы время проведения исследования. При этом решалась бы задача хранения и оперативного использования фоноскопической информации, т. к. оцифровывание голосовой информации приведет к возможности ее кодировки, а, следовательно, облегчит хранение и даст более широкие возможности в обмене и передаче подобной информации.

Литература

1. Синельников Р.Д. Атлас анатомии человека. М., 2018.
2. Агаджанян Н.А., Смирнов В.М. Нормальная физиология. М., 2009.
3. Мякишев Г.Я., Буховцев Б.Б., Чаругин В.М. Физика. Учебник для 11 класса. М., 2016–2017.
4. Чеботарев А.М. Введение в теорию вероятностей и математическую статистику для физиков. М., 2009.
5. Виленкин И.В., Гробер В.М. Высшая математика для студентов экономических, технических, естественно-научных специальностей вузов М., 2008.
6. Данилин А.А., Лавренко Н.С. Измерения в радиоэлектронике. СПб., 2017.

Bibliography

1. Sinelnikov R.D. Human Anatomy Atlas. M., 2018.
2. Agadzhanyan N.A., Smirnov V.M. Normal physiology. M., 2009.
3. Myakishev G.Ya., Bukhovtsev B.B., Charugin V.M. Fizika. Textbook for the 11-th form. M., 2016–2017.
4. Chebotarev A.M. An introduction to probability theory and mathematical statistics for physicists. M., 2009.
5. Vilenkin I.V., Grober V.M. Higher mathematics for students of economic, technical, natural science specialties of universities. M., 2008.
6. Danilin A.A., Lavrenko N.S. Measurements in electronics. SPb., 2017.

© 2021 г. Барсуков Сергей Сергеевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО РАДУЖНОЙ ОБОЛОЧКЕ И СЕТЧАТКЕ ГЛАЗА: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена основным принципам работы биометрических систем идентификации, использующих в качестве ключа глаз человека в криминалистических целях. Рассматриваются особенности анатомического строения радужной оболочки глаза и глазного дна, история, достоинства и недостатки каждого метода.

Ключевые слова: биометрия, идентификация, верификация, радужная оболочка глаза, сетчатка глаза, сегментация, параметризация.

Barsukov Sergey Sergeevich – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of Internal Affairs of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the police.

FORENSIC IDENTIFICATION BY THE IRIS AND RETINA OF THE EYE: CURRENT OPPORTUNITIES AND PROBLEMS OF APPLICATION

The article is devoted to the basic principles of biometric identification systems, using human eyes as a key for forensic purposes. The features of the anatomical structure of the iris and fundus, history, advantages and disadvantages of each method are considered.

Keywords: biometrics, identification, verification, iris, retina, segmentation, parametrization.

Биометрия – наука, основанная на описании и измерении характеристик организмов живых существ. В применении к системам автоматической идентификации биометрическими являются системы и способы, основанные на использовании для верификации и идентификации уникальных физиологических или поведенческих характеристик организма [1, 2].

В 1936 году американский хирург-офтальмолог Франк Бурш, основываясь на своем опыте, высказал предположение, что радужная оболочка каждого человека индивидуальна, ее можно использовать в качестве одного из параметров идентификации. Его последователи Леонард Флом и Аран Сафир продолжили разработки и в 1987 году запатентовали метод аутентификации по радужной оболочке. Возник вопрос о создании некой системы для применения данного метода, и на помощь к ним пришел Джон Даугман, который в 1989 году разработал саму теорию и алгоритмы идентификации. В 1990 году Даугманом был впервые применен метод кодирования структур радужки, который он запатентовал в 1993 году.

Параллельно с исследованием радужной оболочки в 30-х годах XX-го века Карлтон Саймон и Изодор Гольдштейн проводили исследование сетчатки глаза и выявили уни-

кальность ее структуры. Но полное научное исследование и окончательный вывод об индивидуальности сетчатки глаза сделал в 1950-м году Пол Тауэр.

Таким образом, биометрическая идентификация по глазам человека была признана состоятельной и стала использоваться для идентификации личности как в гражданских структурах, так и в криминалистике, и до 2012 года система казалась безупречной.

На конференции по безопасности BlackHat 2012 в Лас-Вегасе испанский ученый Хавьер Галбалли представил выводы о проведенных им двух экспериментах, в ходе которых осуществлялись атаки на систему распознавания по радужной оболочке. В ходе первого эксперимента пользователи регистрировались в системе по изображению радужки, распечатанном на принтере, которое затем предъявлялось для идентификации. Во втором эксперименте регистрация проводилась по изображению настоящей радужной оболочки, но для идентификации использовались распечатки. Обе атаки оказались успешными в более чем 50 % случаев, что полностью подрывает безупречность работы систем распознавания.

Возникает логичный вопрос: так ли надежны системы биометрической аутентификации

по радужке и сетчатке глаза и каковы возможности и перспективы применения данных методов идентификации в криминалистике и гражданском обществе?

В системах идентификации по глазу (рис. 1) в виде носителя идентификационного кода в зависимости от используемого метода применяется узор радужной оболочки или рисунок капилляров на сетчатке глаза (статические методы).

Для начала рассмотрим способ идентификации по радужной оболочке.

Радужная оболочка – передний отдел сосудистой стенки глаза, в ее центре располагается округлое отверстие – зрачок (рис. 2). Радужка разделяет роговицу и хрусталик, ре-

гулирует поступление света через зрачок в глазное яблоко за счет мышц, выполняющих противоположную функцию: сфинктеров, суживающих зрачок, и дилаторов, которые зрачок расширяют.

Расширение зрачка происходит при малом световом потоке для усиления поступления фотонов света. Сужение – при ярком либо резком освещении в целях предупреждения ослепления. При этом реакция зрачков на свет является сочетанной, то есть если в одном глазу происходит расширение или сужение зрачка от воздействия потока света, то в другом глазу происходит то же самое, не зависимо от того, в каких условиях освещенности он находится. Исключение составляют случаи

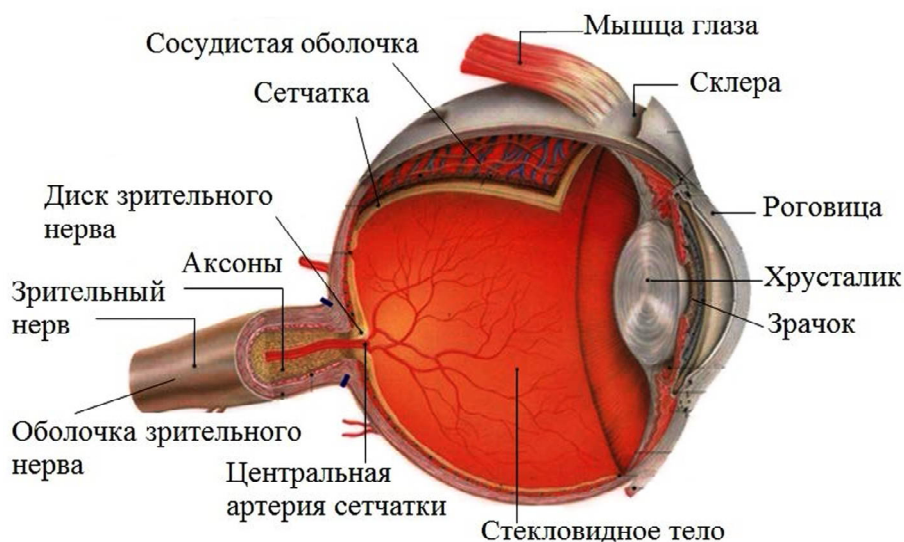

Рис. 1. Строение глаза

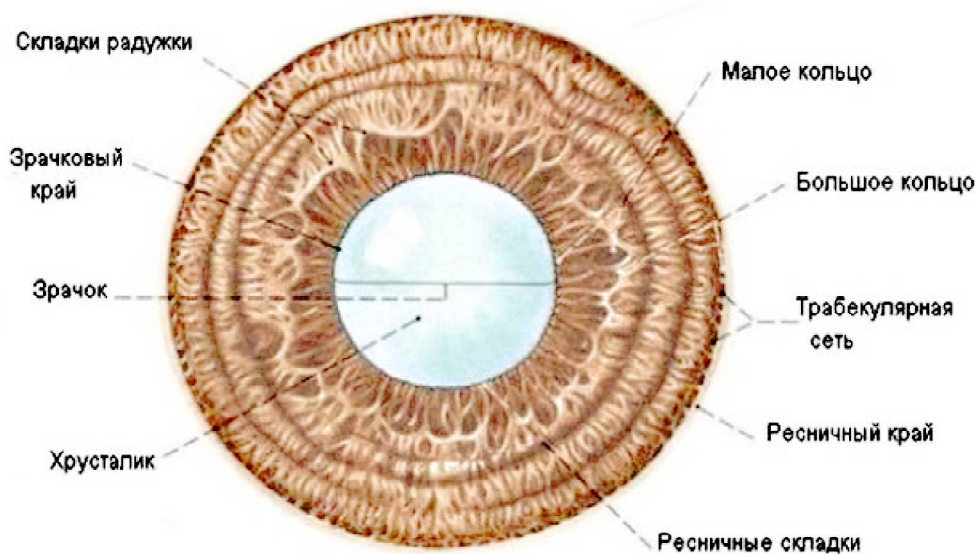

Рис. 2. Строение радужки.

наркотического опьянения, когда реакция зрачков на свет разобщается. Сокращение зрачка также способствует углублению резкости поступающего изображения на сетчатку.

Радужка имеет форму диска, состоит из переднего пограничного слоя, среднего стромального и заднего пигментно-мышечного. Передний слой состоит из соединительной ткани, под ним располагаются меланоциты – клетки, содержащие пигмент, который определяет цвет глаз. В строме – коллагеновые волокна и капиллярная сеть. Задний слой радужки – пигментно-мышечная структура, примыкающая к поверхности хрусталика, состоит из кольцевидного сфинктера и радиально расположенного дилатора.

Передняя поверхность радужной оболочки делится на зрачковый и ресничный пояс. Границей между ними является зубчатая линия, круг Краузе. Передняя поверхность имеет губчатый рельеф за счет крипт и лакун, располагающихся между тонкими перемычками – трабекулами, образованными сосудами и окружающей их соединительной тканью.

Лакуны – углубления в строме радужки, образующиеся при расхождении трабекул. Лакуны могут быть овальными, ромбовидными, щелевидными, неправильной формы.

Крипты – структурные ромбовидные знаки, как правило, небольшого размера с очерченными краями, острыми углами.

Ячейки – множественные образования, которые представляют собой трабекулярные переплетения, имеющие вид пчелиных сот.

Таким образом, по своей структуре радужная оболочка является сетчатым образованием – трабекулярной сетью, состоящей из множества сосудов, углублений, борозд, ячеек, колец и морщин. Все эти элементы лежат в основе индивидуальности радужки.

Радужная оболочка благодаря своему расположению достаточно защищена от действия внешних повреждающих факторов, узор трабекулярной сети формируется на восьмом месяце эмбрионального развития. Некоторые заболевания, а также травмы могут привести к изменениям в радужной оболочке, но эти изменения носят точечный характер и общей картины не меняют (за исключением случаев значительного травмирования органа и хирургического вмешательства), но с другой стороны, подобные изменения могут также использоваться как идентификационный признак.

Различия строения левого и правого глаз человека способствует дополнительной надежности аутентификации методом сканирования радужной оболочки. Уникальность ее рисунка обусловлена генотипом, отличия радужки имеются даже у близнецов.

Процесс распознавания личности по радужной оболочке состоит из нескольких этапов: получения изображения, сегментации, параметризации [3].

На этапе получения изображения глаза используется, как правило, монохромная камера, чувствительная к инфракрасному излучению. В связи с тем, что зрачок чувствителен к свету и меняет свой размер в зависимости от освещения, производится серия снимков за несколько секунд, затем выбирают одну или несколько фотографий и приступают к сегментации.

Для считывания узора радужной оболочки глаза может применяться дистанционный способ снятия биометрической характеристики: видеокамеры захватывают изображение глаза, после чего система автоматически выделяет зрачок и радужную оболочку.

Сегментацией называют разделение изображения внешней части глаза на отдельные участки. На данном этапе из изображения удаляют блики, наложения ресниц, а также производят выделение зрачка, определение его границ и параметров. После получения информации о зрачке определяют параметры радужки.

Изображение нормализуют, затем, получив данные о радиусе и центре радужки, производят развертку изображения, выделенную область переводят в прямоугольник.

Параметризация включает в себя выделение контрольной области и определение контрольных точек. К каждой точке применяют линейный электронный фильтр (двухмерные волны Габора) с целью определения индивидуальных особенностей, распознавания границ и извлечения фазовой информации [4]. Таким образом, создается шаблон, который в процессе идентификации сверяется с другими шаблонами, загруженными в базу.

Технология биометрического распознавания по радужной оболочке глаза предусматривает идентификацию пользователя при условии повреждения радужной оболочки (не более чем на 2/3) и защиту от подмены. Среди известных способов подделок радужной оболочки можно выделить следующие:

- представление системе напечатанного на принтере с высоким разрешением изображения радужки;
- контактной линзы с рисунком оригинальной радужки;
- изображения радужки с экрана какого-либо устройства;
- искусственного глаза, изготовленного из пластика или стекла [5].

Обнаружение подмены с помощью высококачественных фотоснимков или макетов глаза происходит за счет использования инфракрасного освещения для контроля размера зрачка и определения состояния ткани. С помощью нескольких точечных источников света вызывается непроизвольное движение глаза и регистрируется изображение радужной оболочки в подвижном и неподвижном состоянии глаза с последующей отдельной обработкой результатов. Также система может затребовать дополнительное взаимодействие с пользователем: например, закрыть, открыть веки.

Важным преимуществом данного метода является то, что сканеры радужной оболочки глаза не требуют, чтобы человек сосредоточился на цели, так как радужная оболочка находится на поверхности глаза. При этом, даже повреждения хрусталика глаза (катаракта) никак не влияют на процесс сканирования, так как хрусталик располагается позади радужной оболочки.

Данные сканеры широко применяются в аэропортах многих стран мира для аутентификации сотрудников при пересечении зон ограниченного доступа [6].

Однако исследователи зафиксировали ухудшение идентификации по радужной оболочке глаза после приема человеком алкоголя [7].

Альтернативный способ использовать глаз для биометрической идентификации – сканирование сетчатки.

Сетчатка располагается с внутренней стороны задней части глазного яблока и представляет собой тонкий слой нервной ткани. Микроскопически сетчатка состоит из 10 слоев. Основными слоями являются пигментный эпителий и фоторецепторы – палочкоподобные и колбочкоподобные по форме клетки. Колбочки отвечают за центральное форменное зрение и цветоощущение. Палочки обеспечивают зрение при слабом освещении.

Сетчатка воспринимает изображение, проецирующееся на нее при помощи роговицы и хрусталика, и преобразовывает его в нервные импульсы, которые передаются в головной мозг. Таким образом, сложная структура позволяет сетчатке воспринимать свет, обрабатывать и трансформировать световую энергию в сигнал, в котором закодирована информация о том, что видит глаз [8].

Сетчатка расположена глубоко внутри глаза. Сканирование происходит с использованием инфракрасного низкоинтенсивного излучения. При этом алгоритм считывает не рисунок сетчатки, а изображение глазного дна (рис. 3). Сосуды, которые снабжают глаз кровью, хорошо видны при подсветке глазного дна внешним источником света. Самые современные сканеры вместо инфракрасного излучения используют лазер мягкого действия.

Первым этапом процесса распознавания сетчатки является сбор и обработка данных. Основным требованием является устойчивость к вращению и смещению сетчатки, так как из-за движений головы или глаза может возникнуть вращение, смещение, масштабирование относительно образца из базы данных.

Для прохождения аутентификации человек должен приблизить лицо к сканеру, после чего голова фиксируется, а взгляд при этом направляется на специальную метку.

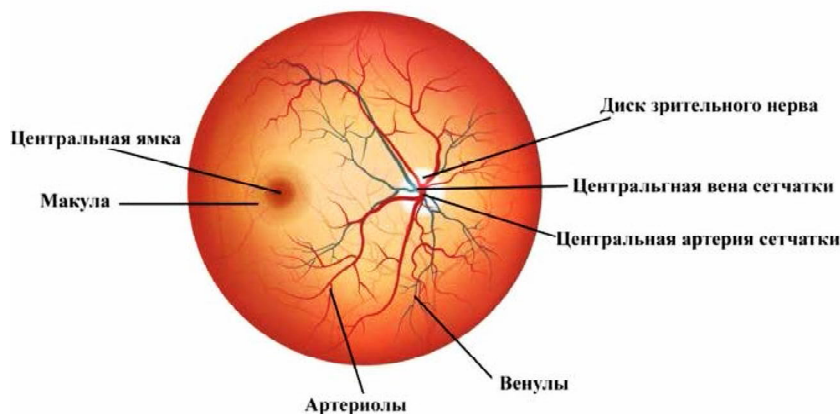

Рис. 3. Глазное дно

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Расстояние от глаза до устройства не должно превышать 1,5 см.

На втором этапе извлекаются информация. С сетчатки может быть получено до 400 уникальных признаков, после чего создается шаблон регистрации.

Алгоритмы аутентификации по сетчатке разделяются на два типа. 1-й тип алгоритмов используют методы сегментации для извлечения признаков [9]. Алгоритмы 2-го типа извлекают признаки непосредственно с изображения сетчатки [10].

Преимуществом метода аутентификации по сетчатке глаза является отсутствие разбросов для обмана системы.

Однако в настоящее время существует ряд причин, которые препятствуют широкому распространению методу идентификации по сетчатке глаза. К ним относится высокая стоимость считывателя, сложность оптической системы, а также невысокая пропускная способность – человек должен на протяжении нескольких секунд смотреть в окуляр в специальную точку. Длительное нахождение в одном положении и фиксация взгляда являются самыми значительными недостатками данного метода. Помимо этого существует и психологический фактор: многие люди испытывают опасения, что данная процедура негативно влияет на зрение, однако научно данный факт не доказан.

Следует отметить, что данные системы совершенствуются, им находится применение в современном мире: в США разработана система проверки пассажиров, которая основана на сканировании сетчатки глаза.

С каждым годом технологии становятся все более совершенными. Это означает, что биометрические методы идентификации будут все более популярны и доступны на рын-

ке. Методы биометрической идентификации по сетчатке и радужной оболочке глаза занимают второе место по точности. Первое место у метода анализа структуры ДНК. Однако данный метод является самым дорогостоящим и сложным.

В таблице 1 приводится сравнительный анализ методов биометрической идентификации по радужной оболочке глаза и сетчатке с методом идентификации по отпечаткам пальцев, который является наиболее распространенным благодаря достаточной эффективности и невысокой стоимости.

Понятие неизменности биометрической характеристики является условным. Вследствие различных травм (например, порезов) или особенностей профессиональной деятельности (аграрное производство, штукатурки, маляры) папиллярные узоры могут временно «затираться» и становиться непригодными для идентификации. Операции или травмы, изменяющие рисунок радужной оболочки, являются большой редкостью.

Идентификация по радужной оболочке – одна из самых надежных, но дорогих технологий биометрической идентификации. Контактные линзы, очки и даже повреждения хрусталика глаза не влияют на получения изображения. К достоинствам также следует отнести достаточную комфортность метода, так как он не требует физического контакта с устройством, также отсутствует поток яркого света, направленного в глаз. На одном кадре можно захватить два глаза, что повышает уровень достоверности идентификации. Данный метод является и более быстрым по сравнению с идентификацией по сетчатке, следовательно, может использоваться на объектах с высокой проходимостью [11].

Метод идентификации по сетчатке глаза также высоко надежен, так как капиллярный

Таблица 1

	Отпечаток пальца (оптический считыватель отпечатка)	Радужная оболочка	Сетчатка
Неизменность характеристики	Средняя	Высокая	Высокая
Чувствительность к влиянию внешних факторов	Высокая	Средняя	Высокая
Скорость аутентификации	Высокая	Высокая	Низкая
Комфорт пользователя	Средний	Высокий	Низкий
Стоимость	Низкая	Высокая	Высокая
Вероятность фальсификации	Возможна	Возможна	Невозможна

рисунок на сетчатке является одним из наиболее стабильных физиологических признаков. Однако данный метод очень дорог, имеет в настоящее время невысокую пропускную способность, чувствителен к влиянию внешних факторов, не является комфортным.

Базируясь на возможностях каждого из способов идентификации личности по структурам глаза, возможно их использование в профилактике преступлений террористической направленности. Так, например, высокая скорость аутентификации и дистанционный способ снятия характеристики позволяют устанавливать сканеры радужки в местах с большой проходной способностью, там, где террористы и пытаются укрыться в толпе – выходы и входы в аэропорты, вокзалы, метро, стадионы, рынки, супермаркеты и т. д. С целью недопущения случайных лиц сканеры сетчатки глаза следует устанавливать на предприятиях особой важности (атомные

электростанции, химические предприятия и т. п.) для предотвращения совершения террористического акта. В данном случае временной фактор идентификации не столь важен, т. к. количество работающих в смену сотрудников достаточно невелико в связи с автоматизацией многих производственных процессов. Но в результате применения сканеров сетчатки глаза достоверность проникновения на территорию предприятия только сотрудников приблизится к 100 %.

С точки зрения криминалистической идентификации личности создание баз данных радужной оболочки и сетчатки глаз может помочь при установлении личности в случае расчленения трупа, при отсутствии кистей или информации о человеке в базах данных дактилоскопических учетов и учетов геномной информации, при попытках обезображивания лица и невозможности проведения портретной экспертизы.

Литература

1. Болл Р., Коннел Д., Панканти Ш., Ратха Н., Сеньор Э. Руководство по биометрии. М., 2007.
2. URL: <https://securityrussia.com/blog/biometriya.html>.
3. Латыпов А.С., Конева Н.Е. Анализ методов идентификации личности // Знание. № 6–1. Киев, 2018.
4. Гришенкова Н.П., Лавров Д.Н. Обзор методов идентификации человека по радужной оболочке глаза // Математические структуры и моделирование. № 1. 2014.
5. Czajka A. [et al.]. Presentation Attack Detection for Iris Recognition: An Assessment of the State-of-the-Art // ACM Comput. Surv. New York, NY. 2018. Vol. 51. № 4.
6. URL: <https://www.azone-it.ru/sovremennyye-metody-biometricheskoy-identifikatsii>.
7. URL: Iris Recognition under Alcohol Influence: A Preliminary Study. http://biometrics.cse.msu.edu/Publications/Iris/Aroraetal_IrisRecognitionUnderAlcoholInfluence_PreliminaryStudy_ICB12.pdf.
8. URL: <https://md.excimerclinic.ru/retina/structure/>.
9. Нафиков М.А. Алгоритмы сегментации кровеносных сосудов сетчатки глаза // Прикладная информатика. № 3. М., 2016.
10. URL: <https://papeleta.ru/angina/kak-rabota-et-skaner-setchatki-glaza-skaner-raduzhnoi-obo-lochki-kakaya/>.
11. URL: <http://www.techportal.ru/security/biometrics/tekhnologii-biometricheskoy-identifikatsii/>.

Bibliography

1. Ball R., Connel D., Pancanti Sh., Ratha N., Senor E. Biometrics manual. M., 2007.
2. URL: <https://securityrussia.com/blog/biometriya.html>.
3. Latypov A.S., Koneva N.E. Analysis of personality identification methods. Knowledge, № 6–1, Kiev, 2018.
4. Grishenkova N.P., Lavrov D.N. Review of methods for human identification by the iris of the eye // Mathematical structures and modeling. № 1. 2014.
5. Czajka A. [et al.]. Presentation Attack Detection for Iris Recognition: An Assessment of the State-of-the-Art // ACM Comput. Surv. New York, NY. 2018. Vol. 51. № 4.
6. URL: <https://www.azone-it.ru/sovremennyye-metody-biometricheskoy-identifikatsii>.
7. URL: Iris Recognition under Alcohol Influence: A Preliminary Study. http://biometrics.cse.msu.edu/Publications/Iris/Aroraetal_IrisRecognitionUnderAlcoholInfluence_PreliminaryStudy_ICB12.pdf.
8. URL: <https://md.excimerclinic.ru/retina/structure/>.
9. Nafikov M.A. Retinal blood vessel segmentation algorithms // Applied Informatics. № 3. 2016.
10. URL: <https://papeleta.ru/angina/kak-rabota-et-skaner-setchatki-glaza-skaner-raduzhnoi-obo-lochki-kakaya/>.
11. URL: <http://www.techportal.ru/security/biometrics/tekhnologii-biometricheskoy-identifikatsii/>.

© 2021 г. Фойгель Елена Игоревна,

заместитель директора Института государства и права Байкальского государственного университета по учебной работе кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: foiguelena@gmail.com

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ЭТНООРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблемным вопросам криминалистического изучения личности – рассмотрен генезис развития частной криминалистической теории о личности, проведено разграничение научных интересов уголовного права, криминологии и криминалистики в изучении субъекта, человека, личности.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическое изучение личности, криминалистическая характеристика преступника, криминалистическая характеристика потерпевшего, этнические характеристики, этнический фактор в расследовании преступлений, этнические организованные преступные группы, расследование преступлений, совершенных иностранцами, расследование преступлений, совершенных против иностранных граждан.

Foigel Elena Igorevna – Deputy Director of the Institute of State and Law, the Baikal State University for Academic Affairs, PhD in Law, Associate Professor.

CRIMINALISTIC STUDY OF PERSONALITY IN ETHNO-ORIENTED DISCOURSE

The article is devoted to the problematic issues of the forensic study of personality – the genesis of the development of a private forensic theory of personality is considered, a distinction is made between the scientific interests of criminal law, criminology and forensic science in the study of the subject, person, personality.

Keywords: crime investigation, forensic study of personality, forensic characteristics of a criminal, forensic characteristics of a victim, ethnic characteristics, ethnic factor in crime investigation, ethnic organized criminal groups, investigation of crimes committed by foreigners, investigation of crimes committed against foreign citizens.

Изучение личности в криминалистике традиционно восходит к середине прошлого столетия, когда ряд ученых-криминалистов отметил необходимость формирования частной криминалистической теории, изучающей личность обвиняемого, подозреваемого во взаимосвязи с механизмом преступления. Научные основы криминалистического изучения личности преступника были заложены в работах М.Г. Коршика, С.С. Степичева, А.С. Кривошеева, И.М. Матусевича и других. Позднее появились работы, изучающие личность потерпевшего и ее связь с механизмом образования следов преступления. Основная критика формирующейся частной криминалистической теории заключалась в «несамостоятельности» ее основных положений, основная часть которых «относится не к криминалистике, а к криминологии, судебной психологии, уголовному праву и другим наукам; соматические и психофизиологические свойства личности, представляющие интерес для криминалистики и не изучаемые в нужном для нее аспекте другими науками, давно являются объектом исследования существующих частных криминалистиче-

ских теорий». Однако высказанная позиция представляется весьма дискуссионной, поскольку и криминология, и уголовное право, и судебная психология изучают личность преступника с иных ракурсов и преследуют разные цели. Человек вообще является объектом изучения большинства естественных и гуманитарных, в том числе юридических, наук, однако это не влечет за собой смешения предмета исследования. Принципиальная разница содержится даже в смысле используемых одноименных понятий – к примеру, уголовно-правовое понятие «субъект преступления» применяется к определенному индивиду, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда, а одноименная криминалистическая категория представляет собой обобщенный, не персонализированный портрет потенциального преступника: под субъектом преступления в криминалистическом аспекте следует понимать лицо, совершившее преступление определенной категории, признаки которого, образуя механизм совершения преступления и отображаясь в окружающей среде, подлежат полному

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

и всестороннему установлению в процессе расследования преступления в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом.

В отличие от криминологической науки, изучающей личность преступника как совокупность социально значимых свойств, определяющих виновное совершение преступления, меру социальной патологии в человеке, криминалистическое изучение личности не имеет своей целью установление свойств, детерминирующих совершение преступления. Исходя из двойственности предмета криминалистической науки, изучение личности в криминалистике осуществляется для достижения двух групп задач:

– во-первых, установление роли личности преступника в механизме совершения преступления. В данном случае объектом познания выступают свойства и качества личности, определяющие выбор способов и средств подготовки, совершения и сокрытия преступления (познания, опыт, круг общения, преступные связи, навыки, привычки, профессия и др.), а также личностная информация, отраженная в следах совершения преступления, собирание и исследование которой осуществляется для решения идентификационных, диагностических, ситуационных и классификационных задач;

– во-вторых, изучение личности как объекта тактического воздействия. Информационной и научно-методологической основой разработки наиболее эффективных и рациональных способов производства отдельных следственных действий являются психологические, социальные и антропологические качества личности (внешний облик, характер, темперамент, направленность, мировоззрение, увлечения, биографические данные, принадлежность к определенным социальным группам и т. д.), которые позволяют разрабатывать и применять научно обоснованные и практически значимые тактические приемы организации и производства отдельных следственных действий и тактических комбинаций.

Несмотря на различные цели и задачи исследования личности, криминологи не отрицают целесообразности междисциплинарного подхода в изучении проблемы: «Криминология органически связана с криминалистикой и теорией оперативно-розыскной деятельности. Эти науки вполне могут заимствовать для своих нужд достижения криминологии в части познания личности преступника и преступного

поведения, его мотивов. Но и криминология должна воспользоваться имеющейся научной информацией у названных наук относительно субъективных причин совершения конкретных преступлений, структуры и внутригрупповой динамики организованных преступных сообществ, криминальной субкультуры».

В настоящее время исследование отдельных аспектов криминалистического изучения личности не теряет своей актуальности и выразилось в формировании концептуальных основ установления личности преступника в криминалистике, криминалистического учения о навыках и привычках человека, теории криминалистического установления личности, криминалистической характеристики преступника, криминалистического учения о личности несовершеннолетнего обвиняемого, криминалистического учения о лице, совершившем преступление, и других научных исследованиях.

Однако реалии развития современного общества предъявляют новые требования к вектору исследования объектов криминалистического познания. Криминалистическое изучение личности направлено на выявление, анализ, оценку и использование криминалистической информации о личности участника уголовного судопроизводства, которая имеет значение для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, а также разработку информационного и научно-методологического базиса для разработки тактических приемов и операций. Учитывая мультикомпонентный состав данной информации, представляется целесообразным выделить в структуре криминалистического изучения личности следующие информационные блоки:

– соматический, охватывающий свойства и признаки биологического характера, выраженного во внешнем облике человека, а также исследовании биологических следов человека;

– психический, включающий в себя характеристику психологических свойств и состояний человека;

– социальный, заключающийся в анализе криминалистически значимых последствий принадлежности человека к определенным социальным группам;

– навыковый, выраженный в совокупности устойчивых функционально-двигательных навыков, нашедших отражение в механизме преступления, а также восприятию,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

анализе и воспроизводстве уголовно-релевантной информации.

Все выделенные информационные блоки характерны для состоявшейся личности участника уголовного судопроизводства, независимо от его процессуального статуса (обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т. д.), то есть для личности, прошедшей все этапы своего развития в процессе социализации – широкого понятия, включающего в себя и воспитание (система целенаправленных, тщательно спланированных действий, в результате чего у ребенка формируются определенные качества и навыки), и образование, и всю совокупность стихийных, никем не запланированных воздействий, оказывающих влияние на процесс становления личности, на процесс ассимиляции индивидов в социальные группы. Естественно, что порядок и условия социализации не могут не влиять на личностные свойства и качества любого члена социума и неизбежно имеют внешнее выражение во всех видах деятельности, им осуществляемых.

Определяющую роль в формировании личности играют социальные группы, в рамках которых осуществляется социализация. В качестве таковых могут выступать малые (семья, школа, друзья, кружки, общества) и большие (государства, народы), однако их дифференцированность и разнонаправленность не позволяет рассмотреть обусловленные характером социальной группы особенности прохождения и проявления социализации конкретной личности участника уголовного судопроизводства.

Вместе с тем существует универсальная социальная группа, в рамках которой происходит социализация всех без исключения личностей, размеры и выраженность которой позволяют выделить системообразующие и сходные для ее членов мыслительные и поведенческие характеристики. В качестве такой группы выступает этнос. Абсолютно любой человек вне зависимости от правового положения, процессуального статуса, пола, расы, религиозной и культурной принадлежности принадлежит к какому-либо этносу и является носителем этнических характеристик, которые являются устойчивыми, персонафицированными и определяют особенности восприятия, анализа и воспроизводства информации, мышления, поведения, отношения к определенным фактам и событиям.

Принадлежность к этносу определяется в процессе этнической самоидентификации – осознанием себя членом определенного этноса (этнической общности), которая не всегда находится в прямой связи с этническим происхождением. Нередки случаи сознательной идентификации человека с этносом, который не имеет с ним прямой кровной связи – например, в случаях с усыновлением, переездом в иные этнические условия в раннем возрасте, выбора одного из этносов родителей в межнациональной семье, а также этнической трансгрессии – переход из одного этноса в другой. В любом случае, нет ни одного человека, который не позиционировал бы себя в качестве представителя какого-либо (каких-либо) этносов либо этнических общностей. Выдающийся ученый Л.Н. Гумилев определил этнос как природную форму существования человека, отметив: «вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: “Кто ты?” – ответит: “русский”, “француз”, “перс”, “масай” и т. д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее... феномена этноса. Забегая вперед, скажем, что этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли».

Этнос выполняет функцию социальной среды, определяющей возникновение и развитие личности, и поэтому не может не влиять на формирование определенных свойств и качеств личности, внешне проявляемых в любых видах деятельности, к которым относятся и преступная, и криминалистическая. Роль этноса в определении сущности личности отражена в термине «этнизация», под которым подразумевается совокупность явлений, детерминирующих появление в структуре личности этнических свойств и качеств. Вполне верно отмечают ученые: «этнизация разворачивается как процесс обретения особенностей оценочных и моральных суждений, эстетических представлений, формирование “композиции” типичных, свойственных этносу навыков и умений, стиля общения и всего поведения».

Таким образом, в структуре личности любого участника уголовного судопроизводства можно выделить систему криминалистически значимых этнических характеристик (обусловленных принадлежностью к определенному этносу), которую составляют:

– этносоматические, определяющие антропологический тип, национальную принадлежность, используемые в криминалистической габитоскопии и портретной экспертизе;

– этнопсихологические, заключающиеся в этнических правилах и нормах поведения, национальном характере, менталитете, системе этнических ценностей и оценок;

– этносоциальные, включающие в себя особенности взаимоотношений между членами одного этноса, межэтнических коммуникаций, национальных конфликтов, а также особенности функционирования этноса как социального организма;

– навыки этнические характеристики, представляющие собой материальное выражение особенностей функционирования комплексов функционально-двигательных навыков (к примеру, почерка), автоматизированных обрядовых действий, способов осуществления определенной деятельности (навыки обращения с холодным оружием, забоя скота, обработки шкур, приготовления пищи и др.).

Изучение криминалистически значимых этнических характеристик личности целесообразно для реализации следующих задач:

1. Установление и розыск неустановленного преступника, лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов. Информационной основой для реализации данной задачи является фиксация соматических (телесных) этнических характеристик, выраженных в определенном антропологическом типе.

Термин «национальность», «раса» не могут обеспечить понятийной точности и политической корректности понятия, поскольку установить национальность по внешним признакам очень проблематично, особенно для представителя иной национальности, которому все представители этнической расы кажутся на «одно лицо». В этой связи четкое определение национальности чревато высокой вероятностью погрешности. К примеру, отличить корейца от японца, монгола от бурята, таджика от узбека, уйгура от киргиза исключительно по внешним признакам сможет далеко не каждый сотрудник правоохранительных органов.

Термин «раса» в последнее время приобрел политическую и идеологическую окраску и может вызвать ненужную отрицательную реакцию как отдельных представителей этноса, так и общества в целом. Кроме того, количество этносов, принадлежащих к одной

расе, очень велико, поскольку в классическом понимании выделяется всего три основные человеческие расы – негроидная, европеоидная, монголоидная. В соответствии с данным подходом и цыгане, и таджики, и украинцы, и индийцы будут объединены в одну группу, что не совсем верно.

В этой связи в криминалистике целесообразно использовать понятие «антропологический тип», к которому можно отнести группу этносов, представители которых характеризуются схожими признаками внешнего облика. Это понятие более широкое, чем национальность, но более точное, чем раса, что позволяет сформулировать определенное количество антропологических типов. К примеру, учеными-криминалистами в СССР было выявлено и описано около 250 антропологических типов.

Установление и розыск по этническим характеристикам наиболее эффективны в случаях выявления лица, не являющегося представителем преимущественно проживающих на данной территории антропологических типов. При этом редкость данного антропологического типа прямо пропорциональна эффективности запечатления в памяти свидетелей этнических элементов внешнего облика, к которым чаще всего относятся цвет кожи, глаз, волос, строение черепа, степень распахнутости глазных щелей, наличие эпикантуса, степень выраженности растительности на лице и теле. Практика показывает, что при опросе (допросе) свидетелей и очевидцев данные признаки, отличающиеся от самого свидетеля и большинства проживающих в данной местности граждан, называются в первую очередь и позволяют ограничить круг проверяемых лиц.

К примеру, при расследовании уголовного дела о разбойных нападениях в одном из общежитий города Иркутска большинство свидетелей показывали, что нападающих было трое: «парень, девушка и бурят». По данным признакам была установлена группа лиц, Ф., В., и Х., который действительно имел бурятскую этническую принадлежность и имел тесные дружеские связи с Ф. Данная характеристика, бросившаяся в глаза свидетелям, сыграла роль исходной информации для осуществления розыска и установления организованной преступной группы.

Решению названной задачи служат и этнопсихологические характеристики, нашедшие

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

отражение уже не во внешнем облике, а в следах преступной деятельности, что успешно реализовывается в практике составления поисковых психологических портретов неустановленных признаков. Так, еще в 1956 году основатель данного метода Джеймс А. Бруссель определил этническую принадлежность разыскиваемого «Безумного бомбителя» Жоржа Матески. Анализ текста его писем позволил установить его «нетипичное» этническое происхождение – подозреваемый не был американцем по рождению, а являлся мигрантом из Европы, для которого английский язык не был родным. Исследованию также подлежал способ и орудие преступления, что позволило конкретизировать этническую принадлежность, предположив, что подозреваемый является славянином, так как именно славяне отдают предпочтение бомбам для поражения своих целей. Ограничив круг подозреваемых лиц и опросив соседей, являющихся преимущественно выходцами из Ирландии, Италии, Центральной Европы, был установлен единственный проживающий в этом районе славянин – поляк Жорж Милаускас, взявший фамилию Матески, который при задержании даже не стал отрицать свою вину.

Значение криминалистического профилирования трудно переоценить – при расследовании различных видов преступлений этот метод позволяет осуществить поиск путей и средств диагностики социальных, психологических, демографических и иных свойств человека, а также использовать полученную информацию для определения круга возможных подозреваемых.

2. Установление механизма преступной деятельности и доказывание виновности подозреваемого лица. Отражение совокупности психических, социальных и навыковых этнических характеристик личности в деятельности личности позволяют выявить закономерности механизма преступления, выраженные в:

- выборе жертвы (так, установлено, что отдельные этнические организованные преступные группы осуществляют ряд корыстно-насильственных и корыстных преступлений только в отношении представителей своего этноса, зачастую под видом помощи в адаптации на новом месте или помощи попавшему в беду представителю диаспоры);

- средствах и способах преступления (использование определенных видов оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, производство которого характерно для определенной страны или местности),

предметов преступления (драгоценные и полудрагоценные камни – нефрит, яшма, природный жемчуг; объекты животного происхождения – медвежья желчь, мускус кабарги; растительного происхождения – женьшень, папоротник; водного происхождения – трепанг, кальмар, краб);

- взаимоотношениях с соучастниками преступного деяния (принципы формирования этнических организованных преступных групп, иерархия ролей в их структуре, а также особенности функционирования и межличностные и межнациональные конфликты).

Исследованию также подлежат выраженные в иных элементах механизма преступления этнические характеристики личности, которые могут быть осуществлены в процессе производства поисковых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также судебных экспертиз (например, этнопсихологической экспертизы, комплексной лингвистической экспертизы и др.).

3. Создание информационного и научно-методологического базиса для разработки тактических методов и средств при производстве отдельных следственных действий и тактических комбинаций. Социальные и психические этнические характеристики, выраженные в национальном характере, системе взглядов, ценностей, оценке категорий добра и зла, хорошего и плохого, дозволенного и запрещенного, восхваляемого и порицаемого, а также традиции, обычаи, религиозные обряды и верования создают информационную основу для криминалистического анализа личности, целью которого является выявление системы субъективно значимых обстоятельств.

Являясь областью пересечения научных исследований юридической психологии, уголовного процесса, научной организации труда и иных социальных наук, криминалистическая тактика направлена на разработку наиболее эффективных и рациональных способов поведения субъекта расследования при организации и производстве предварительного расследования, особенно в условиях изменившейся уголовно-процессуальной парадигмы. Имеющиеся особенности в восприятии и оценке представителей отдельных этносов, казалось бы, нейтральных предметов – книг религиозного содержания, хлебных изделий, обрядовых предметов, – уже успешно используются в практике следователей при диагностике ложности показаний допрашиваемых.

4. Криминалистическое прогнозирование. Наиболее распространено использование

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

термина «криминалистическое прогнозирование» в двух смыслах.

1) Как частное криминалистическое учение, содержанием которого является теория криминалистического прогнозирования (предсказания) неизвестных событий (настоящего или прошлого, т. е. ретроспективный прогноз). Фундаментальные основы теории криминалистического прогнозирования заложены в работах Л.Г. Горшенина, Г.А. Зорина, А.Ю. Дементьева, и др.

2) Как разновидность отраслевого прогнозирования, т. е. процесс, результатом которого является прогноз практического характера. В этом значении криминалистическое прогнозирование можно определить как прогнозирование, основанное на фактах и знании закономерностей, выявленных криминалистической наукой, как научное предсказание криминалистических аспектов развития преступности, способов совершения преступлений, средств, приемов и методов борьбы с нею, поведения преступников, хода и результатов расследования преступления, перспектив развития криминалистической науки (А.С. Подшибякин, А.Ю. Дементьев).

Анализ этнических характеристик личности может быть положен в основу научного предсказания поведения участников уголовного судопроизводства в процессе расследования

преступлений, и может быть включен в структуру методологического обеспечения теории криминалистического прогнозирования.

Отраслевое криминалистическое прогнозирование с учетом этнических характеристик личности заключается в криминалистическом изучении особенностей национального менталитета, традиций, ценностей и особенностей взаимоотношений и осуществлении на основе этой информации имитационного прогнозирования мыслей участников уголовного судопроизводства в процессе осуществления деятельности, связанной с совершением преступления, поиска и установления свидетелей и потерпевших, разработки тактического обеспечения производства отдельных следственных действий и тактических комбинаций.

Криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства, осуществленное в этноориентированном дискурсе, позволит выявить закономерности деятельности, связанной с совершением и расследованием преступлений в корреляционной связи с условиями и проявлениями социализации личности в условиях определенного этноса, и разработать на основе познания этих закономерностей эффективные средства и методы расследования и раскрытия преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30).
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2. М., 1997.
4. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы криминалистической тактики в контексте действующего Уголовно-процессуального закона // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар, 2019.
5. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы

Bibliography

1. Antonyan Yu.M. Criminology of the future: interdisciplinary scientific connections // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 4 (30).
2. Akhmedshin R. L. Criminalistic characteristics of the criminal: dis. ... Dr. of law. Tomsk, 2006.
3. Belkin R. S. Course of criminalistics in 3 vols. T. 2. M., 1997.
4. Vardanyan A.V. Debatable issues of criminalistic tactics in the context of the current Criminal Procedure law // Modern problems of domestic criminalistics and prospects for its development: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (with international participation) dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics.. Krasnodar, 2019.
5. Vardanyan A.V. The subject of crime and the personality of the criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: questions of correlation and integration // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2016. № 2.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2.

6. Варданян А.В., Казаков В.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4.

7. Горшенин Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1994.

8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.

9. Дементьев А.Ю. Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и исследования доказательств по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

10. Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

11. Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика: учеб. пособие. Гродно, 1994.

12. Клейменов М.П. Криминология. М., 2018.

13. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969.

14. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971.

15. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого. Саратов, 2006.

16. Малыгина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019.

17. Матусевич И.М. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975.

18. Неволина Н.Е. Криминалистическое значение информации о личности жертвы убийства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

19. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М., 2002.

20. Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология: учебное пособие. М., 2005.

21. Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности. М., 2005.

6. Vardanyan A.V., Kazakov V.V. Criminalistic analysis of subjects of crimes related to obstruction of legitimate business or other activities, as a factor in improving the effectiveness of the investigation // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. № 4.

7. Gorshenin L.G. Theory of forensic forecasting: dis. ... Dr. of law. Minsk, 1994.

8. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. L., 1989.

9. Dementiev A.Yu. Criminalistic forecasting in the process of collecting and investigating evidence in a criminal case: dis. ... cand. of law.

10. Zhbakov V.A. Conceptual foundations of establishing the identity of a criminal in criminalistics: dis. ... Dr. of law. M., 1995.

11. Zorin G.A. Criminalistic heuristics. Grodno, 1994.

12. Kleymentov M.P. Criminology. Moscow, 2018.

13. Korshik M.G., Stepichev S.S. Studying the personality of the accused at the preliminary investigation. M., 1969.

14. Krivosheev A.S. Studying the personality of the accused in the investigation process. M., 1971.

15. Makarenko I.A. Criminalistic teaching about the personality of a minor accused. Saratov, 2006.

16. Malykhina N.I. Criminalistic teaching about a person who committed a crime: dis. ... Dr. of law. Saratov, 2019.

17. Matusevich I.M. Studying the identity of the accused in the process of preliminary investigation of crimes. Minsk, 1975.

18. Nevolina N.E. Criminalistic significance of information about the identity of the murder victim: dis. ... Dr. of law. Ekaterinburg, 2003.

19. Samples V.A., Bogomolov S.N. Forensic psychology. M., 2002.

20. Pavlenko V.N., Taglin S.A. In General and applied ethnic psychology. M., 2005.

21. Povreznyuk G.I. Theory and practice of forensic identification. M., 2005.

22. Savel'eva M.V., Smushkin A.B. Forensics. M., 2009.

23. Snetkov V.A., Zinin A.M., Vinichenko I.F. The Types and elements of appearance. M., 1970.

24. Sociology: textbook for high schools / V.N. Lavrinenko, N.A. Nartov, O.A. Shabanova, G.S. Lukashova. M., 2002.

25. Vogel E.I. To the question about the possibility of producing and evaluating peer research adenaline documents in the Russian criminal proceedings // The Russian judge. 2018. № 9.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

22. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. М., 2009.

23. Снетков В.А., Зинин А.М., Виниченко И.Ф. Типы и элементы внешности. М., 1970.

24. Социология: учебник / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова, Г.С. Лукашова. М., 2002.

25. Фойгель Е.И. К вопросу о возможности производства и оценки экспертного исследования адвенальных документов в условиях российского уголовного судопроизводства // Российский судья. 2018. № 9.

26. Фойгель Е.И. О роли судебной этнопсихологической экспертизы в процессе расследования адвенальных преступлений // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85).

27. Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

26. Vogel E.I. On the role of ethno-psychological forensic expertise in investigating crimes adenaline // Siberian law Bulletin. 2019. № 2 (85).

27. Kulakov V.N. The criminalistic doctrine about the skills and habits of the person: dis. ... Dr. of law. M., 2004.

© 2021 г. Анохин Юрий Васильевич,

заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: anohinuv@buimvd.ru

Мунгалов Евгений Александрович,

старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института
МВД России кандидат биологических наук.
E-mail: mung@mail.ru

СУДЕБНАЯ БОТАНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ИССЛЕДУЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РЕШАЕМЫЕ ЗАДАЧИ

В статье рассмотрены объекты растительного происхождения, предоставляемые для производства судебной ботанической экспертизы, дана их подробная характеристика, приведены примеры результатов их исследования. В статье определены диагностические и идентификационные задачи, решаемые судебной ботанической экспертизой.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная ботаническая экспертиза, объекты растительного происхождения, экспертные задачи, экспертная деятельность.

Anokhin Yuri Vasilyevich – Deputy Head for Scientific Work, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Mungalov Eugeny Aleksandrovich – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Biology.

FORENSIC BOTANICAL EXPERTISE: INVESTIGATED OBJECTS OF PLANT ORIGIN AND PROBLEMS TO BE SOLVED

The paper examines objects of the plant origin provided for the production of forensic botanical examination. It gives their detailed characteristics and shows examples of the research results. The paper defines the diagnostic and identification tasks that are solved by forensic botanical examination.

Keywords: forensic examination, forensic botanical examination, objects of plant origin, expert tasks, expert activity.

Судебная ботаническая экспертиза является самостоятельным родом судебных экспертиз, производство которых осуществляется в системе экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Как вид судебной экспертизы она называется судебной экспертизой по исследованию объектов растительного происхождения. В количественном соотношении доля выполняемых судебных ботанических экспертиз среди остальных родов судебных экспертиз невелика и составляет менее одного процента. Назначение и производство судебных ботанических экспертиз актуально в тех случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимо провести исследование растительных объектов. Умелое использование результатов исследования объектов растительного происхождения способствует раскрытию и расследованию уголовных дел, связанных с: незаконным оборотом растений,

содержащих наркотические средства и психотропные вещества; незаконной рубкой деревьев; кражами сельскохозяйственной продукции; фальсификацией пищевых продуктов растительного происхождения. В настоящей статье дается исчерпывающая характеристика объектов растительного происхождения, исследуемых при производстве судебной ботанической экспертизы, задачи судебной ботанической экспертизы и решаемые вопросы.

Судебная ботаническая экспертиза занимается исследованием объектов растительного происхождения. Это достаточно большая группа объектов, представляющая собой как отдельные растения, так и их части, фрагменты, а также изделия из растительного сырья. Чтобы разобраться во всем их многообразии, рассмотрим объекты судебной ботанической экспертизы по отдельности, разделив их на отдельные группы.

1. Целые растения – это группа объектов растительного происхождения, объединяющая в себе предоставляемые на исследование как отдельные живые растения в емкостях с грунтом, так и собранные растения целиком в разной степени высушивания, а также гербарные образцы. Растения, поступающие на исследование, могут быть представлены в различных стадиях своего развития, начиная от проростков и заканчивая сенильными растениями (то есть растения в старческом состоянии). Наибольшим количеством признаков, по которым возможно определить таксономическую принадлежность представленных на исследование растений, обладают особи в состоянии цветения и начала плодоношения, так как наиболее важные классификационные признаки выражены в цветках и плодах. Под определением таксономической принадлежности подразумевается установление семейства, рода и вида исследуемого растения. При определении вида растения его наименование приводится по правилам бинарной номенклатуры на русском и латинском языках с указанием автора, который описал этот вид. Например, Полынь горькая – *Artemisia absinthium* L., вначале указано название рода, затем видовой эпитет, и наконец в латинском названии указан автор Линней – сокращенно «L.».

В современной экспертной практике наиболее часто целые растения изымают и предоставляют на исследование по фактам незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, а также их хранения и сбыта. В результате проводимой судебной ботанической экспертизы устанавливается, к какому виду или роду относятся представленные на исследование растения. В ряде случаев на исследование могут быть представлены грибы, содержащие псилоцибин и (или) псилоцин, которые нередко выращиваются на специальных питательных субстратах в домашних условиях. Несмотря на то, что современная наука выделяет грибы в самостоятельное царство, грибы являются объектом судебной ботанической экспертизы.

2. Части растений могут быть представлены, как в виде отдельных элементов соцветий, листьев, побегов и корней растений в различной степени измельчения, так и в виде порошков, в которых растение измельчено так, что невозможно выявить какие-либо призна-

ки его внешнего строения. Измельченные части растений также называют растительными смесями или термином «вещество растительного происхождения». Растительные смеси в зависимости от своего состава могут быть как однокомпонентными (гомогенными), то есть состоять из частей растений одного вида, так и многокомпонентными (гетерогенными), являясь смесью частей разных растений.

Исследование частей растений является сложной экспертной задачей и требует высокой квалификации от эксперта. В смесях, состоящих из крупных фрагментов растений, эксперт может выделить и исследовать отдельные признаки их внешнего строения, такие как строение стебля, особенности листорасположения, строение листовой пластинки, цветка или соцветия, плодов, что позволяет достоверно определить таксономическую принадлежность каждого компонента смеси. Однако в сильно измельченных смесях значимые таксономические признаки, хорошо выраженные у целых растений или их крупных фрагментов, при их измельчении уничтожаются. На первый план при криминалистическом исследовании сильно измельченных частей растений выходит знание их анатомических и морфологических признаков, выявляемых с использованием микроскопа, а также техника подготовки проб и изготовления микропрепаратов. К таковым признакам относятся особенности клеточного строения, форма железистых волосков, особенности строения устьичного аппарата. В ходе изучения сильно измельченных растительных смесей дополнительно может проводиться их химическое исследование, позволяющее выявить и определить содержащиеся в них специфические химические соединения, характерные для какой-либо растительной группы, обычно в этой роли выступают разнообразные алкалоиды, гликозиды, эфирные масла.

В качестве примера рассмотрим случай, когда на исследование представлены два образца веществ растительного происхождения зелено-коричневого цвета в виде комков неправильной формы. Органолептическое исследование образцов установило, что образец № 1 обладает характерным табачным запахом, а образец № 2 – характерным запахом конопли. В процессе микроскопического исследования в микропрепарате вещества образца № 1 обнаружены следующие элементы

растительной ткани: фрагменты листовых пластинок размером от пылевидных до 0,1 мм, имеющие сетчатое жилкование, на поверхности имеются волоски 3 типов: обычные волоски, состоящие из 3–6 постепенно сужающихся клеток; железистые длинные волоски, заканчивающиеся многоклеточной головкой, часто с бурым содержимым; железистые короткие волоски, в которых многоклеточная железистая головка расположена на одноклеточной ножке. В результате химического исследования в составе вещества растительного происхождения (образец № 1) обнаружен алкалоид никотин. Признаки анатомического строения и наличие никотина указывают на то, что образец № 1 содержит в своем составе измельченные части растения табак – *Nicotiana tabacum* L.

В процессе микроскопического исследования в микропрепарате вещества образца № 2 обнаружены следующие элементы растительной ткани: многоклеточные головки железистых волосков сфероидальной формы; многоклеточные ножки железистых волосков; кроющие одноклеточные волоски округлой формы с расширенным основанием и заостренной короткой верхушкой. В результате химического исследования в составе вещества растительного происхождения (образец № 2) обнаружено вещество тетрагидроканнабинол (ТГК). Признаки анатомического строения и наличие ТГК указывают на то, что образец № 2 содержит в своем составе измельченные части растения рода конопля (*Cannabis*).

В приведенном примере показано, что в результате проведенного исследования анатомических признаков строения и химического состава, представленные на исследования вещества растительного происхождения внешне одинакового строения были различены. Образец № 1 по своей сути является некурительным табачным изделием «насвай», а образец № 2 – наркотическим средством гашиш.

Часто встречающиеся в экспертной практике объекты этой группы – это части растений, изымаемые по фактам незаконного оборота растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, наркотические средства, получаемые из растений мака и конопли, различные смеси наркотических средств с растительным наполнителем, такие как смесь гашишного масла с табаком, смесь какого-либо вещества из группы спайсов с растительным наполнителем.

Реже в экспертной практике встречаются образцы сена, изымаемые и предоставляемые на судебную ботаническую экспертизу по фактам кражи сена, которые, по своей сути, также являются растительными смесями. В таких случаях изымают образцы с места хранения похищенного сена, а также образцы сена, обнаруженные у подозреваемого лица, проводимое впоследствии их идентификационное исследование в рамках судебной ботанической экспертизы позволяет установить родовую принадлежность сравниваемых образцов.

3. Споры и пыльца растений – крайне редкие объекты в экспертной практике. Исследование спор и пыльцы требует высокой квалификации эксперта, подразумевающей наличие опыта практической работы в палинологии, досконального знания методов подготовки проб спор и пыльцы, владения микроскопической техникой. При исследовании спор и пыльцы растений применяются современные средства микроскопии, позволяющие получать их изображения при высоком увеличении и качестве, такие как электронные сканирующие микроскопы. Сами по себе споры и пыльца несут малое количество частных признаков, позволяющих установить их таксономическую принадлежность, поэтому в большинстве случаев устанавливается лишь их принадлежность к крупным таксонам на уровне семейства или рода.

В экспертной практике на исследование предоставляются так называемые споровые отпечатки грибов, содержащих псилоцибин или псилоцин. Споровые отпечатки получают путем помещения шляпки плодового тела гриба над листом бумаги гименофором вниз, при этом споры высыпаются на лист бумаги, образуя рисунок в соответствии со строением гименофора. Споровые отпечатки затем используются как источник спор для последующего выращивания и культивирования грибов.

Кроме того, при криминалистическом исследовании меда, проводимого в рамках судебной экспертизы пищевых продуктов, может привлекаться эксперт для изучения пыльцы, содержащейся в нем. Пыльцевой состав меда позволяет различать между собой различные образцы меда, собранные в разных регионах или условиях. Приведем пример, когда под видом горного разнотравного меда продавался другой его сорт. Проведенное исследование пыльцевого состава этого образца

показало, что в изученном образце в основной массе имеются пыльца растения Гречи-ха посевная – *Fagopyrum esculentum* Moench. Таким образом была доказана подмена дорогостоящего сорта меда более дешевым – гречишным медом.

4. Фрагменты (образцы) древесины – достаточно большая группа объектов растительного происхождения, включающая в себя спилы древесины (продольные, поперечные), буровые керны, щепу, опилки, отдельные части ствола древесного растения, образцы обугленной древесины. Судебная ботаническая экспертиза образцов древесины позволяет определять их принадлежность к определенной породе дерева на основе их исследования анатомических и морфологических признаков строения коры и древесины. В ряде случаев возможно отнесение исследуемых образцов к конкретному виду дерева, но в большинстве своем устанавливается принадлежность к определенному роду растений (подразумевается таксономическая единица), так как большинство видов деревьев внутри своего рода имеют схожее анатомическое строение древесины. Например, при исследовании древесины тополя лавролистного – *Populus laurifolia* Ledeb. эксперт даст вывод о том, что исследованный образец древесины относится к породе дерева тополь – *Populus L.*, а вид тополя определить не представляется возможным. При должной предварительной пробоподготовке (пропитывание образцов парафином или эпоксидными смолами) и последующем микроскопическом исследовании возможно определение породы дерева для образцов сожженной древесины.

При расследовании уголовных дел по фактам незаконной рубки лесных насаждений, кражи древесины объектами судебной ботанической экспертизы являются поперечные спилы ствола дерева, которые изготавливают из пней порубленных деревьев, порубочных остатков, круглых сортиментов древесины. Исследование поперечных спилов древесины позволяет не только определить породу дерева, но и также определить категорию древесины (без признаков ослабления, ослабленные, усыхающие, сухостой) и провести исследование годичных приростов. Категория деревьев определяется по состоянию коры, луба и древесины спила: так, например, наличие синевы (грибковое поражение) древесины, почернение луба, легко опа-

дающая кора будут свидетельствовать о том, что исследуемый образец относится к сухойстойной древесине. Принципы исследования годичных приростов древесины, которыми занимается дендрохронология, будут рассмотрены дальше в статье. Поперечные спилы изготавливаются с помощью пильного инструмента (бензо- и электропилы, ленточные пилы), толщина спила не должна превышать 5 см, так как большие спилы в силу своей громоздкости непригодны для исследования на дендрохронологическом оборудовании (приборы серии LINTAB).

Буровой керн – это цилиндрический образец древесины, отбираемый из деревьев с помощью возрастного бура, который также называется буром Пресслера. Возрастной бур позволяет выбуривать из живого дерева буровые керны, не нанося вреда самому растению, оставшееся после изъятия образца отверстие в стволе дерева замазывается мастичным материалом. Керн представляет собой образец древесины в виде цилиндра диаметром 4–5 мм и длиной от 10 до 70 см, на самом керне хорошо видно расположение границ слоев ежегодного прироста древесины, или так называемых годичных колец. Буровые керны изымают с живых деревьев как образцы сравнения для проведения судебной ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии, иначе бы пришлось рубить живые деревья. Для отбора кернов из древесины срубов строений применяются специальные буры для сухой древесины, представляющие собой насадку на дрель в виде длинной цилиндрической коронки диаметром 10–12 мм. При проведении следственных действий, для отбора сравнительных образцов в виде кернов необходимо привлекать специалиста в сфере лесного хозяйства.

Стружки, опилки являются самыми миниатюрными фрагментами древесины, их размерные характеристики в минимальном выражении могут составлять доли миллиметра. И все же данные образцы древесины несут достаточное количество анатомических признаков, позволяющих определить породу дерева, от которого они произошли. В экспертной практике известны случаи, когда исследовались частицы древесины, изъятые из раны потерпевшего, что позволяло определить вероятную породу дерева, из которого было изготовлено орудие, которым наносилось ранение. В практике одного из авторов

был случай, когда в усадьбе дома подозреваемого в рубке молодых пихт были изъяты ручные пилы, на которых были обнаружены опилки. Подозреваемый заявил, что этим инструментом он распиливал сосновый горбыль на дрова. Ручные пилы были изъяты и представлены на судебную ботаническую экспертизу, по результатам которой было установлено, что частицы древесины, обнаруженные на ручных пилах, по своему анатомическому строению относятся к древесине деревьев породы пихта – *Abies* L.

5. В отдельную группу объектов растительного происхождения следует выделить растительные частицы, входящие в состав образцов почвы и изучаемых при производстве судебной почвоведческой экспертизы. Обычно это фрагменты растений и их семена. При производстве судебной почвоведческой экспертизы нередко требуется произвести сравнительное изучение растительных компонентов почвы, его производит эксперт с допуском на право самостоятельного производства судебных ботанических экспертиз. Сравнительный анализ наличия или отсутствия отдельных растительных компонентов в исследуемых образцах почвы, определение их таксономической принадлежности позволяет получить дополнительные признаки для установления их общей родовой (групповой) принадлежности. Поэтому при наличии растительных компонентов в исследуемых образцах почвы проводится их комплексное исследование.

6. Образцы семян (зерна) тоже являются объектами растительного происхождения, которые изымаются и предоставляются на исследование при расследовании фактов кражи сельскохозяйственной продукции (зерновые, масличные культуры) в тех случаях, когда происходит их похищение из хранилища в значительном объеме. В экспертной практике данная группа объектов растительного происхождения представлена обычно образцами семян подсолнечника, зерна пшеницы, зерна ячменя. Сравнительное исследование, выполненное в ходе судебной ботанической экспертизы, позволяет установить общую родовую (групповую) принадлежность образцов семян (зерна), изъятых в месте первоначального хранения похищенной продукции у потерпевшего лица или организации и из места хранения похищенной продукции. Проводимое сравнительное исследование образ-

цов семян (зерна) дает ценную розыскную информацию, способствует формированию следственных версий, что в целом положительно способствует раскрытию и расследованию преступления [2].

Отбор образцов семян (зерна) для проведения сравнительного исследования производится в соответствии с определенными требованиями и имеет собственную специфику. Образцы семян (зерна), изымаемые при проведении осмотра места происшествия, должны быть представлены в виде объединенных проб, формирование которых происходит путем изъятия отдельных точечных проб из партии семян (зерна), имеющих зачастую значительные размеры (от нескольких центнеров до десятков тонн). Сформированная объединенная проба обычно имеет массу не менее 2 кг. Для отбора точечных проб и формирования объединенной пробы семян (зерна) при проведении следственных действий должен привлекаться специалист, обладающий познаниями в сфере сертификации сельскохозяйственной продукции.

7. Изделия из табака это специфическая группа объектов судебной ботанической экспертизы, к ним относятся сигареты, папиросы, сигары, сигариллы, некурительные табачные изделия, в том числе насвай, то есть те изделия, в которых имеются части растения «табак». Табачная продукция традиционно предоставляется на судебную ботаническую экспертизу лишь с одной целью: для установления факта наличия в их составе частей этого растения. Особенно отметим, что при производстве судебной ботанической экспертизы табачных изделий решение вопроса об относимости исследуемых объектов к табачной продукции является недопустимым, так как не входит в компетенцию данного вида экспертизы.

Гораздо реже проводятся сравнительные комплексные исследования табачных изделий по фактам изъятия контрафактной продукции. На исследование в этом случае предоставляются для сравнения образцы от официального производителя и образцы предположительно контрафактной продукции. В ходе судебной ботанической экспертизы проводится не только определение наличия частей табачного листа в исследуемых образцах, но также дается качественная и количественная характеристика этих частиц. В табачной мешке современных сигарет в разных пропорциях

встречаются несколько компонентов, получаемых из табачного листа – это резаный табачный лист, взорванная жилка и восстановленный табак. Также при исследовании табачной мешки проводится ситовый анализ. Определение сорта табака требует обширных познаний в области товароведения табачной продукции и экспертами при проведении судебной ботанической экспертизы не проводится. По результатам сравнительного исследования при расхождении качественных и количественных характеристик табачной мешки исследуемых образцов с образцами официального изготовителя дается вывод об отнесении первых к контрафактной продукции.

Первостепенной задачей судебной ботанической экспертизы, по мнению Ю.М. Моргуновой, является «отнесение объекта к определенной таксономической группе (семейству, роду, виду); определение ареала (области произрастания, распространения растения), возраста или стадии вегетации» [5]. Отчасти согласимся с этим утверждением. В каждой судебной экспертизе первоначально проводится исследование анатомических и морфологических признаков представленных на исследование объектов растительного происхождения. Затем выделяются значимые признаки и путем сопоставления их с имеющимися данными, содержащимися в различных научных изданиях, атласах и определителях, решается вопрос об отнесении растения или частей растений к определенному семейству, роду, виду. То есть, решается диагностическая задача, где диагностируемым объектом выступает растение, а диагностирующим – различные справочные материалы, содержащиеся, например, в определителях растений.

Также эксперт может оценить, в какой стадии развития находится представленное на исследование растение, например, установить, что растение находится в стадии плодоношения или бутонизации, что также является решением диагностической задачи.

Определение ареала, на наш взгляд, не является экспертной задачей, так как сведения об области распространения любого растения эксперт берет из различных литературных источников, не проводя самостоятельного исследования. Реальное исследование с целью определения области распространения определенного вида растения требует многолетней работы ученого-ботаника с многочисленными гербарными коллекциями и выез-

дов в экспедиции. Определение возраста растения, за исключением определения количества годичных приростов в образцах древесины, в рамках судебной ботанической экспертизы не производится.

При решении диагностических задач на разрешение судебной ботанической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли на представленных предметах частицы растительного происхождения?

2. К какому семейству, роду, виду принадлежат представленные на исследование растения (фрагменты, частицы растений)?

3. Какова стадия развития растения, представленного на исследование?

Судебная ботаническая экспертиза также решает и идентификационные задачи. Идентификационные исследования могут быть проведены в отношении смесей высушенных растений (травяных сборов), проб зерна пшеницы, семян подсолнечника, образцов сена, табачной мешки сигарет. Как таковая индивидуальная идентификация при проведении судебной экспертизы в этих случаях не проводится, возможно лишь установить общую родовую (групповую) принадлежность сравниваемых объектов растительного происхождения. Следует всегда четко понимать, что установление положительной родовой (групповой) принадлежности сравниваемых объектов не является категорическим положительным выводом. Полноценная идентификация возможна при проведении сравнительного исследования спилов древесины с использованием методов дендрохронологии, далее в статье этот вопрос будет рассмотрен подробнее.

При решении идентификационной задачи на разрешение судебной ботанической экспертизы ставится следующий вопрос:

1. Имеют ли представленные на исследование объекты растительного происхождения (фрагменты, частицы растений) общую родовую (групповую) принадлежность?

Отдельной группой в судебной ботанической экспертизе стоят задачи, которые решаются при применении методов дендрохронологии в ходе проведения судебной ботанической экспертизы. Дендрохронология – это научная дисциплина, которая занимается изучением закономерностей образования годичных слоев прироста древесины, их датировкой и связанных с ними событий, природных

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

явлений. Дендрохронология является частью раздела «Биоиндикация» и рассматривается в качестве дисциплины экологического профиля. При исследовании древесины с использованием методов дендрохронологии объектами исследования являются именно части растений поэтому данный вид исследования относится к компетенции судебной ботанической экспертизы. Использование термина «судебная дендрохронологическая экспертиза» является некорректным хотя бы по той причине, что в существующих официальных перечнях родов (видов) судебных экспертиз, производящихся в государственных судебных учреждениях различных ведомств, такая экспертиза отсутствует.

Судебная ботаническая экспертиза с использованием методов дендрохронологии наиболее часто назначается по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений, с целью получения ответов на следующие вопросы:

1. В каком календарном году прекратили свой рост деревья?

2. Не являлись ли ранее объекты, представленные на экспертизу, частями ствола одного и того же дерева?

Важно отметить, что при решении первого вопроса устанавливается именно дата прекращения роста дерева по представленному спилу с пня, порубочного остатка или круглого сортимента, а не дата, когда оно было спилено или срублено. Прекращение роста дерева может произойти вследствие его гибели по естественным причинам, например, после длительного воздействия неблагоприятных факторов – засухи, заболачивания, развития болезней. В таком случае существует вероятность того, что погибшее дерево может быть спилено позднее даты, когда дерево прекратило свой рост.

Установление даты прекращения роста дерева в ходе проведения судебной ботанической экспертизы дает ценную информацию для расследования уголовных дел, связанных с незаконной рубкой деревьев. Например, возможно установить по спилам с пней, что на момент рубки они имели прирост древесины текущего года, т. е. спиленные деревья были сырораствующими, и это будет однозначный вывод, еще и подтверждающий факт рубки этих деревьев именно в этот период времени. При исследовании спилов с пней с места незаконной рубки возможно выявление

и того факта, что деревья, которым принадлежат спилы, прекратили свой рост задолго до того времени, когда произошла рубка. Вывод при таких результатах будет иметь два возможных варианта трактовки: либо деревья, спилы которых исследовались, на момент рубки были сухостойными, либо они были спилены ранее. Как уже отмечалось выше, причину прекращения роста дерева данный вид исследования не устанавливает, поэтому постановка вопроса о том, когда дерево было спилено, недопустима.

Второй вопрос – «не являлись ли ранее объекты, представленные на экспертизу, частями ствола одного и того же дерева?». При его решении судебной ботанической экспертизой с использованием методов дендрохронологии объектами исследования являются спилы, изъятые с пней деревьев в месте обнаружения незаконной рубки, и спилы, которые изымаются с обнаруженных в местах хранения сортиментов круглых лесоматериалов, которые предположительно могли быть частями спиленных деревьев. Сортиментами круглых лесоматериалов являются: пиловочник, фанерное бревно, балансы, различные виды бревен. Сравнительное исследование годичных приростов сравниваемых между собой спилов позволяет установить их принадлежность к стволу одного дерева, либо дать отрицательный вывод о том, что сравниваемые спилы принадлежат разным деревьям. Положительный вывод дается в категорической форме и при расследовании уголовных дел, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, однозначно устанавливает факт принадлежности обнаруженного сортимента круглого лесоматериала (например, бревна на складе лесопилки) и пня, обнаруженного на месте незаконной рубки, к одному и тому же дереву.

Для решения вышерассмотренных вопросов при проведении судебной ботанической экспертизы используются методические рекомендации, разработанные советским ученым-криминалистом М.И. Розановым еще в конце 60-х годов прошлого столетия [3].

Существует не подкрепленное конкретными экспертными методиками мнение, что, используя методы дендрохронологии, возможно по спилам, изъятых, например, с круглого сортимента, обнаруженного на пилораме, определить место произрастания спиленных деревьев и даже географический регион

его произрастания [1]. Суть заявляемого метода состоит в том, что сравниваются дендрограммы, то есть графики годичных приростов спилов, изъятых с пилорамы (или иного места хранения) и усредненные дендрограммы, построенные для групп деревьев, произрастающих на определенном участке. Определенные значения получаемых при процедуре перекрестной датировки коэффициентов синхронности и корреляции сравниваемых дендрограмм свидетельствуют, по мнению авторов, о том, что спилы, изъятые с места хранения, принадлежат деревьям, произрастающим на определенном участке. Однако реально утвержденной экспертной методики, прошедшей валидацию, созданной для решения именно данного вопроса, в настоящее время не существует. Ряд современных ученых, занимающихся дендрохронологическими исследованиями, считают, что решение таких вопросов, как установление местности и условий произрастания дерева, отождествление участка местности, на котором выросло исследуемое дерево, в рамках проведения судебной ботанической экспертизы нецелесообразно, и существует большая вероятность совершения экспертной ошибки [4].

Подводя итог рассмотренным в статье вопросам, выделим следующие положения:

1. Объекты судебной ботанической экспертизы делятся на семь групп: целые растения; части растений; споры и пыльца; фрагменты (образцы) древесины; растительные частицы, входящие в состав образцов почвы, изучаемых при производстве судебной почвоведческой экспертизы; образцы семян (зерна), изделия из табака.

2. Судебная ботаническая экспертиза решает диагностические и идентификационные задачи. К диагностическим задачам относится отнесение объекта к определенной таксономической группе (семейству, роду, виду) и определение стадии развития растения. При решении идентификационных задач в рамках судебной ботанической экспертизы проводятся сравнительные исследования объектов растительного происхождения.

3. В рамках судебной ботанической экспертизы с использованием методов дендрохронологии по делам, связанным с незаконной рубкой леса, возможно успешно решать следующие вопросы:

– В каком календарном году прекратили свой рост деревья?

– Не являлись ли ранее объекты, представленные на экспертизу, частями ствола одного и того же дерева?

Литература

1. Воронин В.И., Унжакова С.В., Зырянов В.С. Судебная дендрохронология в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8).

2. Мунгалов Е.А. Вопросы назначения и проведения судебной ботанической экспертизы с целью сравнительного исследования семян подсолнечника // Актуальные проблемы современности. 2019. № 4 (26).

3. Розанов М.И. Дендрохронологические методы экспертизы древесины // Экспертная техника. М., 1971. Вып. 34.

4. Синькевич С.М. Дендрохронология в судебной экспертизе: ограничения и перспективы // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2014. Т. 18. № 5.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 2. М., 2012.

Bibliography

1. Voronin V.I., Unzhakova S.V., Zyryanov V.S. Forensic dendrochronology in forensic science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 4 (8).

2. Mungalov E.A. Issues of appointment and carrying out of forensic botanical examination for the purpose of comparative research of sunflower seeds // Actual problems of the present. 2019. № 4 (26).

3. Rozanov M.I. Dendrochronological methods of wood examination // Expert technique. M., 1971. Is. 34.

4. Sinkevich S.M. Dendrochronology in forensic examination: limitations and prospects // Bulletin of the Moscow State University of Forest – Lesnoy Bulletin. 2014. T. 18. № 5.

5. Typical expert methods for examining material evidence. P. 2. M., 2012.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 351.74
ББК 67.7

© 2021 г. Пестов Роман Аркадьевич,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: 79185927828@ya.ru

Копыл Дмитрий Владимирович,

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России кандидат исторических наук.
E-mail: kadovod@yandex.ru

Новичкова Елена Евгеньевна,

доцент кафедры административного права и административной деятельности
органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России.
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННЫМ РУБКАМ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В статье рассматривается проблема незаконной рубки лесных насаждений, дается нормативно-правовая регламентация деятельности участковых уполномоченных полиции по противодействию незаконным рубкам лесных насаждений. Анализируются мнения ученых, формулируется авторская позиция о содержании такой деятельности, особое внимание уделяется совершенствованию взаимодействия между участковыми уполномоченными полиции и природоохранными органами, в том числе в части юрисдикционных полномочий.

Ключевые слова: административная деятельность полиции; участковый уполномоченный полиции; производство по делам административных правонарушений; функции и полномочия полиции, природные ресурсы, лес, защита леса, рубка лесных насаждений.

Pestov Roman Arkadevich – Associate Professor, the Administrative Law Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kopyl Dmitry Vladimirovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History.

Novichkova Elena Evgenievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

IMPROVING THE LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE DISTRICT POLICE OFFICERS TO COUNTERACT ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

The article deals with the problem of illegal logging of forest plantations, provides regulatory and legal regulation of the activities of district police officers to counteract illegal logging of forest plantations; analyzes the opinions of scientists, formulates the author's position on the content of such activities, pays special attention to improving the interaction between district police officers and environmental authorities, including in terms of jurisdictional powers.

Keywords: administrative activity of the police; district commissioner of the police; proceedings on cases of administrative offenses; functions and powers of the police, natural resources, forest, forest protection, logging of forest plantations.

Рациональное использование природных ресурсов является актуальной проблемой всего человечества. Частью природных ресурсов является лес, который влияет на всю мировую экосистему, это тем бо-

лее становится актуальным в свете того, что в Российской Федерации лесом занято более 46 % территории [1 с. 4], что относит наше государство в мировые лидеры по площади лесов.

Социальная актуальность темы обусловлена тем, что состояние окружающей среды напрямую влияет на здоровье человека, а воспроизводство лесов является длительным временным процессом.

Практическая актуальность статьи связана с экономическим и экологическим ущербом, причиняемым в результате незаконной рубки леса, а также латентностью и коррумпированностью в этом сегменте лесной промышленности.

В настоящее время вопрос экологического благополучия, связанный с охраной лесных ресурсов, становится предметом внимания на самом высоком уровне [2].

Этого требует модернизируемая экономика, базирующаяся на идеях сохранения имеющихся ресурсов [3, с. 11]. Кузьмина Е.С. и И.С. Зиновьева справедливо замечают, что в стране, которая наделена столь объемными лесными ресурсами, имеются факторы, представляющие значительную угрозу развитию лесопромышленного комплекса. К таковым относятся лесные пожары, незаконные рубки лесов, слабая модернизация или отсутствие перерабатывающего древесину оборудования, производимого на внутреннем рынке, контрпродуктивность механизма доступа к лесным ресурсам [4, с. 141–142].

Как подчеркивают А.И. Писаренко и В.В. Страхов, наблюдается тенденция увеличения поступающей на зарубежные рынки российской древесины, легальность происхождения которой вызывает вопросы. В этом ключе все этапы пользования лесом являются ресурсом для добычи незаконных доходов [5, с. 252]. А.Н. Грешневиков в связи с этим утверждает, что ежегодные убытки от незаконного оборота древесины в стране оцениваются в один миллиард долларов [6, с. 18].

Обстоятельное изучение проблемы обеспечения сохранности леса и его ресурсов позволяет констатировать, что формы и методы контроля и противодействия посягательствам в этой сфере, система и структура органов, осуществляющих контроль за состоянием окружающей природной среды в Российской Федерации, до сих пор окончательно не устоялись.

Несмотря на глубокие теоретические изыскания, проведенные А.В. Королевым, А.А. Никифоровым и рядом других исследователей, до сих пор нуждаются в тщательной разработке вопросы эффективного противодействия специализированных правоохранительных органов правонарушениям и преступлениям, состоящим в незаконной рубке лесных насаж-

дений [7; 8; 9].

Известно, что функции, связанные с осуществлением охраны прав человека и гражданина, в том числе влияющие и на благоприятную окружающую среду, частью которой являются леса и лесные насаждения, располагаются в предметной области исполнительной и распорядительной деятельности органов внутренних дел. Выполняя функции общего надзора, выявляя преступления и административные правонарушения, привлекая правонарушителей к ответственности, полиция тем самым не только выполняет правоохранительную и карательную функции [10], но и создает условия для компенсации вреда, причиненного окружающей природной среде. Таким образом, в административной, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел прослеживаются не только соответствующие правоохранительные, но и природоохранные полномочия. Вместе с тем если охрана прав выделяется в нормах Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [11] как основная компетенция этого органа, то охрана природы, и, в частности, лесов, не представлена там вовсе.

О наличии косвенных правомочий полиции в области противодействия незаконным рубкам лесных насаждений, можно судить лишь, анализируя нормативный материал смежных, отраслевых законов: Лесного кодекса РФ [12] и ряда других нормативных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов, изданных в пределах их компетенции.

Положение о МВД России от 21 декабря 2016 г. № 699 в п. 4 содержит установление об основных задачах Министерства, среди которых четко выделяется задача обеспечения общественной безопасности. Расширительное толкование приведенного установления включает в себя экологическую безопасность, экологические права и свободы граждан, на которые посягают преступления и административные правонарушения, в числе которых предусмотренные ст. 8.28 КоАП РФ и ч. 1 ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». Так, в силу норм п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, сотрудники ОВД составляют протоколы об административных правонарушениях по правонарушениям, установленным ч.ч. 1, 2 и ч. 3 (в части перевозки заведомо незаконно заготовленной древесины) ст. 8.28 КоАП.РФ.

Органы внутренних дел в лице должностных лиц – представителей органа дознания, участковых уполномоченных полиции,

дознателей наделены согласно положениям ст. 150 и 151 УПК РФ полномочиями по проведению проверки и расследованию уголовных дел об экологических преступлениях в форме дознания, в том числе, по преступлениям, предусмотренным ст. 260 УК РФ.

Итогом расследования может стать привлечение правонарушителей к уголовной ответственности и компенсация причиненного вреда окружающей природной среде. Выполняя функции общего надзора, выявляя преступления и правонарушения, привлекая правонарушителей к ответственности, органы внутренних дел тем самым компенсируют вред, причиненный окружающей природной среде, выполняя одновременно правоохранительные и природоохранные функции в указанных границах.

Как известно, особую роль в реализации функций МВД России играет ведомственный институт участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) – сотрудников, работающих непосредственно с населением. Именно по результатам их работы во многом судят об успешности деятельности полиции и МВД России в целом [13, с. 333–336].

Территория Российской Федерации, особенно в природных зонах, где расположены основные лесные ресурсы, представляется в основном малолюдной сельской местностью, на территории которых десятилетиями сложились своеобразные традиции, обычаи и жизненные устои. Это влечет весьма существенные особенности реализации правоохранительных и правоприменительных функций ОВД, накладывает ограничения на использование сил и средств для обнаружения правонарушений и преступлений [14, с. 238–243]. Такие особенности влекут необходимость возложения функций противодействия незаконной рубке лесных насаждений на участкового уполномоченного полиции, который в силу правил, установленных в п. 9.1 Инструкции по исполнению УУП служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, обязан принимать меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений [15].

Необходимость эффективного противодействия незаконной рубке лесных насаждений в деятельности УУП влечет потребность как в соответствующем нормативном регулировании, так и в рекомендациях относительно выявления правонарушений и преступлений, их эффективного пресечения и привлечения правонарушителей к ответственности.

Структурный анализ незаконных рубок [16, с. 98–109] позволяет в наиболее общем виде по формальным признакам выделить две разновидности правонарушителей:

1) осуществляющие выборочные рубки и вывозящие лесные ресурсы из лесов на личном грузовом или легковом подсобном (мотоколяски, сани) транспорте, вместимостью до 10–20 тонн (в том числе, осуществляющие неоднократные вывоз порубленного);

2) осуществляющие сплошные рубки, как правило, под «прикрытием» коррумпированных чиновников и вывозящие похищенный лес в промышленных объемах постоянно или периодически на крупнотоннажной технике.

В этом аспекте участковым уполномоченным полиции необходимо постоянно оптимизировать формы и методы надзорной деятельности, а также брать на вооружение передовые достижения науки и техники. Это особенно актуально в суровых климатических условиях или непроходимой тайге. Так в Красноярском крае сотрудники полиции активно используют данные дистанционного мониторинга, полученные из космоса. Пролетающие над регионом спутники делают снимки, которые потом УУП проверяют вместе с работниками лесничеств.

Кроме того, сведения об обнаруженных «черных» порубках лесничества сообщают в полицию, которая также использует беспилотники (дроны) и авиацию. Это помогает выявить нарушения границ лесосек и определить законность рубок.

Следует отметить, что качество взаимодействия между УУП и природоохранными органами можно улучшить посредством создания новых совместных форм проведения проверок; создания новых специальных программ (алгоритмов) совместных проверок; открытия для УУП данных экологического мониторинга; упрощения в целом инструктивного порядка взаимодействия; получения УУП от представителей природоохранных ведомств годового графика проверок с последующим участием УУП в такой проверочной деятельности.

Практика показывает, что при выявлении незаконных рубок создается специальная поисковая (оперативно-подвижная) группа (в нее входят дознаватель или участковый уполномоченный полиции, реже – оперативный работник ЭБ и ПК, специалист-криминалист, специалист по применению фото- и видеотехники, сотрудники ППСП, работники лесничества) а также мобильные оперативно-розыскные, заградительные и иные

группы различного назначения: захвата, блокирования, применения технических средств, контрольно-пропускные посты (пункты) полиции, заслоны.

Применение управляемых дронов с видеокамерами позволяет заметить нарушителей с воздуха, а мобильным группам задержать их на месте рубки. Далее, после пресечения правонарушения, УУП составляется протокол об административном правонарушении. При обнаружении в деяниях «черных лесорубов» признаков преступления к месту происшествия доставляется следственная группа, которая производит дальнейшее документирование противоправного деяния.

Используя в своей работе элементы оперативно-розыскной деятельности УУП, применяющие «личный сыск», нередко вынуждены активно использовать фотоловушки – специальные приборы, которые производят фото- и видеофиксацию. Устройство с датчиком движения скрыто устанавливается в лесу на месте предполагаемой рубки, фиксирует все происходящее. Если злоумышленники начнут незаконно рубить лес, информация об этом попадет через сотовую и спутниковую связь на пульт дежурного территориального ОВД или УУП.

Помогают пресекать сезонные незаконные рубки деревьев, ежегодные оперативно-профилактические мероприятия «Лес». В ходе их проведения специализированные группы сотрудников полиции, участковые уполномоченные и представители лесничеств выдвигаются в удаленные и труднодоступные места, где задерживают правонарушителей «с поличным».

Как показывает практика административной деятельности полиции, наиболее эффективно противодействие, оказываемое УУП собственными силами, а также с привлечением с последующей координацией действий на обслуживаемом административном участке других УУП (в составе оперативно-профилактических сил), помощников УУП, сотрудников ППС, ГИБДД (для контроля вывозящего лесные ресурсы транспорта), представителей общественности. Пресечение незаконных рубок наиболее эффективно выявляется в ходе целе-

вых «рейдовых мероприятий». Так, в течение 2019 г. сотрудниками ГУ МВД России по Краснодарскому краю проведено 45 рейдов, в сфере незаконного оборота леса составлено 519 (+143, +28,0 %) протоколов об административных правонарушениях [17].

Изученная практика администрирования деятельности по охране природы показывает, что такой вид государственно-властной исполнительно-распорядительной деятельности, как выявление преступлений и правонарушений в области охраны окружающей природной среды, и тем самым, реализация правоохранительных функций, не предусмотрен в законодательстве и иных актах как одно из направлений природоохранительной деятельности. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: государственные органы, которые занимаются этим весьма важным делом, фактически не являются органами, уполномоченными законом на охрану окружающей природной среды.

Сложившаяся ситуация позволяет поставить вопрос об их полномочиях в этой области. Считаем, что для устранения обозначенной проблемы необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Представляется актуальным включение в него положения о том, что правоохранительные органы, уполномоченные в соответствии с федеральным законом составлять протоколы об административных правонарушениях в области окружающей природной среды, выявлять преступления и проводить по ним расследование в пределах своей компетенции, являются органами, уполномоченными государством в области охраны окружающей природной среды.

Реализация сформулированной рекомендации подчеркнет, что, занимаясь правоохранительной деятельностью, данные органы осуществляют и природоохранительную деятельность, выявляя правонарушения, привлекая к ответственности правонарушителей и создавая условия для компенсации (восстановления) причиненного окружающей природной среде вреда.

Литература

1. Косых В.А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия // дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.

Bibliography

1. Kosykh V.A. Illegal turnover of timber and timber products in the Russian Federation: essence, determination, problems of counteraction. Dis. ... PhD in Law. SPb., 2020.

2. URL: <https://iz.ru/1070263/2020-10-06/putin-zaiavil-o-nevozmozhnosti-bolshe-terpet-khishchnicheskuiu-vyrubku-lesa>.
3. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова. М., 2014.
4. Кузьмина Е.С., Зиновьева И.С. Проблема незаконной вырубki леса в Центрально-Черноземном районе РФ // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7–1.
5. Писаренко А.И., Страхов В.В. О лесной политике России. 2-е изд. М., 2012.
6. Грешников А.Н. Спасем русский лес. Хроника лесной политики Российской Федерации. XX–XXI вв. М., 2011.
7. Королев А.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Никифоров А.А. Природоохранная деятельность полиции в странах Северной Европы и России (сравнительно-правовое исследование) // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
9. Габричидзе Б.Н., Столяренко В.М. О роли полиции в охране природной среды / Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10.
10. Лубский А.В., Лубкий Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1.
11. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7. Ст. 900.
12. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.12.2006, № 50. Ст. 5278.
13. Фаткуллин Б.Х., Садрисламов А.К. Исторические тенденции Развития института участковых уполномоченных полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6.
14. Джемелинский В.А. Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции // Общество и право. 2015. № 2.
15. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
16. Фомина И.А. Понятие «Незаконной рубки»: проблемы квалификации и критерии отграничения от административных деяний данной категории // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3.
17. URL: <https://23.xn—b1aew.xn—p1ai/folder/19758562>.
2. URL: <https://iz.ru/1070263/2020-10-06/putin-zaiavil-o-nevozmozhnosti-bolshe-terpet-khishchnicheskuiu-vyrubku-lesa>.
3. Natural resource legislation in the context of the modernization of the Russian economy: modern problems of development: monograph / ed. by N.G. Zhavoronkov. M., 2014.
4. Kuzmina E.S., Zinovieva I.S. The problem of illegal logging in the Central Chernozem region of the Russian Federation. 2014. № 7–1.
5. Pisarenko A.I., Strakhov V.V. On the Forest Policy of Russia. 2-nd ed., M., 2012.
6. Greshnikov A.N. Let's save the Russian Forest. Chronicle of the Forest Policy of the Russian Federation. The end of the XX–XXI century. M., 2011.
7. Korolev A.V. Investigation of crimes related to illegal turnover of forest and forest products. Dis. ... PhD in Law. M., 2009.
8. Nikiforov A.A. Environmental protection activities of the police in the countries of Northern Europe and Russia (comparative legal research). Dis. ... PhD in Law. M., 2015.
9. Gabrichidze B.N., Stolyarenko V.M. On the role of the police in the protection of the natural environment / Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 10.
10. Lubsky A.V., Lubkiy R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society. 2019. № 1.
11. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FL «On the Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 14.02.2011, № 7, Art. 900.
12. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 № 200-FL // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.12.2006, № 50, Art. 5278.
13. Fatkullin B.Kh. Sadrislamov A.K. Historical trends in the Development of the Institute of district police commissioners // Gaps in Russian legislation. 2011. № 6.
14. Dzhemelinsky V.A. Actual issues of improving planning in the activities of the district commissioner of the police // Society and Law. 2015. № 2.
15. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
16. Fomin I.A. The Concept of «Illegal logging»: problems of qualification and criteria for the delimitation of administrative acts this category // Siberian legal Bulletin. 2008. № 3.
17. URL: <https://23.xn—b1aew.xn—p1ai/folder/19758562>.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 351.74
ББК 67.7

© 2021 г. **Осяк Андрей Николаевич,**

начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: aosiak2@mvd.ru

Сычев Евгений Анатольевич,

доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского
университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kadov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МВД РОССИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассматривается информационно-аналитическое обеспечение в МВД России, выявляются деятельность и управленческие аспекты в его содержании. Авторы изучают организационную структуру информационно-аналитического обеспечения руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне, рассматривают ее элементы, обнаруживают по отдельным направлениям проблемные аспекты, требующие оптимизации.

Ключевые слова: информационно-аналитическая деятельность, информационно-аналитическое обеспечение, органы внутренних дел.

Osyak Andrey Nikolaevich – Head of the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Sychev Evgeny Anatolievich – Associate Professor, the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE HEAD OF THE TERRITORIAL BODY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AT THE REGIONAL LEVEL

The article deals with information and analytical support in the Ministry of Internal Affairs of Russia, identifies the activity and management aspects in its content. In the article, the authors study the organizational structure of information and analytical support for the head of the territorial body of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level, examine its elements, discover in certain areas problematic aspects that require optimization.

Keywords: information and analytical activities, information and analytical support, Internal Affairs Bodies.

Современное российское общество проходит очередной этап социальных, институциональных и конституционно-правовых трансформаций, в рамках которых пересматривается политика, совершенствуется публичное управление, формируются новые подходы к организации деятельности субъектов в области управления. Неизменны и требования по соблюдению прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности в государстве. Указанные обстоятельства актуализируют исследования в сфере оптимизации государственного управления. Это связано с повышением качества информационно-аналитического обеспечения в деятельности органов

внутренних дел, представляющих собой сложную систему, одно из направлений в деятельности ОВД, от эффективной организации и функционирования которого зависит эффективность предпринимаемых ведомством мер по противодействию преступности и охране общественного порядка.

Информационно-аналитическое обеспечение в системе МВД России начало формироваться в начале XIX в. с появлением первых статистических учетов, формированием правовых основ регулирования информационно-аналитической деятельности в системе ОВД. В его развитии, концептуальном трансформировании можно выделить следующие периоды:

статистический (информационно-статистический (1803–1930 гг.); информационно-справочный (1930–1991 гг.); информационно-аналитический (с 1991 года – современный) [1, с. 13]. Аналитическая составляющая информационной деятельности ОВД начала складываться не сразу, по мере усложнения общественных отношений, самой управленческой деятельности, увеличения объема анализируемой информации, систем учетов, распространения сети Интернет и становления информационного общества и др.

В целях дальнейшего проведения настоящего исследования необходимо уяснить понятийную основу таких явлений как информационная деятельность, информационно-аналитическая деятельность и информационно-аналитическое обеспечение в ОВД, а также рассмотреть организационные основы информационно-аналитического обеспечения в ОВД.

Информационная деятельность представляет особый вид правоприменительной деятельности ОВД, посредством которой ими осуществляется опубликование результатов своей деятельности, предоставление информационных услуг гражданам по их запросам, а также предоставление информации по запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления. Информационно-аналитическая деятельность отличается от информационной вектором применения определенной значимой информации. Она прежде всего используется для внутреннего использования в ОВД, в то время как информационная деятельность обслуживает внешние функции ОВД.

В процессе аналитической деятельности осуществляется аналитическая работа, которая состоит в целенаправленном сборе, оценке, анализе и прогнозе данных о сложившейся на территории обслуживания оперативной обстановке [2, с. 103]. Как отмечалось в научной литературе, «информационно-аналитическое обеспечение» – это термин, обозначающий переход от аналитической информации к ее управлению. Понятие «информационно-аналитическая деятельность» несет в себе технический управленческий потенциал, поглощается содержанием понятия «информационно-аналитическое обеспечение», которое выступает обеспечивающей функцией управления, осуществляет связь аналитической информации с управленческими функциями [3, с. 151–152].

Организация информационно-аналитического обеспечения руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне предполагает выявление

его уровней, составных элементов. Системный подход к организации информационно-аналитического обеспечения ОВД предполагает включение в его ресурсную систему следующих элементов: нормативно-правовую основу; субъекты осуществления информационно-аналитической работы (кадры); научно-методическое обеспечение; технологическое обеспечение; техническое обеспечение (аппаратные комплексы); финансовое и материальное обеспечение.

Нормативную правовую основу регулирования информационно-аналитического обеспечения в деятельности исполнительной власти в целом составляют положения Конституции Российской Федерации и текущего законодательства, связанные с реализацией гражданами конституционных прав в информационной сфере, с закреплением приоритетов государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности, а так же устанавливающие общие требования к организации и осуществлению аналитической работы на различных уровнях исполнительной власти. К ним следует относить: Федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О стратегическом планировании в РФ», Указы Президента Российской Федерации: «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [4] и др. Основы информационно-аналитического обеспечения в деятельности МВД России закладываются как статусными законами [5], так и ведомственными нормативно-правовыми актами, содержащими специальные требования, относящиеся к осуществлению отдельных видов аналитической работы в ОВД. Среди последних: Приказы МВД России «Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 гг.», «Об основных направлениях развития информационного обеспечения деятельности МВД России», «Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (далее Приказ МВД России № 623), «Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел», «Концепция развития

информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 гг. [6].

Субъектами информационно-аналитического обеспечения в ОВД выступают те его подразделения, которые выполняют интеллектуальную или техническую составляющие аналитической работы, разнообразной по формам и содержанию. Результатами информационно-аналитического обеспечения выступают принимаемые руководителем соответствующего уровня управленческие решения, направленные на выполнение оперативных-служебных задач [7, с. 37–39].

Согласно Приказу МВД России № 623 информационно-аналитическая работа в ОВД осуществляется на основе принципов актуальности, комплексности и системности, практической значимости и информированности, а также конфиденциальности. Осуществляется информационно-аналитическое обеспечение ОВД посредством ведения учетов и документирования исходной информации, которая впоследствии систематизируется, оценивается и анализируется, перерабатываясь в различные аналитические материалы, создавая необходимую базу для принятия конкретных правоохранительных мер руководителем территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне.

Ядром информационно-аналитического обеспечения выступают учеты, так как в них содержится первичная информация о различного рода правонарушениях и лицах, их совершающих, либо иная информация, имеющая оперативно-служебное, криминальное значение, как, например, в учетах, коллекциях и картотеках оперативно-справочной, розыскной и криминалистической информации [8, с. 3–12]. Поэтому, учитывая, что Главный информационно-аналитический центр МВД России (далее ГИАЦ) формирует и ведет централизованные учеты, базы данных оперативно-справочной, розыскной криминалистической, статистической и иной информации, а так же осуществляет функции головного подразделения в системе МВД России по обеспечению эксплуатации единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России [9] (далее ИСОД), его следует включать в организационную структуру информационно-аналитического обеспечения. ГИАЦ осуществляет технологическое обеспечение в системе информационно-аналитического обеспечения в МВД России.

Информационно-аналитические технологии, системы («ИБД – Регион», АДИС ГИЦ, ИСОД, электронная приемная) также высту-

пают неотъемлемым элементом информационно-аналитической работы в ОВД. Направления по оптимизации данного структурного элемента информационно-аналитического обеспечения взаимосвязаны с обеспечением национальной безопасности, в связи с чем основным направлением его совершенствования обозначается переход на использование отечественного офисного программного обеспечения [10, с. 21–24]. В соответствии с требованиями законодательства ведомство должно плавно перейти на российские операционные системы, так как используемые для эффективной работы интегрированные банки данных аналитической информации имеют не только ориентирующий, доказательственный, но и стратегический характер, выступают важнейшим условием эффективной организации информационно-аналитического обеспечения в системе МВД России. Как отмечают П.Н. Жукова, В.А. Насонова, в данном направлении оптимизации имеется ряд проблем, связанных как с возникновением неизбежных конфликтов между разработанными средствами автоматизации деятельности с новым отечественным программным обеспечением, так и с отсутствием доступа к сервисам ИСОД отдельных подразделений ОВД [10, с. 24].

В организационной структуре рассматриваемого направления деятельности ОВД основная нагрузка по обеспечению руководителей возлагается на систему организационно-аналитических (штабных) аппаратов органов внутренних дел. В структуре центрального аппарата создано самостоятельное структурное подразделение – Организационно-аналитический департамент МВД России (далее ОАД МВД России), которое решает различные задачи, в том числе осуществляет комплексный анализ и планирование оперативно-служебной деятельности ведомства [11], осуществляет научно-методическое обеспечение в системе информационно-аналитического обеспечения в МВД России (Приказ № 623). На региональном уровне информационно-аналитическую работу осуществляет штаб главного управления, управления МВД России по субъектам РФ [12].

Однако как отмечают некоторые авторы, аналитическая работа как функция в ведомственных нормативных правовых актах раскрыта, но ее порядок не урегулирован должным образом [13, с. 12]. Обращение к Приказу МВД России № 623 не решает данной проблемы, так как в нем указываются лишь основы информационно-аналитической работы, детальные процедурные аспекты

осуществления этой функции не раскрываются. В связи с чем актуализируются вопросы пересмотра ведомственных нормативных правовых актов в части закрепления видов информационно-аналитической работы, их направлений, алгоритмов работы по отдельным направлениям деятельности, процедур осуществления аналитической деятельности в различных подразделениях в системе органов внутренних дел. Очевидно, что так же необходимо пересмотреть и содержание информационно-аналитической работы, как центрального элемента информационно-аналитического обеспечения руководителя, которое в Приказе № 623 сводится к анализу и прогнозированию. Учитывая, что информационно-аналитическое обеспечение есть категория управленческая, а информационно-аналитическая работа обслуживает ее как цикл по принятию управленческих решений, необходимо дополнить содержание главы II Приказа № 623 положениями о мониторинге результативности действий, принятых вследствие представленной информационно-аналитической информации, прогнозов о вариативности принятия тех или иных решений, влияющих на состояние общественного порядка, то есть логически завершить цикл информационно-аналитической деятельности оценкой результативности предпринятых усилий по аналитике, принятых решений и полученных результатах.

В соответствии с Приказом МВД России № 623 организуют и несут персональную ответственность за состояние информационно-аналитической работы в системе МВД России руководители (начальники) ОВД. Осуществляют информационно-аналитическое обеспечение руководителя на региональном уровне, помимо штабов, дежурные части, информационный центр и иные структурные подразделения территориального органа МВД России на региональном уровне, подчиненные им органы, имеющие подразделения, выполняющие аналитические функции. Структурные подразделения территориального органа МВД России на региональном уровне, подчиненные ему органы и организации по закрепленным направлениям деятельности осуществляют обработку, анализ, накопление и систематизацию: оперативной информации по направлению деятельности, данных статистической отчетности и материалов, характеризующих состояние преступности и общественного порядка, результаты своей оперативно-служебной деятельности, эффективность имеющихся в распоряжении сил и средств, материалов судебно-следственной

практики, сведений об укомплектованности, о состоянии дисциплины и законности, материалов по рассмотрению жалоб, писем, публикаций в СМИ, о положительном опыте работы и т. д.

Таким образом, следует отметить, что организация информационно-аналитического обеспечения руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне имеет сложную структуру, детально регламентирована, как одно из направлений деятельности ОВД играет важную роль в обеспечении общественного порядка в целом. Принимая во внимание многогранность и сложность такого явления как информационно-аналитическое обеспечение руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне, предлагается под ним понимать совокупность элементов (информационно-аналитическая, научно-методическая, техническая деятельность, их субъекты; технические средства, формы, методы и процедуры сбора, обработки и структурирования оперативной информации, включая современные информационные технологии и универсальные аппаратно-программные средства и др.), создающих благоприятные условия для принятия указанным руководителем эффективных и своевременных квалифицированных управленческих решений в целях оптимальной деятельности ОВД.

Своевременно, полно и качественно подготовленные информационно-аналитические материалы для руководителя территориального органа МВД России на региональном уровне влияют на эффективность управленческого воздействия, адекватность реагирования руководителя на меняющуюся оперативную обстановку, принятие решений, от которых зависит результативность деятельности подчиненных органов внутренних дел в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и общественной безопасности в субъекте Российской Федерации. Следует отметить, что основные тенденции и направления совершенствования информационно-аналитического обеспечения в МВД России определены в стратегических документах, принятых в Российской Федерации, что в перспективе, в условиях, когда требования к эффективности управленческой деятельности неуклонно повышаются, не исключает возможность оптимизации отдельных как процедурных, так и технических аспектов информационно-аналитического обеспечения руководителя территориального органа внутренних дел МВД России на региональном уровне.

Литература

1. Первухин А.С. Административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности в системе МВД России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
2. Колесников В.А. Информационно-аналитическое обеспечение процесса управления в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79).
3. Глущенко А.Н. О сущности и содержании информационно-аналитического обеспечения в органах внутренних дел // Молодой ученый. 2019. № 34 (272).
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ».
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О полиции».
6. Приказ МВД России от 30.03.2012 № 205 «Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 гг.».
7. Ульянов А.Д. Информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1.
8. Любавин Н.С. Информационно-аналитическое управление правоохранительных органов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2012.
9. Устав Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России».
10. Жукова П.Н., Насонова В.А. Направления улучшения информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 3.
11. Приказ МВД России от 27.06.2011 № 727 «Об утверждении Положения об Организационно-аналитическом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации».
12. Приказ МВД России от 26.10.2017 № 808 «Об утверждении типового положения о штабе территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации».
13. Новичкова Е.Е., Сорока В.Г. Аналитическая работа в органах внутренних дел и пути ее совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2019.

Bibliography

1. Pervukhin A.S. Administrative and legal regulation of information and analytical activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: abstract. ... PhD in Law. M., 2014.
2. Kolesnikov V.A. Information and analytical support of the management process in the bodies of internal Affairs // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (79).
3. Glushchenko A.N. On the essence and content of information and analytical support in the bodies of internal affairs // Young Scientist. 2019. № 34 (272).
4. The decree of the President of the Russian Federation from 09.05.2017 № 203 «On the Strategy of information society development in the Russian Federation».
5. Federal Law № 3-FL of 07.02.2011 «On the Police».
6. The order of the MIA of Russia of 30.03.2012 № 205 «On approval of the concept of creation of uniform system is information-analytical maintenance of activity of the MIA of Russia in 2012–2014».
7. Ulyanov A.D. Information and analytical support of managerial activity in internal affairs bodies // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2007. № 1.
8. Lyubavin N.S. Information and analytical department of law enforcement agencies of the Russian Federation: autoref. ... candidate of social sciences. Rostov-on-Don, 2012.
9. Charter of the federal state institution «Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia».
10. Zhukova P.N., Nasonova V.A. Directions for improving information and analytical support for the activities of internal affairs bodies. 2018. № 3.
11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 27.06.2011 № 727 (ed. of 14.02.2020) «On approval of the Regulations on the Organizational and Analytical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».
12. Order of the Ministry of internal Affairs of Russia from 26.10.2017 № 808 «On the approval of model regulations on the headquarters of the territorial body of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation».
13. Novichkova E.E., Soroka V.G. Analytical work in internal affairs bodies and ways of its improvement // Law and order: history, theory, practice. 2019.

© 2021 г. Абдуллин Руслан Рамилевич,

аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

E-mail: ruslanc777ct@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНФОРМАЦИОННОГО, МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье проведен анализ материально-технического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений. Показаны проблемы основного вида материально-технического обеспечения – финансового обеспечения, раскрыты их причины, предложены способы устранения, в том числе путем внесения изменений в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: судебный эксперт, судебно-экспертная деятельность вне государственных судебно-экспертных учреждений, экспертная методика, информационное обеспечение.

Abdullin Ruslan Ramilevich – Postgraduate Student, the Department of Criminalistics, the Institute of Law, the Bashkir State University.

ABOUT SOME PROBLEMS OF INFORMATION, MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT OF FORENSIC EXAMINATION ACTIVITIES OUTSIDE THE STATE FORENSIC EXPERT INSTITUTION

The article analyzes the material, technical and information support of forensic activities outside the state forensic institutions. The problems of the main type of material and technical support-financial support – are shown, their causes are revealed. The ways to eliminate these problems are proposed, including by making changes to the procedural legislation.

Keywords: forensic expert, forensic expert activity outside state forensic institutions, expert methodology, information support.

Анализируя вопросы использования процессуальных видов специальных знаний в судопроизводстве, к которым относятся судебная экспертиза, показания эксперта и участие специалиста в производстве различных следственных действий, а также в некоторых иных процессуальных действиях (в частности, участие специалиста в получении образцов для сравнительного исследования, предшествующем назначению в отношении полученных объектов судебных экспертиз) [1], а также заключения и показания специалиста, отметим особое значение, придаваемое производству судебной экспертизы. На основе исследования официальных данных о результатах судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве Российской Федерации можно утверждать о продолжающем оставаться высоким удельном весе производства судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений (организаций). Так, по данным Судебного департамента при Вер-

ховном суде Российской Федерации, за январь–июнь 2020 года судами общей юрисдикции 59,4 % определений о назначении судебных экспертиз в гражданском процессе и 80,6 % постановлений в административном процессе направлены для производства вне государственных экспертных организаций. Таким образом, только в уголовном судопроизводстве остается неизменно преимущественное использование возможностей государственных судебно-экспертных организаций (более 90 % судебных экспертиз в уголовном процессе назначаются в государственные судебно-экспертные организации) над негосударственными.

В то же время следует определиться с субъектами судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных организаций. В ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ)

указано: «судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами». Представляется, что исходя из этого положения, судебные экспертизы могут назначаться частным экспертам, в негосударственные судебно-экспертные организации и лицам, владеющим специальными знаниями, работающим в учреждениях, не являющихся экспертными.

Вместе с тем несмотря на весомый вклад негосударственных судебно-экспертных организаций, частных экспертов и лиц, не работающих в экспертных учреждениях, в судопроизводство, особенно в реализацию принципа состязательности, в производстве судебных экспертиз указанными субъектами имеются серьезные проблемы. В первую очередь в такой сложной разносторонней деятельности первостепенное значение имеет материально-техническое (в том числе – финансовое) обеспечение производства судебных экспертиз. И если деятельность государственных судебно-экспертных организаций в соответствии со ст. 37 Закона № 73-ФЗ финансируется за счет средств федерального бюджета (на уровне субъектов Российской Федерации – за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации), то судебно-экспертная деятельность вне государственных судебно-экспертных учреждений осуществляется только следующим положением: «оплата стоимости судебных экспертиз, проводимых негосударственными судебно-экспертными организациями и судебными экспертами, осуществляется за счет лица, ходатайствующего о ее назначении или за счет органа (лица), назначившего экспертизу, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации» [2].

Основная сложность выше обозначенной системы оплаты производства судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений заключается в том, что в случае неоплаты стоимости судебной экспертизы частный эксперт (или эксперт негосударственной судебно-экспертной организации) может остаться без средств к существованию, так как частный эксперт функционирует не за счет бюджетных средств, а только за счет полученной за производство судебной экспертизы оплаты. Материально-техническое обеспечение судебно-экспертной деятельно-

сти вне государственных судебно-экспертных учреждений осложняют и некоторые положения процессуального законодательства. Так, в ч. 2 ст. 85 Гражданско-процессуального кодекса (ГПК) Российской Федерации («Обязанности и права эксперта») декларируется: «Эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения». Это положение, по нашему мнению, является прямым нарушением п. 2 ст. 37 Конституции РФ, запрещающим принудительный труд, так как принуждает эксперта к неоплачиваемому труду.

Причинами неоплаты судебных экспертиз, проведенных вне государственных судебно-экспертных учреждений, могут быть:

- тяжелое материальное состояние сторон судопроизводства;
- умышленное уклонение от оплаты проведенной судебной экспертизы;
- принятие судом решения о ничтожной значимости судебной экспертизы для процесса (к сожалению, и такие решения принимаются в судах субъектов Российской Федерации);
- решение суда об оплате только одной из проведенных судебных экспертиз (например, при проведении повторных судебных экспертиз оплачивается только одна – последняя) и т. д.

По данным Ф.Г. Аминова, материально-техническое обеспечение судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений сокращается еще и из-за «отсутствия или лимитирования денежных средств на проведение экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений; отсутствия эксперта конкретной экспертной специальности» [2] и т. д.

Полагаем, что для улучшения такой ситуации с материально-техническим обеспечением судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений необходимо в первую очередь изменить и дополнить процессуальное законодательство. Например, ввести в Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства, Арбитражно-процессуальный кодекс норму, закрепленную в ч. 1 ст. 96 ГПК РФ, согласно которой «суд обязывает сторону, по инициативе которой назначена судебная экспертиза, предварительно внести денежные суммы на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законода-

тельством Российской Федерации, соответственно Верховному суду Российской Федерации, Верховному суду и Арбитражному суду республики, краевому, областному суду, краевому и областному Арбитражному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду, управлению Судебного департамента в субъекте Российской Федерации, а также органу, осуществляющему организационное обеспечение деятельности мировых судей».

Одним из путей повышения уровня материально-технического обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных организаций можно считать внедрение «современных методов публичного менеджмента в деятельность и управление судебно-экспертных учреждений» [3], что позволит оптимизировать финансовое положение экспертов.

Понимая важность материально-технического обеспечения вышеуказанных субъектов судебно-экспертной деятельности, следует уделить не меньшее внимание информационному обеспечению ее. По мнению Н.П. Майлис и Т.Ф. Моисеевой, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности – это «научно организованный и непрерывный процесс отбора, подготовки и выдачи систематизированной научно-технической информации, необходимой для решения судебно-экспертных задач» [4]. Информационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных организаций достаточно разработано, при этом в их работе проводится широкое «использование компьютерных средств и систем для решения судебно-экспертных задач» [5], в том числе используется современное «универсальное программное обеспечение; проводится разработка компьютерных систем анализа изображений и автоматизация сбора и обработки экспериментальных данных (измерительно-вычислительные комплексы); создание программных комплексов выполнения вспомогательных расчетов» [6]; мощное развитие получили сетевые компьютерные системы, позволяющие использовать весь информационно-справочный фонд экспертных методик, баз данных, поисковых систем и т. д. В то же время в су-

дебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений все это отсутствует. Кроме того, наблюдается «неурегулированность использования информационно-справочных экспертных фондов для судебных экспертов; слабая информированность следователей и судей в вопросах возможностей современных видов и родов судебных экспертиз; недостаточный международный информационный обмен экспертными методиками» [7] и т. д.

К тому же, частными экспертами применяются не самые современные экспертные методики производства ряда родов и видов судебных экспертиз – например, при производстве судебно-оценочных и судебно-бухгалтерских экспертиз – из-за отсутствия доступа к ним в государственных судебно-экспертных учреждениях.

Вместе с тем из-за того, что «...принцип состязательности сторон кульминационно проявляется на этапе судебного разбирательства, где каждая из сторон самостоятельно и по своему усмотрению представляет доказательства, подтверждающие ее позицию и опровергающие позицию противоположной стороны» [8], по некоторым родам и видам судебных экспертиз производство судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений в научном аспекте занимает более передовые позиции, чем в государственных учреждениях. Так, учеными Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, которые «для ДНК-идентификации личности разработали программу с использованием однонуклеотидных замен – «снийпов» (SNP – Single-Nucleotide Polymorphism*)» [9], с объемом ДНК-кода одного человека в памяти компьютера, не превышающим 1 килобайт. И с этим методом пока только знакомятся эксперты государственных судебно-экспертных учреждений, у которых ДНК-код одного человека (с использованием другого типа кодирования на базе STR-локусов**) занимает объем около 200 килобайт. И такие новейшие методики экспертного исследования объектов имеются в технической экспертизе документов, в психофизиологической экспертизе с применением полиграфа и многих других родах и видах судебных экспертиз.

* SNP-локус – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

** STR-локус – участок ДНК, состоящий из следующих друг за другом повторяющихся нуклеотидных звеньев с некоторой общей последовательностью, длиной от 3 до 5 нуклеотидов.

Высоко оценивая научный уровень разработчиков новых методов и методик экспертных исследований, в то же время отметим, что многие из этих методик еще не стандартизированы: этот процесс только «начался с созданием Технического комитета по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» при Росстандарте Российской Федерации» [10]). Многие новые методические разработки требуют всесторонней апробации и валидации как в негосударственных, так и в государственных судебно-экспертных организациях: такая широкая апробация возможна будет только при повышении уровня информационного обмена между судебно-экспертными организациями. И только после того, как будет доказана научная обоснованность экспертной методики, она может быть использована в судебно-экспертной деятельности.

Изучение экспертной практики свидетельствует о том, что особенно важным «является информационное обеспечение познавательной деятельности судебного эксперта» [1]. При этом большое значение имеет доступность эксперта к информационно-справочным фондам (ИСФ): натурным коллекциям и описательным (вербальным) фондам. И если натурные коллекции эксперт, работающий вне государственных судебно-экспертных учреждений, в той или иной степени может создать сам (оставляя и коллекционируя у себя в течение длительного периода экспериментальные следы и объекты, образующие их, и т. д.), то описательные (графические, вербальные и др.) информационно-справочные фонды в виде фотографий, таблиц, графиков, хроматограмм, номограмм и других результатов компьютерного отображения и обработки объектов, явлений и процессов формируют в большей степени в солидных (головных) государственных судебно-

экспертных учреждениях федеральных органов исполнительной власти. Например, такими учреждениями являются: в Министерстве юстиции РФ – Российский федеральный центр судебной экспертизы, в Министерстве внутренних дел РФ – Экспертно-криминалистический центр МВД РФ и т. д.

И вполне естественным является положение, создавшееся на практике: информационно-справочные фонды, формируемые в государственных судебно-экспертных учреждениях разных ведомств и нередко имеющие статус документов с грифом «Для служебного пользования» или «Секретно», не подлежат ознакомлению не только для частных экспертов, но и сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений других ведомств.

К сожалению, проблемы информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений не ограничиваются вышеперечисленными. И для их решения необходимо принятие следующих мер: обмен опытом производства судебных экспертиз между судебно-экспертными организациями; издание силами негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов электронных журналов с изложением новых экспертных методик; активное участие в конференциях, семинарах, круглых столах, на которых обсуждаются вопросы разработки и внедрения современных экспертных методик; организация обмена информации между судами и экспертами, работающими вне государственных судебно-экспертных учреждений, и т. д. Реализация этих мер позволит повысить уровень информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений и уровень судопроизводства в целом.

Литература

1. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2.
2. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. М., 2019.
3. Малевски Г., Юодкайте-Гранскене Г. Проблема оптимизации сети экспертных

Bibliography

1. Vardanyan A.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings // Yurist-Pravoved. 2019. № 2.
2. Aminev F.G. Modern problems of forensic expert activity in the Russian Federation and ways of their solution: monograph. M., 2019.
3. Malevski G., Juodkaite-Granskene G. The problem of optimizing the network of expert institutions of the Republic of Lithuania // Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference

учреждений Литовской Республики // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе 2–3 марта. М., 2011.

4. Моисеева Т.Ф., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Введение в специальность. М., 2017.

5. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2020. № 2 (60).

6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М., 2020.

7. Аминев Ф.Г. Особенности научно-методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74).

8. Варданян А.В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22).

9. Аминев Ф.Г., Анисимов В.А., Луценко В.И. и др. О некоторых проблемах цифровизации всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции с международным участием. 5 апреля. М., 2019.

10. Омелянюк Г.Г. Концептуальные подходы к стандартизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности. М., 2016.

on criminalistics and forensic expertise 2–3 March 2011. М., 2011.

4. Moiseeva T.F., Mailis N.P. Forensic examination. Introduction to the specialty. М., 2017.

5. Rossinsky E.R. The Teaching of digital forensic activities and problems of forensic didactics // Constitutional state: theory and practice. Ufa, 2020. № 2 (60).

6. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic examination. М., 2020.

7. Aminev F.G. Features of scientific and methodological and information support of forensic expert activity // Bulletin of Criminalistics. 2020. № 2 (74).

8. Vardanyan A.V. Criminalistic tactics in the context of the modern paradigm of criminal proceedings: some theoretical and methodological problems // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (22).

9. Aminev F.G., Anisimov V.A., Lutsenko V.I., Sagitov A.M., Khusnutdinova E.K., Chemeris A.V. On some problems of digitalization of universal genomic registration of the population of the Russian Federation // Modern problems of digitalization of criminalistic and forensic expert activity: materials of a scientific and practical conference with international participation. April 5. М., 2019.

10. Omeljanyuk G.G. Conceptual approaches to standardization of forensic expert activity in the Russian Federation // Problems of classification of forensic examinations, certification and validation of methodological support, standardization of forensic expert activity. М., 2016.

© 2021 г. Соколов Александр Анатольевич,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.
E-mail: sasha_sokol95@mail.ru**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ
ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

В статье приводятся результаты исследования института освобождения от отбывания наказания, либо приостановления его исполнения, применяемого в пенитенциарных учреждениях СНГ. Анализ позволил выявить отличительные особенности в законодательстве, регулирующем отношения, связанные с основаниями и порядком освобождения (отсрочки) от отбывания уголовных наказаний в случае возникновения чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайного или военного положения.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, стихийное бедствие, отсрочка от отбывания наказания, освобождение от отбывания наказания.

Sokolov Alexander Anatolievich – Adjunct, the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

**RATHER-LEGAL ANALYSIS OF SOME LEGAL CONSEQUENCES OF EMERGENCY SITUATIONS
IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**

The article presents the results of a study of the Institute of release from serving a sentence, or suspension of its execution, used in penitentiary institutions of the CIS. The analysis revealed distinctive features in the legislation regulating relations related to the grounds and procedure for the release (postponement) of serving criminal sentences in the event of a natural or man-made emergency, state of emergency or martial law.

Keywords: emergency situation, state of emergency, natural disaster, postponement from serving a sentence, release from serving a sentence.

Побудительным мотивом к проведению исследования явилось увеличение доли природных и техногенных катаклизмов в общемировом масштабе: создается новая ситуация и в сфере уголовно-исполнительных правоотношений. Глобальное распространение COVID-19 уже привело к возникновению чрезвычайных ситуаций на территории пенитенциарных учреждений ряда государств. Например, в Исламской Республике Иран в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции были освобождены из-под стражи порядка семидесяти тысяч заключенных [1]. Подобная практика имеется в Италии, Соединенных Штатах Америки [3] и других странах.

Несмотря на временные ограничения въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан, в том числе прибывающих с территории Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), существует реальная опасность дальнейшего распространения эпидемии и в уголовно-исполнительной системе. Тем самым актуализируются вопросы освобождения или отсрочки от отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях России и других стран СНГ.

В рамках договора о правовом сотрудничестве были приняты Модельный уголовный кодекс для государств-участников [6] (далее – Модельный УК), и Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств-участников [5] (далее – Модельный УИК), направленные на дальнейшую гармонизацию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства государств СНГ.

Таким образом, формирование законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний государств-участников базируется на Модельном УИК (в ст. 172 закрепляются основания освобождения от отбывания наказания, в том числе и предусмотренные иными законами) и Модельном УК (ст. 82 определяет возможность освобождения от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств).

Стихийные бедствия природного или техногенного характера вызывают, как правило, большие разрушения инфраструктуры, нарушают обычное течение человеческого общежития, зачастую оставляют людей без средств, угрожают жизни и здоровью населения. Государства в современном обществе,

проявляя заботу о своих гражданах, оказывают им различную помощь. Однако их ресурсы ограничены, не в каждом случае пострадавший получает достаточную помощь. Близкие родственники осужденных также могут пострадать от чрезвычайной ситуации (далее – ЧС), последствий, которые отразятся на них (в то время, как другой член семьи ограничен в правах либо находится в местах принудительного содержания). В таких условиях как никогда прежде от осужденного требуется поддержка и помощь. Принимая во внимание данное обстоятельство и учитывая, что одна из целей наказания – исправление, страны СНГ в ст. 82 «Освобождение от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств» Модельного УК предусмотрели освобождение от отбывания наказания при возникновении ЧС или угрозе ее возникновения других тяжких последствий. Вместе с тем данная норма применима, как правило, к лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, впервые судимым. Модельные уголовный и уголовно-исполнительные кодексы не являются обязательными для стран СНГ, однако государства приняли во внимание эти рекомендации при формировании уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Тем не менее, не все страны следовали указанным положениям при разработке национальных нормативно-правовых актов, регулирующих уголовные и уголовно-исполнительные правоотношения.

Так, статья 82 Модельного УК не нашла отражения в УК РФ [20], при этом схожие по конструкции нормы закреплены в ст. 82, 82¹ УК РФ. Как отмечал К.В. Михайлов, существует определенная коллизия между Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) [15] и УК РФ, так как первый кодекс закрепляет «отсрочку исполнения приговора», а второй – «отсрочку отбывания наказания» [4]. Указанные формулировки («исполнение» и «отбывание») встречаются в УИК РФ (ст. 82) и отражают процесс наказания как со стороны исполнителя – уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС РФ), – так и со стороны осужденного. Фактически данные термины характеризуют единый институт – уголовное наказание, осуществляемое УИС РФ в отношении осужденного по приговору суда. УПК РФ выступает законодательным регулятором общественных отношений в области уголовного судопроизводства, одним из результатов которого является постановление приговора. УК РФ устанавливает

основания уголовной ответственности за преступления, результатом которой является уголовное наказание. На наш взгляд, термины «отсрочка отбывания наказания» и «отсрочка исполнения приговора», которые применяются в нашей работе, достаточно близки, при этом, безусловно, принадлежат к разным отраслям права – материальной и процессуальной.

На основе правовой компаративистики микрообъектов предлагается выделение 3-х условных групп государств СНГ. В первой – предусмотрено освобождение от отбывания наказания в связи с ЧС. В странах второй группы – отсрочка. Законодатели третьей группы государств не приняли во внимание положения Модельного УК.

Страны первой группы закрепили в своих уголовных законах возможность освобождения от отбывания наказания вследствие возникновения ЧС. Нормы об освобождении от отбывания наказания применяются в Белоруссии (ст. 94 УК [17]), Армении (ст. 80 УК [16], п. 8 ст. 112 УИК [7]), Таджикистане (ст. 80 УК [19], п. «ж» ст. 205 КИУН [2]), Казахстане (ч. 1 ст. 76 УК [18]). Общими признаками применения данной нормы является небольшая общественная опасность преступления и наличие тяжких последствий ЧС (или угрозы их возникновения) для близких родственников осужденного. В уголовно-исполнительном законодательстве Белоруссии и Казахстана предусматривается отсылочный способ изложения, а в уголовно-исполнительных законах Армении и Таджикистана – чрезвычайная ситуация, а также иные тяжкие последствия, закреплённые в качестве оснований освобождения от отбывания наказаний. Вместе с тем в двух последних указанных государствах по рассматриваемому вопросу дублируются нормы уголовного и уголовно-исполнительного права, что может привести к их коллизиям. Еще одним проблемным вопросом при правовом регулировании вышеуказанных институтов для всех стран названной группы является то обстоятельство, что порядок подачи ходатайства и иные процедурные алгоритмы не закреплены в Уголовно-процессуальных кодексах (далее – УПК).

Государствами, отнесенными ко второй группе, установлен такой вид государственного реагирования (по отношению к лицам, осужденным к уголовным наказаниям) на возникновение ЧС, как возможность отсрочки исполнения приговора на определенный срок. Указанный вариант выбрали: Россия (п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК), Казахстан (п. 3 ч. 1 ст. 475 УПК [13], ч. 2 ст. 76 УК), Узбекистан

(п. 4 ст. 533 УПК [14]), Кыргызстан (п. 3 ч. 1 ст. 362 УПК [12]).

Как и для законодательства стран первой группы, основным условием применения указанной нормы будет являться небольшая общественная опасность преступления и наличие тяжких последствий ЧС (или угрозы их возникновения) для близких родственников осужденного. Однако отсрочка предоставляется лишь на определенный срок. По истечении данного времени осужденный обязан отбыть оставшуюся часть наказания в полном объеме. В Республике Казахстан законодатель справедливо учел и интересы лиц, совершивших преступления, отнесенные к категориям тяжких либо особо тяжких. Данные осужденные также имеют возможность помочь своим близким родственникам в сложной обстановке при возникновении ЧС. При этом, учитывая тяжесть совершенного преступления, государство не отказывается от исполнения наказания в полном объеме после отведенного судом срока для устранения последствий ЧС.

Страны третьей группы не предусмотрели в УК, УПК, УИК нормы об изменении правового статуса осужденных в связи с возникновением ЧС, а также иных тяжких последствий. В законах, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения, отсутствуют указания о возможности освобождения осужденного от отбывания наказания либо отсрочки его исполнения на определенный срок. Такой подход в правовом регулировании отмечается в республиках Азербайджан, Туркменистан, Молдова.

Государства, входящие в первую группу классификации, на наш взгляд, справедливо и гуманно подошли к проблеме, предусмотрев освобождение от наказания вследствие возникновения ЧС. Например, законодательство Республики Армения предусматривает освобождение от наказания в связи с чрезвычайными обстоятельствами (ст. 80 УК РА)*. Под чрезвычайными понимаются стихийные, техногенные катастрофы, угроза жизни осужденному и его семье, потеря единственного трудоспособного члена семьи и другие обстоятельства. При использовании института освобождения от отбывания наказания принимается во внимание тяжесть совершенного преступления – могут быть освобождены только отбывающие наказания за умышленные преступления, наказание в виде

лишения свободы, за которые срок не превышает пяти лет, и неосторожные преступления, за которые наказание в виде лишения свободы не превышает десяти лет.

Вместе с тем УПК РА не содержит процедуры освобождения по данному основанию, отсутствует соответствующий порядок действий и в УИК РА. Так, ст. 117 УИК РА закрепляет только освобождение или отсрочку наказания осужденной, беременной или имеющей ребенка в возрасте до 3 лет.

Вышеуказанное основание освобождения представляет неподдельный интерес, так как является выражением гуманизма по отношению к осужденному, его близким родственникам. С учетом государственной поддержки семьи в РФ представляется возможным заимствовать рассматриваемые нормы и не только предоставлять отсрочку отбывания наказания, но и полностью освобождать от отбывания наказания.

Рассмотрим вторую выделенную нами группу на примере Российской Федерации. Законодательство РФ предусматривает отсрочку исполнения приговора на определенный срок при наличии тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, на срок не более 6 месяцев. Следует отметить, что перечень обстоятельств, указанных в ст. 398 УПК РФ, не является исчерпывающим. Законодатель оперирует оценочными категориями, которые должны быть учтены судом при вынесении постановления об отсрочке приговора. Данное постановление выносится на основании ходатайства осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника, либо по представлению прокурора. УПК РФ устанавливает, что вопрос о применении отсрочки отбывания наказания в связи с возникновением ЧС решает суд, постановивший приговор. Поскольку осужденные, как правило, направляются для отбывания наказания в другой район, не подпадающий под юрисдикцию суда, постановившего приговор, возникает вопрос о своевременности его освобождения от отбывания наказания при возникновении ЧС. Стихийные бедствия возникают неожиданно, происходят

* По мнению Ю.А. Кашубы (очевидца последствий землетрясения), правовое закрепление такой исключительной возможности было связано с природной катастрофой, произошедшей в 1988 году на севере бывшей Армянской ССР.

скоротечно, приносят большие разрушения, люди зачастую теряют кров, средства на существование. В связи с этим вопрос о процедуре подачи ходатайств и рассмотрения их судами по месту отбывания наказаний для оперативности принятия решения требует пересмотра.

В исследуемом институте существуют и определенные правовые коллизии. Как отмечал К.В. Михайлов, регулирование правоотношений связано, прежде всего, с материальным законом, на основании которого возникают и прекращаются определенные общественные отношения [4]. В УК РФ содержатся положения, касающиеся отсрочки отбывания наказания лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, лицам, признанными больными наркоманией, согласившимся на лечение в специализированных органах; в УИК РФ существует норма об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью. Данные обстоятельства также перечислены и в ст. 398 УПК РФ, однако исследуемый институт – отсрочка в связи с возникновением ЧС – не закреплен ни одним из материальных законов.

Еще одним отличием отсрочки отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ от аналогичного института, закрепленного в п. 1, 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, является то обстоятельство, что при выполнении необходимых условий первоначально назначенное наказание не исполняется в полном объеме (суд освобождает от отбывания наказаний либо заменяет его более мягким видом).

Для устранения данных пробелов возможно установить замену наказания или освобождение от отбывания наказания после отсрочки по п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ и ввести в ст. 82² УК РФ «Отсрочка отбывания наказания в связи с чрезвычайной ситуацией» следующей редакции: «В случае предоставления отсрочки от отбывания наказания в связи с тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, если по окончании срока отсрочки, установленного судом: 1) условия для отсрочки (оценочный характер «тяжкие последствия», «тяжелая болезнь единственного трудо-

способного члена семьи», «другие исключительные обстоятельства») не отпали; 2) если соблюдался порядок и условия отсрочки; 3) категория совершенного преступления – небольшой или средней тяжести; 4) осужденный, которому отсрочено отбывание наказания, исправно действует в интересах близких родственников, пострадавших от стихийного бедствия, не уклоняется от содержания иждивенцев – членов семьи, – суд освобождает осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания».

Отмечается также и косвенное влияние стихийных бедствий и чрезвычайных обстоятельств на отбывание наказания осужденным. Так, законодательство Российской Федерации предполагает освобождение от отбывания наказания по иным основаниям, предусмотренным законом. Одним из таких видов является освобождение в связи с давностью обвинительного приговора суда. Под вышеуказанным в ст. 83 УК РФ предполагается истечение установленных сроков, после чего вынесенный приговор не может быть приведен в исполнение и осужденный подлежит освобождению от назначенного ему наказания. Эти сроки исчисляются с момента вступления приговора в законную силу до фактического его исполнения. Вступивший в законную силу приговор суда может быть не приведен в исполнение в силу разного рода обстоятельств, таких как военные действия, стихийное бедствие, другие чрезвычайные обстоятельства.

Оптимизация уголовно-исполнительных правоотношений в случае возникновения чрезвычайных ситуаций возможна при имплементации соответствующего опыта стран СНГ в уголовное, уголовно-исполнительное и иное законодательство Российской Федерации.

Существуют пробелы законодательства в сфере юридических последствий возникновения чрезвычайных ситуаций для осужденных (отсутствие нормы об отсрочке либо освобождении от отбывания наказания в этой связи, невозможность подачи ходатайства об отсрочке в суд по месту отбывания наказания и др.). Для этого предлагается ввести в УК РФ новую статью 82² «Отсрочка отбывания наказания в связи с чрезвычайной ситуацией».

Литература

1. Когалов Ю. «В Иране из-за угрозы распространения коронавируса освободили 70 тысяч заключенных».

Bibliography

1. Kogalov Yu. «In Iran, due to the threat of the spread of coronavirus, 70 thousand prisoners were released».

2. Кодекс исполнения уголовных наказаний республики Таджикистан от 25.03.2011 (с изм. и доп., вступ. в силу 02.03.2019).

3. Макарычев М. «В тюрьмах США введены новые правила из-за вспышки коронавируса».

4. Михайлов К.В. «Отсрочка отбывания наказания» // 2009. Законность № 2.

5. Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств участников, принятый Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 02.11.1996.

6. Модельный уголовный кодекс для государств-участников, принятый Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996.

7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-3 с изм. и доп., вступ. в силу 09.01.2019.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан от 25.04.1997.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019). Собр. закон. Российской Федерации, 13.01.1997, № 2, ст. 198.

11. Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25.03.2011 (с изм. и доп., вступ. в силу 02.03.2019).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 с изм. и доп., вступ. в силу 15.05.2019.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-XII.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

16. Уголовный кодекс Республики Армения.

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З.

18. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // СПС «Законы».

19. Уголовный кодекс Республики Таджикистан.

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

2. Code of execution of criminal penalties of the Republic of Tajikistan dated 25.03.2011 (with ed. and add., Intro. effective 02.03.2019).

3. Makarychev M. New rules have been introduced in US prisons due to an outbreak of coronavirus.

4. Mikhailov K.V. Deferred sentence // 2009. The Legality № 2.

5. Model penal enforcement code for the member States, adopted By the resolution of the Inter-parliamentary Assembly of the CIS member States dated 02.11.1996.

6. Model criminal code for member States, adopted By the resolution of the inter-parliamentary Assembly of the CIS member States of 17.02.1996.

7. Criminal Executive code of the Republic of Armenia.

8. Criminal Executive code of the Republic of Belarus of 11.01.2000 № 365-3 with ed. and add., intro., effective 09.01.2019.

9. Criminal Executive code of the Republic of Uzbekistan dated 25.04.1997.

10. The Criminal Executive code of the Russian Federation of 08.01.1997 № 1-FL (ed. of 27.12.2019). Coll. the law. Of the Russian Federation, 13.01.1997. № 2.

11. Code of the Criminal Executive code of Turkmenistan of 25.03.2011 (as amended). and add., Intro. effective 02.03.2019).

12. Criminal procedure code of the Kyrgyz Republic dated 02.02.2017 № 20 with ed. and add., Intro. effective 15.05.2019.

13. Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V ZRK.

14. The code of criminal procedure of the Republic of Uzbekistan, approved by Law of RUz dated 22.09.1994, № 2013-XII.

15. Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FL // CL the Russian Federation from December 24, 2001. № 52 (p. I). Art. 4921.

16. The criminal code of the Republic of Armenia.

17. Criminal code of the Republic of Belarus of 09.07.1999 № 275-Z.

18. The criminal code of the Republic of Kazakhstan from July 3, 2014 № 226-V SAM.

19. Criminal code of the Republic of Tajikistan.

20. Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL // CL of the Russian Federation of 17 June 1996. № 25. Art. 2954.

© 2021 г. Красилова Екатерина Владимировна,
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
E-mail: krasilova1357@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВООЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается система основополагающих положений правозащитного направления государственной деятельности. Автор делает вывод о том, что правозащитная функция государства основывается на широкой системе принципов. Предлагается авторское определение понятия «принципы правозащитной функции государства».

Ключевые слова: правозащитная функция государства, правовая защита, функции государства, права человека, защита прав человека, правовые принципы.

Krasilova Ekaterina Vladimirovna – Adjunct, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

TO THE QUESTION OF THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF THE HUMAN RIGHTS FUNCTION OF THE STATE

The article examines the system of fundamental provisions of the human rights direction of state activities. The conclusion is made that the human rights function of the state is based on a wide system of principles. The author's definition of the concept «principles of the state's human rights function» is proposed.

Keywords: human rights function of the state, legal protection, functions of the state, human rights, protection of human rights, legal principles.

Правозащитная функция уверенно занимает лидирующую позицию среди других направлений деятельности государства. Этому способствует ст. 2 Конституции РФ, в которой закреплена первостепенная государственная обязанность – защищать права и свободы человека и гражданина. Однако в юридической литературе правозащитному направлению деятельности уделено мало внимания. В этой связи изучение разных аспектов правозащитной функции государства является своевременным.

Как известно, ни одна государственная функция не может осуществляться без опоры на основополагающие положения, направляющие деятельность в определенной сфере, помогая ей реализовываться. Эти основные аспекты пронизывают все содержание конкретной государственной функции, а также выступают главными идеями, которых необходимо придерживаться. Однако в теории государства и права отсутствует теоретическое осмысление системы принципов правозащитной функции государства. В целях исключения пробелов в юридической науке и совершенствования деятельности по правовой защите исследование системы основополагающих идей правозащитной функции представляется актуальным.

Рассматривая теоретическую базу системы принципов правозащитной функции государ-

ства, изначально следует акцентировать внимание на имеющихся в юридической литературе классификациях принципов прав человека. В этой связи является интересной позиция А.Н. Головистиковой, которая разграничила принципы прав человека от конституционных принципов прав человека. К системе первой группы отнесены: принцип нравственного и глобального гуманизма; принцип уважения человеческого достоинства; принцип свободы прав человека; принцип равноправия и т. д. В группу конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина входят: всеобщность и неотчуждаемость; единство прав, свобод и обязанностей; равенство всех перед законом; непосредственное действие; гарантированность и защищенность государством [1]. Такая дифференциация способствует многостороннему пониманию прав человека, а также создает плюрализм основных положений, на основании которых права реализуются.

Другую позицию занимает Р.М. Валеев, указав общие принципы прав человека (гуманизма; свободы; равенства и равноправия; достоинства личности; толерантности; справедливости), которые конкретизируются и закрепляются в правовых принципах. Среди последних автор выделяет конституционные принципы прав и свобод человека

и гражданина, а также международно-правовые принципы поощрения и защиты прав человека. К конституционным принципам прав и свобод человека относятся: всеобщность и неотчуждаемость; единство прав, свобод и обязанностей; равенство всех перед законом; непосредственное действие; гарантированность и защищенность государством. К международно-правовым относятся: принцип уважения прав человека; принцип равноправия всех людей и запрещения дискриминации; принцип равенства прав мужчин и женщин; принцип ответственности за преступные нарушения [2]. Необходимо заметить, что в указанном аспекте выделены международно-правовые принципы защиты прав человека. Стоит признать, что автор справедливо отметил их значение, так как в научной литературе чаще всего упускается этот элемент, хотя он имеет равноценное значение наряду с принципами отечественного права.

Характеризуя принципы правозащитной деятельности государства, М.А. Беспалова выделяет такие, как «принцип законности, принцип ответственности, принцип общезначимости, принцип высшей ценности человека, его прав и свобод, принцип справедливости» [3]. При их обособлении автор ориентировалась на конституционную природу принципов, а также содержание универсальных принципов деятельности государства применительно к его правозащитной функции. Однако правозащитная функция является довольно массивным направлением государственной деятельности, поэтому ориентация только на конституционные нормы сужает ее идейные основы.

Исходя из направленности на правозащитную сферу, можно выделить мнение А.А. Чеснокова, который в своей работе отмечает несколько уровней принципов построения и функционирования государственного механизма защиты прав личности: «общие принципы, которые лежат в основе организации и функционирования механизма государства в сфере прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ или прямо следующие из его содержания; системообразующие принципы, характерные для правозащитной системы как целостного политико-правового образования; частные принципы, или принципы построения и деятельности отдельных элементов, структур государственного механизма» [4]. Соглашаясь с мне-

нием вышеуказанного автора, необходимо заметить, что только широкая система принципов правозащитной сферы способствует полноценной защите прав человека.

В рамках нашей статьи целесообразно отметить, что в российском законодательстве предпринимались попытки закрепления принципов правозащитной сферы в едином нормативном правовом акте – Проекте Федеральной концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека (далее – Концепция). Однако указанная Концепция не получила своего официального утверждения. В ее основу были положены принципы взаимоотношений человека и государства, признанные международным сообществом. К их числу относятся около десяти исходных положений, в частности: «права человека принадлежат ему от рождения, поэтому они являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми; права человека универсальны, основаны на принципе равенства; они гарантированы каждому, кто находится под юрисдикцией государства; права человека – высшая ценность, а их уважение, соблюдение и защита – обязанность государства» [9] и т. д. Однако закрепленные в Концепции принципы отражают лишь конституционные начала, ограничивая направленность правозащитной деятельности. Вместе с тем они выражают в большей степени деятельность государства. Наряду с этим негосударственные органы, институты гражданского общества также осуществляют обеспечение защиты прав человека в Российской Федерации и их необходимо учитывать в Концепции, и, соответственно, закреплять основополагающие идеи их деятельности.

При классификации принципов правозащитной функции государства следует учитывать несколько факторов, влияющих на существование основополагающих идей конкретно этого направления государственной деятельности. Такие факторы составляют гипотезу создания системы рассматриваемых принципов.

Во-первых, центральное место в системе принципов правозащитной функции государства занимают основополагающие идеи, содержащиеся в Конституции РФ. Однако правозащитная функция в своей деятельности придерживается не только основных принципов, что объясняется многообразием содержащихся в ней общественных отношений, уникальностью правозащитной сферы.

Во-вторых, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержит положение о том, что общепризнанные принципы международного права являются составной частью ее правовой системы. В связи с этим правозащитная функция государства в процессе своей реализации основывается, в том числе, на принципах международного права. Они дополняют правозащитную деятельность новым содержанием, исключая пробелы в ее осуществлении. Игнорируя эти принципы, правозащитная функция лишается основополагающих идей, признанных мировым сообществом, и, соответственно, исключается свойство всесторонности правовой защиты человека.

В-третьих, правозащитную функцию государства осуществляет большое количество субъектов. В их состав входят как государственные, так и негосударственные органы, каждый из которых в своей деятельности ориентируется на конкретные принципы. Следует признать, что в настоящее время имеется достаточно большое количество так называемых субъектных принципов, которые необходимы для реализации правозащитной деятельности конкретных органов.

В-четвертых, исходя из отраслевого разделения правовой защиты, выделяются сферы: уголовная, уголовно-процессуальная, гражданская, административная и т. д. Каждая из сфер регулируется определенными правовыми принципами, в состав которых входят правозащитные.

Опираясь на вышеизложенное, можно представить систему принципов правозащитной функции государства в следующем виде:

- международно-правовые принципы;
- общеправовые принципы;
- субъектные принципы;
- отраслевые принципы;
- специальные принципы.

Международно-правовые принципы – это основополагающие идеи правозащитной функции государства, закрепленные в нормах международного права, составляющие часть правовой системы Российской Федерации. Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ указывает на высокое положение принципов международного права. В связи с этим в случае отсутствия нормативной регламентации необходимых принципов в национальном праве правовая защита человека должна основываться на международно-правовых принципах.

Общеправовые принципы – это основополагающие идеи правозащитной функции государства, закрепленные в Конституции РФ, являющиеся основанием для правозащитной деятельности и исходным началом ее реализации. Общеправовые принципы составляют широкую систему основополагающих идей, создающих отправной базис для осуществления правозащитной функции. В связи с этим она представлена обширной системой принципов, к которым относятся:

1. Принцип законности.
2. Принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.
3. Принцип гарантированности защиты прав и свобод человека и гражданина.
4. Принцип равенства прав и свобод человека и гражданина.
5. Принцип гуманизма.
6. Принцип уважения человеческого достоинства.
7. Принцип справедливости.
8. Принцип неотчуждаемости прав и свобод.
9. Принцип всеобщности прав и свобод.
10. Принцип социального и правового государства.

Стоит заметить, что все вышеперечисленные принципы могут существовать лишь в правовом и социальном государстве, в котором права человека представляются высшей ценностью, а их защита – обязанность государства.

Следующую группу принципов правозащитной функции государства составляют субъектные принципы. Они представляют собой основополагающие идеи, закрепленные в нормативных правовых актах, определяющие деятельность конкретных субъектов правозащитной деятельности.

Круг субъектов правозащитной функции государства достаточно широкий. К ним относятся: государственные органы, правозащитные организации, адвокаты, институты гражданского общества и т.д. Эти и многие другие правозащитные субъекты в своей деятельности не могут ограничиваться только общеправовыми принципами в связи с тем, что каждый из них имеет свою специфику, требует определенности в своей работе, а также ценностные ориентиры. В этих целях существование субъектных принципов является необходимым.

Определение конкретного перечня субъектных принципов представляется невозможным,

так как он включает в себя большое число основополагающих идей. Все они закреплены в нормативных правовых актах, которые определяют правовой статус субъектов правозащитной деятельности.

Так, в Федеральном конституционном законе «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» содержатся принципы деятельности судов общей юрисдикции, к которым относятся, к примеру: «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде общей юрисдикции и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено, рассмотрение дел в судах общей юрисдикции осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [5] и т. д. На основании принципов суды осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6] закреплены следующие принципы адвокатской деятельности: законность, независимость, самоуправление, корпоративность, равноправие адвокатов. Опираясь на эти принципы, реализуется квалифицированная юридическая помощь, которая оказывается только профессионалами в своей области, имеющими специальный статус адвоката.

Однако в настоящее время сохраняется негативная тенденция нарушения и несоблюдения органами и отдельными должностными лицами принципов, на основании которых осуществляется правозащитная деятельность. В связи со сложившейся ситуацией необходимо: повышать уровень правового сознания и правовой культуры субъектов правозащитной деятельности; совершенствовать процесс подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для государственного аппарата; повышать уровень требований для государственных должностей; усилить меры юридической ответственности за нарушение основополагающих принципов; совершенствовать методы общественного и государственного контроля за деятельностью субъектов правозащитной деятельности.

Отраслевые принципы – это основополагающие идеи правозащитной функции

государства, закрепленные в нормах отраслевого законодательства. Они в силу значительного количества отраслей права, составляют отдельную группу принципов, на основе которых реализуется правозащитная функция. Отрасль права помимо своего основного предназначения – регулирования общественных отношений в определенной сфере – также всесторонне защищает их. В соответствии с этим каждая отрасль опирается на определенные правозащитные принципы. В этой связи подобно субъектным принципам нецелесообразно перечислять все основополагающие идеи, на которых базируются отрасли. Можно ограничиться несколькими примерами.

Так, согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 № 29 «по смыслу статьи 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях» [7]. Это означает, что право на защиту признается неотъемлемым правом большого круга лиц, участвующих в уголовном процессе (к примеру, подозреваемый; обвиняемый; подсудимый и т. д.). Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия.

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8] в ст. 1 содержит принцип обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Он направлен на всесторонность правовой защиты посредством различных способов с целью восстановления прав. ГК РФ в большей степени регулирует аспекты правозащиты, в отличие от других кодексов. Этому способствует вышеуказанный принцип, являясь основополагающей идеей, на основании которой реализуются гражданские правоотношения.

Последнюю группу принципов правозащитной функции государства составляют специальные принципы. Они являются основополагающими идеями рассматриваемой функции государства, закрепленными в национальном законодательстве, отражающими сущность и специфику правозащитной деятельности.

К специальным принципам относятся:

– принцип всесторонности правовой защиты прав и свобод человека;

- принцип свободного выбора формы защиты прав человека;
- принцип добровольности использования правовой защиты;
- принцип гласности обеспечения права на правовую защиту.

Таким образом, под принципами правозащитной функции государства понимаются нормативно закрепленные, основополагающие идеи и положения правозащитной сферы, определяющие смысл и содержание всестороннего обеспечения правовой защищенности человека путем различных форм защиты, на основании которых реализуется основное направление государственной правозащитной деятельности.

Литература

1. Головистикова А.Н. Права человека. М., 2006.
2. Международная и внутригосударственная защита прав человека. М., 2011.
3. Беспалова М.Н. Становление правозащитной функции Российского государства в условиях современного конституционного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011.
4. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности: история, теория, практика: монография. Барнаул, 2010.
5. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. URL: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_39/article.php?art=34.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что правозащитная функция государства основывается на широкой системе принципов. Исходя из первостепенного значения деятельности по правовой защите человека и гражданина, соблюдение представленных исходных положений является необходимым. Содержание всех принципов создает устойчивую основу для активизации правозащитной деятельности государственных и негосударственных органов, институтов гражданского общества и, конечно же, самого человека. Плюрализм базовых идей способствует полномерной реализации правозащитной функции государства.

Bibliography

1. Golovistikova A.N. Human rights. M, 2006.
2. International and domestic protection of human rights. M., 2011.
3. Bepalova M.N. Formation of the human rights function of the Russian state in the context of modern constitutional construction: dis. ... PhD in Law. Belgorod, 2011.
4. Chesnokov A.A. State mechanism for the protection of individual rights: history, theory, practice. Barnaul, 2010.
5. On courts of general jurisdiction in the Russian Federation: federal constitutional law dated 07.02.2011 № 1-FCZ // LRS «ConsultantPlus».
6. On advocacy and the legal profession in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2002 № 63-FL // LRS «ConsultantPlus».
7. On the practice of the courts' application of legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 № 29 // LRS «ConsultantPlus».
8. Civil Code of the Russian Federation (p. I) of 30.11.1994 № 51-FL // LRS «ConsultantPlus».
9. URL: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_39/article.php?art=34.

© 2021 г. Такмакова Юлия Вячеславовна,

адъюнкт кафедры административного права и административной деятельности органов
внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.
E-mail: super.lida1956@ya.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассмотрены вопросы содержания административной ответственности в сфере организации дорожного движения. В этой связи уточнено понятие института административной ответственности, охарактеризован субъектный состав правоотношений, возникающих в сфере организации дорожного движения, сформулированы предложения по совершенствованию института административной ответственности в сфере организации дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, организация дорожного движения, объект правовой охраны.

Takmakova Yulia Vyacheslavovna – Adjunct, the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs, the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF TRAFFIC MANAGEMENT

The article deals with the content of administrative responsibility in the field of traffic management. In this context, the notion of the institution of administrative responsibility, is characterized by the subjective composition of legal relations arising in the sphere of road traffic organization, analyzed the parameters of their subject, and formulates proposals for improving the Institute administrative responsibility in the sphere of road traffic organization.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, traffic management, object of legal protection.

В рамках современной правовой теории устоявшимся является понимание административной ответственности в двух взаимосвязанных контекстах.

В широком смысле под административной ответственностью, как правило, понимается процесс применения уполномоченными органами государственной власти установленных административным законодательством санкций за совершение правонарушений. Иначе говоря, административная ответственность в широком смысле характеризует состояние субъекта общественных отношений, совершившего административное правонарушение, к которому со стороны государства применяются санкции, следствием чего является наступление разнообразных неблагоприятных последствий.

Административную ответственность в узком смысле, как правило, рассматривают в качестве особого охранительного административно-процессуального правоотношения, которое возникает и развивается в течение всех стадий осуществления производства по делам об административных правонарушениях [3].

Возникновение такого правоотношения обусловлено тем, что административная ответственность представляет собой особую разновидность юридической ответственности, в связи с чем применение данного института требует надлежащего документального оформления в предусмотренном действующим законодательством процессуальном порядке, которое осуществляется исключительно уполномоченными органами власти. Таким образом, происходит наказание субъекта общественных отношений за совершение им административного правонарушения [4].

Итак, вышесказанное позволяет определять административную ответственность в качестве системы норм, образующих специальный правовой институт, сущность которого заключается в установлении императивного запрета на совершение определенных действий, а также в регламентации системы санкций, применяемых к нарушителям указанных запретов и определении процессуального регламента производства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, административная ответственность

структурно включает в свой состав нормативный и процессуальный компоненты.

Анализ действующего законодательства об административной ответственности позволяет сделать вывод о том, что в структуре Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [1] отсутствует структурное выделение группы правонарушений, объективная сторона которых посягает на установленный порядок организации дорожного движения.

Традиционно административная ответственность в сфере дорожного движения в качестве предмета охраны регламентировала исключительно безопасность дорожного движения. Мы солидарны с мнением П. В. Молчанова о том, что основные новации административной ответственности, применяемой в сфере дорожного движения в настоящее время, связаны, во-первых, с ужесточением санкций для водителей, а во-вторых, с абсолютизацией фискально-финансового аспекта реализуемых санкций в ущерб воспитательно-профилактическому [6].

Современный этап общественного развития, характеризующийся созданием нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность по организации дорожного движения, объективно актуализирует вопрос расширения объекта правовой охраны административной ответственности в сфере дорожного движения. Наряду с его безопасностью следует выделять более широкий по своим параметрам объект – организацию дорожного движения.

Определение степени общественной опасности деяний, совершаемых в сфере организации дорожного движения, невозможно без учета субъектного состава соответствующих общественных отношений. Представляется, что он включает в себя три составляющих – уполномоченных осуществлять организацию дорожного движения властных субъектов; организации, обеспечивающие функционирование дорожной сети, а также непосредственных участников дорожного движения. В этой связи мы разделяем мнение о том, что административная ответственность в области дорожного движения должна реализовываться не только в отношении непосредственных участников дорожного движения, но и по отношению к юридическим лицам, ответственным за состояние автодорожной инфраструктуры, а также административной ответственности

должны подлежать и должностные лица органов власти, уполномоченных осуществлять организацию дорожного движения [5].

Предмет отношений, складывающихся между вышеуказанными субъектами, образует технический комплекс, включающий в себя дорожную инфраструктуру и транспортные средства, а также деятельность, связанная с обеспечением функционирования дорожной инфраструктуры и планированием дорожного движения.

Как было отмечено выше, в рамках действующего КоАП РФ отсутствует выделенная совокупность правонарушений в сфере организации дорожного движения. Процесс регламентации административной ответственности в данной сфере находится на начальном этапе своего развития.

В этом направлении законодатель делает лишь первые шаги. Так, например, Федеральный закон от 7 марта 2017 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [2] устанавливает нормы, существенным образом усиливающие ответственность юридических лиц, а также различных должностных лиц за совершение ими нарушений требований предписаний и представлений органов федерального государственного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения. Кроме того, положения данного нормативно-правового акта существенным образом уточняют порядок принятия решений в отношении административного производства по делам, связанным с нарушением установленных требований по обеспечению безопасности автодорог в процессе осуществления ремонтных мероприятий автодорожной инфраструктуры.

Учитывая характерные особенности содержания общественных отношений, складывающихся в сфере организации дорожного движения, необходимо отметить сложносоставной характер рассматриваемого института, поскольку в составе предмета его охраны следует выделять такие элементы, как автодорожная инфраструктура, пропускная способность автодорог и, естественно, безопасность дорожного движения. В этой связи представляется возможным констатировать наличие тесной связи между институтами административной ответственности в сфере организации дорожного движения и в сфере его безопасности.

Характер общественных отношений в области организации дорожного движения, а также их субъектный состав определяют достаточно большое количество регламентированных действующим законодательством правонарушений. При этом их целесообразно классифицировать на общие, характеризующие противоправные действия всех вышеуказанных субъектов, оказывающие косвенное негативное влияние на деятельность, связанную с организацией дорожного движения, и специальные – предметы которых непосредственно связаны с инфраструктурой дорожного хозяйства.

К числу правонарушений первой из указанных групп следует, на наш взгляд, относить правонарушения, во-первых, совершаемые юридическими лицами – подрядчиками и субподрядчиками, ответственными за состояние автодорожной инфраструктуры, связанные с нарушением установленного правового режима недвижимого имущества (ст. 7.1, ст. 7.2, ст. 7.17, ст. 7.35, ст. 8.1, ст. 9.3., ст. 9.4, ст. 9.5), во-вторых, совершаемые юридическими лицами, нарушающие установленные требования по заключению и реализации государственных и муниципальных контрактов (ст. 7.29, ст. 7.30, ст. 7.32), в-третьих, правонарушения, совершаемые в основном физическими лицами, объектом которых является нарушение установленных правил пользования дорожной инфраструктурой (ст. 11.21, ст. 11.22), в-четвертых, некоторые правонарушения, предусмотренные 12 главой КоАП РФ (ст. 12.21, ст. 12.33, ст. 12.34).

Для определения основания выделения специальных правонарушений в области организации дорожного движения необходимо использовать риск-ориентированный подход. В рамках действующего законодательства данный подход используется в качестве одного из ключевых принципов организации и осуществления государственного и муниципального контроля (надзора).

Представляется, что применительно к сфере организации дорожного движения применение риск-ориентированного подхода позволяет определить степень противоправного поведения конкретного субъекта общественных отношений, складывающихся в данной сфере при осуществлении им отдельного направления деятельности по организации дорожного движения. При этом конкретные параметры вышеуказанных рисков должны

быть регламентированы в рамках отдельного Постановления Правительства РФ в форме дифференцированной шкалы, определяющей величину конкретного риска, значение которой должно стать основанием для привлечения соответствующего субъекта к дисциплинарной либо к административной ответственности.

Принципиально важное значение для определения конкретных составов административных правонарушений в сфере организации дорожного движения специального характера имеет установленная действующим законодательством классификация рисков: чрезвычайно высокий риск; высокий риск; значительный риск; средний риск; умеренный риск; низкий риск. По нашему мнению, констатация фактов наличия рисков первых трех указанных групп может служить основанием для привлечения к административной ответственности по следующим составам правонарушений:

«Некачественная разработка проектов организации дорожного движения либо комплексных схем организации дорожного движения, повлекшая за собой нарушение установленных требований к безопасности дорожного движения, а также неоправданное воспрепятствование дорожному движению»;

«Согласование уполномоченными должностными лицами проектов организации дорожного движения либо комплексных схем организации дорожного движения, повлекшая за собой нарушение установленных требований к безопасности дорожного движения, а также неоправданное воспрепятствование дорожному движению»;

«Осуществление мониторинга дорожного движения должностными лицами уполномоченных организаций, повлекшее нарушения требований, предъявляемых к безопасности дорожного движения, несоблюдение нормативных требований в сфере экологической безопасности, а также создание угроз жизни и здоровью участников дорожного движения».

Итак, завершая анализ института административной ответственности в области организации дорожного движения, необходимо констатировать следующее.

Данный институт находится в стадии своего формирования, в связи с чем отсутствует легально определенное его содержание, а в современной административно-правовой доктрине нет специальных исследований,

посвященных данной проблеме. Вместе с тем значимость данного института в качестве механизма надлежащей реализации положений

законодательства, регламентирующих вопросы организации дорожного движения, в современных условиях значительно актуализируется.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Федеральный закон от 07.03.2017 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2017. № 11. Ст. 1535.
3. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура / К.С. Бельский // Государство и право. 1999. № 12.
4. Головки В.В. О понятии и содержании административной ответственности. Омск, 2004.
5. Майоров В.И., Коркин А.В. Административная ответственность в области дорожного хозяйства // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1. 2016.
6. Молчанов П.В. Законодательство об административной ответственности в области дорожного движения: основные этапы и тенденции развития // Административное право и процесс. 2018. № 5–6 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offences № 195-FL of 30.12.2001 // Collected legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1 (p. 1). Art. 1.
2. Federal law of 07.03.2017 № 26-FL «On amendments to the Russian Code of administrative offences» // Collected legislation of the Russian Federation, 13.03.2017. № 11. Art. 1535.
3. Belsky K.S. Administrative responsibility: the Genesis, main characteristics, structure // State and law. 1999. № 12.
4. Golovko V.V. On the concept and content of administrative responsibility. Omsk, 2004.
5. Mayorov V.I., Korokin A.V. Administrative responsibility in the field of road management // Legal science and law enforcement practice. № 1. 2016.
6. Molchanov P.V. Law on administrative responsibility in road traffic: the main stages and tendencies of development // Administrative law and process. 2018. № 5–6 // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Рябченко Полина Сергеевна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры конституционного права Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; оперуполномоченный отделения № 6 по борьбе с экономическими преступлениями на территории обслуживания отдела полиции № 6 отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по г. Ростову-на-Дону.

ГЕНЕЗИС ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Автор исследует генезис права на национально-культурное развитие в соответствии с принципами историзма, научности и преемственности. Анализ возникновения и развития коллективного и индивидуального в социальном содержании права на национально-культурное развитие осуществляется сквозь призму изучения становления свободы, суверенитета как философских идей и социальных практик. Автор обозначивает этапы становления права на национально-культурное развитие, предлагает совершенствовать российское законодательство в сфере обеспечения права граждан и их объединений на национально-культурное развитие.

Ключевые слова: права человека, право на национально-культурное развитие, свобода, суверенитет, культура, этнос, народ.

Ryabchenko Polina Sergeevna – Postgraduate Student, the Department of Constitutional Law, the South Russian Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Investigator of the Department № 6 for Combating Economic Crimes in the Territory Serving the Police Department № 6, the Department for Economic Security and Combating Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Rostov-on-Don.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS FOR THE RIGHT TO NATIONAL AND CULTURAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The author examines the genesis of the right to national and cultural development in accordance with the principles of historicism, scientific character and continuity. The analysis of the emergence and development of the collective and individual right to national and cultural development in the social content is carried out through the prism of studying the formation of freedom, sovereignty as philosophical ideas and social practices. The author identifies the stages of formation of the right to national and cultural development, suggests improving Russian legislation in the field of ensuring the right of citizens and their associations to national and cultural development.

Keywords: human rights, right to national and cultural development, freedom, sovereignty, culture, ethnos, people.

В конституционно-правовом статусе личности одним из ключевых является право на национально-культурное развитие. Человек не может существовать вне какой-либо языковой, национально-культурной общности, он обязательно самоидентифицирует себя в культуре общества и государства, в котором он постоянно или временно проживает, и несет в себе элементы права на национально-культурное развитие, независимо от того, закреплены они государством или нет. Это естественное право, хотя и не закрепленное в Конституции Российской Федерации [1] именно в такой формулировке, однако получающее отображение в различных иных правах личности (право на личную жизнь, на родной язык, свободу мысли, слова, право на национальность и др.), которые, по смысловому

содержанию, можно объединить в право на национально-культурное развитие. Сам по себе факт отсутствия закрепления данного права в основном законе нашего государства не означает, что оно отрицается. Это общепризнанное право человека и гражданина не умаляется в силу отсутствия его в перечисленных основных правах и свободах человека и гражданина в Конституции Российской Федерации (ст. 55), вместе с тем целостный механизм его реализации не закрепляется. Последние законодательные преобразования, касающиеся конституционных положений различных содержательных аспектов права на национально-культурное развитие, актуализировали научный интерес к данной теме и предопределили научный поиск данного исследования. В контексте будущих государственных

реформ анализ вопросов происхождения и становления права на национально-культурное развитие представляет особый интерес с точки зрения изучения социальных и нормативных аспектов его содержания во взаимосвязи с прогнозами перспектив его дальнейшего развития.

В основе права на национально-культурное развитие следует различать индивидуальные и коллективные начала. Особенности зарождения и развития данных форм проявлений исследуемого права предопределены спецификой характеристик понятий «свобода», «суверенитет», сквозь призму которых представляется возможным измерить их формально-юридические и конституционно-правовые критерии.

Исходя из логики зарождения прав человека, очевидно, что право на национально-культурное развитие возникло в период становления и закрепления концепции естественных прав и свобод, однако представляется, что истоки его зарождения имеют более раннюю природу. В период первобытно-общинного развития человечества не было свободы и прав человека как регуляторов поведения в современном понимании, имелись лишь первичные коллективные отношения, регулируемые традициями, обычаями, религиозными ритуалами. Хотя человечество на данной догосударственной стадии своего развития уже было поделено на общности, имевшие различия в этническом происхождении и формах культуры: языке, промыслах, фольклоре, творчестве, одежде, праздниках, обрядах, ритуалах, этикете, традициях и др., которые в совокупности и определяли общественную, и личную жизнь человека. «Традиции содержали наставления, нравственно-эстетические нормы, правила и навыки хозяйственной деятельности, устройства жилища, способы воспитания детей, оказания помощи больным, использования лекарственных средств. Устойчивость, повторяемость, закрепление в обычаях – все это делало традицию средством передачи культуры народа» [2]. Каждый этнос, народ, нация имеют свое уникальное культурное пространство, которое отражает определенные черты (язык, религия, общность территории происхождения, проживания и истории, менталитет и др.) и особенности уклада жизни той или иной общности людей, различающихся в конкретном историческом периоде развития. Но категории

«народ», «нация» сформировались позднее и, соответственно, на первоначальной ступени своего развития человечество накапливало в рамках формирования различных этносов только лишь стандарты собственного культурного пространства – как первых ячеек цивилизованного общества.

На следующих ступенях своего развития (рабовладение, феодализм) связь индивида с государством приобретает политических характер, свобода (несвобода) оформляется нормативно. Следует отметить, что в рамках права на национально-культурное развитие можно выделить два основных взаимосвязанных блока: право на национальное развитие (как одно из базовых правомочий гражданина в любом государстве, которое реализуется коллективно) и право на культурное развитие. Вытекающая из «генетики» устройства государства потребность в национальном самоопределении заставляет граждан следовать тем или иным «национально-культурным кодам», а государства, на начальной стадии их формирования и развития, – вырабатывать механизмы их защиты, а по мере развития и становления гражданских институтов и учреждения демократических институтов – закреплять их в национальном законодательстве. Право на культурное развитие – ключевое правомочие граждан как в само-, так и коллективном развитии, и в последнем оно воссоединяется с национальным развитием. Право на национальное развитие представляется производным элементом суверенитета государства, который реализуется в различных формах: право на собственную территорию; право свободно распоряжаться национальным богатством и природными ресурсами; право на сохранение культурной самобытности, развитие национальной культуры и др. Право на национально-культурное развитие как идея по умолчанию является составной частью идеи суверенитета как исключительного, неотъемлемого свойства общенациональной государственной власти, пусть даже первоначально понятие «суверенитет» истолковывалось иначе.

Как отмечают исследователи, необходимо различать три основных периода в истории суверенитета [3, с. 16]. На первом этапе возник термин «суверенитет» в средневековой Европе и, исходя из содержания исторических памятников права того времени, измерялся соотношением власти между королем и церковью, королем и сеньорами. Привязки

к определенной территории у идеи суверенитета на тот момент не существовало, поскольку средневековому мышлению было неизвестно понятие «публичная власть», обладающее монополией на подчинение граждан, проживающих на территории государственных образований [3, с. 16]. На втором этапе, в период с XVI в. по вторую половину XVII в., идея суверенитета трансформируется вместе с формированием первых централизованных национальных государств, за счет учреждения абсолютных монархий. По смыслу суверенитет представляет собой единую высшую власть государства, которому подчиняются все граждане, коллективы, власть государства абсолютна и постоянна как внутри страны, так и в отношениях с зарубежными державами. В Новое время, в отличие от Средневековья, понятие суверенитета тесно связано с нормативной функцией. Суверенитет – это уже не просто власть монарха, это всеобщее требование подчиниться законам и авторитету государства. Суверенитет получает привязку к определенной территории, на которой проживают этнические общности людей, означает приоритет государственной власти в обществе, которое неразрывно связано с территориальным принципом устройства национального государства как общественного союза [3, с. 17]. Территория – это материальная основа, пространственный предел осуществления публичной власти, реализации составной части государственного суверенитета – юрисдикционного суверенитета [4, с. 11]. Таким образом, территория государства представляет собой пространственный предел как политического, финансово-экономического, так и иных форм проявления суверенитета государства, в том числе культурного.

На третьем этапе, в период учреждения конституционных государств (XVIII в.), получают широкое развитие демократические учения о суверенитете, источниках-носителях суверенитета (государственная власть, народ, нация), в первых принимаемых конституциях устанавливается народный суверенитет, народовластие, с передачей высшей учредительной власти народу и органам народного представительства – парламентам. Суверенитет на данном этапе означает независимость и единство власти, неразрывно связанное с его территориальной целостностью, и сохраняется в таком значении и в современный период [3, с. 28–29].

Представляется, что момент возникновения права на национально-культурное развитие в коллективном его проявлении связан со становлением первых национальных государств, которое неразрывно связано с верховенством государственной власти, являющимся показателем ее суверенитета на определенной территории, и простейшими формами права на национально-культурное развитие – право на собственную территорию, в пределах которой формируется, сохраняется и развивается национально-культурное пространство проживающего в государстве этноса.

Зарождение права на национально-культурное развитие с точки зрения индивидуальных его проявлений, прав личности, следует связывать с буржуазно-демократическими революциями XVIII–XIX веков, формированием капиталистического общества, пришедшего на смену феодальному, в котором признавались требования верховенства права и свободы личности, прав человека. В данный период произошло отделение свободы от публичной власти, деление права на публичное и частное, человечество осознало ценность естественных, неотъемлемых прав человека [5, с. 7–10].

Свобода личности как фундаментальная ценность лежит в основе формирования гражданского общества и государства. Свобода, как правовая характеристика, определяющая уровень правовых возможностей личности, имеет различные виды и формы, в том числе и проявления в виде различных прав и свобод человека. В нормативном отображении права на национально-культурное развитие свобода проявляется в различных возможностях, в первоначально возникших, так называемых правах первого поколения прав человека («негативная свобода», поскольку формально-юридически закрепляется защита от нарушений данных прав со стороны иных лиц, от произвола государства): право на родной язык, на свободу мысли и религию, на национальность, на защиту от дискриминации. В рамках прав второго поколения («позитивная свобода»), возникших позже, когда были осмыслены потребности личности в участии управления государством, получении льгот и гарантий от государства, то есть когда свобода проявила себя в качестве деятельностной характеристики личности, появились следующие проявления права на национально-культурное развитие: право

свободно участвовать в культурной жизни общества. В рамках третьего поколения прав человека, коллективных прав, право на самоопределение получило оформление в виде избранных национально-государственных и национально-культурных форм: право на самоуправление; право на создание общественных объединений, право на национально-культурную автономию и др.

Особенностью права на национально-культурное развитие как естественного права человека, имеющего, тем не менее, еще более ранние истоки своего зарождения, является, как уже упоминалось, тесное переплетение в его социальном содержании коллективного и индивидуального, что неразрывно связано с его юридическими характеристиками, международно-правовым и внутригосударственным закреплением данного права. Формально-юридически право на национально-культурное развитие начало оформляться с принятием первых конституций в XVIII веке, далее, в XIX веке, его содержание нашло фактическое отражение в конституциях и законах большинства стран мира, а в XX веке, с принятием ряда знаковых для статуса личности международных нормативных правовых актов, получило свое дальнейшее развитие. Во Всеобщей декларации прав человека [6] закрепляются основы субъективного права личности на национально-культурное развитие в статьях 18 (право на свободу мысли, совести и религии), 19 (право на свободу убеждений и их свободное выражение), 22 (право на свободное развитие прав личности в культурной сфере), 27 (право на участие в культурной жизни общества). В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержание права на национально-культурное развитие личности раскрывается в положениях статей 9 (право личности на свободу мысли, совести и религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений), 14 (запрет дискриминации граждан, в том числе и по национальному признаку) [7].

Коллективная сущность права на национально-культурное развитие усматривается в закрепленных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах праве народов на самоопределение (ст. 1), праве пользоваться национальным меньшинством своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком (ст. 27) [8], а также в

положениях Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств, в ч. 1 ст. 4 и ст. 7, устанавливающих право на равенство перед законом и право на равную защиту любым лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, в том числе на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций [9].

Особенность закрепления права на национально-культурное развитие, как на международном, так и на внутригосударственном уровне, в нашей стране состоит в том, что его точные формально-юридические формулировки отсутствуют, в силу чего наблюдается снижение его регулятивного потенциала. Так, на основе анализа положений статей 7 (ч. 1), 13, 14, 19 (ч. 1 и 2), 26, 28, 29 (ч. 2), 43, 44 Конституции Российской Федерации можно сделать вывод о том, что в стране обеспечивается право личности на национально-культурное развитие как субъективное право, реализуемое индивидуально или коллективно. В условиях гарантирования государством достойной жизни, личность, признавая свою принадлежность к национальной общности, самостоятельно выбирает свои ценности, идеологию, религию, выбирает национальность, имеет возможности получать образование на своем родном языке, воспитывать детей, осуществлять творческую деятельность. Кроме того, в рамках развития институтов гражданского общества, в котором поощряются различные формы культурной самодеятельности, граждане имеют право образовывать общественные объединения, которые, будучи равными перед законом, в том числе и по национальному признаку, при запрете распространения национальной или религиозной розни защищают национальные интересы образовавшей его этнической общности.

Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьями 5, 68 (ч. 2, 3), 69, 130 в их системном единстве в России обеспечивается право на национально-культурное развитие как право народа. Положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие основы федерализма, предполагающие в своем содержании право народов на самоопределение, а также право на национально-культурное развитие субъектов Российской Федерации, таких, как республик, автономных округов, автономной области, дающие право республикам устанавливать свои государственные языки, а также гарантирующие всем народам, проживающим на территории

республик, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а также устанавливающие гарантии прав коренных малочисленных народов, в том числе определяющие, что население всех субъектов Российской Федерации самостоятельно решает вопросы местного значения с учетом местных национальных традиций и культуры, устанавливают различные формы национального самоопределения на различных уровнях публичного управления.

Положения Конституции Российской Федерации, связанные с реализацией гражданами Российской Федерации, относящими себя к национальным меньшинствам, права на национально-культурное развитие коллективно, в рамках создаваемых ими общественных объединений, конкретизируются положениями Федерального закона «О национально-культурной автономии» [10]. В котором предусматривается, что национальные меньшинства, включая коренные малочисленные народы, имеют возможность реализовать свое право на самоопределение посредством создания национально-культурных автономий, как особой «формы самоорганизации и национально-культурного самоопределения этнической общности, оказавшейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории» [11].

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, задали новый вектор развития праву на национально-культурное развитие. Согласно изменениям, внесенным в ст. 67 Главы 3 (дополненная часть 2¹), Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Положения ст. 67 усиливаются новыми введенными ч. 2 и 3 ст. 69, в которой установлено, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ч. 1). Так же учреждено, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2), оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранения общероссийской культурной идентичности (ч. 3). Таким образом,

суверенитет предполагает не только территориальную целостность, единство конституционно-правовой системы, верховенство федерального законодательства по предметам исключительного ведения федерации, единых принципах организации и функционировании органов государственной и муниципальной власти и многое другое, но и единство национально-культурного пространства, национально-культурного единства всего российского общества. По совокупному смыслу ст. 67 и 69 Конституции Российской Федерации, суверенитет государства обеспечивает защиту сложившегося на его территории национально-культурного пространства от нивелирующих и экспансионистских воздействий, а также от привносимых, навязываемых извне культурных моделей, от разрушения самобытности и самостоятельности всех проживающих на территории России этносов.

К новым аспектам развития права на национально-культурное развитие следует отнести и положения новой статьи 67 № Конституции Российской Федерации, в которой закрепляется преемственность в развитии Российской Федерации, признается исторически сложившееся государственное единство, устанавливаются базовые культурные и патриотические ориентиры, обозначается всестороннее развитие детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики. Важную роль в данном процессе, безусловно, играют положения ст. 68 Конституции Российской Федерации, существенно измененной в ч. 1 и дополненной ч. 4, согласно которым государственный язык – русский – признан языком государствообразующего народа, и который теперь одинаково защищается наравне с языками национальных меньшинств, что также является очень значимым для национально-культурного пространства России, в основе которого ценности, интеллектуальная сила русского народа, являющегося большинством в многонациональном государстве равноправных народов в России. Нет сомнений, что одна из самых обсуждаемых поправок – введенный в ст. 72 п. «ж¹», согласно которому признается институт брака как союз между мужчиной и женщиной, также выступает основой национально-культурного развития, поскольку, как отмечалось, данные вопросы приобрели принципиальное значение [12, с. 28]. Конституционный суд РФ, рассматривая обращения,

взаимосвязанные с данной тематикой, отмечал: семья, материнство и детство именно в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые находятся под защитой действующей Конституции, обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства [13].

Важным шагом в закреплении механизма обеспечения права на национально-культурное наследие выступает закрепление в ч. 4, введенной в ст. 68, следующих положений: «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». Культура впервые учреждается в качестве одной из базовых ценностей в государстве и обществе, причем подчеркивается ее многоукладность, обусловленная проживанием на территории России около 180 этносов, одинаково признаваемых, защищаемых и получающих право на сохранение и развитие. Представляется, что данную часть необходимо дополнить еще одним, третьим предложением: «Граждане и их объединения имеют право на национально-культурное развитие». Безусловно, данное нововведение следовало бы разместить во второй главе, посвященной основам правового статуса личности, но в силу неизменяемости, особой охраны данной главы, и, учитывая контекст ст. 68, речь в которой идет о признании русского языка в качестве государственного языка (ч. 1), о признании родных языков, устанавливаемых в национальных республиках (ч. 2), о гарантиях всем народам Российской Федерации права на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития (ч. 3), а также признании культуры уникальным наследием ее многонационального народа (ч. 4), закрепление права на национально-культурное развитие, реализуемое как личностью самостоятельно, так и коллективно в ч. 4 ст. 68, представляется уместным.

Подводя предварительный итог рассмотрению конституционных изменений 2020 года, в части, касающейся предмета нашего исследования, следует отметить, что отдельные изменения затронули вопросы политических основ конституционного строя (ст. 67), духовно-культурных основ конституционного строя

(ст. 67¹, 68, 69), основ правового положения личности (ст. 69), федерализма (ст. 72), но в целом закладывают прочный фундамент механизма обеспечения права на национально-культурное развитие, который необходимо и в дальнейшем совершенствовать. Во-первых, необходимо в Конституции Российской Федерации закрепить право на национально-культурное развитие. Во-вторых, учитывая важную роль культуры в сфере обеспечения национальной безопасности, внести соответствующие поправки в Федеральный закон «О безопасности», в Стратегию национальной безопасности, разработать новую Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации.

Подводя итог рассмотрению генезиса права на национально-культурное развитие сквозь призму свободы и суверенитета как идей и социальных практик, хотелось бы отметить, что рассмотренная периодизация позволила нам уяснить смешанную, естественную частно-публичную сущность права на национально-культурное развитие с позиций исторического становления поколений прав человека, с позиций этапов развития суверенитета и выявить следующие этапы. Первый этап (XVII–XVIII вв.) – возникновение простейших форм права на национально-культурное развитие в виде права на защиту территории, в период возникновения первых национальных государств. Второй этап (XVIII–XX вв.) – формирование различных поколений прав человека: первого (личных прав), включающего, в том числе, право на родной язык, свободу мысли, слова, национальность, защиту от дискриминации; второго (культурных прав), включающего право свободно участвовать в культурной жизни общества, третьего (коллективных прав человека) – право на защиту прав национальных меньшинства, право на самоопределение, право на самоуправление и др. Третий этап (XX–XXI вв.), современный, характеризуется необходимостью признания права на национально-культурное развитие конституционной ценностью, неотъемлемым элементом конституционного статуса личности, народа России, одним из центральных объектов защиты в системе обеспечения национальной безопасности российского государства, а также необходимостью совершенствования различных форм права на национально-культурное развитие.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // URL: <http://consultant.ru>.
2. Горбунова Ю.С. Традиции и стиль в самобытности культур // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. № 7.
3. Овсепян Ж.И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований // Журнал российского права. 2017. № 2.
4. Бондарь Н.С. Территория как конституционно-правовая категория: единство публично-властных и личностных начал // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 4.
5. Капранова Ю.В., Коренюгин В.В., Гриневич Е.Ю. Свобода личности: общеправовой и нормативно-правовой подход // Философия права. 2018. № 4 (87).
6. Всеобщая декларация прав человека // СПС «КонсультантПлюс».
7. Конвенция защите прав человека и основных свобод // СПС «КонсультантПлюс».
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // СПС «КонсультантПлюс».
9. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ЕТС № 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.03.2004 № 5-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 5 ФЗ «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Бондарь Н.С. Конституционная модернизация политических институтов российской государственности // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2.
13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 года № 151-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Н.А. на нарушение его конституционных прав ст. 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation // URL: <http://consultant.ru>.
2. Gorbunova Yu.S. Traditions and style in the identity of cultures // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2011. № 7.
3. Ovsepyan Zh.I. Sovereignty as a natural public right: on the modification of ideas about the nature and nature of sovereignty, on the stages (generations) and directions of its scientific research // Journal of Russian Law. 2017. № 2.
4. Bondar N.S. Territory as a constitutional and legal category: unity of public-power and personal principles // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2016. № 4.
5. Kapranova Yu.V., Korenyugin V.V., Grinevich E.Yu. Freedom of the person: philosophical and regulatory approach // Philosophy of law. 2018. № 4 (87).
6. Universal Declaration of Human Rights // LRS «ConsultantPlus».
7. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // LRS «ConsultantPlus».
8. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights // LRS «ConsultantPlus».
9. Framework Convention for the Protection of National Minorities ETS № 157 (Strasbourg, 1 February 1995) // LRS «ConsultantPlus».
10. Federal Law № 74-FL of 17.06.1996 «On national and cultural autonomy» // LRS «ConsultantPlus».
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 5-P of 03.03.2004 «On the case of checking the constitutionality of Part Three of Article 5 of the Federal Law» On National and Cultural Autonomy «In connection with the complaint of citizens A.H. Dietz and O.A. Schumacher» // LRS «ConsultantPlus».
12. Bondar N.S. Constitutional modernization of political institutions of Russian statehood // Humanitarium of the South of Russia. 2015. № 2.
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 151-O-O of January 19, 2010; Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1718-O of October 24, 2013 «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alekseyev N.A. on violation of his constitutional rights by Article 7.1 of the Law of St. Petersburg «On Administrative Offenses in St. Petersburg».